

В. А. Калачев, О. Т. Лайлиев

ОНИ КОВАЛИ ПОБЕДУ

Повесть

Издательство «Шам»
Бишкек 2001

ББК 84 Ки 7—4
К — 17

Калачев В. А., Лайлиев О. Т.

К — 17   Они ковали Победу: Повесть. — Б.: «Шам»,
2001. — 392 с. с., илл.

ISBN 9967-10-043-8

В этой книге собраны воспоминания участников Гражданской и Великой Отечественной войн. В книге отображены трудности в пути становления Советской власти. Настроения и реакции разных народов населявших Туркестанский край на происходящее.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

К 4702300100
М 455 (11)—2001   218—2001

ББК 84 Ки 7—4

Выражаю глубокую благодарность и признательность Президенту Кыргызской Республики в содействии укрепления материальной базы и издания повестей Калачева В. А., Лайлиева О. Т. «Они ковали Победу» и «Юный комиссар» лично от имени инициатора издания и составителя книг Лайлиева Алымбека Осмоновича и читателей.

ISBN 9967-10-043-8

© Издательство «Шам», 2001

Предисловие автора

Н. Островский писал: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, и чтобы умирая мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

XXIV съезд КПСС подчеркнул огромное значение воспитания трудящихся и прежде всего молодежи, на революционных и боевых традициях партии, народа и Советских Вооруженных сил.

Это значит — развивать у каждого советского человека качество непоколебимого бойца за коммунизм.

Это значит — формировать у молодых людей, не испытавших тяжесть войн, чувство гордости и глубокого уважения к революционной и ратной славе старших поколений, к подвигам своих дедов, боровшихся на баррикадах Красной Пресны, штурмовавших Зимний и сражавшихся за Советскую власть в Киргизии.

К подвигам отцов и старших братьев, сражавшихся с басмачеством и с немецко-фашистскими полчищами, помогавших спасти мир от фашистской чумы.

Живым примером героизма, мужества, отваги и беззаветного служения Родине являются добровольцы Красной Армии и Красной Гвардии, Киргизские воинские части, проявляя изумительную храбрость и героизм много лет отстаивали свою республику от басмаческого нашествия.

Четырнадцать лет учились боевому мастерству, грызли грамоту и свою историческую миссию выполнили успешно.

Большую часть своих воспоминаний мы посвятили периоду Гражданской войны в Киргизии и мирному строительству национального Киргизского формирования.

Вся наша жизнь была связана с вооруженными силами страны. На наших глазах они крепили и набирались сил. С ними мы прошли нелегкий долгий, боевой путь.

Обо всех этих людях и о том, что пережито и хотелось рассказать.

Прошло почти полвека, отчетливо помним как начинался тяжелый крутой путь рассвета Киргизии, и когда вспоминается то время неизбежно возникает вопрос — почему, когда-то неприступно глухая стена, здорово и глубоко влезла в социализм и тянется к коммунизму? На это дает ответ труд Киргизского народа и организующая роль Коммунистической партии Киргизии.

Мы вспоминаем людей, чья жизнь была взбудоражена революцией, борьбой с врагами народа и в мирном строительстве.

Мы упомянули тех, кого помним, тех, кого разыскиали в архивных документах и по большой долголетней своей переписке.

Свои воспоминания мы посвящаем всем друзьям, товарищам и бывшим подчиненным по национальному Киргизскому формированию воинских частей за бытность нашего пребывания и командования.

Часть I

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Глава I. ПУТЬ К СЧАСТЬЮ

1

Ветеранам давно хотелось побывать в местах, где они участвовали в боях против беляков атамана Анненкова. Побывать в теперешней Киргизии, с которой их военная служба была связана на протяжении нескольких лет.

Не просто из-за любопытства, а посмотреть изменилось ли что-нибудь? Как выглядят северные станицы?

Хотелось увидеть сослуживцев. Поговорить с ними о их житье и труде.

Василий Александрович не помнит подробностей, виденно было им и пережито много, записей не вел, многое забылось. Но кое-что сохранилось в памяти о событиях, относящихся к той поре. Решили попробовать порыться в архивах, поговорить с ветеранами гражданской войны и написать документальный рассказ.

И вот, неожиданно подвернулся случай — командировка от ЦК комсомола в Казахстан и в Киргизию. Василий Александрович с большой радостью согласился поехать. Да и кто на его месте отказался бы снова взглянуть на свой родной край. Его путь лежал — Москва — Алма-Ата и северные станицы через Талды-Курган, Капал, Сорканд, Лепсинск. Добрался до Сергиополя, Бахты, оттуда подался в Киргизию.

Те, кто впервые попадают сюда с трудом верят, что в этих местах среди полей, синеющих гор, урочищ, хребта Тарбагатая когда-нибудь могли идти жаркие бои! Воспоминания вновь встали перед ним живой явью былых походов.

Северные провинциальные станицы, затерянные на севере Казахстана в сравнении с 1918 годом по своему благоустройству почти изменились до неузнаваемости. А если судить по Капалу, бывшему уездному городу, он стал гораздо лучше, чем был пятьдесят лет тому назад. Впечат-

ление создалось такое, что люди вложили огромный труд в изменение этого города.

С незапамятных времен человек оценил эти на редкость удобные для населения места. Высокие горы с хвойным лесом, препятствующие разгону ветров. В горах любая ягода. А какой простор! Куда не глянешь, долины, луга, родники с холодной прозрачной, как слеза, водой. Родники с целебной горячей водой. Край с удивительной, сказочной природой. Есть места лучше, чем в Швейцарии.

Семь рек бороздят своими водами просторы Казахстана и Киргизии.

Василий Александрович прошел все места, где проходили бои. Перед его памятью открывались все новые и новые события. Новые имена героев.

Прошло полвека! Срок не малый. За это время мальчишки, родившиеся в 1918 году стали солидными родителями. Их сыновья отслужили в солдатах. Сами стали отцами.

1918 год для Семиречья явился годом революционных событий и началом изменения социального уклада многовекового угнетенного народа, этого отсталого затерянного уголка России.

Сколько здешняя земля претерпела бед. О, если бы она могла подробнее рассказать жителям северных станиц Семиречья, что здесь более пятьдесят лет тому назад происходило!

Размышляя о минувшем историки об этих событиях написали. И начало заложили хорошее. Но эти рассказы, еще не имеют конца... Василию в Капале вспомнилось детство и юность.

Прошагал пешком все места, где Василий бывал в детстве, все то, что в эти минуты становится дорогим и близким человеку. Обошел и посмотрел бывшие вражеские позиции, выбраны они были с точки зрения тактики не плохо.

Каждый по себе может судить, детство и юность самая что ни на есть лучшая пора в жизни человека. Дорогие приметы молодости сотканы из воспоминаний, ласки родителей и окружающих, труда и обид.

В семье было пятеро детей. Василий Александрович был самым старшим. Его верным другом была бабушка — Пелагея Андреевна. Они все к ней относились с большим уважением. Она была ласковая и добродушная. Вася ее сильно любил. И только с нею связаны лучшие его воспоминания. Сколько прекрасных сказок она Василию рассказывала. Будучи по характеру доброй, она воспитала внука

в духе любви к труду. Учила никогда не отступать перед трудностями. И это очень помогло Василию Александровичу в будущем.

Тяжелое дыхание он прочувствовал, пройдя 45-летнюю суровую армейскую школу, участвуя в двух, Гражданской и Отечественной войнах. Тут-то он и нашел себя.

В 1918 году Василию, добровольцу Красной Армии, шел 17-й год. И, как это ни странно, будучи еще школьником, Вася по-детски завидовал седым старикам, которые когда-то были молодыми, а сейчас сгорбившись, но стараясь держиваться солдатской походки, они шли в церковь на молеbstво, имея на груди Георгиевские кресты. Вася оставался и подолгу, жадно всматривался, провожая глазами этих героев.

И ему хотелось когда-нибудь стать похожим на них.

Откровенно говоря, это была его заветная мечта. То ли потому, что их рассказы уж очень влияли на него и будоражили уйти на фронт добровольцем — отличиться, как эти деды и приехать на Родину показаться... То ли по другой какой причине. А может быть все эти мечты возникли по молодости лет и не сердцем примеряны.

Но с той поры на всю жизнь Василий Александрович проник любовью к совершаемым подвигам.

Раньше к этим людям с крестами относились с высоким уважением и преклонением.

«Мы советские люди о подвигах своих людей тоже привыкли говорить возвышенно. Но те, кто их совершает, думают о них, как о прямых своих обязанностях». С этими мыслями М. И. Калинина можно согласиться.

И в самом деле, почему бы не сослаться на нашу молодежь. Ведь она в трудный для Отчизны час — силы свои мерила и претерпела многое.

Молодой солдат кровью умывался, солнечными лучами утирался, вместо подушки спал на кулаке, терял руку или ногу, а то и зрение. Все было!

Б. Горбатов в повести «Непокоренные» так называет внутреннюю душевную подготовку к борьбе молодого советского человека: «Битва-то, битва-то какая идет! Во всем свете, и на земле, и на море, и в облаках. Приснилось бы такое с испугу можно помереть. А так с натуры, когда сам участвуешь вроде бы и ничего. И убьют ничего, и поранят ничего. Русскому человеку все ничего.

Большая, Митька, у нас страна Россия под названием Советский Союз. Главное ко всему надо приловчиться, все пойдет по-хорошему. Обязательно пойдет как надо».

И это называется вроде бы обязанностью приловчиться. Какие великие, емкие и весомые слова сказаны нашим народом:

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ МОЛОДЕЖИ!

Просто, а душа так и пылает скорее возводить коммунизм, сохранить мир и жить при нем.

2

В. И. Ленин обратился к молодежи со словами на 3-м Всероссийском съезде: «Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которым должен быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка».

И как будет ладно во всем, если молодежь от жизни ветров и пурги не будет отгараживаться, не будет прятаться под теплое крылышко. Он не за то, чтобы испытывать или закалять молодежь в войне, НЕТ!

Ее надо меньше хвалить, меньше ругать и баловать посулами и не злоупотреблять властью возраста и опыта. Не следует на нее и без нужды кричать.

Молодежная проблема будет всегда, пока на земле есть человечество, оздоравливаемое молодежью. Но не следует и забывать, что мир пока к сожалению не обходится без войн.

Советские молодые люди, советские солдаты знают и помнят великую боевую и трудовую славу своих предков, гордятся победами прошлого и черпают мужество, отвагу, дерзновение и всякую удачу, оставленные потомкам.

Молодежь — это чистая, бурлящая, свежая кровь нации. И прошлое и настоящее есть радость и боль, а не то горе и печаль трудных, ухабистых длинных дорог!..

Он заговорил в подвигах предков и стариков с Георгиевскими крестами и о том, что глубоко чтит, как советский офицер — далекое героическое прошлое солдатское.

Он с гордостью смотрит на памятник, что стоит в Москве у Ильинских ворот. Это сооружение похоже на маленькую церквушку с барельефами, символизирующими героические подвиги гренадеров под Плевной 1877 года за освобождение Болгарии от турецкого ига. На одной из стенок барельефа выражено турецкое иго. Турок с ножом набрасывается на мать — болгарку с ребенком. Одна из надписей на памятнике гласит:

«В память воинам с Турцией 1877—1878 гг. Плевна».

И каждый раз, когда находишься у этого памятника остро чувствуешь величие подвига тех, кто освободил Болгарию от турецкого нашествия в далекие времена.

Здесь венки от посольства Народной Республики Болгарии с надписью на венке: «Русским, павшим за свободу Болгарии». Здесь же венок от Советского комитета ветеранов войны и венки от многих других организаций.

Это памятник русской воинской славы и его деду, который под предводительством генерала Скобелева участвовал в битве за Плевну. Он был награжден четырьмя Георгиевскими крестами полного банта и многими орденами союзных государств.

Дед имел дарственный портрет лично от генерала Скобелева.

В душе Василий Александрович гордился боевыми отличиями своего деда. Мечтал может быть и по-детски, но непременно пойти курсом этого старичка и когда-нибудь отличиться так же в боях.

Дед рассказывал, что сам Скобелев водил полки в атаку. Дед же на весь гренадерский полк отличался в пешей атаке и был лихим разведчиком, рубакой.

Сам турецкий главнокомандующий Осман-Паша грозился поймать этого разведчика, снять с него шкуру и поделаться барабаны... Да! Было делов! Лихую жизнь прожил дед, от того и есть что вспомнить.

Его детская мечта сбылась. По заслугам Василий от деда не отстал, даже перегнал.

Перед Отечеством и своей совестью дед не в долгу. Освобождал Болгарию от турецкого ига. А его внук, и правнук, и мать правнука освобождали Болгарию от немецко-фашистских оккупантов. Это произошло через шестьдесят семь лет после Плевны.

Но дед страдал домашним деспотизмом, то ли его сделала таким долголетняя военная муштра, то ли его зазнайство и гордость.

Ему часто от него попадало, даже за то, что он из храма пришел домой в сапогах, не сняв их при выходе из церкви. По законам деда он должен был нести сапоги до церкви и после служения на плечах. Ему было очень горько, а когда подрос, старик уже до него не мог добраться. Вскоре сильно заболел, и в 1916 году умер.

Отец его служил в казачьих частях, домой приезжал только на побывку, дети росли без отца. Все хозяйство лежало на материнских плечах.

В Капале люди жили зажиточно. У них были лошади, коровы, овцы и заимка.

Вася любил посидеть в юрте с киргизами, попить с лепешками чай. Послушать их рассказы, особенно аксакалов. Хорошо научился говорить на местном языке. Особенно проявлял любопытство во время духового обряда «Уразы» — днём ничего не едят, а ночью наедаются бараниной до упаду.

Его почему-то и до сих пор тянет к киргизскому народу, быту, какое-то особое чувство и любовь к этому народу.

Вася бывал и у богатых киргиз, поражался тому, как человек властвует. Звали его, как сейчас вспоминает он, Кумысбек. Здоровый детина, с расчесанной бородой, подпоясанный широким из серебра поясом, в богатой нарядной шапке. Лицо было налито кровью с молоком. Сбруя для лошади вся была из серебра. Имел до десяти тысяч овец, сотни лошадей, работников и пастухов. Пастбища были самые лучшие. Его главная резиденция находилась неподалеку от озера Балхаш.

Кумысбек к числу наиболее свирепых лютых людей относился и по особому ненавидел бедняков киргиз. За малую провинность, непослушание шла в ход «камча». Бил и приговаривал: «Люблю бить моих работников, только лохмотья летят, страсть как люблю. Особенно по морде или раздетого догола».

Пастухи, пасшие тысячи овец, баранины не ели. Дохлая овца, и та не всегда доставалась.

Однажды Кумысбек узнал, что один из пастухов зарезал овцу, а дал знать, что она издохла. Бай рассвирипел, насмерть забил плетью этого пастуха, а тело бросил в пропасть. Держал он себя неограниченным владыкой.

Бай был страшно скуп, всех держал в черном теле, платил гроши, или давал на подой коров, или несколько овец. Все перед ним трепетали. Называли его только иносказательно: «Наш Ата», «Наш благодетель».

Сам он не умел ни читать, ни писать и являлся убежденным врагом грамотности. Он говорил: «На небе Бог. На земле Я! А больше Вам и ничего не нужно!» Любил почести и низкопоклонство, к которым он привык. Перед ним лебезили не только киргизы его аулов, но и русские, чиновники, урядники, стражники.

Ему запомнилось, как жены баёвы, жены их детей, находились под прессом родового быта!.. Они несли сложные и трудные унижительные обязанности. О их питании и здоровье никто не заботился. Им было не положено сидеть

вместе за столом. Они ели по окончании обеда мужчин. Ей, то есть жене оставались остатки еды, огрызки, вот она и облизывала кости, а за одно чашки и ложки. От этого привила посуда в какой-то степени держалась в чистоте.

Муж являлся на всю жизнь ей властелином. Одно она знала камчу, пеленки, постель, да упреки за «калым».

На топчане или на подушках и коврах лежит муж, а перед ним на засаленной кашме съевшихся лежит жена с ребенком. Муж сделает свое дело, пихнет жену и она как рабыня идет на свое место.

А у бедняков юрты убогне, с множеством дыр, через которые свистит ветер и пурга, мебели никакой.

Невольно вспоминаю горемычное прошлое, забитых, грязных, убогих киргиз. Не всегда они и были сыты, не видели иногда и куска сахара. Нельзя без содрогания вспомнить проклятый обычай, проклятый родовой быт.

Василий рассказал каплю прошлой киргизской действительности, но в этой капле, можно в фокусе увидеть всю жизнь киргиз. Пытались они искать счастье, а его все не было и не было, пока не пришла к киргизу-кочевнику Советская власть.

Рабочий день кочевника начинался с чаепития и езды по соседям, слонялся из одной юрты к другой, ведя пустейшие разговоры. Он мог остановиться в ауле, лошадь привязана, много, много часов стоит голодная, ожидая пока ее хозяин вновь не сядет на нее и не поедет дальше. И так ежедневно и ежегодно.

Советская власть с корнем вырвала тяжелое наследие, ужасные пережитки и вековую отсталость. Можно и нужно изумляться, восхищаться чудом творения кочующих киргиз.

В горах, степях киргизы построили социализм и перешли вместе со всеми братьями по национальности, вместе с русским народом — единой семьей к строительству коммунизма.

3

Это изумительно! Это революционный пафос!

В этом захолустном уездном городе Капале дислоцировался гарнизон в составе 22-го пехотного сибирского полка. Его невидимые нити воспоминаний тянутся дальше. С грустью подумал о тяжелой службе солдата царской армии.

Василий старается пояснить:

Дело в том, что он был хорошим певчим в духовном хоре военной церкви и каждое воскресенье после службы священник давал ему гривенник. Пользуясь авторитетом, он имел возможность бегать в военный городок, поест у солдат ржаной вкусный хлеб. Наблюдая за муштрой солдат, видел, как стоят солдаты по несколько часов под ружьем с полной выкладкой на солнцепеке.

Он помнит даже такой случай:

Ротный фельдфебель огромного роста детина, с таракаными усами привязался к солдату:

— Как стоишь, морда неграмотная? — гаркнул он.

Солдат еле выдавил и ответил:

— Стою как могу.

— Так ты еще разговариваешь? — С яростью набросился фельдфебель на солдата, дал ему несколько оплеух. Из носа солдата брызнула кровь. И скомандовал: — Под ружье, сукин сын! Я тебя научу держать язык за зубами, — еще громче кричал фельдфебель. — Тебя от меня только деньги спасут. Кругом! Бегом в казарму! Надевай на себя что положено и вот здесь, — он показал место, где нет тени, — будешь стоять два часа.

Подобные обращения с солдатами были частым явлением, особенно со стороны унтер-офицерского состава.

Василий напоминает и такой случай:

Начальник гарнизона генерал Фрида остановил вольноопределяющего, который идя навстречу генералу не точно, как этого требует устав, отдал честь. Требовалось честь отдавать генералу стоя во фронт — не отходя шести шагов, держа руку под козырек пока не пройдет генерал мимо отдающего честь. Видно генерал давно это изучил. Эту несложную церемонию и на глаз определил расстояние. Да ему видно и делать больше было нечего, кроме как требовать почтение. Вольноопределяющий малость не рассчитал расстояние и к тому же шел в галошах.

Генерал остановил вольноопера, приказал снять левую галошу и приветствовать его пять раз с галошей в руке. После этого тоже самое приказал проделать, сняв галошу с правой ноги. А когда вольноопределяющий, уставший и морально измученный закончил приветствие, генерал приказал взять галоши в руки и сказал:

— Идите, голубчик! И больше не попадайтесь мне на глаза, а галоши выбросьте. Вам их носить не полагается, этой чести удостоены только господа офицеры!

Генерал Фрида был человеком далеким от политики. Для него верность царской присяге была священной. И как

это было не странно, этого человека, но еще бравого, он встретил в г. Фрунзе в 1927 году.

Он сам его остановил, поздоровался и говорит:

— Завидую вашей выправке! Вы видимо долго служили в царской армии и не рядовым, а скорее всего офицером.

— Нет,— говорит,— голубчик! Поднимайте выше.

— Но тогда, Ваше превосходительство!

— Да,— улынувшись подтвердил Фрида и был видимо доволен, что услышал более чем через десять лет слова «ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО».

Василий Александрович не дал никакого повода, что знает его по Капалу. Он всегда присутствовал в военной церкви и богослужении и занимал особое место на левой стороне крыла.

Он любезно поделился с Василием про службу царской армии. В свою очередь Василий рассказал ему про службу в Красной Армии.

Но как он спасся от меча революции для Васи осталось загадкой...

Общение с солдатами гарнизона в нём еще больше пробуждало интерес к военной службе, приобрел уставы и стал их зубрить.

В феврале — марте 1917 года промелькнули тревожные слухи — царь отрекся от престола! По началу этому не верили, но потом стали поговаривать, что самодержец добровольно сложил с себя российскую власть. Можно было бы и сразу поверить, что нет царя! Начались раздумья: «Шутка ли, как же будем жить без царя?..»

Василию запомнился митинг, у станичного правления собралась вся станица. Пришли на митинг и городские. Выступил с речью и адвокат Ламонов. Он говорил складно, темпераментно. Говорил о свободе, о новых задачах своей партии, об учредительном собрании и о войне до победного конца.

Провозгласил здравицу за учредилку, за временное правительство. Выступали и другие и тоже ратовали за продолжение войны. Но больше Василию понравилась речь Ламонова. Он впервые слушал такого оратора, но смысла его речи, к чему он призывал, толком он не разобрался. Впервые увидел плакат на большом куске материи:

«ВСЯ ВЛАСТЬ УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СОБРАНИЮ!»

У Александра Блока в поэме «Двенадцать» есть место, где рассказывается, как старушка остановилась в растерянности перед лозунгом: «На что такой плакат — такой

огромный лоскут? Сколько бы вышло портянок для ребят. А всякий раздет, разут».

Живя в этом захолустном городке, слушая речи на митингах никто не знал, что происходит в Петрограде. А в это время В. И. Ленин возвращался в Петроград. Никто не знал и о его знаменитых апрельских тезисах. До нас еще не дошло и само имя Ленина. Но время в те тревожные дни летело быстро.

Стали поговаривать о большевиках, о Советской власти, но никто толком ничего не знал и не представлял эту Советскую власть. Даже было и такое понятие, что слово большевик зависит от роста человека «большой», а меньшевик по росту стало быть «малый»... А кто такой середняк, это тот человек, который «по середине стоит».

4

Пришел июнь 1918 года. Лето вступило в свои полные права. Казачьи хлебные поля заколосились. В этом году в Семиречье пришло раннее лето. Уже в начале июня рожь пошла в колос и вымахала в человеческий рост, и пшеница стала набирать сочный колос. Все ждали необыкновенно богатого урожая. Травы стояли зрелые, набирали соки, поджидая косарей. Привольная степь покрылась ковылью, тюльпанами. Майские горные дикие цветы стали терять свою красоту. Этот цветок в здешних местах называют «Мара-Каренина», напоминающий бордово-розовые пионы. От этого бархата у подножья гор Капала, красота уже свою прелесть снижала.

Где-то он вычитал, что эти цветы любила Надежда Константиновна Крупская. Будучи в ссылке в г. Уфе, куда приехал В. И. Ленин, они вместе ходили собирать эти цветы.

Июньские дни стояли погожие, солнечные. Нежданно и негаданно по Капалу пронеслась весть о том, что из центра в Капал движется большевистский отряд с орудиями и пулеметами, под командованием Мамонтова. От этой вести люди города и станицы переполошились. Слухи о мощи отряда напугали местную власть. Никто и ничего не знал о намерении отряда. Жизнь в Капале замерла. Часть жителей, чтобы укрыться, ушли в горы. Никакого, хотя бы маломальского представления не имели о том, что же будет...

Трудно было разобраться, тем более понять, что происходит вокруг, каких врагов ищет отряд? Страхи и слухи были главной темой капальцев.

По сути дела, население было далеко от всякой политики, поэтому и не могли разобраться во всем происходящем вокруг нас. Не могли понять революции по настоящему. И не очень-то и разбирались в характере власти.

А тем временем по почтовому тракту шла колонна отряда. Слушок дошел, что отряд уже вышел из урочища Чимбулак, что в 10—12 верстах от Капала.

Столбы дорожной пыли, поднятой ветром можно было наблюдать издалека. Отряд форсированным маршем шел к городу. Вдали едва виднелись колокольни двух церквей, сам же город расположен в низине, у подножья гор. С одной стороны опоясывают горы, с другой река Капалка.

В капальской станице жизнь была вольной. Дома у всех деревянные, в большинстве крыши были железные или тесовые. Излюбленным местом, кроме городского парка, был большой парк около гор, рядом текла речка с чистой, прозрачной водой. Камни в ней были отбелены. А стоило углубиться в горы — ягоды, горные цветы. На лужайках парка с вековыми серебристыми тополями молодежь собиралась, заводили всякие игры, пели, плясали под гармонь, а так как Вася был лучшим гармонистом на всю станицу и затейником песен, вроде бы законно пользовался всеобщим вниманием и уважением со стороны Капальской молодежи.

Вдоль тракта, по которому двигался отряд на одинаковом расстоянии стояли столбы телеграфной линии, связывающие с северными станицами Лепсинского уезда. Телефонной линии в то время не было и единственным средством связи служил телеграф и почтовые лошади.

Отряд к полудню без единого выстрела вышел в город, запрудил до отказа станицу и город кавалерией, пехотой и обозом. Запыленные люди и лошади красногвардейского полка видно были утомлены.

Отряд был отлично вооружен, у всех почти за поясом карабины, патронтажи крест на крест набитые патронами. На поясах болтались бутылочные гранаты образца 1914 года. Обозники же были вооружены берданками.

Красногвардейцы одеты были разношерстно и по своему возрасту, все они были в основном средних лет. Выходцы из крестьян и рабочих, были и служивые царской армии. Отряд имел одну роту пехотинцев на подводах, эскадрон конницы и артиллерийскую батарею, являющуюся огненным средством отряда. Численность отряда не превышала

пятисот человек. Командиры подразделений не назначались, а выбирались.

Прибытие отряда в Капальский уезд связан был главным образом с тем, что в начале июня в области стали поступать тревожные сведения об угрозе вторжения контрреволюции и интервенции с севера со стороны Семипалатинска. Эти сведения с каждым днем накаляли обстановку в Семиречье.

Так, в районе Сергиополя появился белогвардейский отряд. Начался мятеж в селении Бахты и станице Урджар. Казаки схватили оружие, начали формировать отряды, присягать монарху. В Семипалатинске пала Советская власть. Колчаковские войска прут на Семиречье. Появились белогвардейские отряды, под предводительством опытных и отважных офицеров — Виноградова, Ушакова, Ярушина. Стал вопрос — сдержать, не допустить распространение контрреволюции. Не допустить разорения. А чем сдержать? Какими силами? Да их не откуда брать. Красной Армии в Семиречье еще не было. Она еще не создана.

Что же делать?

Областной центр в угаре. Идут заседания за заседаниями. Предложения за предложениями. А положиться-то не на кого. Наконец, выносится решение: «Для борьбы с контрреволюцией Семиреченский облисполком отправляет из г. Верного в Капальский и Лепсинский уезды поочередно несколько отрядов». В том числе был направлен отряд под командованием И. Е. Мамонтова.

А вскоре по всей области было объявлено военное положение.

Вот эти-то отряды по первости и составили костяк семиреченской Красной Армии.

Все отряды Семиречья были на перечете. Строились по принципу полной независимости одного отряда от другого. А бесконтрольность давала им волю к самоуправству. Они еще не были стойкими революционными силами Семиречья. Отряды избегали действовать совместно, а действовали в разноречии и уклонялись от этого лишь потому, как бы не попасть к кому-либо в подчинение. Эти настроения прежде всего создавались командирами отрядов. Но вместе с тем, отвага и героизм красногвардейцев при их боевых действиях в этот тяжелый, доселе невиданный период, заслуживают всякого поощрения и изучения. История не должна забыть имена погибших в революции за Семиречье. «И этих дней не смолкнет слава, не померкнет никогда...»

Так пели советские люди о ратных подвигах красноармейцев и партизан в период Гражданской войны.

Сейчас ему легче размышлять, оценивать ту обстановку, к которой он был несколько причастен.

Легче критиковать страницы истории прошлого периода, оценивать обстановку того времени с сегодняшней позиции. Есть верное изречение: «Без рассуждения не делай обсуждения».

Да и не так-то просто было во всем строении Советской власти разобраться.

Правда люди говорят: «Кабы снова на свет родиться, знал бы, как состариться!»

5

На другой день после прибытия отряда к станичному управлению пришли на митинг кападьцы. Шли они на этот митинг с большой опаской. На крыльце правления появились вооруженные люди. С их появлением на площади установилась могильная тишина. Среди вооруженных выделялась среднего роста фигура с черной бородой, с энергичными движениями. На кожаной фуражке красная ленточка. Впрочем такие ленточки были на головных уборах всего личного состава отряда. На нем гимнастерка, сбоку на поясе в полированной деревянной кобуре, болтался с длинным шнуром маузер. На его груди висел без футляра бинокль.

— Товарищи кападьцы, граждане! — обратился человек с маузером и поднял руку. Этот жест привлек внимание всех присутствующих. По его руке можно было определить, что человек этот из рабочих.

Василий не смог пересказать его речь. Но содержание ее было примерно такое: «Мы пришли к Вам, по заданию Советской власти, защищать трудящихся и бедноту всего мира! Отныне земля, леса должны принадлежать беднякам. Наши враги — это помещики, купцы, офицеры и все, кто против Советской власти. Одним словом — КОНТРА! Мы не дадим никому пощады. Всем равноправие! Сзади нас идут еще отряды!»

Затем оратор провозгласил здравницу за мировую революцию, за Ленина! Тут-же объявил о контрибуции денег и сдачи ценностей. Определил число телег, мобилизуемых для отряда и запасы продовольствия.

— Вашу власть разгоним, а кого следует растреляем. Изберите новый волостной Совет из бедняков.

На этом закончился митинг. Позднее узнали, что оратором был сам начальник отряда Мамонтов.

Народ с этого импровизированного митинга расходился с унынием. Многие остались убежденными, что потеряют свои земельные богатства, скот. Люди, кто был побогаче, побаивались равноправия. С боязнью и затаенными думками смотрели на вооруженных красногвардейцев. Но это были и обыкновенные люди. Не высокие и не большие, как это их представляли до прихода.

Василий и его друг Женька Пухов с любопытством смотрели на вооруженных и даже завидовали, затевали разговоры. Уговаривали, чтобы приняли в отряд, но никто не поддерживал их желания. До главного же начальника не допускали. Они просили, умоляли, выстаивали на улице по несколько часов, чтобы кого-либо встретить из командиров. Но был один ответ: «Молоды еще! Война вам не в «бабки» играть, подрастете, тогда другое дело! А пока валайте домой!»

Они убеждали, что тоже хотят воевать за Советскую власть, против буржуев, но эти доводы им не помогали и они с Женькой остались не солоно хлебавши.

На другой день пребывания отряда Василий наблюдал расправу над капальскими людьми. Всех их он знал в лицо. Руководство отряда без предъявления каких-либо серьезных обвинений, разве только потому, что они занимали высокие посты, имели какое-то положение в обществе, вывели в степь, раздели и всех 16 человек без суда расстреляли, в том числе начальника тюрьмы земства, воинского начальника, станичного атамана. Из дома силком был взят священник казачьей церкви. В священника выпустили восемь пуль и только на девятой он свалился с ног. Священник обладал могучей силой, поговаривали, что он разгибал подкову и поднимал лошадь.

Картина этого расстрела осталась у него в памяти на всю жизнь.

На третий день, рано утром отряд вытянулся в колонну, взял курс на Арасан-Абакумовское, Сарканд.

Когда производилась мобилизация подвод, для обслуживания нужд отряда, он самовольно, без ведома родителей, добровольно записался со своей лошадью и телегой в отряд. Вот здесь-то ему отказа не было. А у друга его, Женьки, лошади не было, хотел его взять с собой, но боялся. Так он и расстался со своим другом детства. И нигде его на своем большом пути не встретил.

Дома его отъезд вызвал переполох. Охали! Ахали! Ба-

бушка не верила, что выезжает неведомо куда. Ходила и кому-то, чтобы Васю не брали. Долго его искала и не добившись толку, измученная, с горячими слезами вернулась домой.

А в это время Василий уже попрощался с домом, матерью, братишками, не подозревая о том, что ему с ними не придется больше встретиться.

Гордости его не было границ. Да и как было не радоваться! Затаил думку проситься в бой! Отличиться! И это стремление в нем не угасало. Думал: «Посмотрю другие станицы, людей. Ведь никуда не выезжал, а тут на тебе, разпознаю Советскую власть — большевиков! За что же в конце-концов дерется отряд, а может и увижу самого Ленина?»

Октябрьская революция, изменив судьбы мира меняла и судьбы людей. Сам пошел как и тысячи их сверстников на передний край сражений. Устанавливать Советскую власть у него на Родине.

Его путь расходился с дорогой, по которой, к сожалению, пошел отец. Он находился вместе со своей семьей в белоказачьих войсках Анненкова. Вася же примкнул к отряду красной гвардии и не собирался возвращаться домой.

Здесь то и началось формироваться новое его мировоззрение.

Глава II. В КРАСНОГВАРДЕЙСКОМ ОТРЯДЕ МАМОНТОВА. 1918 ГОД

1

В июне-июле 1918 года в Семиречье был период развития контрреволюции, период расслоения наиболее ревностных сторонников монархии. Выступали, главным образом, пожилые зажиточные старики, а чтобы склонить на свою сторону рядовых казаков казачьи главари запугивали их тем, что мол советы отберут земли, скот, а казачество при Советской власти существовать не будет. Коммунисты за равноправие...

В северных же станицах — Сарканде, Лепсинске, Сергиополе и др. проживало много переселенцев из европейских губерний. Эта категория людей придерживалась нейтралитета, либо становилась на сторону Советов.

Казахское и киргизское население было на стороне Советской власти. Но алашординцы делали все, чтобы скло-

нить казахов и киргизов на свою сторону. И это им удалось. В какой-то степени добивались своих целей.

Указывая на социальные основы казачьей донской контрреволюции В. Ленин писал:

«Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких и средних землевладельцев одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековые черты жизни, хозяйства, быта, здесь можно усматривать социально-экономическую основу для русской Вандеи».¹

Это Ленинское определение полностью относится и к Семиреченскому казачеству.

Миновав перевал в отрогах Алатау, Абакумовский отряд форсированным маршем достиг предела станицы Сарканд. Колонна обоза была остановлена. Отряд свернул с дороги и скрылся в складках местности.

Нам было передано, что в станице белоказаки, а вслед за этими сведениями пронеслась по цепочке команда:

— В станицу будем входить на полном ходу, но без шума и без единого выстрела.

Старший по колонне, увешанный гранатами с карабином за плечом, проезжая на лошади, призывал:

— Кто из вас трусит, слезай с телег, ворочайтесь к себе домой, так лучше будет.

И при этом имел, видимо, привычку, когда он стрелял, то приговаривал:

— Чужая пуля ищет лучшего, своя худшего.

Слово «товарищи» он впервые почувствовал на себе.

Все сидели на телегах, замерли от волнения, и никто из обозников не посмел слезть. Молчали. Каждый думал о чем-то своем, близком, глубоком, о чем никогда не узнают другие...

«В бой так в бой! Посмотрим, что он из себя представляет?» — воинственно внушал себе Василий. Пришла пора, можно подраться! Ведь беляки стрелять и в него будут. Об этом потом можно будет говорить всю жизнь...

— А ты, малый? — обратился начальник обоза к Василию. — Твоя подвода, и за тобой еще восемь других подвод с патронами будут действовать только по моей команде. А если кто побежит, затрелю! Ясно, или не ясно?

— Ясно, товарищ начальник, — смущенно и невнятно

---

¹ В. И. Ленин Соч. том. 26, стр. 15.

проговорил Василий. Хотя от волнения и впечатлений не все было ясно.

Одно было ясно, что предстоит бой. Отряд будет биться с белоказаками.

Вся эта тревога, по первости, ему представлялась какой-то забавной романтикой, и он в какой-то степени к ней причастен. Все время грызла совесть, как бы не струсить, как бы страх не взял.

Припомнил и песню, когда-то пели ее солдатики в Капале:

«Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья!
Мы дрались тогда со шведом,
Под знаменами Петра!..»

Василий и сам эту песню напевал часто.

От пыли лица красногвардейцев отряда были черные, мелькали только белки, да скалились белые зубы. И от этого все казались свирепыми и мужественными вояками.

Чуть стемнело, внезапно налетел сильный жаркий ветер. Под шум ветра отряд пробирался к станице степью, со всеми мерами предосторожности. Кое-где были видны огоньки. Доносились звуки отдельных выстрелов и тревожный лай собак. Нападение на станицу предусматривалось быть внезапным, с двух сторон должны навалиться как снег на голову.

Из отряда самозащиты Сарканда, бежавший из-под расстрела сообщил, что казачий карательный отряд, собранный из Лепсинского уезда отбирает оружие, жестоко расправляется со сторонниками Советов и с заподозренными в лояльности Советской власти. Многие уже расстреляны. Численность отряда около двухсот человек. Располагаются по избам. Растрелы учиняют на площади против станичного правления и там же вешают.

Подошло время и отряд по плану приступил к действию. Сторожевое охранение белых, которое было расположено в крайних домах оказалось беспечным. Часовых выставлено не было. Это было на руку. Охранение бесшумно было снято и отряд ворвался в станицу внезапно.

Бежавший из-под расстрела показал, где находились заключенные, в том числе солдаты, возвращавшиеся из армии по демобилизации, схваченные белыми. Все они были освобождены и выразили горячее желание сейчас же принять участие в борьбе против белогвардейцев.

С помощью освобожденных, отряд до утра вылавливал

белоказаков, укрывшихся на чердаках, в погребах, в домах, в стогах сена, соломы. Многих беляков красногвардейцы уложили на месте. Многих под конвоем привели в станичный Совет. И лишь немногим удалось скрыться.

Ночной налет дал отряду около сотни под седлами лошадей, больше сотни винтовок и два пулемета.

В Сарканде выпало счастье, которое помогло ему и сопутствовало по всей его долголетней военной службе в Красной Армии. Он как и другие ходил по станице, разглядывал, как живет здешний народ, забрел в большой дом. Видно хозяин сбежал и все добро осталось не тронутым.

Во дворе птица и скот. Ему страшно хотелось есть, нашел замаскированный погреб, спустился. И чего там только не было! Бочки с разными соленьями, вино, мед, яйца, сметана, масло. Обошел. Попробовал. И все, что Василию понравилось по вкусу, набрал. Стал пробираться к выходу. Вдруг слышит, что-то заскрипело. Думает, что-то неладное. Подходит к двум деревянным бочкам, стоявшим недалеко от лестницы, толкнул одну бочку, затем другую. Стоят твердо, дном кверху. Вдруг видит из щели одной бочки смотрит на него человек. Вторая же бочка чуть тронулась с места. У Василия сразу в глазах стало мутно. Бочки удвоились. Глаза, которые на него смотрели, как бы говорили ему, что судьба его решена — смерть, и в этом не было никакого сомнения.

Стал подсчитывать шансы на спасение, а сколько их? От горьких дум голова Василия разволновалась. Ничего ему не оставалось, как только дать понять, что он ничего не заметил. Спокойно, с набранной вкусной снастью стал подниматься по лестнице к выходу. Боялся, как бы не оборвались нервы. Мелькнула догадка, как можно быстрее преодолеть пять-шесть ступеней лесенки.

Слышит хриплый и грозный голос:

— Стой, собачья голова! Вернись молокосос, убью!

Раздался глухой выстрел, Василий почувствовал, что у него задеты пальцы правой руки. Рука повисла. Не бросая свои харчи, Василий успел простонать, пересохшим горлом уже на поверхности погреба. Тут же закрыл крышку погреба и поспешил доложить о случившемся.

В Сарканде в ряды отряда, где служил Василий влилось много новых людей. Вооружили их, отобранным у карателей оружием. Кому не хватило, сами раздобыли себе штыки, дробовики, кинжалы, острые вилы, самодельные пилы и все прочее, что могло служить оружием. Пленные

белогвардейцы были посажены в тот самый сарай, где еще совсем недавно сидели наши смертники. Замученных и расстрелянных, безвинных жителей станицы, отряд с почестями схоронил. А трупы белых были зарыты в общую яму, с тем, чтобы не было от этой падали зловония.

Особое и широкое полномочие при отряде имел товарищ Шапошников (инициалы его не помнит).

Он мог производить ревизию, реквизиции, потребного количества подвод, хлеба, ценностей. Самостоятельно и в контакте с начальником отряда действовать по борьбе с контрреволюцией, устанавливая Советскую власть. Он же являлся комиссаром отряда.

Шапошников мог вести очень остроумные беседы. Внешность и манеры его были присущи только интеллигентному человеку. На самом же деле он был простым рабочим.

Людей он покорял своим обаянием. Но иногда и не гнушался пускать недозволенные в обиходе слова. И часто получал: «Смотри, будь на поворотах полегче, а то и не долго свихнуться! Чем черт не шутит!»

С военным делом он был не знаком, а пришлось участвовать в разрешении сложных военных вопросов. И не только военных, но и политических.

Права и полномочия Шапошников имел неограниченные, и он эти права скромно приберегал, попусту не разбрасывался ими.

Стычки с Мамонтовым у него доходили до крупных перебранок, а иногда и шел на уступки. Все было.

В Сарканде произошло очень трогательное событие. Шапошников отобрал несколько десятков рядовых военнопленных, в большинстве своем казаков и вернул им оружие. Это была потрясающая картина. Они стали его обнимать, со слезами на глазах целовать, ликованию не было конца.

Иван Егорович узнал об этом и стал возмущаться:

— Надо всех гадюк расстрелять, — кричал он Шапошникову. — Ты что же, организуешь белоказачий отряд?

— Успокойся, Иван Егорович. Я сам поведу их в бой!

Действительно эти люди воевали добросовестно. Ходили в атаки, наравне с красновардейцами. Многие из них отдали свою жизнь. Да, они поняли, что защищают интересы только трудящихся. Они являются гражданами пролетарского государства.

Этот удивительно храбрый революционер остался в Лепсинске и горячо взялся советизировать этот район.

А много позднее, вернее после черкасской обороны Шапошников был казнен анненковцами.

Вскоре к погребу, из которого Василий чудом вылез и спасся, подошла группа красногвардейцев. На их вызов: «Кто есть в погребе, выходи!» ответа не последовало. Тогда двое стали спускаться в погреб. Тут же последовало два выстрела. Первый, спускавшийся по лестнице, был убит наповал, второй получил ранение. Гнев красногвардейцев в этот момент вряд ли кто мог сдержать. Они не долго думая зажгли дом. Впрочем в это время горело много домов. Они разломали погреб, набросали туда соломы и подожгли. Огонь и дым вынудил белогвардейцев вылезть из погреба. На них была обгоревшая одежда, но оружие из рук не выпускали. Их тут же схватили, обезоружили и связали.

Ими оказались — один офицер, с ним толстый усатый здоровенный старший урядник и рядовой пожилой казак. В их задачу входило при любых обстоятельствах оставаться и вербовать людей в белогвардейский отряд полковника Кольца.

Так был организован публичный суд над пойманными белогвардейцами за наши понесенные жертвы.

Узнав об этом происшествии начальник отряда приказал развести на площади костер и в этот костер бросить живьем белоказakov.

После этого страшного суда, Василия с повязанной рукой представили начальнику отряда, ну думает из погреба спасся, а сейчас куда-нибудь загонят, или посадят, а потом ищи правду. С такими думами и страхом Василий предстал перед Мамонтовым.

— Подходи ближе, не бойся! — ласковым мягким голосом проговорил начальник отряда и когда Василий приблизился, он положил ему рабочую руку на плечо, проговорил:

— Ну, парень, видно ты лишен чувства страха, а если бы убили, так бы и не поел огурцов, сметаны, меду. Ишь что выбрал, видно губа не дура! Ну ладно не смущайся, молодец! Рука-то болит?

— Ничего, — отвечает, — заживет.

— Ну, а стрелять-то умеешь, а рубить шашкой умеешь?..

— Научусь, Иван Егорович. Вот увидите научусь...

Вася ведь когда-то буквы не знал, а теперь имеет четыре класса высшего начального училища.

— А я ведь, Иван Егорович, все воинские уставы вызубрил.

— Молодчина! — похвалил его Мамонтов. — Значит готовился стать военным?

— Да, — ответил Василий.

— Красным?

На это он не знал, что ответить и как ответить.

— Не смущайся, парень. Если бы я был на твоём месте, тоже не мог бы ответить. Как зовут-то тебя?

— Василий, — отвечает он.

Потом стал спрашивать откуда он, кто родители. Не утаил ничего все рассказал, что его интересовало.

— Ну, вот и познакомились! Так вот Василий, — обратился Мамонтов, — какое мое предложение к тебе. Согласен ли ты быть моим адъютантом? — от этого предложения он поначалу опешил. Затем мало помалу страх стал спадать и Василий для приличия стал отказываться — мол, справлюсь ли, Иван Егорович, с этой работой.

— Ничего, — отвечает Мамонтов. — Научим! Главное, чтобы ты знал за что воюешь! А кстати, скажи-ка, за что отряд дерется и проливает кровь?

Видно захотел проверить его убеждение. Василий было оробел, что сказать, язык не поворачивается. Потом немного подумал и бухнул:

— За Советскую власть! Долой капиталистов, буржуев, офицеры!

Эти слова Василий часто слышал и преподнес, что вроде бы что-то кумекает в политике.

— Что же, хорошо вызубрил политику, — улыбнулся Мамонтов. — А второе, вот что, — продолжал Мамонтов, — не отставать нигде и никогда от меня. Куда я, туда и ты. Я в огонь и в воду и ты за мной! — И тут же осведомился, — плавать умеешь? А на лошади ездить умеешь? — то и другое умеет, объявил Вася, и на лошадях в бегах и на скачках участвовал.

— Тогда по рукам? — и подал ему свою руку. — Сейчас же пойдёшь, найдёшь трубача отряда Тимошку и скажи ему, что с сего числа ты его начальник! Пусть найдет тебе лошадь, клинок и револьвер. И оба придёте ко мне!

Так состоялась его первая встреча с И. Е. Мамонтовым. Итак, состоялось его первое должностное назначение.

В Сарканде отряд простоял три дня. За это время была установлена местная Советская власть. Был создан из бедняков и крестьян небольшой отряд самозащиты. Такие же отряды предполагалось создать во многих станицах Лепсинского уезда.

Для самозащитников из отряда было выделено трофейное оружие.

Ранним утром красногвардейцы покидали станичные дворы, направляясь в сторону площади. На площади на телеге стоял Мамонтов, командиры его отряда и рядом несколько человек местной власти. Улицы, площадь — были заполнены народом. И, когда отряд выстроился, начальник призвал всех к тишине, затем объявил, что отряд идет на стан. Ак-Су — Романовское. Там дневка.

Громкий крик «Ура!» прокатился по площади.

Обращаясь к населению Мамонтов сказал:

— Нет пощады белякам! Что у нас было не так, извините! Никому не отдавайте Советскую власть! Не поддавайтесь контрам. Ежели нападут беляки — дайте знать, спуску никому не дадим — так и знайте! У вас есть оружие, больше его отбирайте у врага. Защищайтесь сами и бейте его. Я жалею, что не пойман ваш станичный атаман Королев. Он нами заочно осужден на смерть через повешание.

5

Черной лентой взвилась колонна отряда, стала выходить на околицу на стан. Сарканд. Впереди колонны, за полчаса до выхода главных сил отряда ушел усиленный разъезд в сторону Ак-Су.

Красногвардейский отряд Мамонтова пошел в новый бой.

Мы не сомневались, что найдутся люди, которые высматривают, шныряют, подслушивают разговоры, после этого, как это и водится летят доносы. Поэтому тайна была крайне необходима. В здешних местах белое казачество превосходно пользовалось «узун кулаком» — так называется в Киргизии передача сведений из уст в уста. Всякое важное событие этим методом немедленно передается из аула в аул. Получив весть киргиз садится на коня и мчитсь с оповещением. Докатится очень далеко.

Киргизы говорят: «Конь — крылья джигита!» И это правда. Чтобы ввести в заблуждение население Сарканда, отряд взял направление не на Ак-Су, как это было объявлено на площади, а на Лепсинск. На Ак-Су не вышел разъезд.

Июньский летний день позволил отряду управиться с сорокаметровым маршем до заката солнца.

При подходе к городу отряд обстреляли, движение было прекращено. Была выслана разведка и она была обстреляна.

Но кто же это, белые или свои?

Мешкать было не к чему. По городу было дано пять артиллерийских выстрелов. Выставленные караульные пикеты для охраны города были сняты красногвардейцами. С появлением отряда на улицах города стрельба стала утихать.

В город медленно входил огромный по численности обоз отряда. Еле можно было разглядеть передние подводы, все остальное тонуло в пыли.

Обоз с ранеными и больными, боеприпасами проехал по раскаленной центральной улице и остановился неподалеку от р. Лепсы. Рядом с обозом на р. Лепса расположилась и артиллерийская батарея.

До города дошли слухи, что большевитский отряд ведет и расстреливает без разбора. От этих слухов граждан охватила паника. Местная власть скрылась. Поток беженцев со своим скарбом из города устремился в соседние станицы, даже воды некому было вынести.

Из домов доносились приглушенные крики. И неизвестно по чьему распоряжению звонили колокола. Стаи домашней птицы и животные тревожно кричали. А на площади у церковной ограды толпа красногвардейцев тоже что-то кричала на разные голоса.

К площади со всех сторон сбегались мамонтовцы, размахивая руками они лезли на плечи своих товарищей, жадно заглядывая через их головы. В середине толпы, на земле лежали несколько убитых красногвардейцев. Размахивая шашкой и раздвигая толпу пробирался к середине пожилого возраста красногвардеец. Звали его и величали не иначе как Иван Иванович. Он нагнулся над одним лежавшим трупом, повернул его и проговорил:

— Буйная ты моя голова! Сынок ты мой!

Он встал, захлебываясь слезами и закричал:

— Да это же мой сын! — ударил себя в грудь. — Его-рушка! Ну братва, жизнь отдам. Мстить буду за своего сына. — Он еще что-то хотел сказать, но слезы затемнили его глаза и он снова припал к лицу сына и долго рыдал. — Спи, мое дитя... Ты сделал свое...

А толпа продолжала кричать: «Сжечь весь город за наших погибших товарищей!»

К приходу отряда в Лепсинске и во всем его уезде не успели как следует проникнуть строительством советских организаций. Советов, исполкомов надежных еще не было, они только числились. Что вокруг делалось никто ничего не знал. Никаких газет и информации из центра не посту-

пало и все верили тому, что власть Колчака существует по всей России.

Во многих станицах продолжались вспыхивать бунты, в том числе и в Лепсинске.

Появились прокламации со строжайшими требованиями.

— Арестовать всех советских руководителей и большевиков.

— Выбрать станичных, сельских и волостных старшин. Упразднить Советы и исполкомы.

— Сдать все имеющиеся оружия.

Срок давался три дня. За неисполнение этого приказа всех от малого до великого ждет жуткая смерть.

Таким образом белые правители прибегали к тому, чтобы отговорить население признать Советскую власть.

Люди из дружин самозащиты сходились вместе со своими же врагами и подолгу мирно беседовали. Чувствовалась логичная близость, но все-таки, что-то тяжелое висело над всеми. Но были и такие, которые ратовали за то, чтобы скорее пришел Колчак.

Ночь и следующий день ушел на вылавливание ярых противников Советской власти. Очаги задуманных восстаний в станицах у Лепсинска были беспощадно подавлены. Чистка проходила под гребенку. Попадали под марку врагов Советской власти, главным образом, казаки, которые власти этой не понимали, ее не видели, не все поднимали своей руки за Советскую власть. Политическое воспитание населения отсутствовало, да и некому было правильно пояснить всю сущность Советской власти.

Принцип «Власть на местах» сплошь и рядом толковалась и понималась односторонне и неправильно.

На третий день прибытия отряда в Лепсинск, Иван Егорович решил пройтись по городу и заодно посмотреть, чем же загружен столь большой отрядный обоз.

На одной из улиц на завалинке, у своего дома сидел пожилой казак с лампасами, в фуражке с малиновым околышем и кокардой. Вычесывая бороду, жадно всматривался в нездешних прохожих.

— Здорово, хозяин! — бодро приветствовал казака Мамонтов. Казак сразу определил с первого же взгляда, что перед ним не иначе, как командир. Хотел было встать, но старость казака усадила на завалинку и он проговорил:

— Здравия желаем!

— Я вижу, ты побаиваешься, — обратился Мамонтов.

— Да ведь как сказать. Нынче настало время такое, не

знаешь какое и с кем обращение иметь. Вот Вы на вид вроде какой-то начальник. Позвольте полюбопытствовать, кто будете? Красный или большевик, или белый. И, как называть, товарищ или господин, или гражданин.

— Мы — красногвардейцы, — пояснил Мамонтов.

— У меня, милый человек, недавно случай был, — и стал рассказывать, — приехали, вот как и Вы, военные. По одежде вроде бы красные, набрали харчей, кур, понаграбили, попортили баб и девок. Простояли семь дней и уехали.

— Сколько же их было?

— Да человек до ста, — пояснил казак. — А когда уехали, поговаривали, как будто бы в Урджар. Вот я из них одного назвал «товарищем», а он мне и говорит — ты старик еще на перекладине не висел, так будешь висеть. А сам знаешь, кому хочется висеть за понюшку табаку? Вот и приспособливаешься то к одной, то к другой. Белые приходят — кокарду на фуражку, красные придут — красную ленточку. Вот так-то, начальник.

И стал снимать кокарду.

— От нас недалеко проходил красный отряд, какого-то Петрова. Он, говорят ушел в Сергиополь. Претензий от него не было слышно. А ты не знаешь, — обратился старик к собеседнику, — прибывшие к нам войска и есть войска Мамонтова?

— Да, они самые.

— А сам Мамонтов здесь?

— Видать не видал, но слышал, что скоро подъедет. — Старик оживился:

— Много про него слухов ходит. Говорят, он из генералов, в империалистическую войну бил немцев. Сам государь навешивал ему награды на грудь. Лихой, говорят, кавалерист. Теперь примкнул к красным. Стоит за простой народ, за Советскую власть. Усмирал казаков под Верным. Разругался с генералами, сорвал с себя погоны и теперь его ловят как изменника, и не дай бог поймают — полевым судом пахнет. Я вот отвоевался. С русско-японской войны. Был под Порт-Артуром, георгия имею, ранен. Идет восьмидесятый годик. Есть что вспомнить. Лихую жизнь прожил. — И старик тяжело вздохнул. — Мои сверстники уже поумирали.

— Рад за Вас, старина, — рассмеялся Мамонтов. — И кто же такие слухи распускает?

— Да старики между собой толкуют.

— Спасибо отец за беседу. Я вот и есть сам Мамонтов. И вовсе я не генерал, а простой рабочий.

— Да ну, неужели? — с удивлением спросил казак.

— Так точно!

Старик замолчал. Мамонтов по-дружески положил руку на плечо казака и сказал:

— Ничего, дед, не то бывает.

Осторожно приподнял казака с завалинки, обтер ладонью пробившиеся слезы.

— Поживешь отец, не то еще увидишь! Жизнь-то какая будет! Разлюли малина!

Мамонтов тепло попрощался со старым служаком и направился к обозу.

Увидев Мамонтова кое-кто из красногвардейцев чуя недоброе стали укрываться под подводами, а кто стоял в толпе расступились.

— Кто такие? — тихо спросил Иван Егорович, показывая на группу женщин.

— Да это беженки-солдатки.

— А мужья?

— Нету, поубегали.

Обойдя подводы, Мамонтов убедился, что они наполнены доверху самым различным имуществом. Тут и самовары, посуда, постели, одежда. Чего там только не было наткано.

— Что это? — обратился начальник отряда к начальнику обоза Вихрову.

— Трофеи, Иван Егорович, — утвердительно доложил Вихров.

— А чьи они?

— Не помню всех хозяев. Они сейчас в городе барахоят? Не могу сказать.

— Не можешь сказать? — не позволительными словами обласкал Мамонтов Вихрова. Тут же приказал стащить все, так называемые «трофеи» в кучу, а сам ее поджег и простоял пока все не было спалено.

— И это называется революционная дисциплина? — распекал Мамонтов Вихрова. — Сматывайся, сукин сын, куда глаза глядят. Мородеры. Расстрелять вас всех.

Выхватил маузер и рукояткой ударил Вихрова, тот тут же свалился на землю.

После этого инцидента в отряде несколько дисциплина улучшилась, притихли грабежи, но никто по настоящему наказан не был.

Беженцы, примкнувшие к обозу, были оставлены в Леп-

списке. Обоз был очищен, оставались лишь боеприпасы и запасы продовольствия. У казачества продукты питания были слишком дешевы, но зато не хватало фабричных изделий, да и денег ни у кого не было...

В день выхода отряда из Лепсинска население немного успокоилось, даже стали записываться добровольцами в отряд.

Лепсинская власть, которая по первости с испугу где-то укрывалась, вновь появилась в городе.

Отряд вышел из города и взял курс на Сергиополь. Для разведки было выделено четыре конных разъезда — на Бахты, Маканчи, Урждар, Сергиополь. Началом выполнения задания разъездами с пункта Рыбачье.

Мамонтов проинформировал своих командиров о том, что в Сергиополе действует Верненский отряд Петрова. Надлежит с этим отрядом связаться. И есть сведения из Семипалатинска, от Колчака прут белые в Семиречье, поговаривают, идут чешские войска.

— Я думаю, не отступим от беляков, от этой хамской орды.

— Нет, Иван Егорович, — слышались дружные голоса командиров. — Ударим к никаких! — Ни у кого не было страха, только внутри все напряглось.

— Коль есть общее согласие — в добрый путь, товарищи! — проговорил Мамонтов.

В первой половине июля красногвардейский отряд следуя к конечному пункту Сергиополь, на своем пути очищал от белых банд северные станицы хутора, прилегающие к подножью хребта Тарбагатай.

Сведения о противнике поступали непрерывно, и не только от своей разведки, но и от жителей станиц, находящихся на пути движения отряда.

В станицу, расположенную между двух озер с непроходимыми камышами Уч-Арала отряд вступил без особого сопротивления противника. В станице было захвачено больше сотни человек, мобилизованных белыми для укомплектования своих новых формирований. В числе захваченных были и офицеры.

Из сообщений офицеров явствовало, что появление отряда было для них неожиданностью. Они сообщали, что в Урджаре находится штаб формирования дивизии. Сроки на это формирование ограничены.

— Вы что людей готовите убивать своих братьев? — спросил Мамонтов у группы собранных офицеров.

— Мы подчиненные, что прикажут, то и делаем.

— Вы противники Советской власти?

— А мы ее не видели и не знаем, что она из себя представляет. Раньше царю верой и правдой служили, а теперь появилась власть Колчака...

— Ну вот что,— проговорил Мамонтов,— у кого имеется оружие, сдать немедленно. Говорить с вами у меня нет времени. Я вам сохраняю жизнь. Идите и расскажите, как красногвардейцы Мамонтова поступают с пленными офицерами. А насчет Советской власти и ее признания Вам, господа офицеры, пока не поздно, следовало бы хорошенько подумать. Советская власть сильна! Ох, как еще сильна!..

Пленные, остолбеневшие, стояли перед Мамонтовым смирно, не соображая, что происходит, ведь жизнь их в конечном счете висела на волоске.

От Уч-Урала до Урджара оставалось пути до 100 км. Отряд это расстояние преодолевал преимущественно в ночное время. В районе Рыбачье отряд остановился на дневку. Но отдохнуть спокойно не пришлось. Тьма комаров и слепней, которые страшно беспокоили лошадей. Особенное беспокойство причинялось в вечернее время. Даже костры и те не помогали.

По сведениям, полученным от разведки и показаниям пленных в Урджаре находилась большая группа мобилизованных солдат и казаков для вновь формируемых белоказачьих частей, поджидавших оружие.

Отряд на рассвете ворвался в станицу. Мощное «ура» гремело по станице. Дикая паника охватила урджарский белогвардейский гарнизон и все население Урджара. У них была одна мысль бежать, спастись. Перепуганные бежали группами, сшибая друг друга с ног. С криками, злобой и бранью убегали от красногвардейцев от двора ко двору, по огородам, словно неслись на пожар. Не зная от кого бегут и куда бегут.

Разобраться было трудно, где свои, а где чужие, только чувство подсказывало кто же враг.

Белогвардейские офицеры не сдавались, каждый дрался пока мог держать в руках оружие. Урджарский вражеский гарнизон разбежался, многие от возмездия разбежались в горы.

Рискованное действие отряда себя оправдало. Отряд сорвал большое воинское формирование.

С занятием Урджара Мамонтов со своим штабом расположился в добротном доме, у сбежавшего урджарского станичного атамана — Харунжия Быкова.

— Не приходилось спать в почивальнях атаманов, инос, — подшучивал Иван Егорович, — встречусь с атаманом во сне, или с атаманшей...

3

Впрочем, в этом же доме в 1919 году произошла первая встреча оренбургского беглеца Дутова с атаманом Анненковым. В этом же доме Дутов произвел Анненкова в генералы с титулом командующего войсками будущей автономии Семиречья.

Настал жаркий воскресный день, летнее солнце щедро ласкало землю. У подножья гор утомленно кричали перепела. Станица Урджар выглядела по праздничному, нарядилась в зелень. Дома белые, дворы столетние, чистые, уютные, пахло вялой травой. Улицы были подметены, на воротах торчали березовые ветки. Народ станичный одел на себя нарядную одежду, собрался праздновать престольный праздник.

Колокольный звон урджарской церкви созывал людей на богослужение ради престольного праздника. Народу собралось много.

Мамонтов взял с собой своего адъютанта Василия и они пошли в церковь.

— Послушаем как поет хор. Ты ведь певчим был, — обратился к нему Иван Егорович. — Вот с тобой и оценим, что поют и за кого молятся?..

Иван Егорович, зайдя в церковь, снял фуражку, прошел к алтарю, а ему приказал следить за народом.

Приход Мамонтова ничуть не смутил верующих. Отец Гавриил на этот раз был во всей форме — в рясе, стихаре и камилавке. Много казаков стояли с Георгиевскими крестами. Служитель церкви кадилом раздувал дым с запахом ладана. Во всю глотку возносили о благочестивом воинстве Семиречья. Молились богу и пели: Многая — Ле — Ета! Многая — Ле — Ета! Пели и за дом Романовых.

Прервав церемонию молебствия Иван Егорович обратился к верующим:

— Ваш хор поет многолетие благочестивому, христолюбивому воинству. Защитникам интересов капитала, буржуям, угнетателям. Мы пришли к Вам не затем, чтобы прославлять благочестивое воинство, а пришли бить его. Пришли установить новую власть. Власть Советов. За нее надо бороться, молиться. Всех будем карать, кто поднимет руку против Советской власти...

На этом, собственно говоря, и кончились призывы Мамонтова к населению. После ухода Мамонтова из церкви вскоре богослужение свернулось и народ стал расходиться. Неслыхано было, чтобы кто-нибудь, когда-нибудь прерывал богослужение. Призывы Мамонтова, как это выяснилось чуть позднее не особенно подействовали на урджарцев. С уходом отряда из этой станицы, казаки организовали мятеж и сформировали большой белоказачий отряд, разогнав еще неокрепшую Советскую власть.

Казачество рассвирепело. Кричали везде и призывали бить красных, в плен не брать, эту заразу большевистскую надо вычистить с корнем. «Теперича не будет пощады крамольникам». «Им только дай волю, этак они всех казаков перевешают».

А дальше события развивались так:

В воскресный день, высланная разведка в сторону Сергиополя установила движение большой колонны протяженностью до 3-х км с обозом и артиллерией. Колонна следует по дороге на Урджар. Это для отряда явилось большой угрозой. Что делать? Если не предпринять соответствующие меры и не опередить, то беляки к утру будут в Урджаре.

По протяженности колонны можно предположить о численности следующих на марше белых войск. Их не менее как полторы тысячи. Сила внушительная, а время не терпит. Надо что-то предпринимать.

Решено немедленно выступить навстречу белым, внезапно атаковать, прежде чем они развернутся с походной колонны в боевой порядок. По тактике это называется «встречный бой». Местность была по своему характеру наиболее удобная, в районе благодатная, что в десяти-пятнадцати км от Урджара. Балки, перелески с кустарником, а рядом подножье горного хребта.

Командиры подразделений ругались, роптали. Лошади от переходов утомились, а больше всего утомились люди, они спят на ходу, вываливаются сонные из седел, больных накопилось. Нет ни сна, ни отдыха, а эти проклятые беляки лезут как стаи шакалов. Нужен отдых людям и лошадям, требовали командиры.

Мамонтов слушая эти упреки, лицо его еще пуще потемнело, он опустил голову. «Не сердчай, Иван Егорович, правду говорим. Да если бы ты и захотел поднять отряд, тяжело бы это было сделать».

Мамонтов в душе не мог не согласиться с доводами своих командиров, он знал, что только благодаря огром-

ному напряжению человеческой воли отряд все же еще оставался боеспособным.

— Добро, товарищи! Хватит двести сорок минут отдохнуть и накормить лошадей, если только не накроют беляки...

Над таким заявлением своего начальника отряда командир призадумался. «А ведь действительно, чем черт не шутит, могут и накрыть, там ведь тоже есть смышленные люди...»

Время, отведенное для сна, подходило к концу. Жалко было будить этих первых строителей Советской власти. Кто-то из них останется навечно в станицах под хребтом Тарбагатая. Еще бы дать часа четыре, но воспользоваться этой минимальной человеческой необходимостью не позволяла создавшаяся обстановка и не известно кому она будет благоприятствовать, нам или белякам и это тревожило весь отряд.

Перед рассветом стояла тишина, пылала прохлада. Отряд к месту боя не торопился. Обоз отряда оставался в Урджаре.

Белые не заметили нашей разведки и не предполагали встретиться на марше.

Войска белых, преодолев переход не менее как сорок верст шли вяло, уставшие, имея свое подвижное, походное охранение. Отряд притаился в балке, поджидая удобного момента для нападения, но вот прошло охранение и пошла голова колонны белых.

Последовал сигнал. Отряд лавиной в пешем и конном строях на фронте одного км обрушился на вражескую колонну, врезался в гущу боевого порядка беляков. От ошеломляющего пулеметного огня белогвардейцы и чехи метались во все стороны. Хлынули кто куда. Шедшие сзади не смогли развернуться, началась давка. Обозники побросали своих лошадей и груз, началось паническое бегство.

Бросая лошадей и оружие беляки группами начали сдаваться в плен. Чехи и русские толпами и отчаянно пробивали путь к бегству.

Трагическое положение белых и частей, оставшегося чехословацкого корпуса, зажатые отрядом Мамонтова в клещи, было сущим для них адом...

Главаря чехов и командира белоказахьей части Ярушина, который ехал принимать дивизии, схватить не удалось.

Ярушин — это белогвардейский генерал, командовал разными частями и соединениями контрреволюционных сил

Семиречья. Ярый монархист, отличался исключительной жестокостью в обращении с трудовым населением.

В итоге этого налета, отряд захватил четыре орудия, много пулеметов и обоз с оружием, которое предназначалось для вновь формируемой дивизии.

События развивались с поразительной быстротой. Много беляков и чехов хлынули назад в сторону Сергиополя.

Для преследования этой бежавшей группы был выделен особый конный отряд под командованием брата начальника отряда П. Е. Мамонтова.

Отряд гнался за отступающей группой до Сергиополя.

При преследовании мамонтовцы с особым азартом рубили, давили лошадьми отступающих. Часть их была истреблена, а часть разбежалась.

Обоз с беженцами, в большинстве своем, состоящий из женщин, был отправлен в Сергиополь.

Отряд в город вступил без единого выстрела. В городе, в подвалах скрывались красногвардейцы из отряда Петрова. Они то и рассказали, о постигшей гибели отряда. Сам начальник отряда бросил людей, смалодушничал и убежал, сея по пути нелепые слухи, что будто бы белых войск видимо-невидимо, вооружены до зубов. Паникер и предатель Петров был расстрелян, как изменник Советской власти. Жители города рассказывали о бесчинстве и грабежах казаков и чехов, безжалостно убивавших людей. Они особенно издевались над киргизами. Уродовали их лица, упражнялись в стрельбе. На площади на виселицах висело несколько раздетых замученных людей.

Созданный военнореволюционный комитет в Сергиополе был разогнан. Много из этого комитета людей было замучено и расстреляно.

Все, что видели и слышали красногвардейцы отряда, возбуждало в них еще сильнее лютую ненависть к белякам.

Отряд своих с виселиц снял, а вместо них повесили пойманных колчаковцев.

Из разгромленного отряда Петрова оставалась горстка храбрецов, они чудом спаслись от расправы. Выбрались из Сергиополя, ушли в горы, создали отряд под названием «Горные орлы». Этот отряд, взаимодействуя с черкасской обороной почти целых два года производил налеты на вражеские силы. Питался и снабжался за счет добычи от лихих налетов. Отряд находился в глубоком тылу анненковских войск и много причинил им бед и беспокойствия.

«Горные орлы» беспощадно и сурово клевали белогока-

аццы войска. Их называли «Дикой армией». Об этом партизанском горном отряде и поныне ходят живые легенды.

Отряд «Горных орлов» по своему составу доходил до пятисот человек. Командовал отрядом в одно время И. А. Горлач, старший брат которого и отец были казнены японцами.

На третий день пребывания в Сергиополе в конный отряд стали поступать сведения, что неподалеку от города белоказачьими войсками разбит красный отряд самозащиты, бежавшие из этого отряда сообщили, что отряды белоказачков очень большие, не меньше тысячи вооруженных, вот-вот подойдут к городу.

Командирами белогвардейских отрядов являлись Ушаков, Виноградов.

Отряд решил дать бой белякам. Для этой цели на окраину города, откуда должны войти в город белогвардейцы были выставлены заставы.

Пристроились для обороны. Лошадей всех укрыли. К полудню были получены сведения о движении большой колонны к городу. И как только голова колонны подошла, был открыт огонь. Беляки не растерялись, развернулась пехота и начала атаковать заставы сходу. А конница обходила город с тем, чтобы закрыть выход из него.

В цепях шли сибиряки, преимущественно пожилые с крестами на груди, охмелевшие от белогвардейской агитации, упорно и настойчиво пробивались в город.

Силы были неравные. Сумели продержаться всего лишь четыре часа, после чего отряд вынужден был с большими для него потерями оставить г. Сергиополь.

Колчаковские банды густыми цепями шли по улицам глухого города, наводя в нем свои порядки.

Поверженный город не выстоял — пал и стал опорной базой колчаковцев в северном Семиречье, являясь одновременно и границей с Сибирью.

И в этот раз началась новая расправа ожесточеннее прежней.

Мамонтовцы в боях под Сергиополем вывели из города, более половины своего конного отряда, наткнувшись на белоказачий заслон сходу его прорвали, и быстро оторвались от вражеского преследования, взяли маршрут на Урджар, на соединение со своими главными силами.

Пройдя от Сергиополя около пятидесяти км, отряд втягивался в станицу Новотроицкое с намерением переночевать в этой станице, накормить лошадей.

Раздобыв продукты и фураж, отряд расположился би-

ваком на околице станицы с тем, чтобы на зорьке подняться, отмахать верст тридцать, а там и свои.

Оставалось время собраться с мыслями, сообща обсудить может были какие ошибки, может не следовало бы отходить, а драться до последнего?.. А, тогда всех бы измолотили. А надо бы побить эту всю сволочь, но не хватило бы силенок.

Мысли будоражили и о тех, кто остался навечно в Сергиополе, и о тех, кто по ранению, или какой другой причине не сумел выйти из боя.

Кто-то сказал:

— Вот утихнет белая горячка, наши, кто остался в живых все-равно уйдут.

— То-то и оно! — вмешался Мамонтов. — Уйдут, если не обнаружат, а могут и всех выловить... Сила серьезная и она еще нам много беды причинит. По всему видно, что белые скоро перейдут в решительные боевые действия.

— Не горюй, не горюй, не вернешь потерянное. За утрату нашу Иван Егорович разнесет...

— Но будем надеяться, что наши выберутся и мы еще с ними, проклятыми беляками, потягаемся, да и не раз еще придется столкнуться грудь с грудью.

Все молчали.

— Давайте-ка, — сказал Мамонтов, — помянем наших погибших товарищей.

Отряд встал, сняли головные уборы. Наклонив голову, стоя долго молчали. Каждый вспоминал погибших товарищей по-своему.

Солнце уже село. На ковровой зеленой лужайке под деревьями карагача отряд группами расселся ужинать. Лошади с опущенными подпругами с аппетитом доедали ячмень и свеженакошенную сочную траву. К отряду подошел человек здорового телосложения, средних лет, в казачьей фуражке. За плечами его торчал небольшой холщевый мешок. На левом плече на портупее висела казачья пашка. Человек был весь в пыли, вид уставший и видимо был голоден.

— Присаживайся казак, гостем будешь, расскажешь откуда и куда путь держишь? — пригласил его Мамонтов.

— Благодарствую, — ответил казак, — не откажусь и поужинать. — Уселся и стал жадно есть.

— А вы извиняюсь, кто такие будете? Думаю, вроде бы, по одежде на красных похожи... У ваших лошадей хвосты подрезаны. Винтовки я заметил носите через левое плечо. Ствол винтовок торчит. А у нас, казаков, наоборот.

По этим приметам вы скорее всего будете красными большевиками.

— А тебе каких надо?

— Да мне бы красных надо повидать.

— А ты откуда идешь? — спросили казака.

— Да отсюда недалече. Из Благодатного я.

Казак видно сердцем учуял доброту незнакомых ему людей. Повеселел, наевшись вкусных харчей, а потом смущаясь спросил:

— А закурить не найдется? — обтирая свои усы, спросил казак.

— Не откажем и в этом.

Выпустив с наслаждением махорочный дым, казак продолжал:

— Вот найду лошадь и подамся к красным. Их, говорят, в горах накопилось пропасть. А моя история проста. Я подрался с вахмистром и самовольно ушел. Мобилизованный я. Мне вот надо бы повидать самого красного атамана Мамонтова и ему все начисто рассказать. — Казак продолжал:

— На днях неподалеку от нашей станицы бой-то какой был. Много побито народу. На дороге валяются трупы и лошади. Так им и надо, чтобы их черт побрал этих беляков. Уж больно они издеваются над теми, кто заговорит про Советскую власть.

Все слушали пришельца.

— Так ты говоришь, тебе надо самого Мамонтова повидать?

— Непременно нужно, — подтвердил казак.

— Ну я и есть Мамонтов — говори!

Казак встал, вытянулся, все у него внутри перевернулось, моргая глазами он не спускал глаз с Мамонтова-младшего. Задыхаясь, он руками хватался за воздух. Ему стоило больших усилий сохранить сколь-нибудь самообладания и остаться наружне спокойным. Но этого у него не получалось. Казак открыл рот, а сказать ничего не может...

— Не бойся, чего испугался? Не съем — говори что хотел сказать.

Казак все еще не решался высказаться. Покачиваясь и ухватившись за голову казак горько заплакал:

— Не убивайте меня, братцы! Видать красные добрые люди, а не звери и приласкали меня, накормили, дурную голову просветили. Я вот Вас ищу вот уже дня четыре, пошел пятый. Меня послали Вас найти и покончить с Вами. Не могу я, рука не поднялась бы.

Казак вытащил из-под запазухи револьвер и бросил его на землю. А клинок тоже воткнул в землю.

— Предателя можете расстрелять. Туда ему и дорога. Матерью божьей клянусь, что думка давно была до красных перейти, да и у многих есть эта думка. Рады бы протянуть руки Советской власти, да побаиваются. Хвосты малось замазаны. Правду Вам говорю. Вот Вам крест святой! Хотите верьте, хотите нет. Ваша божья воля.

— Но коли сам признался, наказывать не будем, давай с нами на Урджар, а там посмотрим, стоит ли брать тебя в отряд. Посуди сам — вот дадим тебе поручение, а ты его не исполнишь, как не выполнил его сейчас. Ведь струсил стрелять в меня, — проговорил Мамонтов.

Казак подумал и ответил:

— Я не струсил, а совесть меня взяла. Сердце подсказывало.

И казак заплакал горькими слезами.

— Ну ладно. Довольно плакать. Командир и мы тебе прощаем казак! Искупишь свою вину и дело с концом, — успокаивали красногвардейцы казака.

— Са-дись! — донеслась команда командира отряда. Красногвардейцы закидывали поводья и садились.

Лесной дорогой отряд быстро отошел от места ночлега. Мокрые от пота лошади помахивали хвостами. Шли ходким шагом.

Солнце перевалилось за полдень. Тяжкий зной томил людей и лошадей. Ветер кружил горячую едкую пыль.

А вот и Урджар. Запруженный главными силами отряда. Иван Егорович встретил своего младшего брата и тот что-то хотел сказать:

— Знаю все, можешь не говорить. Поговорим после, сейчас дай людям и лошадям отдых. В ночь выступаем в Бахты для подавления восстания, а оттуда навстречу Виноградову, с которым тебе пришлось встречаться в Сергиополе и убраться оттуда не подобиру. Говорят, Виноградов способный и боевой офицер? Что ж, попробуем измерить силу!!!

В подтверждение правильности своих воспоминаний сослался на приказ командующего войсками Семиреченской области.

Освещая в своем приказе военное событие, командующий указывал на то, что отряд Мамонтова захватил станцию Урджарскую и уже вышел в тыл города Сергиополя...

По большой улице станицы катились звуки конского топота. Отряд вытягивался из Урджара в направлении Бахты. Предстояло пройти путь до китайской границы восемьдесят км. Стояли жаркие дни июля. В эту пору, в этих местах, обычно, становятся прохладными ночи, а теплыми дни. Над степью поднимался аромат цветов и трав.

Людам и лошадям от горной прохлады, гнавшую ветерком из гор, легко дышалось.

Отряд двигался по полевой не пыльной дороге. Лошади отмеряли версту за верстой по будущим базам партизанского отряда «Горные орлы» хребта Тарбагатай. Шли вторые сутки этого похода.

К пограничному пункту — крепость Бахты отряд подошел в момент, когда ночь менялась с рассветом, крыши домов, кудрявые сады купались в мягких волнах утренней зари. Небо было чистое — ни одного облачка, и лишь в стороне границы ползла тяжелая туча, поблескивала молния и доносились звуки грома. В крепости огней видно не было. Стояла необыкновенная тишина и ничего заметного, чего-либо, заслуживающего внимания не было, но вот, высланная разведка из отряда принесла весть, что в Бахтах казаки, на окраинах патрули. Что делать? И решение было такое. Отряд развернуть в боевой порядок, продолжать вести разведку и наблюдение. А если противник осмелится броситься на отряд, тогда он с места обрушится на него огнем пулеметов, артиллерии, разстроит его боевой порядок и сам перейдет в контратаку. Но не прошло и одного часа, стали видны залегающие густые цепи бежков, готовившихся к броску в атаку, вот-вот последует сигнал и цепи поднимутся.

Но наша артиллерия спутала карты белоказак, открыла беглый огонь по вражеским цепям — застрочили восемь пулеметов. Белогвардейцы растерялись, кое-кто метнулся назад, готовящаяся атака захлебнулась — в этом случае наладить боевой порядок очень трудно и на долгое время теряется управление.

Пять наших снарядов один за другим бухали по крепости, на огненно-красном фоне разрывов металась лошадь, разбегались люди, поднялся крик женщин и детей, ревели коровы, кричала птица.

Конная группа под командованием Мамонтова развернулась и помахивая сверкающими шашками неслась к западной окраине крепости. Несколько всадников свалились с лошадей. Хлопали выстрелы из трехлинеек. Беляки кинулись за дома и плетни. А с другой стороны пеший отряд с обозом и артиллерией входил в Бахты. Площадь гудела, на ней телега к телеге стоял беженский обоз, направляющийся со своим скарбом и намеревающийся перейти границу. Лежали мертвые, стонали раненые. Многие дома горели. У беляков отпала охота продолжать сопротивляться, у них была одна забота — спастись. Офицеров не слушали и разбегались кто куда!

Василию Александровичу запомнился в этом бою забавный случай. Проезжая по улицам Бахты, они с трубачем видели много лежавших убитыми — порубленными.

— А вот еще лежит,— сказал еще чей-то голос,— белый...

А второй, стоящий рядом с ними, подошел и пнул его ногой. Старший урядник застонал.

— Живой сукина, собачья морда, добей его,— сказал молодой боец.

— Что ты! Разве можно раненого бить,— возразил трубач.

— А почему они наших не щадят?

— Ну, то они, а то мы, пускай умрет по-крестьянски.

— Да брось ты тень наводить, это же шкура казачья, что он мало убивал наших? Пристрелить и баста!..

Преодолевая страшную боль окровавленный старший урядник, как сейчас помнит Медведев — с трудом открыл глаза, прижимая руки к груди, чуть слышно заговорил:

— Не убивайте меня, дорогие люди, не виноватый я... не по своей воле служил у беляков, мобилизовали. Жена у меня и четверо детишек, помилуйте! — просил он. — Никого я не убивал,— пытаюсь хвататься за ноги окруживших его людей. — Буду служить Вам верой и правдой!..

— Вот видите,— проговорил кто-то,— он действительно не виновен, не разобрался в Советской власти, обманули его, как и многих его сослуживцев.

Раненый заплакал горькими слезами, прошептал:

— Как же верно сказали!..

— В штаб его, там разберутся...

Разобраться не пришлось — не успели отъехать от него, пленный скончался.

Бойцы знали, что в борьбе с врагами революции нельзя рассчитывать ни на человечность, ни на порядочность.

А, вскоре по всей крепости послышались тонкие и очень звонкие звуки сигнальной трубы. Эти звуки отдавались эхом и катились в невидимую даль Китая, как бы передавая эстафету борьбы — эстафету о начале русской пролетарской революции. И это как бы было извещение о том, что орудийные залпы Октября донесут в Китай марксизм-ленинизм.

С занятием Бахты у красногвардейцев еще больше поднялся боевой дух, смеялись, как ловили и гонялись за белогвардейцами. Нашлись и такие, увлекшись преследованием, чуть не угодили за границу. Пленных набралось больше пятидесяти человек, рядовые были распушены, офицеры расстреляны. Многие просились записаться в отряд. Беженцы из окружающих станиц Урджара, более чем пятьсот человек, были так же распушены.

А пока в Бахтах устанавливали Советскую власть, со стороны Сергиополе, в пригорьях Тарбагатайского хребта двигалась большая сила белых на Урджар-Маканчи.

Но в Бахты пришло еще одно тревожное сообщение. В станицах Сарканд, Капал, взбунтовалось казачество, разогнаны совдепы. Это известие не могло не беспокоить военное положение отряда, в котором очутился Василий.

«Как это могло случиться, что мы очутились во вражеском кольце», — удивлялся и ломал себе голову Иван Егорович, разглядывая потрепанную карту. Анализировал как мог создавшуюся обстановку, не вдаваясь в масштабы области и всей страны.

В штаб явились, вызванные по тревоге командиры подразделений.

— Не хорошо получается. — Потом оторвался от карты, потербил бороду и покачал головой. — Да, да. Вы слышали, — обратился он к присутствующим, — в каком мы положении находимся?

Кто-то из присутствующих, или брат Мамонтова, или командир роты Ряданцев бросил реплику:

— Похоже на катастрофу!

— Чья катастрофа, чья? — допытывался начальник отряда, осерчал, возмутился, выругался беспощадными словами и заключил, — отступающих только бьют...

Все знали, что в таких случаях лучше молчать, покуда пыл его не пройдет.

Но если здраво рассуждать и смотреть глазами того времени, положение отряда было угрожающим и неизвестно было, во что это все могло вылиться.

Обещанный Семиреченский полк на подмогу еще не

прибыл. Местные отряды, пока что в своих действиях еще не решительные.

Оставалось надеяться только на самих себя!

Мамонтов, чтобы загладить свою нервозность предложил курить, тишина сразу была нарушена и в хате от курения самосада появился густой синий дым.

— Ну, а еще лучше было бы,— продолжал Иван Егорович,— раздобыть самогона, с ним бы веселей дело пошло.

— Верно говоришь, Иван Егорович,— слышались голоса!

— Но беда-то вот в чем, ваши люди обшарили всю крепость, облапали беженок и ни одной рюмки не нашли.

Грянул хохот...

— Да это я сказал так, чтобы Вас развеселило! Нам сейчас не до самогона, не до подолов и юбок бабьих. Клинки в руки и айда на Виноградова, на Урджар. Мы не отступим, пока не разгромим проклятых казачат! Идите, поднимайте людей, пойдем ускоренным маршем на встречу с Виноградовым. Этот наш рейд особый. А ты Василь,— обратился к нему Мамонтов,— беги на почту, стереги телеграфиста и не разрешай перестукиваться, скоро приеду.

И, действительно, через каких-либо тридцать-сорок минут Иван Егорович подъехал к почте. Войдя в отделение он увидел у телеграфного столика телеграфиста в форменной черной фуражке с кокардой, с желтыми кантами, в добротном пиджаке с блестящими пуговицами.

— Чиновник?

— Да,— ответил телеграфист.

— Связь со всеми есть?

— Связь не нарушена, но вот многие запрашивают, а я не отвечаю, не велено.

— Кем не велено?

— А, вот этот товарищ не велел.

— Молодец Василь, догадался? Мы сейчас белячкам устроим баню. Вызовите Маканчи, будете передавать, что скажу я, а наврете — расстрел.

— Не беспокойтесь,— с волнением проговорил телеграфист. — Я белых не очень уважаю, жаль что здешний комендант крепости сбежал. У меня с ним свои счеты, грабил он народ и издевался.

— Не уйдет от нас Ваш комендант, если только за границу не утек,— ответил начальник отряда. Аппарат застучал.— Вызывай к аппарату капитана Виноградова, будет говорить родственник генерала Мамонтова.

Василий стоял внедоумении и не допонимал уловки Ивана Егоровича.

Прошло несколько минут, аппарат вновь застучал, Василий вытянул шею и следил за передачей.

— Читай, что пишут,— повелительно потребовал Мамонтов.

— У провода капитан Виноградов спрашивает, где комендант крепости и как его фамилия?

— Передай ему, здешний комендант вылавливает партизан, а фамилию его и чин сам знаешь как передать...

Аппарат тихо постукивал.

— Виноградов запрашивает давно ли виделись с генералом? И где он сейчас?

— Отвечай, слух прошел среди офицеров, когда я ехал с Дона, будто бы конную силу собирает, но мне хотелось бы с Вами повидаться, увязать наши действия против крамольников. Тут где-то блуждает отрядишко голодранцев и говорят отрядом командует тот же Мамонтов, надо его взять живьем, тогда и разберемся в родстве!

— А, Ваш чин?

— Ротмистр...

Узкая белая ленточка с точками и тире медленно ползла, свертывалась кольцами, падала на пол. Телеграфист продолжал читать:

— Приезжайте, господин Ротмистр завтра, я дам распоряжение, Вас встретят и пропустят в мой штаб. Людей своих в Маканчи не вводите, пока не увяжем наши совместные действия. Сколько с Вами войска?

— Пятьдесят человек с пулеметом.

— Прекрасно! Во что Вы будете одеты?

— Поверх кителя офицерская накидка.

— До встречи,— прочел телеграфист.

— Рад с храбрым капитаном встретиться, молва ходит, что Вы храбрейший офицер и с большим умом! — ответил Мамонтов.

— А теперь,— обратился Мамонтов к телеграфисту,— вызывай Сарканд, Капал и передай казачкам, если они не перестанут бунтовать и не отнимут своих грязных рук от Советской власти, всех зачинщиков ждет неминуемая смерть и всем жестокое возмездие. Посылаю карательный отряд.

А тем временем из Гавриловки к Капалу двигались наспех сформированные малочисленные отряды под командованием А. Я. Петренко и Баженова.

После телеграфного разговора дверь к телеграфу была

закрота на замок, провода отключены, а телеграфист был отправлен домой под надзором.

Не успел начальник отряда усестся на коня, как главная сила отряда уже шла по широкой улице Бахты, укрепленного пограничного пункта Лепсинского уезда. Предстояло пройти до двадцати пяти км., а там и Маканчи, а там встреча с грозным белоказачьим отрядом более чем в пятьсот человек пехотинцев и эскадрона конницы алашординцев, вооруженного до зубов преимущественно японским оружием. Этот отряд следует тем же маршрутом, что и белогвардейский отряд Ярушина, и с теми же коварными задачами, которые недавно были разгромлены Мамонтовым.

2

Командование боевых войск Сибири не успокаивалось, а гнало в Семиречье один отряд за другим, накапливало свою мощь в этом районе, с далеко идущими намерениями.

Памятен ему Маканчи, расположенный в треугольнике Урджар, Бахты, Рыбачье, ныне Маканчинского района Семипалатинской области.

Отряд с мерами боевого охранения вытянулся из Бахты, спешил в Маканчи. Мамонтов находился в голове колонны отряда. Начался рассвет, небольшой туман быстро рассеялся, на востоке протянулась чуть заметная оранжевая полоса. Ветер не утихал. Тучи ползли над станицей. С гребня можно было наблюдать силуэты домов окраины станицы. Отряд почти у цели! Пройдя поле зеленой ржи, отряд свернул в балку для кратковременного привала с тем, чтобы себя и лошадей приготовить к предстоящему бою. Мамонтов приказал: «Не позже, как через час ворваться в Маканчи, я буду вас ждать в штабе Виноградова». А сам с трубачом Тимофеевым и Василием пошел рысью на Маканчи. Заместители начальника отряда — его брат и Кихтенко и другие хотели спросить куда едешь, зачем, но уже было поздно. Они от отряда усакали далеко.

Но как они не торопились, все же по старому русскому обычаю присели перед рискованным делом. Теперь они одни. Сердце его где-то бьется у самого горла. Тимофей не падает духом. Как и всегда:

— Быть тебе, Иван Егорович, Суворовым!

Есть ведь у людей голова, не трубит, а думает, и как охоту поучиться, посмотреть эту партию, вступить...

— Все будет, всё,— улыбнувшись сказал Мамонтов. — Мировая революция поднимет народ, мы еще дождем до хорошей свободной, счастливой жизни...

Мамонтов в эти минуты был одержим только одной мыслью, добраться до штаба белых, сделать свое дело, особенно вслух идеи свои не высказывать, а лишь предупредил, чтобы они при обращении называли его «господин ротмистр».

— Помните, я для вас не «товарищ», а отныне «господин»! Ненавижу господ, а что делать? Мы все втроем будем действовать применительно к обстановке, а пока мы будем беседовать в офицерами, а беседу затянем, усыпим их бдительность с тем, чтобы наш отряд успел нагрянуть внезапно.

Но вот показались три всадника, Мамонтов проговорил:

— Это едут нас встречать.

Встречавший офицер подъехал первым и тут же спросил:

— Вы господин ротмистр Мамонтов?

— Да, я.

— А с Вами кто?

— Это мой трубач и адъютант,— ответил Мамонтов. А войско мое отсюда далеко... Скажите далеко еще ехать до штаба капитана Виноградова?

— Нет, недалеко, вон видите дом под железной крышей.

— Да, да вижу...

Где-то на окраине станицы хлопнули несколько выстрелов и простучала короткая очередь пулемета. Такая стрельба ночью и по утрам была обычной.

Должно быть идут обстрелы. Люди, слонявшиеся по улице, не обращали на них никакого внимания. Как будто в привычку вошло.

— Господин офицер,— тревожно спросил Мамонтов,— что за выстрелы?

— Видно большевистскую заразу хлопают.

— А что ее здесь разве много?

— Попадаются, но ничего скоро отряд подчистит все. Советы под гребенку...

Поправляя свою накидку Мамонтов предложил:

— Не лучше ли слезть с лошадей и дойти до штаба пешком?

— Не извольте беспокоиться, господин ротмистр, доставим Вас в полной сохранности.

— Польщен вниманием,— улыбнувшись проговорил Мамонтов.

— А, впрочем, как Вам угодно,— сказал офицер. Мамонтов слез с лошади, за ним трубач.

— Ты адъютант не спеши, останешься с лошадьми, а после отвезешь донесение.

У него остались в памяти эти последние слова: «Держи уши топориком и следи в оба за этим домом, и чуть неладное заметишь, скажи в отряд».

Ничего не оставалось делать, как повиноваться. Василий до того напугался, что его стало лихорадить, охватил дикий страх. Василий знал, чем это кончится. А он не отступит, пока не добьется цели. Ему храбрость и лихость ни у кого не занимать. Он всегда шел навстречу опасностям.

В большой комнате штаба стоял шум веселых голосов:

— Господа офицеры,— покачнувшись и опираясь на стол, проговорил капитан Виноградов,— предлагаю тост за здоровье человека, благодаря которому мы имеем возможность защищать Россию от внутренних врагов, от большевистской заразы. Выпьем за здоровье верховного правительства России, адмирала Колчака. Ура! За полную победу. Ура!

Из соседней комнаты выскочил дежурный офицер и вышел навстречу прибывшему гостю. Представился, откозырял и быстро побежал докладывать своему атаману. По его полному, разрумянившемуся лицу было видно, что атаман рад встретить почетного гостя, и он, вновь, еще раз с трудом поднялся со стула и поправил пенсне. Чуть картавя стал произносить:

— Господа офицеры, нас осчастливил своим посещением ротмистр Мамонтов, родственник лихого Мамонтова, генерала от кавалерии.

В комнате стало тихо. Все повернулись к двери, в которую входил Мамонтов и сопровождающий офицер. Трубач Тимофей остался в другой комнате штаба, где толпились младшие чины, сновали вестовые, писаря, денщики.

— Я не помешал господа?— учтиво спросил Мамонтов.

— Нет, отчего же! Просим Вас к столу.

— А, где же Ваши дамы?— спросил Мамонтов. — Или ранние часы этому полу не сопутствуют?

— Мы без них, нельзя, штаб все-таки,— заметил гово-

ривший офицер, — собрались выпить перед выступлением, и на одно и помянуть государя императора.

— Поминки, дело превосходное. Позвольте и мне к ним присоединиться, я добавлю, кого еще забыли помянуть...

Все рассмеялись.

— Просим, просим, ротмистр! — заговорили голоса.

Для окончательной убедительности Мамонтов спросил:

— Вы и есть капитан Виноградов?

— Да, да, — последовал ответ.

— Здоровья желаю, господа офицеры, доблестного отряда!

Офицеры внимательно следили за поведением Мамонтова. По сути дела надо было сесть за стол и выждать время налета отряда. Но он этого не сделал. То ли потому, что у него нервы не выдержали, то ли пристальные, пытливые взгляды офицеров показались ему недоверчивыми, и они вот-вот отгадают, что он не то лицо, за которое себя выдает и вынуждены будут наброситься и схватить его.

— Руки! — крикнул он резко. — Шкура ты офицерская! Если пикнешь, сейчас же сыграешь в ящик!

— Ну, кто там в карманы полез? Стоять и не шевелиться, проклятое офицерье, — он плюнул с досады, выпрямился, сбросил с себя офицерскую накидку и скомандовал. — Стоять смирно, перед вами командир красногвардейского отряда! Именем советского закона вы арестованы, сдать всем оружие...

— Взять его, — скомандовал Виноградов и тут же хрипло ахнул, качнулся, подгибая колени, рухнул на пол. Мамонтов выстрелил и попал ему в голову.

Поначалу взгляды присутствующих офицеров были налиты смертельным ужасом. Они растерялись и стояли с поднятыми руками, пока хмель не вышел, они не знали, что же делать. Мамонтов успел в этой растерянности еще уложить несколько человек, патроны вышли и он стал выбегать из штаба, за ним приснул и трубач, который тоже прикончил несколько человек, подбегали к штабу вооруженные люди. Мамонтов с трубачем не могли отбиться от охраны казачьей ватаги. Они оба были схвачены. Два, раздетых до белья, опустив головы, с кровавыми ссадинами, с изуродованными лицами, связанными, стояли чуть на ногах с выражением обреченности.

— Поднимите головы! — скомандовал офицер. — И покажите господа удаль перед смертью!

— Мы умрем, — прошептал Мамонтов, — но вам от нас не придется уйти живыми! Нет Вам места на земле! Нет!

— Рубите их! — крикнул офицер казакам. И те с яростью, с наточенными клинками стали упражняться в рубке живых, связанных людей. Искромсали на куски, а куски разбросали по улице.

Ожидание Василия становилось утомительным и тревожным. Не спуская глаз с дома, до него донеслись крики толпы. Василий понял, что мешкать тут нечего, моментально пересел на коня Ивана Егоровича, зная о том, что этот конь сильно прыткий и не в меру горячий. Своего и трубача лошадей отпустил и поскакал галопом известить отряд о постигшем горе.

Оглянувшись назад, Василий увидел, что за ним скачет погоня, три казака. Василий коня пустил в полный галоп, ну думает, на этом коне черта с два вы меня настигнете. Стрелявшая в него погоня, не повредила ни его, ни его спасителя — коня, ни его всадника. Видно гонщики были плохими стрелками. Никакая беда не догнала.

Погоня до того им увлеклась, что врезалась в органы боевого подвижного охранения отряда, который уже подходил к Маканчи и нацелился для удара. Отряд опоздал всего лишь на десять-пятнадцать минут и это время оказалось для отряда трагическим для такого дерзкого рейда — всего лишь десять-пятнадцать минут!

Трудно сейчас судить. Сам ли виноват Иван Егорович, или отряд совершил непоправимую ошибку, остается загадкой...

Белоказачий отряд учуял приближение отряда Мамонтова и стал после зверской расправы над своими жертвами приводить себя в боевую готовность. Но было уже поздно. Отряд Мамонтова под командованием его младшего брата ворвался в Маканчи с двух сторон.

3

Глубокий рейд отряда по вражеским тылам сломил сопротивление и потряс противника в связи с дерзким убийцей Виноградовым.

С небывалой быстротой батарея снялась с передков и тра! трах! Ударил по центру станицы беглым огнем. Застрочили пулеметы и пошла пехота! Беляки — кто куда. Убито и порублено было их много. Все улицы были завалены трупами. Паника охватила всех. Кто еще сопротивлялся, так это эскадрон алашординцев. Все метались ища выхода из окружения в тяжелых тучах, горячее, клубящейся пыли. Офицерский состав, казачьи урядники, би-

лись и рубили, но в плен не сдавались. Около трех часов полудня белоказачий отряд Виноградова был разгромлен. Тело Виноградова было изрублено на куски, и так же было разбросано по пыльным улицам, улицам Маканчи.

Послышался конский топот и все, кто находился на улице подняли головы. Кто-то крикнул: «Мамонтова ведут...» Бойцы гурьбой стали собираться на улицу, по которой везли Мамонтова. Куски растерзанного тела командира Красногвардейского Верненского отряда Ивана Егоровича и трубача Тимошки, так его ласково называл Мамонтов. Они были закутаны в одеяла, везли их на подводе, на груди Тимофея лежала погнутая сигнальная труба, с истертым когда-то золоченым шнуром, с потрепанными кистями. Сзади подводы вели коня, на котором ездил Мамонтов.

— Отвоевался наш командир! Да, такого человека потеряли!

— Зря Иван Егорович отдал им свою жизнь, зря! — загудели голоса.

— Мстить — мстить беспощадно, — кричали красногвардейцы.

По старому воинскому обычаю командиры подразделений сняли головные уборы. Почтили память этому отважному, мужественному боевому командиру, обладавшему незаурядными военными способностями.

Металлист, рабочий, пал смертью храбрых за рабочее дело. Куски тел убитых были сложены в железный гроб и под конвоем был направлен для захоронения в г. Верный. Довелось ли этот гроб доставить до места назначения, этими сведениями Василий не располагает.

Свое же переживание о трагической гибели Ивана Егоровича Василий выразил своими горькими слезами, и когда он пишет об этом, все это горе мерещится у него на глазах.

От поражения отрядов белой гвардии под предводительством Ярушина, Виноградова и других, обстановка, правда, временно, но смягчилась. Но тот страх, который нагнал Мамонтов, стал спадать. Силы белогвардейцев накапливались, враг не дремал, создавались казачьи отряды по борьбе с Советской властью в Сергиополе, Урджаре, Лепсинске, Сарканде, Капале и др. станицах.

Несколько позднее, прибывший малочисленный и слабо вооруженный первый Семиреченский социалистический полк двухротного состава, с двумя пулеметами для совместных действий с отрядом Мамонтова, что-либо существенного в

обстановку не внес. А пропаганда белого командования делала свое дело.

Призываемые солдаты белой армии приводились к присяге Николаю. Советская власть почти вся ушла в подполье. Беляки установили свою власть, учиняли расправы со всеми, кто был причастен или лоялен к Советам. Так в Сергиополе зверски было убито около четырехсот человек. В других станицах были истерзаны на части восемьдесят женщин и детей. (Из истории героической борьбы Семиречья стр. 10, из материалов Казах. ЦМЭЛ, папка 21).

Приближалось время тяжелых испытаний, тяжелой и томительной борьбы.

Победа над белогвардейскими отрядами была в то время выдающимися событиями и радостями для отряда.

Вот что сказано в сводке информбюро при совнаркоме Туркестанской Республики о положении на Северном Семиреченском фронте. Алма-Ата в период октября, в годы гражданской войны (стр. 262—263).

«Советскими войсками,— говорилось в сводке,— занят Капал. Белогвардейцы разбиты и бежали в горы». (Эти сведения видимо относятся к итогам боевых действий отряда Петренко).

Советский отряд под командованием И. Мамонтова разбил двухтысячный отряд чехословаков, наступавших из Семипалатинска и укрепился в Урджаре. В советских войсках царит бодрый дух и твердая дисциплина. Крестьянами организуются партизанские отряды для поддержки войск.

А вот еще одно немаловажное сообщение. Совнарком Туркестанской Республики телеграфирует В. И. Ленину:

«Против чехословаков, показавшихся в Семиречье ведем наступление. Результаты хорошие. Будем усиленно развивать действия на Сибирь».

Это донесение В. И. Ленину имеет прямое касательство к действиям отряда Мамонтова.

На всю жизнь у Василия и у тех, кто знал Мамонтова, останется образ этого мужественного и храброго человека, рабочего, посвятившего себя революции. Нет на свете людей, лишенных чувства страха, но он победил страх, руководствуясь долгом перед Советской властью. Этот возвышенный долг оказался сильнее опасности и смерти. Боевые действия отряда являются первыми яркими лучами в борьбе с контрреволюционными силами и по восстановлению Советской власти в Северном Семиречье. Этому

примеру следовали люди и других отрядов, проявляя героизм и мужество.

У него были дорогие ему семья, дети, которых он очень любил, он тревожился и за судьбы близких. Рассказ о подвиге командира отряда Мамонтова явился небольшой сюжетной лентой в куске «Мятеж» Д. Фурманова. О боевых действиях отряда И. Е. Мамонтова рассказывается в книге «Черкасская оборона». И наконец, в книге С. Жантуарова «Гражданская война в Киргизии».

Но к сожалению, ни в одном населенном пункте бывшего Северного Семиречья никак не выражена память этому человеку и его отряду.

Василию хорошо известно и он даже был свидетелем гибели под Саркандом и его родного брата. После тяжелого боя с беляками в Маканчи отряд снова прибыл в контрреволюционную станицу Урджар, с намерением восстановить и укрепить в станице Советскую власть. Мамонтовцы на Урджарское белоказачье осиное гнездо имели острый дуб, «и как бы враг не пыжился — будет ему ижиться» — поговаривали мамонтовцы. В Урджаре отряд не простоял и суток, пошел вторично на Сарканд душить вспыхнувший контрреволюционный мятеж, оставив в станице отряд самообороны под командованием А. Ткачева, снабдив его оружием и боеприпасами.

Мамонтовцы намеревались после Сарканда еще раз вернуться в Урджар. Но обстановка этому намерению не сопутствовала.

Отряд ринулся в бой не разведав, что за силы в Сарканде, ожидая, что вовремя подойдут к Сарканду отряды Петренко. Но к началу боя поблизости никаких красногвардейских войск не оказалось.

Обещанные отряды на помощь не подошли.

Отряд ворвался в Сарканд, занял станицу, площадь. Это ту площадь, с которой старший Мамонтов при взятии Сарканда в первый раз, обращаясь к жителям станицы сказал: «Ежели нападут на вас беляки, дайте знать, спуска не дадим. Так и знайте, оружия у вас есть. Защищайтесь и бейте врага. Не поддавайтесь контрам!»

В станице развернулась жестокая кровавая борьба, бились долго — целый день. Да как еще бились. Чертям тошно было. Жестоко рубились мамонтовцы, им это было сподручно не в первый раз. А отряд редел, силенки слабели, патронов осталось мало, по два-три штуки на человека.

Хватились, а начальника отряда нет. Стали искать. Его знали все и восхищались им. Он выводил людей, спасая

их от гибели. Десятки раз рисковал собственной жизнью, как и его брат.

Его нашли беспомощно лежавшим в луже крови, у казачьего станичного правления. При попытке ворваться в офицерское логово, тело его было пробито несколькими пулями.

Умирая на руках своих бойцов он шептал: «Держаться, держаться, товарищи!» Затем лицо его залила смертельная краска.

Так сражался за рабочее дело, за счастье народов младший Мамонтов.

Из этого зловещего, замкнутого круга, в котором бился отряд с неравными вражескими силами более трех месяцев один на один, и из которого казалось бы не было никакого выхода, но отряд не дрогнул, рискнул пойти в бой, не уклонился от него, а выполнял наказ своего любимого начальника отряда Ивана Егоровича, поджидая помощи, поддержки, а ее все не было и не было. И ночь подошла, а ее все нет и нет.

Утрата младшего Мамонтова поколебала былой дух, боевую сколоченность и веру в свою победу. Какая-то тяжкая беда стряслась здесь. Не одну неделю отважный отряд бил беляков. И вот, отряд, не знавший поражений, вынужден был отходить.

Разрозненные группы постепенно оставляли Сарканд. Шли на Абакумовское для присоединения к объединенному отряду Петренко.

Вспыхнувшее большое восстание казачества в Сарканде и в других станицах Северного Семиречья вызвано было тем, что в этом районе не была еще как следует упрочена Советская власть. Колчаковская пропаганда делала свое дело. Из Сибири усилился наплыв белых войск.

4

Защищать и устанавливать не окрепшую еще Советскую власть пришлось Верненскому красногвардейскому отряду Мамонтова и небольшим разрозненным партизанским отрядам, и отрядом самообороны.

Вот в этот самый тяжелый июльский месяц и создается так называемый Северный Семиреченский фронт.

Командующим был назначен помощник облвоенкома некто А. Петренко.

Полномочия ему были даны очень большие. Ему пред-

писывалось формировать отряды и с ними следовать в район северных станиц Семиречья с ближайшей задачей:

- Подавление казачьих восстаний и мятежей
- Воспрепятствовать подходу колчаковских войск.
- Установить связь с отрядом Мамонтова и помочь снять осаду белогвардейцев в Лепсинске.

Петренко не оправдал доверия областного исполнительного комитета и военного комиссара. Ни одной из поставленных задач Петренко не выполнил и был освобожден от должности командующего войсками.

Если сказать ради справедливости, то эта мера была крайне мягкая и либеральная.

А позднее он узнал, что Петренко в 1920 году был ярким участником Верненского мятежа.

Отряд Петренко в Лепсинском районе продержался не более недели. Не разорив осиное гнездо врагов, сделав лишь несколько уколов противнику, не решился дальше ввязываться в бой, взяв курс отхода на Гавриловку. Вместе с ним и ушла часть Лепсинского гарнизона.

На отход отряду разрешения не было, да и обстановка к этому особенно не вынуждала. Приказ командующего области Л. П. Емелева гласил: «Идти вперед, а не назад!»

Отряд с трудом оторвался от белоколчаковских войск, пробирался в Гавриловку окольными путями, и только в ночное время, днем же прятались в балках, камышах. Люди обносились, боеприпасов оставалось весьма ограничено. Дисциплина зависела от решения митингов. Идти в бой, или нет! Или уходить! Всем хотелось скорее повидать родных и выбраться из этой каши подобра и здоровью. И той думой был пропитан весь состав отряда и сам начальник отряда Петренко.

Отряд в более полтысячи человек утерять способность не только бить врага, а старался не встречаться с ним. Сам Петренко личной храбростью и мужеством не отличался, как братья Мамонтовы.

Вскоре мамонтовцы были отозваны в область и, если сказать по правде, путь отряда Мамонтова слезами и кровью измерял.

А теперь Василий хочет возвратиться к тому, чтобы немного рассказать о происшедшей довольно любопытной встрече, которая врезалась в его память.

Это было во второй половине сентября. В районе Ак-Су скапливались большие силы белоказачьих войск. Требовалось найти проход не занятый и не наблюдаемый про-

тивником. Эту задачу было доверено троим: старшего звали дядя Ефим — бывший служака царской армии, боец из киргиз — джигит, звали его Мырза и третьим был Василий.

«В разведку пошли ночью. Перед рассветом остановились в ложбине. Стали прислушиваться и приглядываться к местности. В метрах в двухстах мимо нас прошли три казака и скрылись, видно было, что это их ночной секрет. Мы насторожились и стали осторожно пробираться, используя густую, высокую траву. Ложбинки, где перебежали, а где и ползли. Ни у нас, ни у противника сплошного фронта не было, поэтому, зная местность, легко можно было небольшой группой пробраться к белякам и узнать их расположение. Так же легко это можно было сделать и противнику.

На вторую ночь мы от своих отошли верст на двадцать пять-тридцать. Выбрались из чащи, забрались на высокий холм, чтобы хорошенько разглядеть местность. Нас поразила красота. Перед взором большое плато, высились могучие горы с густым лесом, внизу небольшой хутор, к нему тянулась лентой полевая дорога, а рядом с пологими берегами, извивалась одна из семи рек Ак-Су, торопясь бежала в озеро Балхаш.

В этом хуторе мы заметили расположение до двух сотен казаков. Решили поймать пленного и выбраться из расположения противника.

Целый день внимательно изучали местность и место, где удобнее схватить казака. Мы договорились между собой, кто и что будет делать, когда будем брать казака».

План был прост. Поскольку Василий был самым младшим, да и физически слабее, должен стоять у избы и наблюдать, двое его товарищей зайдут в избу и первого попавшего разбудят, выведут во двор, а там пойдет как надо. Спросонку не поймет, кто вызывает и зачем. Оглушат, заткнут рот тряпкой.

Спустившись с холма, с большой осторожностью приблизились к избе. Неподалеку стояло несколько лошадей на привязи, фыркали и жадно жевали только что подкинутую сочную траву. Два окна этой избы были обращены на улицу, а дверь была сбоку и ее видно не было.

«Все шло хорошо и только стали открывать дверь избы, услышали окрик:

— Кто там?

Отвечаем:

— Свои.

— Пропуск!

Наугад крикнули. Затвор.

— Стоять, не шевелиться,— последовала команда. Это подъехал патруль из пяти человек.

— Кто такие? — обратился старший. Мои товарищи не растерялись, поняли, что влипли, приснули за плетень и скрылись в ночной тьме. Им вдогонку последовали выстрелы».

Пока Василий соображал, засуетился от растерянности на нем уже висела петля от «чембуры». Сопротивляться было бесполезно, а чтобы не было никаких улик, Василий успел забросить свой револьвер.

Уже рассветало, патруль передал его коренастому казачку, он его и сейчас помнит — в добротных сапогах, сукожные шаровары с малиновыми лампасами, набекрень одета фуражка, с большой кокардой. Большой чуб волос. Через плечо его висел казачий клинок, в руках держал пагайку. С усами и бородой.

И Вася подумал, сейчас начнется пытка, и выдержит ли он её. Казак спросил:

— Откуда?

Он ответил:

— Из Капала, ищу своих родных.

— А кто был с тобой?

— Капальские ребята!..

— А чей револьвер валяется?

— Не знаю.

— Не, ты знаешь антихристовое семя. Отвечай, зачем явился.

Он молчал.

— Молчишь, языка лишился? Черт бы забрал тебя, дурня неотесанного.

Подходит казачий офицер, казак еще пуще стал на него кричать:

— Ты за Советами погнался, землю решил отбирать? А ведь эту землю твой дед кровью завоевывал.

— Мне земля не нужна. Земля нужна Советской власти, трудовому народу.

— Ишь как насобачился говорить! Морда ты собачья. Распустился в Совдепии...

— А ну-ка подведи его сюда,— бешено закричал офицер.

— Ты, паршивый казачишка, совесть продал большевикам, за пятиалтынный, иуда! Повесить его на «онучи» и дело с концом,— высказался казак.

— Так ты, говоришь, сын нашего урядника Калачева,—

обратился офицер. — В подводах стало быть служил, в отряде Мамонтова. Так, так...

— Есть у вас в Приильском полку Александр Василиевич, вот это мой отец, родной,— поспешил он подтвердить.

Василия тут же взяли и направили на заставу, где находился его отец.

Сопровождавшие его казаки представили сотнику. Тот вызвал отца. Они встретились без особого восторга. Офицер его предупредил говорить всю правду, иначе запрет плетью.

— Допрашивай своего сына,— приказал офицер.

Отец поначалу мялся, а потом спросил:

— Ты часом не большевик сынок?

— Нет,— отвечает он,— в партию не записывался.

— Так оставайся у нас. — Он покачал головой.

— Темный он у меня еще, господин сотник! Не поймет что к чему.

Нет, Василий немного стал понимать, за что борется трудовой народ. Он борется за правое дело, за власть Советов. У красных есть и казаки, те которые сознательные...

Офицер от его ответа и на предложение отца Василия разозлился до предела.

— А где мать, бабушка, братишки? — спросил Василий отца.

— Они со мной, рады будут тебя видеть. Бабуся все время в слезах, здорово горюет о тебе. Брось свои Советы. Ты же казак и кровь казачья, айда к нам добровольцем.

— Не пойду к вам,— резко ответил он,— лучше отпустите меня.

Со слезами стал уговаривать офицера и отца, даже встал на колени.

Офицер окончательно разгневался, ударил Василия нагайкой:

— Зачем он нам нужен, этот большевистский выкормыш. Увести и расстрелять.

Отец стал уговаривать, чтобы не прибегать к этим крайним мерам. Офицер ни в какую, и упрекнул отца в лояльности Советской власти. И повелительно приказал его увести.

Тут же вышли два казака и его вывели. Отец вышел в смятении и ужасе.

Подвели его к реке. Отец долго уговаривал казаков не убивать сына. Вася шел в смятении, слезах, было мучительно жаль, что попал к белым. Вспомнил он свой дом,

перебирал в памяти обрывки своей жизни. В голове было мутно.

— Да разве вы люди? — крикнул Василий с великой силой презрения. — Отец, помоги, спаси меня, сжался. Одна надежда на твою помощь!..

— Ну ладно, прыгай в воду, — сказал один из казаков. — И беги. Бог с тобой!

И дали в воздух два выстрела. Переплыв на противоположный берег он почувствовал, как в его груди зреет сила, что он спасся. Пробежал от берега два-три км, передохнул. Немного успокоился и пошел искать ближайший путь на Гавриловку.

Когда вспоминаешь далекое героическое прошлое, неизбежно возникают вопросы — почему то-то не сделано? И почему это? Но на это несколькими словами не ответишь. Прежде надо взглянуть сквозь призму прошедших далеких лет.

Нужно много сопоставить, взвесить сегодняшним днем. Да это и не так легко, дать исчерпывающий анализ того, довольно сложного периода 1918 года. Самое начало становления Советской власти в Семиречье.

Дела отрядов, которые были направлены для установления Советской власти в северные станицы имеют свои теневые стороны.

Начальники отрядов имели неограниченные полномочия в политическом, экономическом и военном отношении. Действовали именем Верховной власти Семиреченской области. Их дела не контролировались. Заскоки их не удерживались. Образно выражаясь, они представляли самого бога и воинского начальника. Что хотели, то и делали. В отрядах имелось очень мало партийной прослойки. Напротив, в отряде эта прослойка была $\frac{1}{2}$ ко всему личному составу. Мало было пролетарской прослойки и революционной стойкости.

В отряды проникали вражеские, неустойчивые, махровые эсеровские кулацкие элементы. Жунтов К. Я., Иванов И., Калашников Н., Бондаренко П. и др.

Нечего греха таить, — устраивались грабежи, насилия, произвол, превышение власти под видом диктатуры пролетариата. Все это не могло ни отразиться на политике Советской власти, на озлоблении населения. Все это и многое другое дало возможность разрастись этому яруму анархисту Анненкову.

Дали ему волю душить, истерзать народ.

История справедливо подметила язвы в действиях

красногвардейских отрядов. А с другой стороны дело это было новое, не испытанное.

В. И. Ленин указывал: «Борясь за осуществление великой задачи социалистического преобразования нашей страны росейский пролетариат не имел ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего, не испытанного тоже».

Эти мысли Ленина собственно и сглаживают вину военнополитических и советских руководителей Семиреченской области, за допущенные ими ошибки в первые месяцы и дни Гражданской войны в северном Семиречье.

Суровое было время. И в законной своей суровости революция оставалась заботливой к рядовому, трудовому человеку.

Мы люди старшего поколения настолько пригляделись к переменам вокруг себя и нелегко теперь и в мыслях вернуться к тем годам.

Как известно, пятнадцатого января 1918 года был издан ленинский декрет о рабоче-крестьянской Красной Армии. Отменялась выборность командного состава. Начался постепенный переход от принципа добровольности к мобилизации.

Отряды красной гвардии Семиречья были реорганизованы и переформированы в воинские регулярные части Красной Армии.

Это произошло примерно в середине 1918 года. Но не повсеместно. На Северном фронте, в Гавриловке реорганизация происходила позднее. Численность призывников на Северном фронте достигала до тысячи штыков и сабель — это уже была по тому времени внушительная сила регулярных частей Красной Армии.

В Армию вступали представители многих национальностей, в том числе казаки, узбеки, таджики, туркмены и другие национальности республик Средней Азии.

В. Александрович хорошо помнит как все были рады созданию Красной Армии. Какие восторженные приветствия приходили. Войска фронта стали получать зимнее обмундирование — валенки, шапки, полушубки, оружие и боеприпасы.

Коммунистическая партия Туркестана хорошо позаботилась о снабжении бойцов Семиреченского фронта. Эту заботу он испытал на себе.

Нам хочется еще раз прибегнуть к ленинскому анализу о добровольных отрядах...

На VIII съезде партии В. И. Ленин говорил: «Мы шли от опыта к опыту, мы пробовали создавать добровольную

армию, идя ощупью, нащупывая, пробивая каким путем при данной обстановке может быть решена задача. А задача стояла ясная. Без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли. Господствующий класс никогда не отдаст своей власти угнетенным».¹

Спустя много лет нам удалось уточнить фамилии товарищей, с которыми приходилось встречаться и слышать о их ратных подвигах, воспользоваться указателем некоторых имен из книги «Черкасская оборона» о многодневных боях. Эти люди обладали храбростью и мужеством и не щадили своей жизни за установление Советской власти.

Вот их имена. Разумеется это далеко не полное перечисление. Их было немало:

1. Мамонтов И. Е.	14. Фомин
2. Мамонтов П. Е.	15. Затыльников Н. Н.
3. Шапошников Ф.	16. Середин С. И.
4. Кихтенко Д. И.	17. Шевцов А.
5. Коряк Л. Х.	18. Безруков В.
6. Емелев Л. П.	19. Лукашев И.
7. Казбеков Р.	20. Беккер Ф. И.
8. Темирбеков У.	21. Косач В. В.
9. Рязанцев И.	22. Аникеев М. З.
10. Казанцев Е.	23. Руковкин И. Ф.
11. Белов И. П.	24. Ткачев А.
12. Вихров М.	25. Хмелев В. И.
13. Баженов Е.	

А сколько их рядом, этих людей с удивительной судьбой! Эти люди не любят рассказывать о себе.

Для молодежи — прикосновение к людям старшего поколения, совершивших подвиг в гражданскую и ВОВ оставит след в их сердцах и разуме.

Сегодняшнее поколение растет в мирные годы, занимается будничным трудом. Но оно несет эстафету своих дедов, отцов и старших братьев. И она всем своим нутром эти революционные трудовые боевые традиции восприняла.

Этот пафос боевой молодости Советской власти в Семиречье и дух героической борьбы революционной гражданской войны выражает великое уважение к тем, кто более полувека сражался на этой земле.

25. IV. 1972 г.

¹ В. И. Ленин Соч. т. 29, стр. 132—133.

Глава IV. В НЕВЕДОМОЙ ДАЛИ

I

Зиму 1918 года он помнит хорошо.

Дни стояли морозные, часто бушевала злая метель. Снежные заносы вынуждали ехать или шагать пешком вдоль дороги по глубокому скрипучему снегу ориентируясь по телеграфным столбам.

Память о ней может только и свежа, что такую зиму переживал впервые. Она не прошла боком, не заметно, а связана была с кипучей, бурлящей новой жизнью, с новыми людьми.

Я не буду описывать, как он добрался до Гавриловки. Трудностей и лишений было много. Не сдавался он на милость враждебным настроениям. Не покорился уговорам, запугиваниям. Не отчаялся от голода, от холода и даже прошел мимо дома и не зашел.

Не дал он себе как следует отдохнуть, заменить потрепанные вшивые зимние лохмотья, подлататься, да и досыта поесть.

Пошел он в штаб фронта. Все как было начисто рассказал.

Его назначили ведать складом боеприпасов и оружия. В обязанности входило отпускать боеприпасы по нарядам и накладным штаба и производить прием груза с артиллерией и боеприпасами.

В штат входили кладовщики, специалисты по оружием и боеприпасам и несколько грузчиков.

Василий хорошо изучил инструкцию по хранению боеприпасов. Кладовщики многому его научили. Должность нравилась, и он гордился тем, что стал вроде бы работником штаба фронта. Ревностно и добросовестно относился к своим обязанностям. Помощником его был верненский казак Николай Шабалин.

Старше его по возрасту. Выпивал, шатался по бабам ночами, заболел непристойной болезнью, но дело оружейное знал очень хорошо.

Однажды Василий встретил бывшего командира красногвардейского отряда Н. Н. Затыльников. Его отряд из Верного вышел в северные станицы одновременно с отрядом Мамонтова. Вася знал, что теперь он командующий вместо Петренко. Полевой его штаб временно размещался в Капале. Встреча состоялась в районе складов с боеприпасами.

— Подожди-ка молодец. Ты никак мамонтовец! Где воюешь?

— Да вот,— говорит,— назначили ведать артиллерийским снабжением, боюсь несправлюсь, ничего ведь в этом не кумекаю.

— Ничего научишься. Я вот числюсь командующим. А кто я? Простой, рядовой солдат. Никаких военных учебных заведений не кончал. Назначили, доверили, а доверию Советской власти цены нет. Запомни, жизнь человеческая никогда не течет ровно, понял? А не то, давай ко мне в штаб.

Василий замялся, а потом стал подробно рассказывать о своем приключении.

Николай Николаевич внимательно его выслушал, похлопал своей рабочей рукой по его плечу:

— Жалко мне твоего Ивана Егоровича, отчаянная была голова, из его отряда остались единицы, многие уехали в область. Обстановка сейчас у нас не ахти,— продолжал говорить Затыльников.— Беяки набирают силы, громят, грабят и жмут во всю на черкасскую оборону, а там того и гляди хлынут на Гавриловку. Фронт дырявый, еле держится. Не можем пробиться. Только к весне что-либо предпримем, но не раньше. Главная задача сейчас не допустить дальнейшего распространения белоказацких войск. А тебе везет, мамонтовец! — с улыбкой обратился Затыльников к нему. — Который раз спасаешься.

По-отцовски его обнял и сказал:

— Что надо будет, обращайся в любое время.

Это его отцовская ласка придала ему силы и уверенность. Позднее Василий с Николаем Николаевичем встречался несколько раз и немного пришлось вместе поработать. При его командовании мало что изменилось в обстановке. Партизанщина, царившая на фронте, все еще не утихала. Основной рубеж фронта проходил по р. Ак-Су — Абакумовское.

В подтверждение правильности его должностных обязанностей того периода на Северном фронте служит послужной список, о прохождении службы в Красной Армии, составленный по документам в 1922 году.

В ту пору должности фронта и учреждений утверждались директивами местных военных властей. Так, например, существовал Лепсинский фронт. Он имел свой реввоенсовет с политическим отделом и учрежден был командующим фронтом, а войск у него было не мало, больше тысячи человек активных бойцов.

Военно-революционный Совет был создан в Сергиополе. Были и другие подобные фронты.

Дробление на местные фронты со слабым вооружением вызывалось главным образом тем, что еще не было надежной связи с центром, а массовые мятежи кулаков и казачества принимали угрожающие размеры.

В последствии все местные управления директивой М. В. Фрунзе были реорганизованы. Создавалась более-менее стройная система. И в середине сентября 1919 года образовался единый фронт с единым управлением. Под прежним наименованием — Северный Семиреченский фронт. С образованием регулярных войск этого фронта и с прибытием нового состава реввоенсовета Семиреченской армии. Фронт стал оздоравливаться и стабилизироваться, хотя еще продолжали существовать мелкие отряды.

Командующий войсками области оставался Ш. П. Емелев. В сражениях под станицей Ак-Су получил тяжелое ранение и вскоре умер. Временно стал командовать войсками Ф. И. Беккер. В начале 1920 года войсками прибыл командовать И. П. Белов, до этого командовавший войсками всего Туркестанского края.

В Гавриловке, ныне областной центр Талды-Курган, Василий проработал почти год. Не плохо освоил армейскую фронтовую жизнь только что созданной молодой Красной Армии..

Жил Василий в одной квартире со старшим оружейным мастером В. И. Хмелевым, уроженцем из Верного. Он был его наставником, учителем и хорошим рассказчиком, на редкость оказался трудолюбивым человеком. Они так с ним подружились, что Василий полюбил его за ласки, советы и глубоко привязался к нему. Оно и понятно, его мастерство имело огромное значение для фронта.

Василий впервые увидел у этого человека уникальные вещи, сделанные его руками. Руки мастера поистине были золотыми. Он мог на токарном станке сделать винтовочный затвор, изготовить револьвер «наган». Сделать ложу. Способен был произвести любой ремонт любого огнестрельного и холодного оружия, с заменой новыми, им же самим изготовленными частями.

Научился он этому мастерству в Сестрорецком оружейном заводе, а позднее в Тульском.

Учился и работал вместе с выдающимся оружейным мастером Ф. В. Токаревым.

В 1918 году Василий Иванович с одним из Верненских красногвардейских отрядов ушел на Семиреченский фронт

и организовал в Гавриловке фронтовую оружейную мастерскую.

Работа его складов тесно была связана с оружейной мастерской Хмелева. Взаимодействие осуществлялось как нельзя лучше.

Кто же мог забыть весну 1919 года. В этой местности широко разлилась река Каратал, одетая в туман. На проезжих дорогах кое-где блестела грязь. Могучие тополя начали распускаться, и скоро все село утонет в зелени. Дни, хотя и были пасмурны, но теплые. Ветра стихли.

А там под Абакумовском и Ак-Су сверкают клинки, колыхаются простреленные красные знамена, свистят пули.

Еще не появились на свет дети, ныне ставшие взрослыми, когда здесь на Северном фронте саблями и пулями добивалось счастье.

Он не может не вспомнить два случая из его гавриловской жизни.

2

Однажды Василий Иванович пригласил Васю с ним вместе пойти в военкомат, он уже сейчас не помнит, какое у него там было дело.

В военкомате Василий обратил внимание на молоденькую машинистку, очень красивую, стройную, изящную. Она была приятна как цветок. Она произвела на него сильное впечатление не только своей грациозностью, но и то же время скромной манерой держаться. Она казалась ему умной и ко всему прочему образованной и в довершение всего красавицей.

Они вместе вышли из военкомата. Она разрешила проводить ее домой. Это была Катя Едалова.

Ее брат работал в военном Совете фронта.

С этого и началось их знакомство. Его сразу же потянуло к ней, и чем дальше — тяготение становилось все сильнее и сильнее.

До сих пор он не знал любви. Выкинет бывало какую-нибудь девичью шалость. Любила что-нибудь напроказничать, подшутить украинскими словами, обнажив свои прекрасные жемчужные зубы, и зальется своим заразительным хохотом.

Его избранница была со всеми приветлива. Никогда не прятала своей улыбки. К нему она относилась учтиво. Он уже не в силах был, чтобы не повидаться. На дню раза

два, благо его работа была недалеко от военкомата. Вася ревновал, когда вокруг этой девушки крутились молодые военные люди.

Как-то раз она ему сказала, что любит его, тоскует и не может его потерять. Это девичье признание заливало его счастьем.

Ее родители, главным образом мама, не хотела брака без церковного обряда, а барышня ослушаться родителей себе не позволяла.

Василий же эту церковную церемонию бракосочетания знал раньше. Заставят обоих надеть на голову блестящие жестяные венцы, обоим в руки дадут свечки и поп взяв за руки новобрачных делает круг вокруг церковного аналая. Одевает обоим кольца на пальцы и заставляет целоваться и любить друг друга.

Но Вася и Василий Иванович были против церковного обряда. Так они официально и не поженились.

А вскоре подвернулась командировка в Алма-Ату (бывший г. Верный). Василий поджидал ее, что придет она его проводить, припас тулуп и хотел ее увести крадучи. Она не пришла, видимо, почувствовала его дикое намерение.

Не задолго до отъезда в Ташкент ему удалось узнать, что Катя заболела и страдает тяжелой болезнью.

Так состоялся его первый протест религиозным взглядам. Так была прервана его первая любовь. Пролетело все мимолетно, и как не прочно показалось это счастье.

До этого случая какая-то вера в божества теплилась, а сейчас она утрачена навсегда.

3

А вот другой случай.

В Гавриловке иногда появлялся пятый кавалерийский полк. Командовал полком Н. Калашников — предводитель анархо-кулацкой партизанщины. Здоровенного телосложения с длинными русыми волосами, торчащими на лбу, широкое круглое лицо с выпученными голубыми глазами, и таранными глазами. На головном уборе широкая красная лента. На плечах казачья шашка. В деревянной кабуре маузер. В руке нагайка.

Это он являлся организатором зверской расправы и убийства председателя реввоенсовета Северного Семиреченского фронта, летчика, коммуниста А. А. Шаврова.

Это он не выполнил боевой приказ, оголил фланг под Ак-Су, увел полк и в этом бою погиб командующий Л. П. Емелев.

«Хочу пойду в бой, хочу не пойду». Ему все равно, что товарищи истекают кровью: «Нет мне дела до них. Сам хозяин. Это ли не раздолье». Отвечает перед собственной персоной и больше не перед кем.

Как только полк появлялся в Гавриловке день и ночью шел коромыслом. Пропивали награбленную добычу у русских и у киргиз. Братишки полка с бутылками в руках носились по улицам. Разодетые кто во что горазд. Буйная вольница гуляла и не признавала никакой дисциплины. Устраивались дебоши. Калашникова одолевало неизмеримое болезненное тщеславие. Он не терпел вблизи себя людей, стоявших выше его. Сам редко был в трезвом виде. Защищал дебоши и разбои. Из желания быть популярным среди крестьян боролся против продрозверстки. Жестоко расправлялся с политическими работниками и продовольственными агитаторами. Не трудно понять, что это был гнойник фронта. В конечном счете это было предательство. В то время сил не было, чтобы унять разложившийся полк. Об этом уголовном и политическом преступнике рассказал Д. Фурманов в книге «Мятеж». Так Василий рассказывает о своей встрече с ним. Было это так:

К бакгаузам, где хранились боеприпасы, подъехали три подводы и два кавалериста. Один из них спрашивает:

— Кто здесь будет начальник?

— За главного, здесь я,— отвечает он.

— Вот читай,— и подает записку Калашникова, написанную на клочке бумаги, почерк размашистый, буквы смотрят по сторонам, в записке требовалось отпустить полку 20 ящиков патронов и сотни две гранат... «Отпустить поживее...»

— Не могу отпустить, нужен наряд от штаба.

— А это что не наряд? Да ты знаешь ли кто тебе пишет? Сам Калашников! Наш батя!

Видит он кто написал.

— Отпускай немедленно, мы что приехали на базар. Будем торговаться? Да ты пойми парень, дело то наше общее. Все для победы. Ведь одному делу служим, чтобы крестьянам жилось вдоволь.

— Все верно товарищи, но склад с боеприпасами не лавка с овощами, нужен документ, а эта записка не является документом и для меня она не законная.

— Значит не отпустишь?

— Нет,— говорит,— не отпущу.

— Ну ладно,— возмутились всадники.— Сейчас привезем тебе законный наряд.

И усаkali.

Не прошло и часа послышался конский топот. Покачиваясь в седлах подъехала ватага во главе с Калашниковым. Он сразу его узнал. Один из всадников, который с ним разговаривал, стал докладывать:

— Товарищ командир! Вот — тот самый,— указывая на него пальцем,— сказал, что Ваша записка и подпись не закон. Он самый не слушает Вас!

Калашников вытаращил свои большие рацы блуждающие глаза, не слезая с лошади закричал:

— Да ты знаешь кто я, собачья твоя голова?

— Знаю. Командир пятого кавалерийского полка.

— А если знаешь, так в чем же дело? Отпусти сейчас же патроны, иначе разнесем склад и покончим с тобой.

— А за самовольство, как Вам должно быть известно, запахнет военно-полевым судом.

— Наше Вам с кисточкой! Дожился — меня судить? Кого? Калашникова? Да тот судья еще не родился. Ще ему, этому элементу, молокососу не сознательному полагается,— спросил зловеще Калашников у своей ватаги. Из толпы кто-то крикнул:

— Шлепнуть его Батя, и дело с концом. Нехай наперед другие знают, что с Батькой Калашниковым шутки плохие.

— Молись гад! — сказал Калашников и стал вынимать из кобуры маузер.— Иди и открывай склады, застрелю как собаку,— покачивая маузером в руке.

У Васи от страха поемнело в глазах, убьют ведь ни за что, ни про что... Хоть и говорят «Смерти бояться на свете не жить». Но он не испугался. Ему не передать сейчас мыслей и чувств, владевших им в тот день и в последующий.

Не спуская с него своего растерянного взгляда, следя за каждым его движением, начал пятиться к двери, хватаясь за защелку крикнул — ждите, сейчас открою другую дверь и отпущу патроны.

Закрыл за собой дверь изнутри. Грянул выстрел, пуля ударила в косяк. Послышался второй выстрел, его стало страшить, могут от детонации взорваться снаряды. Василий дал ходу в другой конец склада. Закрыл за собой люк и несколько часов пролежал среди гранат с капсулами и

динамитных шашек. Часовой и два кладовщика, напуганные насмерть, где-то скрывались до темноты.

Василий вышел из подвала, уже было темно, обошел склады и убедился, что засады нет и никто не подкарауливает. На пост уже стал новый часовой. Вокруг тишина. Как будто бы ничего и не было.

После этого приключения ватага Калашникова больше не появлялась, и Василий подумал — чуть ведь не угробили, с содроганием вспоминает теперь это свое приключение — ведь только чудом уцелел.

Разумеется, о случившемся он сразу же доложил военному Совету. Но Калашников не был наказан и продолжал также буяннить.

4

Между тем силы Анненкова продолжали увеличиваться. Оружия, патрон у противника было в достатке.

Сбежавшие казаки в Китай стали возвращаться для борьбы с Советами. Население волновалось и было обеспокоено тем, что ничего нет. Даже не было керосина, спичек. Деньги обесценились. Принцип «Вся власть Советам» был далек от действительности. Во фронте, насколько он помнит, насчитывались единицы энергичных, преданных делу политических комиссаров, политработников, да и командиров. Политическое, военное и экономическое положение Семиреченской области продолжалось оставаться тяжелым, принимаемые меры внутри области не могли обеспечить все нужды войск фронта. Северные станицы в огне, черкасцы борются один на один с превосходящими силами врага, не имея надежной связи и взаимодействия с фронта.

Лепсинский уезд во вражеском окружении, а пропаганда белых, через издаваемую газету призывала народ к верности правителю России — Колчаку. Других газет станицы не имели.

Но с другой стороны Туркестанская Республика билась не только на Семиреченском фронте, она билась на четырех фронтах, не считая внутренних. Республика, ее большевики задыхались кровавой мглой интервентов, контрреволюционеров, белых войск и едва справлялись с создавшимся тяжелым положением. На центр же надеяться было грешно. Страна находилась во вражеском кольце.

И только к зиме 1919 года положение частей Северного фронта и их организации, вооружение, снабжение, обмундирование значительно улучшилось. А к началу 1920 года

Красная Армия Семиречья становилась регулярной, дисциплинированной, замерла партизанщина. Ничто не может заслонить и умалить то великое, что совершилось в эту героическую пору — партией и народом Туркестана.

В декабре месяце Василий выехал за боеприпасами в г. Верный, а так как боеприпасы уже были отправлены, ему ничего не оставалось как вернуться в Гавриловку. Пошел в штаб сделать отметку для обратного пути и выполнить кое-какие поручения. Пока Василий суетился и бегал то к одному, то к другому столу, то убегал в другие здания — его искал военный человек. Встретил и спросил:

— Ты мамонтовец?

Отвечает:

— Да.

— Тебе следует зайти к командующему.

— Зачем я ему понадобился? — Просьбы к нему нет. Боеприпасы отправлены и ему надлежит уезжать. Василий имеет строгий приказ не задерживаться!

— Но об этом ты скажешь командующему. Пойдем быстрее, — торопил Васю военный человек.

По первости Василий был в недоумении и с большим волнением шел и думал — чем-то встретит его этот человек? Переступил порог кабинета и стоял уже перед требовательным и внимательным взглядом. Командующий сам поздоровался и сразу спросил:

— Как ты думаешь, молодой человек — зачем я тебя вызвал?

Командующий отошел от стола и стал смотреть Васю прямо в лицо. Василий смутился, а потом ответил:

— Понятия не имею зачем вызвали.

— А что, если придется остаться при штабе, не будете возражать...

Признаться он от этого предложения опешил.

— Но ведь меня ждут, — возразил он.

— А мы сообщим, чтобы не ждали и не посчитали дилетантом. У нас будете выполнять отдельные поручения, а заодно расскажете нам о действиях красногвардейского отряда Мамонтова. Эти обстоятельства являются причиной, чтобы Вам задержаться.

— А долго я у Вас здесь пробуду? — спросил Василий. Командующий улыбнулся и ответил:

— Посмотрим!

Но с чего же начинать, подумал, с того ли как пошел добровольцем, как воевал с отрядом Мамонтова, или как

встретился с отцом или с Калашниковым. Много промелькнуло в памяти.

А ведь как никак со мной, с казачьим парнем, не так уж и приметным по делам и по возрасту, разве только чуть могла привлекать по-удальски одетая шапка набекрень с торчащим чубом, а через плечо клинок.

Ведет разговор видный военначальник, посланец самого Фрунзе — это не шутка тебе...

В этот раз Васе докладывать не пришлось. Командующий отпустил его. Дал сутки на устройство личных дел.

Так Васе пришлось изменить полюбившемуся ему прекрасному, с широкими улицами, утопающему в зелени селу Гавриловское, и фронтовым товарищам по работе.

Ныне это село превращено в большой областной центр, с мостовыми, парками, многоэтажными домами, заводами, кинотеатрами, весь в зелени город Талды-Курган. А самое главное и лучшее богатство в нем — это люди.

Вася был оставлен в городе Верном в столице Семиречья. Приступил выполнять поручения штаба и командующего войсками И. П. Белова.

4

Много позднее ему удалось узнать кое-какие подробности и биографии Белова, и он заслуживает, чтобы о нем сказать.

Иван Панфилович родился в 1893 году в семье крестьянина. Семья жила бедно и Ивану Панфиловичу удалось закончить только начальную школу. Он страсть как мечтал об образовании. Работая пильщиком, упорно и настойчиво продолжал пополнять свои знания, и еще до революции сдал экстерном за учительскую семинарию.

В годы первой мировой войны служил унтерофицером. В 1917 году вступил в Красную Гвардию. Награжден двумя орденами Красного Знамени и почетным оружием.

Был членом ЦК партии левых эссеров Туркестана. В начале 1919 года вступил в партию большевиков. Член ТурЦК. Являлся делегатом многих съездов. После гражданской войны окончил военную академию РККА.

Периодически работал вместе с М. Фрунзе, В. В. Куйбышевым, Д. А. Фурмановым. Больше десяти лет командовал разными военными округами.

Белова считали хорошим организатором и пропагандистом. Ко всему этому дополнялись и его военные дарования.

М. В. Фрунзе при докладе В. И. Ленину о положении дел в Семиречье охарактеризовал Белова, как честного, преданного Советской власти. «Настоящий солдат революции и он послан мной командовать Семиреченским фронтом вместо Л. П. Емелева».

Белов в боях был тяжело ранен и вскоре умер. Виновен в этом тот же Калашников, отказавшийся вести в бой полк и в свое время расправившийся с летчиком Шавровым. Фрунзе подробно рассказал В. И. Ленину об этом преступном акте. Как известно вскоре бандит Н. Калашников за бутылкой водки был пристрелен, как бешеная собака.

Мы не можем не вспомнить требование командующего Белова об обращении с киргизским населением. На одном из заседаний военных представителей войсковой части он горячо доказывал:

— Не следует притеснять бедняков киргиз, не искать среди них врагов, разведчиков. Эта темная масса перенесла большую и непрерывную цепь страданий, унижений. Обращались с ними как с рабами, держали в темноте, чтобы легче было угнетать. Надо сейчас же прекратить издевательство над киргизами и другими азиатскими национальностями. Протянуть им руку товарищества, как равный равному. Мы будем из киргиз создавать национальные воинские части.

Товарищи! Темный киргиз воспринял революцию как беду, бунт. Он не знал цели и задач революции, не мог разобраться в этом сложном переплете. Да разве одни киргизы не разбирались? Военный Совет будет принимать самые строгие меры по предотвращению издевательств над национальным меньшинством, над киргизами. Немало еще таких людей, которые нарочно придумывают и раздувают слухи о контрреволюционности киргиз, или наоборот, киргиз будут вооружать для борьбы с русскими. Наша задача поднять киргиз, чтобы они с оружием в руках сознательно боролись за Советскую власть.

Призывы командующего и его задушевные беседы с пленными белоказацких войск сразу же возымели действие. Прекратились грабежи и расправы над киргизами и над беженцами. Белые группами, а потом и сотнями, не боясь расправы сдавались, приобщались к бтуру: так было в Капале, Арасане, и других местах, где проходили боевые действия.

А вот еще пример, об его пропагандистской работе. На одном из совещаний командующий горячо призывал о том, чтобы каждый красноармеец понимал за что он борется,

да что он умирает, и кто его враг. И что только он — красноармеец, является защитником трудящихся.

И в самом деле, политическая работа рядом с боем, штыками, пулями, гранатами была направлена на то, чтобы красноармеец понял, что пропаганда белой армии свои усилия направляла одурачивать своих солдат. Подольше держать их в темноте, заставить их защищать генеральские эполеты, офицерские погоны, богатеев, помещиков и кулаков земли.

5

Касаясь вопроса воинского воспитания в период Гражданской войны, в мирной передышке, в Великой Отечественной и теперь, всегда была и есть пронизывающая мысль о том, чтобы воин был до конца предан народу, был верным военной присяге, воинскому долгу, любил свой народ, свою Родину, как любил ее Ленин. Всегда был готовый, если это понадобится, отдать жизнь.

Сила любви к Отечеству поднимает советских людей на вершины героизма.

В день своего пятидесятилетия тов. Сталин в ответ на полученные им многочисленные поздравления писал:

«Можете не сомневаться товарищи, что я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, всю свою кровь капля за каплей».

С такими мыслями шли в бой советские воины, защищая свою отчизну от врагов. Особенно это проявилось в годы Великой Отечественной войны. Массовый героизм, воля, презрение смерти стало нормой поведения советских людей. Наш советский человек всегда стремится к подвигу в бою, к рекорду в труде. Никогда в истории нашего народа, как и во всей мировой истории не было таких примеров, когда героизм стал бы таким массовым явлением, как в нашей стране.

Здесь уместно привести из книги Д. Фурманова «Мятеж» замечательное место, показывающие как надо держаться в бою, при обстоятельствах, когда невозможно избежать гибели:

«Если быть концу — значит его надо взять таким, как лучше нельзя, погибая под клинками и прикладами, помирая агитационно! Так умри! Чтобы и от смерти своей была польза. Умереть по собачьи, с визгом, с трепетом и мольбами — вредно. Умирай хорошо. Наберись сил, все вывер-

ни из нутра своего, все мобилизуй у себя и в мозгах и в сердце, не жалей, что много растратит энергии, это ведь твоя последняя мобилизация! Умри хорошо...»

Вот так во имя Родины советские люди стремились дорого отдать свою жизнь.

Иван Панфилович часто находился в районах, где казачество еще никак не умиралось. Верхом с небольшой группой охраны разъезжал по гарнизонам и выступал перед красноармейцами и сдавшимися в плен беляками. Речи его были жгучие, слова доходчивы, тревожили сердце измученного народа проклятой изнурительной войной. Он призывал не издеваться и не насиловать сдавшихся в плен. «Принимать надо их в свою семью по-дружески, по-товарищески. Они ведь соскучились по своим насиженным, станичным местам, пусть идут к своим семьям. Забудем вражду! Но зато волна о нашем дружеском приеме дойдет до всех казачьих войск, она доберется и до Китая».

Обращаясь к сдавшимся он говорил: «Советская власть всех примет, кто готов ей подчиниться и выполнять ее законы. Советская власть, это власть народа, а не власть монархии, Колчака, помещиков и казачьей белой вершушки».

Но Иван Панфилович хорошо разбирался и в военном искусстве. Командуя белорусским военным округом в 1937 году под его руководством были проведены маневры небывалые по своему размаху. Самые крупные в предвоенный период маневры Красной Армии проводились с учетом новой теории.

На маневры прибыли народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов и командующий С. В. Буденный. Присутствовали на маневрах и иностранные гости, которые убедились в росте и могуществе нашей армии.

Однако следует сказать, много раз Василий Александрович участвовал в маневрах с двух сторон, войсковых учениях в предвоенный период, почему-то главный упор всех действий направлялся на теорию наступательного боя, а обороняющая сторона всегда оставалась в тени как бы выполняя вспомогательную роль. И в связи с этим много допускалось условностей. Это был существенный недостаток в тактической подготовке войск. «Насколько мы упрощали в мирные дни боевые учения и всю подготовку войск, признаться, мы по настоящему не извлекли уроков из финской кампании».

В последний раз он встретился с Иваном Панфиловичем в Северо-Кавказском военном округе. Та же бородка

клинышком, рыжеватые усы, постарел. Все так же смотрит больше вниз. Сказывали, характер у него довольно трудный. Вместо распахнутой шинелишки и шапки на затылке, теперь он выглядел человеком большого масштаба. В петлицах четыре ромба, шерстяная гимнастерка подпоясана офицерским ремнем, с портупеей через плечо. Подтянут.

Васе с Иваном Панфиловичем в сложной обстановке пришлось поработать недолго и судя по тому, как он отнесился к Васе, не гордиться этим человеком Вася не мог и готов был выполнить любое его задание. Находясь рядом, слушая его указания гордости его не было предела.

Его добрые советы: быть всегда и во всем правдивым и не заискиваться никогда перед начальством. Василий всячески старался этому доброму совету следовать на протяжении всей своей службы. Позже Василий не раз вспоминал эти искренние советы Ивана Панфиловича. Он часто его спрашивал о подробностях расстрела капальского священника. Уж больно был противником этих расправ... В тяжелую минуту был там, где диктовала обстановка. Не втирал очки ни себе ни другим. Не сфальшивил ни одним шагом, ни единым словом. «Это был кремневый, честный человек». Так характеризует его Д. Фурманов.

И. П. Белов активный участник и руководитель в подавлении контрреволюционного мятежа в Семиречье. Под его руководством и руководством военного совета Семиреченский фронт утратил угрожающую силу. Белоказачьи войска Анненкова стали быстро разлагаться и сдаваться на милость Советской власти. Обстановка их вынудила идти на мировую, а другого выхода у них не было.

6

Весной 1920 года Северное Семиречье от белогвардейщины было освобождено и Семиреченский фронт был ликвидирован. Какова же была роль красногвардейских отрядов и чего они в конечном счете добились? Ответа на этот вопрос Василий не находил. И с этим вопросом он обратился к командующему. Ему хорошо запомнился ответ, пропитанный опытом и партийным чутьем:

— Советская власть в Северной станице, да и в других местах еще не прочна. Она в огне. Семиречье полыхает войной, истекает кровью. Отряды тесто замесили, а оно не поднялось, не хватило силенок, не хватило настоящего

большевистского руководства. Партизанские действия бывают по своему содержанию разные. Эти отряды не вмеру партизанили, ими не руководили и они не перед кем не держали ответа. Но страху нагнали много. Отряд Мамонтова, пусть с ошибками, но первый пронес советское Красное Знамя и декреты Ленина по Северному Семиречью. Теперь все позади. Доживем до того, когда Семиречье будет советским. Оно не будет знать войны, опустошений, разорений... Этот край зацветет. Придем с тобой сюда лет через двадцать-тридцать и не узнаем, и не найдем того места, где мы сейчас ведем беседу.

Но Василий побывал в Алма-Ате не через тридцать лет, как это они условились с командующим, а через полвека. И как был прав Иван Панфилович, что через каких-нибудь двух-трех десятков лет не найти тех мест.

Нам хочется напомнить здесь, кто не бывал в теперешней причудливой Алма-Ате и не видел сказочную природу, которая окружает и ласкает город, тот будет жалеть не повидав этот рай земной.

В. Александровичу с трудом удалось найти место, где находился штаб войск и где расквартировались пятнадцатые алма-атинские кавалерийские курсы. Высятся дома восьмизэтажные, улицы не те, да и люди не те, все не то... Ничего не скажешь — подумал он, здорово шагнула республика. Ну и сильна же Советская власть! Такой оптимизм командующего его поразил. Его уверенность подтвердилась всем ходом дальнейших военных событий. Победа была завоевана. Семиречье стало Советским Социалистическим.

Возник вопрос о посылке донесения в штаб Туркфронта. Василия неожиданно вызвал Белов и сказал:

— Поедешь в Ташкент с нашим донесением. Пакет надо передать лично Фрунзе.

На это предложение он не знал, что ответить. Может это шутка, ошибка, Василий терялся в догадках, а потом и говорит:

— Да куда вы меня посылаете, Иван Панфилович! Огордаясь там не бывал. Город Верный и то в первый раз вижу, теперь я дикарем себя чувствую, да и заблудится не долго. Да еще к такому человеку посылаете, да меня и близко к нему не подпустят, а Вы даете наказ лично передать пакет в руки. Легко сказать «лично»... Боюсь этого поручения.

— Непременно примет. И не думай,— сказал командующий.— Товарищ Фрунзе наш человек, семиряк из Пиш-

иска. Простой, внимательный и душевный. Твое дело передать пакет и, кстати, поговоришь о своей учебе. Вы же земляки, вот тебе и карты в руки. Ну какой же ты красногвардеец?

Вася молчал. Потупил голову и думает, вот оно счастье то подхлынуло. Командующий еще раз посмотрел своими ласковыми голубыми глазами, проговорил:

— Я бы на твоём месте от этого случая и счастья разрыдался и до упада плясал.

— И я готов плясать, — сказал Вася.

— Ну вот и хорошо. Мандат подписан. Почтовые лошади заказаны. Ни минуты промедления. Желаю доброго пути. Пакет непременно вручить лично Фрунзе и чтобы ни одной буквы не было потеряно.

В то время телеграф был основным средством связи с центром и все начальники предпочитали вести переговоры по прямому проводу по азбуке «морзе». Но телеграфная линия во многих местах была нарушена и выведена на долгое время из строя. Делепша, которую Василий вез с радостью, извещала о приближающемся конце разгрома белой армии Дутова-Анненкова, и о дальнейшем использовании Семиреченской красной армии... И о том, что очищаются от белогвардейщины станицы Лепсинского уезда.

Насколько припоминает он содержание депеши, о которой он говорил, было правдоподобно. Но были разговоры и о готовящемся очередном белоказацком мятеже. Может быть и это было депешей, не берется об этом утверждать.

Из-за порчи телеграфной линии это обстоятельство и побудило доставить донесение на лошадях. Так началось его новое, далекое, неведомое путешествие, с важным поручением к полководцу М. В. Фрунзе. Но почему пал на него этот счастливый жребий? Он и до сих пор раздумывает.

г. Москва, 25. IV. 1972 г.

Глава V. ВСТРЕЧА С М. В. ФРУНЗЕ.

1

Василий Александрович вспоминает об этом через пятьдесят лет, это было в феврале. В горах бушевали бураны, вьюга. Почтовая тройка, запряженная в санный тарантас

неслась по семиреченскому тракту в Ташкент. Лошади через каждые тридцать-сорок километров менялись на почтовых станциях. Фельдгегеря с таким мандатом нигде не задерживали.

На восьмые сутки он был на месте. Ташкент ему показался огромным шумным городом. «Вот ты какой, солидный город», — подумал он. По букварю только знал, да и думал ли, что когда-нибудь придется побывать...

Василию Александровичу предстояла нелегкая задача! Найти штаб фронта. И он начал спрашивать военных прохожих. Многие отвечали «Не знаем», а некоторые смотрели с недоверием и видимо не хотели терять время, чтобы направить его, подозрительного и любопытного, куда следует. Но вот он еще остановил двух прохожих. Оба они были одеты в кожаные тужурки. Из-под тужурок болтались револьверные шнуры. Тогда это было в моде. И стал у них допытываться — как ему пройти в штаб фронта.

— Куда, куда? — прозвучали голоса. Ему нужно попасть в штаб фронта.

— Видал ты его? Ему нужен штаб фронта. Да ты откедова и кто такой?

Видет дело не ладно — стал уходить. Один из них попроворнее и поздоровее ухватил Васю своими цепкими руками за шиворот, поднес кулак к носу:

— Видишь?

— Вижу, — говорит.

— Раздребезжу твою морду, если будешь рыпаться. Послан сюда контрой.

По первости он перетрусил, хотя и имел опыт в подобной ситуации и настойчиво стал из рук вырываться.

— Подожди, морда. Бежать вздумал, — другой кричит, — держи как следует — как пить дать поймали контру. Поддай ему как следует и в ГПУ его.

Он это слово услышал в первый раз. Огрызнулся:

— Не шибко то пугайте. Я вроде бы спросил по-человечески, а Вы? Да вы сами, кто такие?

— Кто мы-то? И такому мы будем докладывать кто мы? Видал ты его? Да у тебя на губах мамкино молоко, да и нос подотри... Ну вот что, — повелительно сказал державший Васю человек, — мы обязаны тебя парень обыскать. С тобой говорят патрули города, а там видно будет, как с тобой поступить. Есть какие-нибудь документы?

— Есть, — отвечает Вася.

— Показывай!

Он вытащил запыленный свой пакет, развернул полу пиджака, чтобы было видно, что он при оружии. Один из них долго рассматривал мандат и по слогам прочел: «Предъявитель сего... уполномочивается штабом Семиреченского фронта доставить военное донесение командующему М. В. Фрунзе. Всем организациям оказывать ему полное содействие». Печать и соответствующая подпись.

— Так вот ты кто! Давно надо было бы сказать.

— Что же я и буду каждому встречному представлять-ся и показывать мандат,— ответил Вася.

— Ну ладно, «спасибо» скажи, что тебя сгоряча не стукнули и не направили куда следует, извиняемся за неувязочку. Больно уж ты кажешься подозрительным. По Ташкенту контриков и всяких темных много шныряет. По пружному виду ты похож на темную личность, а по документам не подкопаешься.

Рассказали как добраться до штаба. Прошли они вместе несколько кварталов и он с ними расстался. Подумал, и если бы наткнулся не на своих — сработали бы как миленького. От этой мысли и пот и дрожь ударила, что и говорить — хороший урок для будущего.

Подошел к штабу, связался с дежурным, показал ему пакет на имя Фрунзе, попросил пропуск. Дежурный взял в руки пакет и сказал:

— Сдадим в экспедицию под расписку.

— Нет,— сказал Вася,— мне лично приказано вручить пакет адресату,— пошел на хитрость и говорит,— я должен сам доложить обстановку.

О которой он всего не знал и никто ему об этом говорить не поручал.

— Вы из самого пекла контрреволюционного казачества?

— Да,— ответил Вася.

— Ну раз доверили везти важное донесение с двумя крестами на конверте, это что-то видимо значит,— рассуждал дежурный. — Пропуск я тебе выпишу сейчас, поговорю, чтобы тебя приняли в приемной, там меня могут поругать за то, что тебя пропустил. Что же с тобой будешь делать. Валяй, пока командующий в штабе.

Получив пропуск, он долго разглядывал крошечный квадратик бумаги, и не верил своему счастью. Который уже раз прикидывал — как представиться и с чего начать разговор.

Секретарь командующего долго всматривался во что Вася одет.

— А разве пакет через меня нельзя передать?

— Нет, нельзя, — сказал Вася, — не велено, велено лично командующему передать.

— А если командующий не примет, да ему и некогда с такими разговаривать. Есть дела поважнее.

— Подожду, когда примет, — ответил он.

— Да ты сам то откуда?

— Из Семиречья, — сказал Вася.

— А где это Семиречье?

— Разве Вас в школе этому не учили? — спросил Вася. Секретарь не успел дать ему ответ, в приемную вошли три человека в кожаных тужурках, солидного возраста, с висящими как и у него кожаными витыми шнурами пистолетов. Один из них спросил:

— К командующему можно?

Секретарь пошел докладывать, и через пять минут, а может быть и того меньше, секретарь вышел и обращаясь к нему сказал:

— Заходи, малый, со своим пакетом.

Вася как ужаленный соскочил со стула, поначалу растерялся. Секретарь, заметив его растерянность, стал Васю успокаивать:

— Пакет бери в левую руку и смело заходи. Поздороваешься, представишься и пакет подавай правой рукой, а сам не садись, пока не предложат сесть.

Вошедшие в приемную над инструктажем рассмеялись:

— Не бойся, давай входи!

Вася отворил дверь, вошел и остановился. Фрунзе сидел за столом. Оторвался от чтения бумаг, посмотрел на Васю умными глазами, среднего роста, коренастый, стрижка под ежик, с незначительно темно-русой бородой и усами. Вася подумал, с каким же человеком буду говорить, казаченок, не выдавший до 17 лет железной дороги, велосипеда, телефона. И на тебе, попал в большой город, забрел издалика к самому Фрунзе. Какое счастье! В то героическое время все выдающиеся советские деятели должны были поспевать всюду, везде, были завалены работой по горло. Фрунзе разрывали на части. Он часто и надолго уезжал то на один, то на другой фронт и попасть к нему было чрезвычайно трудно. И ему показалось, что полководец выглядел озабоченным и утомленным.

— Проходите, товарищ, ближе к столу, — мягким голосом произнес Фрунзе. Он подошел и правой рукой стал подавать пакет, прошитый грубыми нитками с сургучной печатью. Беря пакет, Фрунзе сам поздоровался первым,

предложил ему сесть. Вася совсем забыл, что самому надо было поздороваться и представиться. И пока командующий распечатывал пакет и читал Вася с любовью смотрел на своего командующего, который так душевно его принял. В нем все было просто и располагало к откровенности.

М. В. Фрунзе, как никто другой из военачальников умел располагать к себе людей и не случайно многие видные военспецы, бывшие генералы и офицеры царской армии, не только, что называется сработались с ним, но и справедливо видели в нем генерального полководца. Но его сила не позволяла забывать, что перед тобой командующий Фрунзе, посланец самого Ленина. Это тебе не шутка. Вася готов был поклониться в ноги этому человеку, так он его к себе приковал и пленил. Он рассматривал стены и старался запомнить, что на столе.

Комната кабинета длинная и светлая. Пол был застлан пекинским ковром. К письменному столу, обитому зеленым сукном подвинуты два кожаных кресла. У одной стены шкаф под стеклом с книгами, на другой висели две карты. Одна из них Россия, другая Туркестан, натыканная красными флажками. В углу кабинета тикали часы. К письменному столу стоял придвинутый узкий стол, покрытый покрывалом оранжевого цвета. К нему придвинуты были стулья. На столе кроме чернильницы, карандашей и каких-то бумаг, которые просматривал Фрунзе, Вася ничего не заметил.

От его глаза не ускользнуло и то, как был одет командующий: простая защитная гимнастерка под пояс, на левой стороне груди привинчен орден Боевого Красного Знамени. Брюки заправлены в сапоги. Читал он без очков.

И вот он начинает чувствовать, что наступает ответственный момент. Михаил Васильевич отложил бумагу в сторону, он не спускал с него глаз и следил за каждым его движением.

— Ну что же,— проговорил Фрунзе.— Молодец! За доставку донесения, спасибо. Связь скоро будет налажена, ездить далеко не придется. А долго ехали? — спросил командующий.

— Наверное что-то до восьми суток.

Фрунзе встал, встал и Вася.

— А вот мне,— продолжал говорить командующий,— такое же расстояние по железной дороге пришлось ехать больше месяца. Пока выручает безобидная лошадка.

Затем Фрунзе подошел к Васе вплотную:

— Передайте товарищам, что все меры будут приняты.

Мы с Куйбышевым посылаем обращение к семиреченскому казачеству. Это обращение следует распространить среди солдат противника. Оно является последней попыткой Советской власти разрешить мирно кровавую тяжбу.

О чрезвычайном комиссаре Куйбышеве Вася ничего не знал. И услышал это имя впервые. Ему пришлось его видеть и слышать в Ленинграде в 1925 году, где он выступал против троцкистско-бухаринской платформы, с разоблачением ее сути. Фрунзе что-то еще хотел сказать, но зазвонил телефон. Фрунзе глянул на часы, сказал:

— Буду вовремя, не задержусь. А Вы откуда родом, молодой человек? — вдруг спросил Фрунзе.

— Из уездного города Капала.

— Так это же место сброда банд Анненкова, а родители есть?

— Да. Отец в войсках белых, с ним же и вся семья — мать, бабушка и три братишки.

— А какое образование?

— Четыре класса высшего начального училища.

— Значит отец у белых, а сын у красных? Похвально! Вася смутился.

— Да Вы не смущайтесь, заметил командующий. Язык киргизский знаете?

— Говорить умею, — ответил он. Фрунзе что-то спросил по-киргизски. Он ответил не впад и не складно. Фрунзе рассмеялся. Похоже, что вроде бы не так надо было ответить.

А когда Вася ему рассказал, как его патрули города приняли контрой, Фрунзе заодно рассмеялся:

— Выкрутились?

— Да, меня мандат спас.

— На них обижаться не следует, они были правы.

Фрунзе дал понять, что пора ему уходить, а Вася ему говорит — нельзя ли ему поучиться и быть командиром?

— А хочется быть командиром? — спросил командующий. Вася ответил утвердительно.

— Поможем.

— А еще вот что — у кого взять расписку за пакет.

— О пакете будет сообщено. Передайте своим, что надо скорее разгромить семиреченскую белогвардейщину, и чем это будет сделано скорее, тем будет лучше.

— Обязательно передам, — заверил Вася командующего. С этими сказанными словами Вася вышел от этого великого человека, ближайшего соратника Ленина в приемную, облегченно и с величайшей радостью.

— Ну как? — спросил его суетливый секретарь. Не успел ему ничего ответить, он был вызван Фрунзе, вместе с ним вошли в кабинет и те трое, которые смеялись в приемной над его инструктажем.

Так Васе запомнились эти летучие свои воспоминания. Об этой первой своей встрече с пролетарским строителем М. В. Фрунзе.

2

После этой встречи он получил бронь и отправился на вокзал. Стал хлопотать билет до Арыси, а лучше до станции Бурной. Это конечная станция, а дальше надо было ехать до Верного более пятисот верст на почтовых лошадях. И надо ли быть такому горю, а может быть и счастью. Заболел тифом и слег. А после выздоровления был направлен на курсы краскомов, которые проходили лагерный сбор под Ташкентом. И здесь-то состоялась его вторая встреча с М. В. Фрунзе. Запечатлелась эта встреча вот так:

По летнему пекло знойное солнце, изо дня в день жгло потрескавшуюся землю. Лето как на грех в том году было сухим. Не прекращаясь дул теплый, сухой ветер. На полях у дехкан полным ходом шла уборочная страда. Убирали в одиночку хлопок, бахчевые, и выращенный узбекскими садоводами виноград. Урожай уж не так был высок из-за недостатка воды. Вода и влага в здешних местах главная питательная артерия в урожае. За воду с давних пор устраивались смертельные побоища между богатыми и бедными. Неподалеку бушевала река Чирчик. У республики не доходили руки, да и не до этого было, чтобы ее уговорить, прибрать по-хозяйски и направить эту непослушную горную речку для пользы дела, на радость узбекского народа.

Недалеко от этой речки каких-нибудь тридцать км. от Ташкента раскинулся троцкий лагерь. Одна часть его была без зелени, песчанная. Учебные поля, полегоны дымились пылью. Черные от загара красноармейцы и курсанты смотрели на небо в ожидании, хотя бы небольшого освежительного дождика. Листья отдельных деревьев завяли, пожелтели, и деревья стояли словно мертвые. Другая лагерная черта, что ближе к реке Чирчик утопала в зелени мелколистья. В центре лагеря размещались только, что созданные военно-учебные заведения. Жильем для них служили бараки летнего типа, построенные еще при старом

режиме. Полевые же его части размещались в палатках. Лагерный сбор частей и курсов войск Туркестанского фронта и гарнизона Ташкента в 1920 году был проведен при Советской власти Узбекистана впервые.

А в это время на юге России в Крыму, белогвардейские банды мятежников генерала Врангеля продолжали упорно держаться. Английские белогвардейцы, ханы, беки, баи, духовенство были всегда готовы из-за угла напасть на трудовой народ с оружием в руках. Усиленно подкапывались под Советскую власть в Туркестане. Во многих местах орудовали недобитые басмаческие шайки таких крупных наемников как Ибрагим бека, или так называемая мусульманская армия во главе Кёр-Шермата, Джунаид хана и многих других народов Туркестана.

Страна Советов находилась во мгле, и все еще продолжала барахтаться в разрухе. В ту пору царил голод, нищета. Мучили болезни — тиф косил людей как добротные косы. Республика переживала тягчайшие моменты. Нам непосредственным участникам титанической борьбы, трудно даже представить себе, сколько самопожертвований приносилось рабочим людом России.

Наперекор всем бедам, исходящим изнутри и извне повсеместно строилась и укреплялась Советская власть — власть рабочих и крестьян — киргиз, дехкан, бедноты. Одной из характерных черт истории этого периода являлся факт — честнейшего сплочения трудящихся масс вокруг коммунистической партии. Самый особенно практический и опасный момент.

Вот в это тяжелое время М. Фрунзе, будучи командующим Туркестанским фронтом, создает у себя на фронте учебные центры по подготовке красных командиров. Одним из таких центров являлись 15-е алма-атинские курсы. Красная армия в ту пору крайне нуждалась в кадрах комполитсостава и хотела иметь из рабочих и крестьян своих краскомов, преданных революции и Советской власти.

15-е курсы, на которых Васе посчастливилось учиться в середине лета 1920 года находились в троицких лагерях. Все войска, располагавшиеся в лагерях поджидали приезд командующего. И они знали, что командующий не минует и наши курсы. Естественно, к приезду все намыли, начистили, был наведен блеск.

Вася был назначен дежурным по своему учебному эскадрону. Представьте себе. Перед Вами 19-ти летний юноша. Лицо его чуть смахивает на киргиза. Почти все черное от загара, только зубы при улыбке сверкают, а чер-

ные глаза озорные, цепкие, кажется, как будто бы заглядывают в душу, подтянут. В компании неудержимо веселый, насмешник, остряк. Хорошо пел и играл на гармонике, но с своенравным характером. На рукаве его клетчатой рубахи — красная повязка, на голове белая панама с большой красной звездой из ткани. На боку драгунская шашка с модным темляком, до блеска вычищенная, на ногах лапти. Подпоясан брезентовым поясом. Брюки были синего цвета покроя полуголифе, чуть большего размера, а чтобы они не спадывали, он их привязывал туго натуго к телу тренчиком от седла.

Курсанты его выпуска находились на полевых занятиях. Всем было приятно, что учатся, получая нужные военные знания. Потом войска и другая ответственность.

Ребята учились дерзновенно, жадно впитывали, то что преподавалось на курсах. Учили их бывшие кадровые казачьи офицеры. Помню начальника курсов Меньшикова, командира эскадрона сотника Черкасова. Тактику преподавал полковник генерального штаба Радзиевский. Пользовались трудами А. И. Верховского — бывшего министра временного правительства. В его книге были подобраны исторические примеры. Книга была содержательной и понятной каждому.

В помещении оставался суточный наряд и больше никого не было. Он не помнил сколько десятков раз, буквально, до пота тренировался в подаче команды, подход с держанием шашки, перед своей головой и её опускание перед тем, как остановиться перед принимающим рапорт, и сам рапорт.

На нём всё ладно сидело, словно сшито было специально в московском ателье. Военное обмундирование курсы не получали. В тот момент с вещевым довольствием было туго. Армейцы носили, что имели. Для курсов несколько позднее готовилась специальная форма. Ему пришлось носить эту форму — длинная кавалерийская шинель сзади прорезь с белыми металлическими пуговицами. Китель и брюки были изготовлены из добротного светлорубинового драпа с желтыми кантами, фуражка такого же цвета с желтым кантом без козырька. У всех сапоги со шпорами севельевского звона. Что и говорить, курсантов придели напоказ. Форма прельщала ни одну молодую девицу. Не проходили мимо без улыбки и скрытного восхищения, говорили в шутку: «Мечта, а не парни!»

Но мы еще вернемся к тому, о чем вели речь — о второй встрече с М. В. Фрунзе. Переживал он эту встречу

надо сказать, слишком напряженно. Чем черт не шутит, а вдруг при докладе заплетется язык от страха, как часто бывает, не выпутаешься. А командующий постоит немного, махнет рукой и подумает назначили то «тюху-матюху», стыда не оберешься. Курсанты прохода не дадут, засмеют тебя. Вроде бы хорошему строевику доверили такое большое дело, а ты что? И это будущее больше всего пугало, пугало и то, а вдруг командующий узнает по первой с ним встрече. Эта мысль из его головы не выходила, не выходило и такое наивное рассуждение, что может быть где-то сболтнул об этой встрече, вот и назначили дежурить как старого знакомого. Пока гадал и строил планы, время подошло к обеду. Курсанты с поля с песнями подошли к бараку и были распущены для подготовки к обеду. Его дневальный, стоявший у двери, караулил подход начальства.

Некоторое время спустя подбежал дневальный и шепнул «идут!» У него так и екнуло под ложечкой, поджилки затряслись, но это все мгновенно прошло. Смотрит в дверь, входят командующий в сопровождении курсового начальства. Михаила Васильевича в толпе сопровождающих он быстро приметил. Шел до него с поднятой шашкой не менее тридцати шагов. Вся процедура, к которой он так тщательно готовился, прошла как нельзя лучше. Все волнения остались позади.

После отдачи рапорта командующий поздоровался с ним за руку. Отблагодарил за четкий рапорт и обращаясь к нему спросил:

— А ведь мы где-то и недавно встречались, товарищ дежурный?

— С донесением приезжал, — ответил Вася.

— Вот-вот, припоминаю. Как Вы тогда доехали?

— Заболел и не добрался до Верного.

— А как учитеесь?

— Хорошо, — ответил он.

— Вот видите я сдержал свое слово. Теперь Вам надо добиться получить звание краскома.

— Добьюсь, — ответил Вася.

— Ну и отлично! — проговорил Фрунзе.

Командующий обошел весь барак, посмотрел общий порядок, немного побеседовал с курсантами и направился к выходу. Прощаясь с Васей, как с дежурным, подал ему свою полководческую руку, посмотрел на него и его странную военную форму сказал: «Скоро оденем!» И вышел из барака.

Каждое произнесенное им слово врезалось в память. Вася долго смотрел своему командующему вслед, пока он не скрылся.

У Васи было одно желание — лучше запомнить, что говорил Фрунзе. Кто знает, будет ли ещё случай встретиться с ним, думал он, вспоминая его оживленное лицо и чисто-сердечную улыбку.

Васю прошиб пот, он вытащил из кармана белую тряпку, похожую на платок и стал вытирать лицо. Его окружили курсанты и было начали качать, поздравлять, жать руки, он растаял и подумал, вопросам не будет конца, и решил пойти на небольшую хитрость. Повысив голос командовал:

— Становись строиться на обед!

Этим и спасся от восторженности своих однокашников — А. Цейера, В. Соломина, И. Мурова, А. Дягилева, И. Хмельницкого, З. Якумбаева, Одинцева и всех остальных курсантов своей учебной группы.

Но какое же это было прекрасное время в начале двадцатого века, цены ему нет, это время не повторимо, оно бессмертно. Его можно увидеть только в кино, в театрах, услышать о нем в песнях, стихах, романах, услышать от оставшихся немногих ветеранов. Вся жизнь поколения Василия Александровича как крутая ступень...

Выпуск на 15-х алма-атинских кавкурсах состоялся в лагерях под Самаркандом в середине 1922 года.

Учебная нагрузка на курсах была до отказа. В основном тактика и верховая езда. Были выезды в поле с решением тактических задач. Много уделялось внимания стажировке курсантов.

На тот период, созданные М. В. Фрунзе 15-е алма-атинские кавалерийские курсы полностью оправдали свое назначение. Произвели три выпуска краскомов. Позднее были расформированы. Немаловажный отрезок его военной службы до отъезда в Киргизию имел значение по совершенствованию его командирских навыков.

3

Два года в звании краскома прошли немирно. Команда конной разведкой Туркестанского полка, вновь пришлось вести бои, с не менее коварным врагом, с шайками басмачей, охватывая районы Гузар, Бухара, Шахрызипс, Керки, Чарджоу.

Бывают же события, которые человек запоминает на

всю жизнь. Василий говорит таким событием для него и его подчиненных красноармейцев явилась кончина Владимира Ильича Ленина. И сейчас, почти полвека спустя, Вася очень отчетливо помнит теплый январский день в восточной Бухаре. Командуя отдельным взводом конной разведки, преследовал в направлении Гузара небольшую басмаческую шайку. Шайка бой не принимала, и к себе близко не подпускала, надеясь на своих притких и выносливых лошадей.

Взвод за шайкой скакал более двадцати километров. Лошади в мыле, устали, а догнать шайку не смогли. Банда скрылась, потеряв одного убитого и одного раненого басмача, взято две пятизарядных винтовки и несколько десятков патронов.

Взвод преследование прекратил и остановился в крупном населенном кишлаке, с тем, чтобы дать людям и лошадям кратковременный отдых, а заодно и получить агентурные сведения о базах шайки. К нам подошел председатель сельсовета, весь в слезах и передал ошеломляющую, страшную весть — умер юлдаш Ленин! Опустился на колени и стал молиться, утирая крупные капли слез с обветренного лица. Стали подходить дехкане кишлака с прижатыми руками к груди. Красноармейцы без команды сняли головные уборы и безвольно стояли как вкопанные, ничего не говоря. Лошади насторожились, словно чувствуя, что что-то происходит неладное.

Бывают же случаи, когда десятки людей мыслят как один человек и все они понимают друг друга без слов. Взвод произвел 3-х кратный салют и долго не выходил из страшного оцепенения. У всех была одна мысль о том — кого мы потеряли...

Мы его не видели, не слышали и не знали как следует, что он представлял для народа, для всего человечества. Он был великим человеком, в то же время поистине скромным. В нем все просто, все буднично. О нем говорили не иначе как «товарищ Ленин!», «Наш Ильич!» Мы не представляли, не давали себе отчета о том, что он значит для нас. Один человек властвует над настоящим и будущим мировой политики. Он говорил ясно, очень, просто и величественно. В трудную минуту и сейчас к нему обращаются за советами. Его не стало, но дела его для человечества бессмертны.

Красноармейцы Василия Александровича обратились в полк с просьбой, чтобы конной разведке присвоили имя Ленина, но из этой затеи ничего не получилось. Командо-

вание второго стрелкового полка не поддержало эту просьбу.

Накормив лошадей, взвод пошел по пятам шайки басмачей и в ночь настиг ее на базе. Было убито 10 басмачей, взято 12 винтовок и один неисправный пулемет английской марки. Остатки банды рассеялись.

— Вот наш подарок тебе, Владимир Ильич,— сказал один из красноармейцев взвода.

Ленин умер как часовой на посту. Усиленная работа и течение десятилетия, преждевременно состарила его организм, лишив великий мозг гения достаточного питания.

С переводом Василия в Бухарский кавполк работы и забот прибавилось. Приходилось работать в сутки по 12-14 часов, а еще без сна и отдыха. Приобрел неплохой учебный опыт, особенно в подготовке младшего начсостава. Все местное население говорило неплохо на русском языке и поэтому подготовка была облегчена.

В полку он был на хорошем счету. И вот как то, дело это было в середине лета 1924 года, Василия вызвал командир полка Ш. Генеатулин. На груди его красновались три ордена Красного Знамени и орден Бухарской Звезды. Стал спрашивать как идет боевая учеба и как сам совершенствует свои военные знания. И, когда он кончил докладывать:

— Похвально, похвально! Твой эскадрон ценим и работу твою ценим! Вот что, Василь! — обратился к Васе командир полка. Так он называл его наедине. — Собирайся! Поедем!

— Куда? — спрашивает.

— В Ленинград, учиться! В высшей кавалерийской школе.

Позднее эта школа стала называться — кавалерийские курсы усовершенствования комсостава конницы ККУКС.

— Надо готовиться! зубри Уставы, наставления, оружия. Будет экзамен. Едем вместе со своими лошадьми и коноводами.

Василий обрадовался тому, что впервые попадет в город Ленинград и поблагодарил командира полка. Стал упорно готовиться к поездке.

Его командир полка был замечательным большевиком, чудесным человеком и к тому же талантливым и храбрым. Он никогда не повышал голоса. Василий всегда завидовал его спокойствию и гордился своим командиром полка. В Великую Отечественную войну он работал в генеральном штабе.

Василий курсовую учёбу проходил по среднему отделению. С ним в группе учились такие прославленные герои с басмачеством, как К. Андерсон, В. В. Бардадин, Лопатин. Командир полка учебный курс проходил по старшему отделению.

Курсы располагались в прекрасных учебных корпусах имея манежи на Манежной улице г. Ленинграда. Было не мало слушателей таких, которые имели по несколько орденов Боевого Красного Знамени. Общеобразовательная и военная подготовка прибывших на курсы была не одинаковой. Средний комсостав на петлицах носил кубики, старший и высший носили шпалы и ромбы. В качестве преподавателей были приглашены лучшие военно-научные силы. Офицеры, генералы и князья бывшей царской армии. Часто приходилось видеть и слышать на курсах выступления Семёна Михайловича Будённого, героизмом и военным талантом которого каждый из них восхищался. Он присутствовал на более интересных лекциях. Их часто привлекали для выступлений перед рабочими на заводах, предприятиях, с рассказами о борьбе советского народа во время Гражданской войны.

Руководителем курсов был легендарный военачальник червонного казачества В. М. Примаков. Его сменил большой теоретик по коннице М. А. Баторский. Здесь на курсах ККУКС он впервые встретился с Г. К. Жуковым и К. К. Рокоссовским. Они вместе с его командиром полка были в одной учебной группе. И ему часто приходилось с ними встречаться.

На курсах его командир полка не отставал от своих товарищей по группе, не отступал перед трудностями. Бывало все уже спят, а Шакир сидит над книгой, зубрит, или наносит на карту обстановку очередной тактической задачи. Часто выступал без вызова преподавателя. Под стать ему был и его командир эскадрона, хотя часто прибаливал малярией, но в группе отстающим не был. В марксистско-ленинской теории они были людьми малоискушенными. Для них всё это казалось первооткрытием и естественно повышался интерес. Им рассказывали то, что нельзя было найти в книгах. В этом году шла борьба партии с новой оппозицией.

Запомнился Васе и такой случай. «Как-то раз на двухсторонней штабной игре на картах к нашей группе подошел Рокоссовский. Он командовал красной стороной, синей командовал Жуков, и спрашивает моего командира полка:

— Вот у этого места,— он показал на карте,— кто командует разъездом?»

Командир полка указал на Василия. Рокоссовский задаёт Василию Александровичу вопрос:

— Перед Вами противник, равен Вашей силе, какое будет решение?

Он ответил:

— Разъездом от боя уклонюсь, пока не выясню обстановку.

— А я бы на Вашем месте набросился на противника первым — внезапно, а при благоприятной обстановке не посчитался бы и с превосходящими силами противника. Этот принцип конницы надо хорошо помнить и не забывать его при встрече с противником. Наводить панику и внезапно дерзко действовать, это всегда считалось похвальным!

Не знаю, как для других это наставление покажется, для Василия Александровича же этот урок остался памятным до сих пор.

Больше года учёбы на курсах усовершенствования состава конницы явились для него, как и для остальных слушателей хорошей школой. Пополнились военно-теоретические знания. Получили понятия о высшей тактике в военном искусстве. Повысили и политическую подготовку. Они были готовы еще с большей энергией трудиться.

Не трудно проследить за этими мыслями, которые всегда сопутствовали в более широких масштабах в ВОВ. полководца Рокоссовского.

Василию в третий раз посчастливилось встретиться с командующим 2-ым Белорусским фронтом с Константином Константиновичем Рокоссовским в Восточно-Прусской операции в 1944 г. в районе Гдыни. На сей раз он не упустил возможности припомнить ККУКС 1925 год.

Об этом учебном заведении маршал отозвался очень высоко и рассказал, как он упорно занимался выездкой своего коня:

— До чего же он у меня был бестолковым. А после показал высокий класс езды и пришлось,— с усмешкой сказал рассказчик,— дать моему коню кличку «Толковый». Такой успех даётся после большого труда, вложенного в это дело. Тренировка лошади и подготовка самого себя, изучение техники выездки всё это требует способности, терпения, настойчивости и безграничной любви к лошади и вообще к конному делу. Кавалерист — это великолепно обученный пехотинец.

Кто-то из присутствующих спросил маршала:

— Вы до сих пор приверженец конницы?

— Этот род войск сыграл свою историческую роль. Я за подвижность войск. Чтобы войско двигала техника, машины, атом, как в воздухе так и на земле. Время изменилось и ещё будет меняться. Ведение боя будет усложняться и задачи будут по масштабам другие...

4

Припоминается и такой случай о его прозорливости. В боях под Москвой в 1941 г. в одной из бесед о положении на фронте Рокоссовский попросил принести ему карту Европы и в присутствии ответственных работников штаба ворил Фрунзе. Кто знает, будет ли еще случай встретиться сказал:

— Без перспективы воевать нельзя. Красная Армия будет в Берлине. Надо чтобы это дошло до сердец миллионов воинов.

А на углу карты написал: «Специальному корреспонденту Красной Звезды политруку Трояновскому П. И. Воюя под Москвой — надо думать о Берлине. Обязательно будем в Берлине. К. Рокоссовский. Подмосковье 29 октября 1941 г.».

Уместно будет напомнить, что в битве под Москвой, на волоколамском направлении в его армии сражалась дивизия Панфилова, которая имела в своём составе и киргиз, показавших отвагу, мужество и героизм. К этому описанию мы еще вернёмся.

Рассказывая об этих эпизодах, в Рокоссовском был виден талант, умение предугадывать ход событий и к ним подготовиться, опередить врага и сорвать его замыслы, совмещать риск с наименьшей затратой сил. Эти качества полководца не отделимы от него. И ко всему этому маршал был храбрый, в высшей степени культурный, имел строгую и благородную внешность, подтянутость, человеческое обхождение с людьми, личное обаяние. Войска его любили. И не только войска, а все люди нашей страны его любили.

Василий вспоминает, что где-то вычитал о том, что Рокоссовский народный маршал! Эти слова законны и правдивы. А про себя он сказал: «Я сын славной коммунистической партии и самый рядовой среди других...»

Будучи еще в Ленинграде он прочел в газете «Правда» от 1 ноября 1925 года извещение ко всем членам партии,

во всем рабочим и крестьянам Центрального комитета РКП(б) о смерти верного бойца нашей партии, одного из лучших ее сынов — товарища Фрунзе.

Скорби и личной печали о потере близко знакомого ему полководца не было конца. Он долго не находил места своему душевному успокоению. Не так давно в архиве Министерства Обороны он нашел документ, именуемый «Политическое донесение политического секретариата Теруправления Киргизской автономной области на имя начальника управления Туркфронта от 5. 12. 1925 года № 159/с». Донесение было написано о том, как был организован траур по случаю смерти Фрунзе в Пишпеке.

Нам думается, при опубликовании этого исторического документа не снизит ценность его давность, а, наоборот, повысит интерес киргизского народа к своему земляку, уроженцу Пишпека. Нам рассказывал генерал П. А. Теремов об одном случае, который он запомнил.

На второй Белорусский фронт в гости приехал Монтгомери, была устроена встреча, она была торжественной. Командующий фронтом маршал Рокоссовский провел почетного гостя и его свиту вдоль шеренги офицеров и генералов. Потом состоялась беседа. Англичане задавали нашему маршалу вопросы. И вот был задан такой вопрос, его задал какой-то приехавший с Монтгомери журналист:

— Господин маршал, Вы были жестоко репрессированы Советской властью, почему же Вы так преданно ей служите?

Все присутствующие обомлели, кто-то прошептал:

— Вот мерзавец!

Маршал между тем говорил:

— Я не знаю кто Вы, господин, позволю себе рассказать Вам о моем детстве. Ужасным я был шалуном. Вечером явишься домой, а там уже жалоба от соседей, мать начинает лупить. Бывало кто-то нашкодит, а я в ответе, опять лупцовка. Но никогда я не обижался на свою маму...»

Какими аплодисментами были покрыты эти слова маршала! Беспощадно отбивая свои ладоши, присутствующие вроде бы хлестали по щекам невидимого омерзительного врага.

5

Командуя Туркестанским фронтом, все местные жители Туркестана называли его любовно, не иначе, как «наш ата Фрунзе».

Вот текст этого документа:

«Первая телеграмма о смерти т. Фрунзе была получена секретарем Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) Зеленским в 14-00 часов первого ноября и объявлено на открытой второй партийной конференции Киргизской области. Этого же числа было созвано совещание комполитсостава пишпекского гарнизона, на котором было объявлено о смерти Фрунзе, а так же был дан наказ об обязанностях комполитсостава, связанный со смертью председателя РВС и наркома по военным и морским делам.

Второго ноября в 13-00 часов был получен приказ РВС СССР по случаю смерти Фрунзе. После чего была создана комиссия по выработке плана траурного шествия под председательством начальника Теруправления товарища Русина и членов от обкома РКП(б), от исполкома, обкома ВЛКСМ, Союза Кошчи, профсоюза и ОГПУ.

Второго ноября в шесть часов вечера во всех войсковых частях и союзных организациях были проведены траурные заседания, на которых были освещены заслуги товарища Фрунзе перед пролетариатом.

Постановлением облисполкома по случаю смерти тов. Фрунзе с третьего по седьмое ноября включительно по всей области был объявлен траур. 3 ноября во всех учреждениях занятия не проводились. К 12 часам по московскому времени на площадь прибыли воинские части гарнизона, партийно-комсомольские и профсоюзные организации, после чего представителем комиссии тов. Русинным был открыт траурный митинг. К открытию прибыла мать покойного Фрунзе. Перед закрытием митинга все присутствующие организации и городское население постановило:

«Для увековечивания памяти тов. Фрунзе город Пишпек переименовать в город Фрунзе».

Таким образом город Пишпек стал именоваться с 3 ноября 1925 года город Фрунзе.

Подписи: начальник полит. секрет. ТУКА обл. Стародубов.

Инструктор информации — Пряхин. 5.12.25 г. Пишпек (Фрунзе). Архив М. О. СССР фонд 25895 ед. хр. 1—133,

После окончания КУКа Василий попросился в Средне-Азиатский военный округ САВО. Василия Александровича сюда тянули знакомые ему места, обычаи азиатского народа. Казалось все равным, откуда приехал учиться, туда

и обязан вернуться, доказывал он комиссии. Просьба его не была отклонена. Выехал в Самарканд, где принял первый учебный эскадрон узбекского кавполка. Полк располагался недалеко от города, в военном городке, где когда-то находились 15-е алма-атинские кавкурсы и как уже было сказано он их окончил в 1922 году.

Полком командовал С. Ф. Капустин из буденовской армии. Он имел именное оружие и боевой орден Красного Знамени. Васю поразила его высокая требовательность к себе. Он в неделю раз обязательно проверял состояние оружия и тут же разыскивал хозяина винтовки, на которой обнаруживал пылинку, или какую-либо часть не протертую. И шли в ход его крылатые слова:

— Оружие надо любить и беречь пуще глаз. С неискривленным оружием, с неподкованной и ненакормленной лошастью боец не боец. Повторится, накажу.

Коллектив полка был хорошим и работоспособным. В сутолоке, в заботах, в повседневных делах время летело быстро. Верховые езды, строевая, тактическая, огневая, физическая и политическая подготовка — все это требовало постоянного руководства и контроля. Приходилось по воскресным дням проводить всевозможные спортивные соревнования. Объявлялись учебные тревоги с многометровым маршем с решением тактических задач. Особенно увлекались ночными занятиями.

Организовывались конкурсы на лучшее содержание Красной казармы, Красного уголка, на лучшее содержание конюшен и лошадей. Словом работы и трудностей был непочатый край. Учеба Кызыл-Аскера проходила на русском и узбекском языках.

Небольшое количество воинских уставов было переведено на узбекский язык. Людей тяготила неграмотность. Отсюда красноармейцев вдвойне усугубляла тяжесть в работе.

Командно-политический состав был в основном из националов Средней Азии. Режим дня для строевого командира с подъема до отбоя. Он редко виделся с семьей. Часто и даже очень часто некогда было и пообедать. Особенно горячка была перед проверками начальством боевой подготовки.

Среди среднего звена нередко велись споры по вопросам единоначалия, вроде того, что настало время упразднить комиссаров и политруков. Дебаты эти в армии начались еще при жизни Фрунзе и приняли размах такой, что Михаилу Васильевичу пришлось терпеливо разъяснять,

что делать этого нельзя. Политработа Армии сохраняет и сохранит в будущем свое место и значение. Она по-прежнему будет являться новым добавочным оружием, страшным для наших врагов. С тех пор прошло более сорока лет, жизнь блестяще подтвердила правильность этих выводов выдающегося пролетарского полководца.

В узбекском полку Василий пробыл чуть менее года за безупречной службой над созданием и укреплением национальных узбекских частей. В день восьмой годовщины РККА был награжден почетной грамотой ЦК Советов Узб. ССР. Грамоту вручал председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ахун Бабаев.

Летом боевую и политическую подготовку полка проверяла окружная инспекция. Его эскадрон получил отличную оценку.

7

В июле 1926 года, в день первой годовщины образования Киргизской автономной области в порядке выдвижения получил назначение на должность командира отдельного киргизского кавэскадрона. Эта маленькая, но отдельная воинская часть со своим штабом и хозяйством. На петлицах Василия Александровича появились четыре кубика.

— Не подкачай! — напутствовал Василия командир полка Сергей Федорович. — Учить умеешь. Военное дело знаешь. На курсах получил зарядку и знания. Да и как строевик — видный в полку.

Такую характеристику, сказанную вслух, он никогда не слышал от командира полка, даже смутился и покраснел.

В то время аттестация была засекречена, давали прочесть только выводы. И, чтобы сгладить его растерянность, командир полка пригласил Васю на семейный ужин. Разумеется, он не мог отказаться от этого столь приятного предложения.

Они с Сергеем Федоровичем встретились после войны в Москве. Поздоровавшись по фронтовому, Василий Александрович его спросил:

— Что ты такой бледный, Сергей Федорович? Заболел что ли?

— Да и постарел.

— Избегаешь врачей, так что ли? Рассказывай, как прожил жизнь после Самарканда?

— Ты знаешь, очень тяжело на сердце и даже очень тяжело...

— Лечиться надо.

— Это никакими микстурами не снимешь.

Немного помолчав и говорит:

— Людей жаль, хороших, видных, больших людей...

— Но это уже старо, бурьяном поросло!

— Нет, не поросло, мой друг! Тот поймет, что это все на своей шкуре испытал...

Василий Александрович пригласил Капустина пойти к себе домой попить чайку с клубничным вареньем. Он охотно согласился. Вот тут-то он и излил душу. Обо всем рассказал, как он сидел ни за что, ни про что, безвинно.

— У меня, — говорит он, — допытывали, кто из командиров эскадрона по узбекскому полку националисты и сыновья бывших беляков. Это касалось тебя. Я не пошел на это предательство, как это делали многие. Не наговорил чего не было и за это в камере сидел почти год.

«После чаепития и этого чудовищного извещения мы решили пройтись. Была зима, падали снежинки. И до того увлеклись разговорами о житье и бытие, незаметно подошли к сверкающему мавзолею. Кругом чисто. У дверей стояли безмолвно часовые.

— Как жаль, что так рано умер Ленин. Очень рано, — с нескрываемой грустью и болью произнесли мы.

— Наверное этого бы не было, — сказал Капустин.

Мы постояли на Красной площади, мысленно простились с вождем и пошли домой».

И, если кто еще и остался жив из тех, кто давал распоряжение об их арестах и тех, кто их судил, а многих и не судили, и тех, кто из правительства соглашался судить без каких-либо возражений, должны были знать о том, что все обвинения были ложными, никаких из них врагов народа не было, все это было сфабриковано гестапо, фашистской Германией, и им это было на руку. Гестапо помогла предательская деятельность людей госбезопасности. Всем им ничего больше сказать нельзя, за их преступную деятельность по избиению тысячи военных и гражданских кадров, кроме отвращения и чувства презрения.

С чувством глубокого уважения вспоминает Василий Александрович многих командиров и политработников, соратников по службе в первом Узбекском кавалерийском полку и торжественные встречи с правительством Узбекистана, которые не так-то редко приходили, и они ощущали постоянную заботу правительства в боевой подготовке кызыл аскеров Узбекистана.

25. V. 72 г. г. Москва

Вновь назначенному командиру отдельной части, будь она большая или маленькая, но отдельная, прежде чем отбыть к месту новой службы, ему приписывалось представиться военному совету округа.

Василий Александрович документально рассказывает: «Ехал я в штаб округа с волнением, тревогами. Мысли о чем будет идти речь, а вдруг начнут экзаменовать? К чему же надо быть готовым? Одним словом эта встреча будила мои мысли, и голова была полна забот и волнений».

Будучи в узбекистанском кавполку я знал, что среднее азиатским военным округом командует командарм Арсентьевский. В эскадронах полка висел его фотопортрет с краткой его биографией. До этого я не знал и не слышал об Арсентьевском. До него Туркфронтом командовал командарм А. И. Корк и М. К. Левандовский.

Я снова в чудесном городе Ташкенте. Его золотят потоки ласково-мирных лучей солнца. Кажется все мирно и торжественно. Звонят трамваи, а по мостовым отбивают свои копыты лошади, запряженные в экипажи и извозческие тележки.

Город людный с фруктовыми садами, площадями, парками, цветниками. Его обитатели из местного населения проживали в большей своей части в старом городе. Улицы, тротуары, деревья поливались в утренние часы холодной водой, чтобы легче дышалось человеку. В центральной части города можно было встретить чайхану, рядом бассейн с водой, или течет по арыку проточная вода. Посидишь на топчане и с удовольствием попьешь зеленого чая с лепешками и виноградом. Чаепитие в Узбекистане такое же лакомство как и плов. Кто чаю не пивал, тот Ташкента не видал...

Однажды председателя Президиума Верховного Совета Узбекской Республики Ахуна Бабаева спросили:

— Как понравилась Москва?

Он ответил:

— Всем хороша, величава, красива, одно плохо — нет чайханы!

Когда я подходил к штабу и зашел в само здание, я не мог без волнения смотреть на портрет М. В. Фрунзе. На портрете он выглядел таким, каким я его встречал. Штаб округа создан был недавно, но чувствовался образцовый

порядок. Командно-политический состав округа одет был куда лучше, чем я видел в 1919 году. Все носили пояса с портупьями через плечо. Знаки различия теперь не на рукавах, как это было, а на петлицах.

На одном этаже длинного коридора у одной из дверей я прочел «Приемная командующего». Порученец уже знал, кто я и пошел докладывать. Через некоторое время мне было разрешено войти в кабинет командующего. Я не постеснялся спросить у порученца:

— Командующий один?

— Нет, — ответил порученец. — У него находится член военного совета дивизионный комиссар Н. М. Кузьмин и начальник штаба комдив Б. Н. Кондратьев.

Меня по-первости пробрала дрожь. Но скоро все прошло.

Одет я был щегольски — хромовые сапоги со звоном шпор. Фуражка японского модного покроя с красной звездочкой. Сапоги, шпоры и все металлические предметы были начищены до блеска. На руке призовые ручные часы, полученные на Конкур-Иппик, планшетка с записной книжкой и серебрянный клинок.

За большим столом, обитым зеленым сукном сидел человек богатырского сложения, в петлицах четыре ромба, с двумя боевыми орденами Красного Знамени, подтянут. Я сразу узнал, что это и есть командующий округа. Представился по всем правилам воинского устава. Все присутствующие поздоровались со мной за руку. И я подумал: «У них ромбы, а я с четырьмя кубиками, а такая честь!»

Ровный и спокойный голос командующего прервал мое размышление.

— Итак, товарищ Калачев, решением Военного Совета Вы назначаетесь на должность командира отдельного Киргизского кавэскадрона. Думаю, что это приятно Вам слышать. Правда, часть еще молодая, не окрепшая. Нам известна Ваша работа по Узбекскому полку. Боевая и политическая подготовка эскадрона, в котором Вы командовали, инспекцией округа оценена на отлично.

— Спасибо за доверие, — ответил я стоя.

— Садитесь, — душевно сказал командующий, — но вряд ли обрадую тем, что скажу дальше. Киргизский отдельный эскадрон стадию формирования окончил. Дисциплина у них не важнецкая. Киргизы не на хорошем счету в округе.

— Одним словом, — проговорил член военного Совета, — эскадрон штрафной. Мы недовольны всей подготовкой эскадрона, особенно политическо-воспитательной ра-

Вотой. Слов нет, — продолжал член В/С, — работа трудная, грамота всему гвоздь. Но ведь в других нац. частях, да и у нас в узбекском полку политическая партийная работа бурлила — значит можно и нужно, чтобы и у киргиз было все хорошо.

Командующий, чтобы видимо сгладить оценку о киргизских частях членом В/С проговорил:

— Ну, кажется, мы наговорили Вам всяких страстей... через край.

— Да нет, товарищ командующий, меня это не так уж пугает. «В жизни и практике бывает и так, — поучал меня мой командир полка, — честь тому командиру, если он плохую часть превратит в хорошую, и позор, если он хорошую превратит в плохую — грош цена такому командиру».

— Вот это правильно давал Вам нравоучения Ваш командир полка!

Этой похвалой командующий помог мне преодолеть скованность.

— Вот, ведь удивительно, — продолжал командующий, — мне с киргизскими частями пришлось в Гражданскую войну на Оренбургском фронте иметь дело. Это же природные кавалеристы, рубаки. Стоит киргизу обжиться, где он служит, и он становится настоящим бойцом — кавалеристом рабоче-крестьянской Красной Армии. Ему нечего прививать любовь к лошади.

С большим увлечением и знанием командующий рассказывал о киргизе, как о всаднике:

— Я знаю, что киргиз падает с лошади в исключительных случаях. Или лошадь делает свечу и становится на дыбы, порвутся поводья. Или же на полном ходу порвутся подпруги. Или лошадь перевернется через голову. Когда придет весть о том, что где-то разбился киргиз-джигит, то обязательно зададут вопрос: «Что, он с лошадью вместе упал?» — Он скорее спотыкнется и упадет, если идет пешком.

Присутствующие улыбнулись.

— Киргизы по натуре своей народ общительный, имеет хорошую зрительную память. Он может через десятки лет вспомнить — на каком коне я сидел, какое было седло и опишет всадника, как он внешне выглядел. Эти качества от киргиза не отнимешь!

Член В/С бросил реплику:

— Не слишком ли хвалим?

— То, что я сказал про киргиза — я обоими руками под-

нишу, — со смехом проговорил командующий. — Другое дело — киргизы народ степной, кочевой, специально бытовые условия киргизского народа выработали в нем специфические черты, присущи только киргизам. Навыки и характер, все надо учитывать в учебе и в воспитании. Тянет киргиз в степь, в горы, когда начинается кочевье, по ихнему это называется... постойте, постойте, сам вспомню, ведь вертится на языке! Не подсказывайте...

— Разрешите подсказать, — обратился я, — по ихнему это называется «Джайляу», это самое прекрасное для киргиз время.

— Совершенно правильно, — подтвердил командующий. — У нас в округе процветает очковтирательство — это самый злейший вид вредительства, это большое и тяжкое преступление. Судите сами, если командир взвода сумеет стереть очки командиру эскадрона, а тот в свою очередь своему начальству, а начальник командующему. Недочет не будет вскрыт и исправлен, мы не будем иметь настоящего представления о части, о ее выучке и политическом воспитании и на этом будем строить все свои расчеты. Мы не можем смягчить ни грамма нашего отношения к этому крупнейшему недочету. С этим злом надо бороться всем. Преувеличивать достигнутое, замазывать недочеты — это злостное очковтирательство, это разложение армии, это карьеризм, подхалимство. Учтите это товарищ Калачев, — обратился командующий.

— Слушаюсь! Крепко запомнил, что Вы сказали, — ответил я.

— Увидим на деле, — подметил член В/С и продолжал. — Мы рады, — прищурив глаза, смотря на меня в упор, будто рентгеном просвечивал, проговорил член В/С, — очень рады, что киргизы и другие национальности Туркестана становятся в ряды защитников Советской власти, стали в ряды борцов за раскрепощение всего человечества, которое так недавно находилось под прессом родового быта. Да еще и сейчас этот проклятый быт полностью не изжит. Но время придет и быт будет другой — социалистический!

Разговор мог бы, может быть, и продолжиться, но в это время зашел порученец и доложил о том, что дивизионного комиссара ждет член правительства Узбекистана по очень важному вопросу, а комдив Кондратьева вызывает к проводу Москва.

В манерах Кузьмина я понял, что он мог бросить довольно ядовитую реплику, или задать неожиданный вопрос,

на который не найдешь сразу что ответить. Зато начальник штаба ничего не высказал и только скупой улыбался. Мне трудно что-то о нем сказать, но видно было, что это талантливый и очень скромный человек. Заметно, что командующий к нему относится с большим уважением и доверием. Они и в округ прибыли в одно и то же время.

Короче говоря, я — среди больших и знающих людей у которых есть чему учиться и завидовать. Мы с командующим остались вдвоем.

— А теперь я Вас слушаю. Как Вы понимаете свои задачи и с чего начнете?

Этот вопрос для меня был легким, я его уже пережевываю несколько дней, и ответ мой сводился к тому, что следует изучить личный состав, посмотреть лошадей. Упор в своей работе делать на подготовку младшего комсостава, на ликвидацию неграмотности, на подготовку одиночного бойца, опираться буду на партийный и комсомольский актив. Сделать образцовый внутренний порядок, да и самому не забывать заглядывать в Уставы и почитать военные новинки.

Командующий больше не стал вести служебный разговор, поинтересовался моей семьей. Я ответил, как только устроюсь на новом месте, привезу и семью.

Затем командующий спросил об учебе на ККУКС, а когда я сказал, что начальником курсов был В. М. Примаков спросил:

— Это не тот ли Примаков, который командовал Червонной казачьей дивизией? Знаю, знаю я его. Лихой кавалерист.

Откуда знал командующий Примакова — этого героя Гражданской войны, которого я сопровождал на курсовое учение под Ленинградом в 1925 году — спросить постеснялся. Командующий медленно поднялся, вышел из-за стола, подал мне руку, сказал:

— Желаю Вам, тов. Калачев, успехов в боевой подготовке. Принимайте первую воинскую часть Киргизии. Поэтому вдвойне желаю успеха. Есть вопросы ко мне?

— Есть, тов. командующий! Мне стало известно, что кызыл аскеры воздух рубят палкой — нет шашек, седла смазывают водой — нет мази, на 16 лошадях обучается сто с лишним кавалеристов. Одним словом нет снаряжения, парадного обмундирования, лошадей и бедны воинскими уставами, политической литературой.

— Откуда Вы все это взяли? — поинтересовался командующий.

— Перед тем как к Вам попасть в интенданстве проверил, что числится за эскадроном. И вот Вам моя заявка с рапортом, правда не по команде, но случай подходящий и может его больше не быть.

Командующему видимо понравилась моя находчивость и предприимчивость. Он взял заявку, рапорт и обещал дать все то, что можно будет дать:

— Мы начальнику территориального управления Киргизии тов. Руссину и начальнику Леману под скажем, чтобы они получше Вам помогли. А киргизское правительство тем более поможет, это же ихнее кровное детище, это же школа будущих партийных советских и других работников Киргизии, в которых она так остро нуждается... Я в Киргизии буду и обязательно побываю у Вас в частях,— этими словами закончил свою беседу Арсентьевский.

Поблагодарив командующего за его добрые слова, за душевную и простую беседу, я вышел.

2

Имя командующего гремело в войсках, как-то по особому. Я слушал его и ощущал силу этого человека. Я получил уверенность и что-то реальное. Он показался скорее близким товарищем, чем командующим. Много значит такое отношение со стороны высшего военачальника, а ведь на фронте приходилось с болью видеть и иное. Это я сам испытал.

Беседа с В/Советом меня обогатила. Мне было приятно, что командующий дал лестную характеристику о воинах Киргизии. Это было и не удивительно. Арсентьевский знал историю боёв, сражений и операций Гражданской войны, где под его руководством участвовали киргизские конные части.

Но впереди у меня еще куча нерешенных дел. Прежде всего надобно было торопиться зайти в отдел боевой подготовки с тем, чтобы выпросить кое-что из военной литературы и увезти с собой.

Я не очень почему-то уверенно заходил в кабинет начальника отдела. Дверь была приоткрыта и там шел какой-то спор двух комбригов с начальником отдела. Вошел в кабинет с разрешением, представился.

— Прекрасно. Здравствуйте. Садитесь пожалуйста к столу... поудобнее. Вот так! Мне о Вас звонил командующий, нужную Вам литературу подберем и дадим с десятков Уставов. Посидите, я сейчас закончу с товарищами Уша-

ковым и Мелькумовым и займусь Вами,— любезно предложил начотдела.

И пока проходила между ними беседа, я с любопытством разглядывал героев Туркестана по борьбе с басмачеством. У обоих у них по одному ромбу на петлицах и по несколько орденов Красного Знамени. Теперь я увидел и сижу рядом с командиром первой Туркестанской кавбригады К. П. Ушаковым и командиром восьмой кавбригады Я. И. Мелькумовым. Вот про них молва идет в войсках округа! И я подумал, как бы это ближе с ними познакомиться. Беседа у них подходила к концу, и вдруг Мелькумов обратился ко мне и спросил: — Удовлетворен ты своим назначением?

— Да,— ответил я.

— А когда-нибудь в Киргизии были?

— Не был, но родом из Семиречья.

— Значит и балакать по ихнему можете?

— Да, немного могу.

— Откровенно говоря,— продолжал коренастый ниже среднего роста с усами, с серебрянным клинком, с неподкупленной искренностью о том, что он доволен киргизскими джигитами.— Есть храбрые ребята, дорвется до врага — не отстанет, пока не добьет. У меня в бригаде 16-камполк состоял весь почти из киргиз, формуляр полка богат храбростью киргиз с крупными басмаческими бандами, такими как: Джаныбек, Ташмет, Парпи и другие.

Я помню полк очищал Узгенский район от шайки Джаныбека. Шайка была застигнута врасплох, почти двести человек были разоружены, джигиты шайки десятками стали сдаваться. Сам же Джаныбек скрылся. Итак было жалко, что не был он пойман. Это бывший бай, очень влиятельный среди киргизского Ошского округа 65-ти лет. Базу имел в Китае. Слов нет — храбрый курбаш.

В этом бою отличился, как сейчас я помню, командир Кандыбаев. Он своей саблей зарубил шесть вооруженных басмачей. Один рубился. Ничего не скажешь — паренек был храбрый.

А вот военком этого полка Ибрагимов, рискуя своей жизнью, успел присечь переход второго Ферганского территориального полка на сторону курбаши — Муэддина. Один поехал в этот полк и удержал сотни людей от предательства.

Конечно, много можно рассказать про героизм киргиз, не только киргиз, всей бригады в целом.

Но и не меньшие подвиги имеет и седьмая Братская

бригада, возглавляемая всеми уважаемым комбригом Ушаковым. Она тоже не давала покоя басмачам. Особенно шайки Хал-Ходжи.

— Верно, верно, — отозвался Ушаков. — У меня в этих боях отличился киргизский дивизион. Вцепился в хвост шайки и гнал ее остатки до Бухарской области, и там она была уничтожена.

Я встал и от души поблагодарил комбригов Мелькумова и Ушакова, за лестные отзывы о киргизах и интересные рассказы:

— Вы, наверное, выступите в печати со своими воспоминаниями? — спросил я Мелькумова. Но за него ответил Ушаков:

— Да, не только одну книгу напишет, а больше, он напишет про седьмую бригаду.

— Нет уж, милейший мой друг! Ты сам напиши... Не думал я об этом, — с грустью проговорил Мелькумов. — Да и некогда думать. В отпуск выбраться не могу, все дела да заботы. Командующий меня упрекнул, не умею культурно отдыхать, но не подсказал, где найти эту культуру? Вот уйду на пенсию может и напишу, если где-нибудь в Кара-Кумах не оставлю свою голову.

— Что Вы, что Вы! Вам жить да жить, — воскликнул начотдела.

— Голубчик ты мой, Вашими устами да мед пить. Поживем, увидим.

Этими словами, собственно говоря, и закончилась эта столь приятная и очень полезная для меня беседа.

Я был рад и находился долго под впечатлением моего приема военным советом и знакомства с видными военачальниками, прославившихся на весь Туркестан. Я о них слышал раньше и вот подвернулся счастливый случай с ними познакомиться. Мы договорились с Мелькумовым, как-нибудь еще раз встретиться и поговорить о воинах-киргизах и их борьбе с басмачеством. Но такая встреча к сожалению не произошла. А жаль... Это интересный человек, много испытал. Много знает. Комбрига Мелькумова с тех пор больше не видел. И только недавно прочел его воспоминания.

С комбригом же Ушаковым встречался еще несколько раз, когда он был инспектором кавалерии округа. Ушакову не пришлось принять участие в Великой Отечественной войне, потому что до этого времени он героически погиб на посту, при исполнении служебных обязанностей.

Яркое июньское солнце ослепляло глаза, жгло нещад-

но. Я вышел из подъезда штаба округа с двумя тюками военной и политической литературы. Так хотелось побыть в Ташкенте денек-другой, но служба есть служба, срочно нужно было выезжать во Фрунзе. У подъезда меня поджидал старший писарь эскадрона Кириллов, он был послан в Ташкент по моей телеграмме. Кириллов представился.

— Здравствуйте товарищ Кириллов, — я подал ему руку. Это был первый человек того коллектива, куда я ехал. Мы наняли извозчика и поехали прямо на вокзал. Тут-то мне пришлось с Кирилловым поговорить по душам о жизни, быте и учебе киргизских воинских частей. От назойливых вопросов Кириллов наверно стал думать: «Едет новая метла — ни минуты не молчит».

— Давно в эскадроне, — спросил я, — нет недавно.

— А как налажена боевая учеба?

— Да как сказать, пока идет нормально — недостатков много.

— Но это дело легкое, поправимое, — заверил я.

В дальнейшем, обмениваясь впечатлениями, я пришел к выводу, что посланец многого не знает и не добрался до сердца эскадрона. Суховат по натуре. Короче говоря, откровенного разговора, который мне так был нужен, не получилось. Решить его помог эскадронный коллектив и руководство территориального управления Киргизии, но уже гораздо позже».

25. IV. 1972 года.

ЧАСТЬ II

Глава I. ПЫЛАЮЩАЯ КИРГИЗИЯ

1

С чего будем начинать? Что за город, где родился Фрунзе, и что из себя представляет Киргизская автономная область. Как будет помогать киргизское правительство в обучении, в материальном обеспечении своей родной части.

Одним словом думы и волнения ломали голову. Да и кто бы на нашем месте мог проявить равнодушие и спокойствие к оказанному доверию.

Тут нам в Киргизии предстояло теперь работать и жить. Но об этом мы еще собираемся написать в конце рассказа. Разумеется, при написании своих воспоминаний мы не могли не интересоваться, как киргизы у себя с оружием в руках завоевывали Советскую власть и как совершали революцию.

Территория нынешней Киргизии была частью Семиреченской области и входила в театр военных действий Семиреченского фронта, Киргизской области тогда не существовало.

Хотим мы попытаться поделиться теми архивными поисками, которыми мы занимались несколько последних лет и встречались с участниками этих событий.

Не будем рассказывать о событиях, которые уже сказаны во многих источниках, иначе это будет повторением.

Наша цель выделить в могучем потоке военных столкновений тот момент, когда Киргизское воинское формирование было в гуще боев вместе со всей Красной Армией на фронтах Гражданской войны при установлении Советской власти у себя в Киргизии; как киргизские части и отряды дрались с белоказацкими войсками, бандами, мятежниками, шайками басмачей. Короче говоря дополнить и расширить все то, что еще не досказано историками-исследователями на своих страницах, про боевую и мирную жизнь киргизских национальных воинских частей, до и пос-

ле общеадминистративного управления, не претендуя на полноту и безгрешность.

Вспоминая обстановку 1918 г. до половины 1919 г. невольно поражаешься, как могла устоять Советская власть в Туркестане, при таком, казалось бы, безнадежном положении.

В самом деле Туркестан был окружен белогвардейским кольцом. Ворота из центра России в Туркестан со стороны Оренбурга были прикрыты войсками белоказаков, алаш-ординцами, под воздействием атамана оренбургско-казацких войск Дутова и уральского казачества. Со стороны Сибири угрожали колчаковцы и мятежники чехословацкого корпуса.

Корпус свыше 40 тыс. человек был сформирован до Октябрьской революции из добровольцев, перешедших на сторону России. Был пополнен пленными чехами, словаками, взятыми русской армией в первой мировой войне из Австро-Венгерской Армии.

После победы Октября контрреволюционеры всеми силами старались использовать хорошо вооруженный корпус для борьбы с Советской властью. Им помогали лидеры меньшевиков и эсеров, подбивая чехословаков на выступление против большевиков.

Как известно советское правительство после подписания мира с Германией разрешило личному составу корпуса выехать через Дальний Восток во Францию.

Часть чехословацких солдат, около 12 тысяч, человек весной 1918 года добровольно вступили в Красную Армию, но большинство оказалось под влиянием антисоветской агитации, проводимой чехословаками и русскими белогвардейскими офицерами.

В конце мая 1918 года чехословацкие части, обманутые своим командованием, вступили в сговор с империалистами, подняли мятеж. Этот мятеж послужил сигналом для выступления Северных казачьих станиц Семиречья.

О чехословацком мятеже В. И. Ленин говорил:

«Теперь этот кризис должен быть разрешен широкими массами советской России, так как он встал перед нами. Теперь как борьба за сохранение советской социалистической республики — не только от чехословаков, как от контрреволюционного покушения, не только от контрреволюции покушений вообще, но и как борьба против натиска всего империалистического мира».¹

¹ В. И. Ленин. Соч. т. 28, стр. 1—2.

Итак, два направления тревожили Туркестан: Сибирское — Колчак, и Оренбургское. Они для Средней Азии были опасны.

В то же время в пределах Туркестана возникали один за другим внутренние фронты, не менее опасные.

ЗАКАСПИЙСКИЙ — впитал в себя английских интервентов и белогвардейцев;

СЕМИРЕЧЕНСКИЙ — остатки разбитых банд Дутова и отборных частях Анненкова более чем 25 тысяч;

ФЕРГАНСКИЙ — белогвардейцы и басмачи около пяти тысяч.

На территории Джалал-Абадской области была организована кулацко-крестьянская армия в пять тысяч человек. В Семиречье после Октябрьской революции почти все казачество оставалось приверженцами монархии или временного правительства.

Существовал Актюбинский и другие фронты до трех тысяч человек. К этим фронтам примкнули враги Советской власти — эсеры, меньшевики, офицеры, националисты, баи, духовенство, кулаки, среди них и были обманутые люди из середняков и бедноты.

Кроме внутренних фронтов Туркестана возникали контрреволюционные мятежи, им предшествовала длительная подготовка. И они возникали отнюдь не случайно. Они готовились и организовывались по общему плану свержения Советской власти в Туркестане.

К белогвардейским войскам и мятежникам Туркестана спешили на помощь армии интервентов США, Англии. Их чудовищный заговор преследовал далеко идущие цели: отчуждение Туркестана от советской России. Создание буржуазно-помещичьего, автономного Средне-Азиатского государства — прямо скажем — колонии, под протекторатом Англии.

Белогвардейские войска «Спасители Родины» не гнушались своих хозяев — просить и получать помощь. Да разве это спасители Родины? Коли опирались на штыки иностранных войск, ни брезгуя никакими посулами и подачками, убивая своих же людей по классу и по национальности. Враги шли на свою же кровь.

Враги революции внутри страны были обречены с самого начала, ибо их силы по оценке В. И. Ленина «оказались ничтожными. У них не было никакой — ни политической, ни экономической опоры».¹

¹ Соч. т. 36, стр. 95.

Пришедшая Советская власть сразу же лишила каза- чьи и кулацкие верхушки всех преимуществ и привилегий. Казачья каста, приверженцы монархии, верные престолу, втихомолку прикинувшись лояльностью к Советской вла- сти — готовили и укрепляли свои антисоветские кордоны в южных и северных станицах.

Революция в Семиречье проходила по самому краю пропасти.

Сначала она прошла в Пишпекский уезд. Несколько позже в г. Верный, а затем пробилась в Южную Киргизию. А к июню 1918 года ее корни проникли на всю территорию Северной Киргизии. И позднее всех Советская власть при- шла в северные станицы — Капальского, Лепсинского, Сер- гиопольского уездов.

Советская власть пробивалась ощупью, в кровавой борьбе. Несла мечту о найденной правде, которую сотни лет прятали эксплуататоры, угнетатели.

Кровавая бойня при завоевании Советской власти в Туркестане была страшной. И не только тем, что людей убивали. Война была враждой, предательством, подлостью, изменой Родине. Война была классовой, мучительной.

Осложнением в установлении Советской власти в Тур- кестане (Семиречье) служили переплетения классовых межнациональных отношений — проявление велико-русско- го национализма.

«Руководящие русские работники допускали грубые из- вращения в проведении национальной политики, являю- щейся по существу продолжением политики колонизато- ров. Эти работники считали, что поскольку в Туркестане нет своего пролетариата, поэтому только русские способ- ны осуществлять диктатуру пролетариата, опираясь на русских рабочих, на верхушки местного населения (чинов- ников), придерживающихся русской ориентации, и на рус- ских крестьян-переселенцев (в Семиречье), являющиеся в большинстве своем кулацкими элементами».¹

Надежных и стойких сил в Семиречье было мало. Пар- тийные организации, страшно были засорены, социально чуждыми и политически враждебными элементами. Они подрывали изнутри, неокрепшие партийные организации становились на пути агентов и доносчиков контрреволю- ционных сил, становились попутчиками мятежей.

Беспорядки и неразбериха в ту пору являлись вещь- ю заурядной, трудно было разобраться в непривычной окру-

---

¹ Из редакционных примечаний соч. Ленина т. XXIV, стр. 810.

нающей обстановке и в этом сложном переплете. Люди метались, теряли рассудок, и чтобы забыться, придавались и всевозможным развлечениям — пьянству, грабежам, разврату. Ловили разные слухи, большей частью нелепые. Бросали свои насиженные места, бежали на лошадях, пешком со скарбом, бежали от Советской власти. А куда? Зачем? Для чего?.. Эту стихию мы наблюдали почти во всех казачьих станицах Северного Семиречья.

Провозглашенная Советской властью декларация прав народов России давала полную гарантию обеспечения киргизских прав.

Хотя киргиз было не так уж много в сравнении с океаном России, но надежда на автономию и самоуправление не покидало киргиз. Начиная с 1919 года, киргизы стали добиваться автономии для областей, населенных киргизами. А чтобы осуществить автономию, надо было прежде всего освободить свою землю от белогвардейских банд, басмачей, раз и навсегда покончить с мятежами, и чтобы весь киргизский народ с русскими братьями встал на защиту Советской власти.

Энергичную и довольно плодотворную работу по этому вопросу в Наркомнаце вел киргизский комиссар Мухамедияр Туганчинов. А провести декларацию в жизнь требовалась колоссальная организационная работа.

Хотя и теперешняя киргизская земля, белыми войсками не была захвачена и оккупирована, но заговоры и мятежи были связаны с большими планами интервентов и белой армией, и следовали в Киргизию один за другим. Они сменяли друг друга в мелькающих картинах Гражданской войны.

Начиная с 1918 года кровавые мятежи вспыхивали в Пржевальском уезде; Кулацкий мятеж в Таласе; Нарынский мятеж в Пишпекском и других уездах. Были и другие заговоры и кратковременные восстания. Одним из крупных мятежей был левозэсеровский мятеж в Беловодске в декабре 1918 года. Готовился этот мятеж английской разведкой.

Организаторами мятежа являлись кулаки и левые эсеры, ярые противники марксизма, принадлежащие контрреволюционной партии.

Беловодские кулаки прославились своей жестокостью еще в 1916 году во время исторического восстания киргиз. Беловодский мятеж готовился тщательно и длительное время, был связан с общим планом свержения Советской власти в Туркестане.

Контрреволюционеры набрали путем шантажа, посул и обмана около десяти тысяч мятежников. Часть их была вооружена и они были уверены в своем успехе. И действительно, успехи поначалу мятежники имели. Свои действия они распространили за пределы своего Беловодского казачьего района.

Осаждая Пишпек с запада ворвались в город, захватили казармы, город был объявлен на военном положении. Англичане приготовили и торопились послать мятежникам большую партию оружия. Радовались этому Колчак и атаман Дутов.

Как-то в большой убранный казачьей горнице при свете керосиновой лампы сидели за столом два человека. Один из них худошавый в полковничьих погонах. Говорил он высоким уверенным голосом, положив костлявые руки на стол. Полковник отличался неуживчивым характером, мнил о себе, что он «герой». Его ярые приверженцы возвысили атамана, на эмблеме, которую носили его подручные на рукаве была надпись «С НАМИ БОГ И АТАМАН АННЕНКОВ!»

Другой седоватый капитан, видно у атамана было особое поручение.

— Будем смотреть правде в глаза, — обратился полковник к капитану, затем вынул из кармана носовой платок вытер лицо и продолжал. — Широкие народные массы относятся к нам с тревогой и ненавистью, а меньшинство с признанием и надеждой. Надо сделать так, чтобы все видели в нас своих избавителей от большевизма. Мы будем стоять за правителя России Колчака.

— И все должно быть подчинено победе. И, как Вы знаете капитан, на войне все средства хороши!

— Наполеон говорил, что он всегда готов был у нужного ему человека поцеловать любое место. Но русский офицер этого не сделает, это слишком! Но что делать? Обстоятельства заставляют, ничего не попишешь, придется поклониться мужику.

Полковник стал в позе Наполеона, сделал привычный жест:

— Ну, что у Вас нового в ваших бумагах, — спросил Анненков своего порученца.

— Получена сводка, Борис Владимирович, от правителя России, адмирала Колчака.

— Дайте прочесть, — поручик неторопливо раскрыл папку и подал несколько скрепленных листов напечатанного текста крупным шрифтом.

Анненков самодовольно улыбнулся, улыбка расплылась по всему лицу:

— Молодые казаки! Десятитысячная Армия — большая сила, эта сила в тылу большевиков. Нам надо торопиться на соединение и Семиречье будет освобождено от большевизма.

— Видимо следует послать телеграмму с приветствием беловодским войскам и всему казачеству, о разворачивании объединенных действий по всей Киргизии. Вы не представляете, капитан, как я рад этому чрезвычайному событию, наш незабвенный адмирал Александр Васильевич! Надо срочно собрать расположенные по области наши части и вместе с населением организовать молебствие.

Капитан взял со стола папку с бумагами, встал:

— Разрешите выполнять?

Полковник величественно и надменно махнул рукой. Капитан, блеснув аксельбантами вышел из горницы.

А тем временем Анненков настойчиво претворял в жизнь наказ Колчака, расширять военные действия в Семиречье. Он искал удобное место для своей штаб-квартиры, откуда можно было бы безопасно и надежно вести борьбу с Советской властью.

Этим местом была избрана северная часть Семиреченской области, казачество которой было настроено против Советской власти.

Главный штаб расположился в Уч-Урале. Этот район имел много выгод с военной точки зрения: близко граница Китая, узел дорог Семипалатинск-Верный; район богат запасами продовольствия, а главное оторван от революционных центров области и края. Горные проходы ущелья, оазисы озер — скрывали войска Анненкова.

Пункты Сергиополь, Бахты, Урджар, Маканчи, да весь Лепсинский уезд пережил за два года много страданий и мучений от банды ярого монархиста, кровавого атамана Анненкова.

Нам рассказывали, как верные псы в черной форме с эмблемой «С нами бог и атаман Анненков!» допрашивали пленных красногвардейцев, партизан и людей Черкасской обороны. Если допросы ни к чему не приводили и угрозы не помогали, тогда применяли способ — порку шомполами. Клали пленного на специальное приспособление вниз лицом, спускали штаны, два здоровенных детины садились — один на голову, другой на ноги, а третий шомполом отпускал количество сильных ударов по задку и спине. Тело краснело полосами, брызгала кровь, все сидалище и спина

превращались в кровоточащую рану. При каждом ударе требовали нужные им показания, или признания. Многие выдерживали и молчали.

После экзекуции наказываемый, который не сказал ни слова, отбрасывался в сторону. И так по очереди пленные ожидали своей участи.

Затем всех отстеганных шомполами собирали в строй, приказывали копать себе могилу и тут же следовала отрывистая команда: «По большевикам и комиссарам огонь!» Дружный залп сваливал героев в могилу.

А в это время атаман Анненков в обществе офицеров своего штаба, в добротном, роскошном и убранном казначьем доме, который находился под усиленной охраной, дыша ароматом цветов и приятным горным воздухом Тарбагатай, откушивал обстоятельный обед и пил шипучее вино. Он был навеселе, провозглашая тост за победу над большевиками и за здоровье адмирала Колчака!

— Что это за громкие залповые выстрелы слышали мы, может быть это галлюцинация? А может быть рядом большевистская зараза? — и громко рассмеялся. — Нет, это видимо гусары ко дню моего рождения упражняются в салюте.

Все рассмеялись...

— Браво атаман! Браво! — слышались возгласы господ офицеров.

Была совершена потрясающая трагедия «Варфоломеевской ночи» в ущелье «Орлиного гнезда».

Невольно возвращаешься к событиям Великой Отечественной войны. Мало чем отличались они от гитлеровских штурмовиков, чернорубашечников Муссолини и гестаповцев. И как уже известно, выродок Анненкова в июле 1927 года именем советского народа был осужден и расстрелян.

2

А разве бывшие интервенты молодой Советской республики лучше стали после Колчака? Ничуть. Они хуже озверели. Стали во главе мировой жандармерии, губят невинных людей в Юго-Восточной Азии, во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе. А кровавый террор, чинимый британскими властями в Северной Ирландии. Куда хлеще гестаповцев, анненковцев, махновцев, в изощрении и уничтожении невинных людей. Это не люди и даже не звери, это выродки человеческого рода. И эти люди считают себя цивилизованными и высшей расой свободного мира.

По бывшему Лепсинскому уезду сурово прокатилась

Гражданская война, участником которой был и автор этих строк. Она принесла с собой смерть и разрушение. 20 сел и деревень были стерты с лица земли, уничтожено и изрублено более 50 тысяч ни в чем не повинных граждан. Мучительную смерть приняли тысячи героев Черкасской обороны.

Спросите участников Черкасской обороны, чем был этот небольшой пятачок земли 30×70 км. во время более чем годичной осады.

Этот пример массового героизма, люди здесь не только сражались, но трудились, чтобы прокормить себя и скот. А борьба в течение 47 дней за село Покровское? А героизм партизан в ущелье «Орлиного гнезда» и постигшая их трагедия.

Лепсинская земля испытала много страданий, эта земля была перепахана снарядами, усеяна пулями и трупами невинных погибших людей.

Правительство Казахстана решило возвести памятник мемориал в честь защитников героической обороны Черкаска, такой же памятник с вечным огнем воздвигнут славным сынам киргизского народа павшим за оборону Пишпека в 1918—1919 годах.

Эта мера еще больше придаст величие борьбы трудного народа Семиречья с белыми бандами Анненкова 1918—1920 гг.

Справедливо, наверно, было бы летопись событий Черкасской крепости приписывать только черкасцам, которые в течение более года были во вражеской осаде. В этом стараются убедить читателей историки. Они только мазком указывают о какой-то помощи, а другие вовсе отрицают и говорят, что никакой помощи ни от кого оказано не было.

Но ведь всякому человеку, который разбирается в тактике и в военном искусстве понятно, что Черкасская оборона, ее стойкость и продолжительность ее зависела не только от храбрости и героизма обороняющихся — этот фактор бесспорный, но Черкасская оборона опиралась и проявляла свою активность прежде всего на активные боевые действия красных войск с фронта, оборонительные рубежи которых проходили примерно по линии Ак-Су — горного хребта Абакумовское, куда и были задействованы главные силы белой Семиреченской армии. Они боялись прорыва красных и упорно удерживали свои позиции, не считаясь ни с какими потерями, при чем на этих позициях стояли отборные части белых.

Документы убедительно показывают, что были неоднократные попытки соединить войска фронта с Черкасской обороной. Правда все попытки успеха не имели, но они были и влияли на обстановку.

Осенью 1918 года практически можно было бы во взаимодействии с черкассами-партизанами, всеми объединенными силами красноармейских отрядов, которыми командовал А. Я. Петренко, при действии всего населения, сочувствующего Советской власти, освободить от беляков весь Лепсинский уезд. И только благодаря неправильной оценке обстановки и соотношения сил, бывший командующий войсками Петренко панически бежал и увел с собой ядро красных войск, оставив на гибель и мучение наполовину не вооруженных больных людей. Это похоже на то, что сделал Иванов под Сергиополем.

История за этот недостойный трусливый поступок, если нельзя сказать предательский, не простит.

Всем теперь известно, что действия войск по освобождению осады черкассов под руководством героя Гражданской войны Л. П. Емелева были бы успешными, если бы 5-й кавполк, которым командовал бандит Калашников, не отказался выполнить боевой приказ. Части бились более суток и вынуждены были отойти на исходные позиции.

Были и другие попытки, но к сожалению они были безуспешными. Других войск и другой помощи ни в области, ни в центре Туркестана в это время дать не могли. Просто не было никакой возможности. Туркестан бился на четырех фронтах, не считая внутренних. Нельзя не учитывать положение войск Колчака и движение нашей 5-й армии из Семипалатинска на Сергиополь. Все эти факторы поднимали боевой дух черкассов, их стойкость и активность.

Наравне с другими частями Семиреченского фронта по обеспечению длительности Черкасской обороны свою долю внесли и киргизские части.

3

— 1-й Пишпекский полк и несколько киргизских отрядов.

— Киргизия дала фронту большую партию коммунистов-добровольцев.

Против же оборонявших Черкасский район вражеское командование применяло лишь пассивные действия и считало это направление второстепенным и менее опасным.

Было бы нецелесообразным распылять силы, когда угроза все время висела с фронта. Это решение не худое.

Анненков решил вести до поры до времени двойную игру.

— Смотрите люди, какой я хороший, миротворец! Не трогаю, по-божески убеждаю.

Прикидывался добряком, а сам вербовал предателей. Вел переговоры с Советами, призывая не проливать зря кровь. Просил сжалиться над страдающим, измученным советским народом! Тянул время, которое выгодно было ему.

Отнюдь нельзя согласиться с авторами книги «Черкасская оборона», которые утверждают, что Черкасская оборона сковала большие силы врага:

— Она и только она не допустила противника в глубь области.

— Не считаю достоверными цифры потери врага за все время осады.

Подобное утверждение не соответствует здравому и объективному смыслу.

Анненков абсолютно был убежден, что его атаманские дела трещат и становятся безнадежными. Натиск с фронта, натиск красных, который предвидится со стороны Сибири, и Анненков пошел на безумный шаг: «Пусть будет не нашим, но и не Вашим».

Быстро разделался с защитниками Черкасской и с Горными Орлами, оставив море крови и горя.

После этой, разыгравшейся кровавой расправы Анненков собрал Совет. На нем присутствовали: Оренбургский беглец Дутов, и не раз битый Пишпекским киргизским полком генерал Щербаков, начальник штаба Денисов, генерал Ярушин, представитель несуществующей ставки Колчака — полковник Алексеев.

— Что будем делать, Александр Ильич? — опустил свое смуглое лицо с отпущенным пучком на лоб волос, 30-летний атаман в генеральской форме, с эмблемами смерти, спросил Анненков Дутова.

Все долго молчали. Кто-то из них, нарушив молчание, сказал:

— Уже и у наших войск есть листовки с прокламациями о падении, так и пишет: «ненавистной народу власти адмирала Колчака».

— Значит ни англичане, ни французы, да и вся иностранная помощь не спасла власть и армию верховного правителя России контр-адмирала Колчака, — буркнул себе под нос Дутов.

Атаман откашлялся так, что дрогнула, висевшая на стене керосиновая лампа:

— Мало того, что солдаты и казаки читают прокламации, вот мне докладывали, что мои оренбуржцы втихомолку поют слова:

«Сапог французский,
Мундир английский,
Штык немецкий,
Правитель русский.

Сапог стоптался,
Мундир сносился,
Штык сломался
Правитель смылся!..»

Все заулыбались.

— Господа! — призвал Дутов. — Нам сейчас не до смеха. Нам надо организовать богослужение по Колчаку и доблестному воинству. Наше положение не совсем приятное. Армия разлагается. Вот, говорят, какой-то прибыл из Туркестана Михайло Фрунзе. Правая рука самого большевистского вождя Ленина. Бывший эмигрант, босьяк, беглец с каторги, полный профан в военном деле. Вырос в Киргизии. А генералов наших бьет и в хвост и в гриву. Как вам это нравится, господа!

Атаман отодвинул кресло, подошел к висевшей на стене карте, попросил посветить свечой, убрал трехцветные флажки, глубоко вздохнул и дрожащими губами пробормотал:

— У нас нет ни Армии, ни руководителей. Но Россия нас не забудет, она еще призовет, когда это будет нужно...

— Надо ожидать, — продолжал Дутов, — противник вот-вот хлынет из Сибири, а из Туркестана Фрунзе и мы окажемся в кольце. Поэтому я предлагаю наше задуманное по организации «Казачьего государства» отложить на второй план. Это прискорбно, господа!

Дутову стало плохо, его усадили в кресло, он отпил несколько глотков воды и еле-еле проговорил:

— Мой совет Вам, генерал Анненков! Собираться потихоньку в Китай, другого пути нет. И оттуда организовывать большое нашествие на большевиков, на Советы. Мы еще не побеждены!

Все участники Совета приветствовали мудрые слова Дутова и с его доводами полностью согласились. Тут же генералы стали собирать свои монетки, подбирать ярых приверженцев. Подготовка к бегству 15-ти тысячной ар-

они широко пропагандировалась словами: «Уходим, но скоро вернемся!»

И вот, через каких-нибудь три-четыре месяца после падения Черкасской обороны, третья Туркестанская стрелковая дивизия, в которой немало было казахов, киргиз, узбеков и других национальностей во взаимодействии с частями 5-й армии, которой командовал прославленный полководец М. Н. Тухачевский, одна группа 5-й армии заняла Сергиополь и стала продвигаться на соединение с 3-й Туркестанской стрелковой дивизией. Занят был Лепсинск. Этим и ознаменовалась ликвидация Семиреченского фронта.

Главари белых с черными знаменами, с эмблемами чепепа «С нами бог и Атаман Анненков!» удрали в Китай и долго под покровительством китайских властей не разоружались, мечтали вернуться. Но увы, по независящим от них причинам этого не случилось.

В связи с этим нельзя не вспомнить доклад английского генерала Нокса своему правительству. Он писал о том, что «мы можем разбить миллионную армию большевиков. Но когда 150 миллионов русских не хотят белых и презирают их, а хотят только красных, то я считаю бесцельно помогать белым».

К сказанному Ноксом комментарии будут излишни. Таким образом, предсказание английского министра Уинстона Черчиля, что к декабрю падет Москва и Советская власть — в истории оказалось смешным, Нокс оказался гораздо прозорливее своего шефа.

4

Вернемся к рассказу о подавлении Беловодского мятежа. В декабре зима вступила в свои права. Лежал глубокий пушистый снег. Во время борьбы с мятежниками поднялся буран. Метелил снег. Лошади с трудом везли груз. Резко выл ветер в поле. Слепило глаза, не было никакой возможности различать что-либо перед собой. Погода одинаково действовала на воюющие стороны. Для мятежников наступил час расправы, за их коварные планы и злодеяния.

Пишпекский полк, взаимодействуя с отрядами Денисюка, Нагибина и Токмакского отряда Полякова пошли освобождать, осажденный мятежниками город Пишпек.

К моменту действия полка Пишпекский военно-политический штаб организовал из русской и киргизской бедно-

ты несколько добровольческих отрядов в окружающих селах и в самом Пишпеке. Этими организованными мероприятиями создавались благоприятные условия для боевых действий главных сил красных.

Кровавые бои с мятежниками начались по хорошо продуманному плану, не на сплошном фронте, а в отдельных населенных пунктах. Центр мятежа находился в с. Беловодское, во главе так называемого «Военного Совета», который Советской власти предъявил ультиматум:

- Признать партию эсеров, как руководящую силу;
- Беловодский уезд должен стать автономным;
- Из уезда вывезти все красноармейские части, они будут заменены другими войсками;
- Признание власти временного правительства;
- Никаких не должно быть повинностей для Советской власти;
- Не ставить вровень с русскими киргиз.

Их конечная цель заключалась в том, чтобы своим влиянием охватить Семиреченскую и Сыр-Дарьинскую области и свое контрреволюционное нашествие перенести на весь Туркестанский край.

Замыслы руководителей мятежа были разбиты в пух и прах. Авантюризм провалился. Схватка кровавая была по силе неравная. Враг видел, что красных в меньшинстве, и был уверен, что все сомнет.

Безжалостная смерть вырывала из рядов красных войск одного красноармейца за другим. Гибли добровольцы отрядов. В этом бою никто не знал счета времени. Красные войска целую неделю бились и днем и ночью. Понесенные потери не уstraшили всех, кто шел на подавление мятежа. Гнев и обиды были велики.

Невзирая на потери, мятеж был подавлен. Руководители его получили заслуженную кару. На них и на их покровителей и приспешников лежит совесть невыразимого страдания, смерть многих сотен людей и разрушения, организованного преступного Беловодского мятежа.

Все погибшие герои, сложившие свои кости за Советскую власть, за город Пишпек были собраны и при воинских почестях были похоронены в Пишпек в Дубовом парке.

Ради справедливости надо отдать должное горожанам города Фрунзе. Они бережно хранят память о своих героях Гражданской войны.

Партийная организация Киргизии вместе со своими воинами с честью выполнили указания В. И. Ленина, ко-

который считал первейшей необходимостью, как можно быстрее ликвидировать кулацкие мятежи и их вооруженные банды.

Причины возникновения мятежей то в одном, то в другом районе Семиречья довольно ярко изложены в ультиматуме руководителей эсеровского Беловодского мятежа, и в основном они лежали во взаимоотношениях создавшихся на почве землепользования. Борьба перешла на рельсы национальной нетерпимости, против прав народа, против прав киргизского населения и других национальностей.

Семиречье никогда не испытывало голода. Казачеству и крестьянству жилось сытно. Нужды здесь не знали. Они не хотели признавать законы Советской власти. Противились давать центру хлеб. Озлобились, что их, русских, меряют одной меркой с киргизами: «Киргиз вооружают и формируют из них воинские части, а нас русских, коренное население — казачество, вон из Семиречья!»

— Нет, не бывать этому, — кричали они на собраниях и митингах. Только и слышно было.

— Земля с покон веков наша! Пусть попробуют отнять! Не дадим! Царя нет и закона не стало...

— Большевики и каторжники стали хозяевами, не выйдет. Что бедноте делать, у нее ничего кроме вшей!

— Мутите людей каторжники!

— Что нам даст Советская власть, господа, товарищи, большевики, голодранцы?..

Но были и другие слова:

— Землю делить немедленно и по справедливости.

— Пожили — хватит. Трудовые киргизы и крестьяне не враги, а друзья. Нам ненавистны одинаково крестьянский кулак и киргизский бай! Или подчинитесь законам Советской власти, или уезжайте, а если не уедите добровольно, выгоним силой в Китай. Там и ищите свою власть, и здесь власть Советская и мы за нее.

— Теперь, хорошие граждане, так пошло. Дело у нас общее — ты для меня, а я для тебя. Твое — мое, мое — твое. Все народное, все пришито к одному — ты и я это все равно, что две штанины. Ты мне не барин и не бай, а тебе не слуга и не батрак!

— Теперича все равные!

— Вот так надо понимать, хорошие граждане, казачки, Советскую власть!

Ко всем причинам мятежей, прибавилось настроение к взрыву — еще одно обстоятельство. Из Китая двигалась

голодная, забитая армия беженцев — киргиз, оставшихся в живых после репрессий царского правительства в 1916 году. Их насчитывалось около 50-ти тысяч человек. Готовился для них приют и жилье. Русские боялись, что у них отберут землю для беженцев, которые из покон веков не пахали и не сеяли. Усталые, голодные, со свирепствовавшим среди них тифом. Без остановок, не раздеваясь, не умываясь, шла и ехала многотысячная армия обездоленных киргиз. Они шли из неволи, превратившиеся в жалких замученных, затасканных, оборванных людей. Китай их не приглубил, не устроил. Над ними издевались, заставляли за ложку риса изнурительно работать на хозяина.

Они шли в непогоду, под пронзительными ветрами, с ночевками в горах, в степи, под открытым небом. Больные валялись по дороге, никто им помощи не оказывал. Умиравших бросали, не успевали зарывать, особенно детей. Весь их путь уложен трупами. Это было что-то страшное, кошмарное. И чего только не пережила Киргизия! Уму не постезжимо.

Основная масса дошла до своей Родины. Прижались они к киргизской советской земле, обняли ее, как дети обнимают мать. Целовали. Молились Аллаху, за чудо, которое произошло. Сон кошмаров, бедствия, голод и неволя не стал их больше мучить.

Этот исторический кусок из истории Киргизии заслуживает особого внимания и ждет своего описания. Ведь есть еще из этой армии живые люди! (О. Лайлиев, У. Илмурадов, Д. Ногойбаев, А. Расбаев, А. Кулумбаев, К. Качкеев, Б. Тулегенов, О. Саралинов, И. Осмонов, К. Джаналиев, М. Орозбаев, А. Ордобаев, Т. Карымшаков и много других).

В подавлении мятежей, как внутри Киргизии, так и вне ее, принимали самое активное участие киргизские добровольцы. Они были в составе отрядов и частей, а так же в составе отрядов и подразделений, состоящих только из бедняков киргиз.

Вооруженные кое-как наспех, отряды возникали быстро, порой стихийно. Шли в бой за Советскую власть. Они были первыми оруженосцами за Советскую власть! Это были маяки будущей РККА.

В Киргизии красногвардейские отряды, дружины, организовывались почти повсеместно. И наименовались по названию пунктов, где они создавались. Пишпекский, Токмакский, Пржевальский, Таласский, Нарынский! Отряд Кызыл-Кия, Ошский, а в некоторых районах организовывалось по несколько отрядов. По неполным данным, число отрядов по всей Киргизии при установлении Советской власти в 1918 году насчитывалось более 20, не считая дружин самозащиты.

Эти отряды состояли из бывших солдат — фронтовиков, добровольцев киргизской бедноты, частично из рабочих.

В отрядах на борьбу за Советскую власть шла трудовая молодежь Киргизии. Шли они добровольно и находясь в Красной Армии, принимали участие в боях в других участках фронта — Оренбургский, Уральский, Актюбинский.

Проявляя в этих боях мужество, стойкость и храбрость.

С каждым днем красногвардейские отряды добровольцев становились все более созвучными, их горизонт становился все шире и шире. Размах борьбы становился иным и разнообразным. Как говорят в народе — марксистско-философское изречение: «Все течет, все изменяется».

Командиры отрядов в основном прошли службу в старой Армии и конечно у них, как и у многих других начальников еще не было необходимых знаний и политического опыта, чтобы защищать Советскую власть, но желанный опыт, природная сметка, постоянное влияние партийных и советских органов, а главное их вера в победу. Эта вера приносила им победу за победой! Но были и неудачи. Царила партизанщина. Отряды попадали в отчаянные положения, порой безвыходные, сопутствующие разочарования. Да и откуда было взять ума, когда в первый раз брались за новое дело!

«Мы пробовали так, пробовали этак, плыли по течению, потому что нельзя было выделить элементы правильного и неправильного. На это надо время».¹

Вот некоторые имена командиров красноармейских отрядов: М. В. Денисюк, И. И. Едренкин, М. Н. Кравцов, П. Н. Павлов, И. П. Полянский, М. Н. Чернов.

Численность отрядов была не одинакова. В селах, в станицах, аилах по 20—40 человек, Пишпекский отряд

¹ В. И. Ленин. т. XVII, стр. 75.

имел до 500 добровольцев, второй Пишпекский отряд имел 450 штыков.

Тяга добровольцев защищать Советскую власть среди трудового киргизского и русского народа была велика. Только по одному Пишпекскому уезду выражается в 1918 году — 750 человек, а в 1919 году — 2000 человек.

Киргизия в 1919 году выполняя свой долг перед Родиной, послала отряд численностью более 1500 человек на помощь Ферганскому фронту; Северному Семиреченскому полку послан был полк Логвиненко более чем 1200 человек, отряд, состоящий из киргиз, казахов, русских, уйгур, дунган — более чем в 500 человек.

Много трудящихся Киргизии участвовали в боях в составе первого пехотного полка под командованием Н. П. Павлова и политкомиссара Озернова. Киргизия послала на другие фронта свое трудовое ополчение для работы в тылу Красной Армии.

Фронт Киргизия пополняла людскими ресурсами щедро. Одних только коммунистов киргизская партийная организация в 1918—1919 гг. послала на фронт более 1000 человек.

После ликвидации Семиреченского фронта, отряды, сформированные нынешней Киргизии были влиты в состав регулярных частей красной конницы, принимавших участие в боях на Туркестанском фронте и против басмачества вплоть до 1922 года.

Каждый отряд имеет свою боевую историю, как и отряд Мамонтова: полк Логвиненко, эскадрон Д. Садаева и Имоша Токбаева, Т. Асанова, дивизион А. Асманбекова с яркими боевыми действиями при установлении Советской власти.

Большие трудности им приходилось преодолевать. Но никогда не изгладится из памяти то, что каждым из них руководила твердая вера в идею, которую провозгласила Ленинская партия в дни Октября.

Создавая отряды коммунистическая партия, опиралась на опыт своей военно-боевой работы в революции 1905—1907 гг., на опыт создания отрядов красной гвардии в дни Октября, на боевые традиции революционных, освободительных воин.

Ленин указывал «что всякая революция, лишь тогда что-нибудь стоит, если она умеет защищаться», и чтобы выдержать натиск реакционных сил империализма, отстоять революционные завоевания нам надо срочно было иметь боевые дружины и отряды красной гвардии которые имеют

свою блистательную историю, нужно было в кратчайшие сроки создать военную организацию нового типа, армию рабочих и крестьян, способную дать решительный отпор интервентам и белогвардейцам.

План Ленина был реализован. К весне 1919 года красная армия выросла до 1800 тысяч человек, а в декабре 1920 года наша армия насчитывала уже 5,5 млн. человек, в том числе более нескольких десятков тысяч бойцов киргиз, участвовавших в боях на различных участках разных фронтов. А в октябре 1918 года в Армии находилось 35 тысяч коммунистов.

Через год их насчитывалось уже более 120 тысяч, а с августа 1920 года около 300 тысяч. Это почти половина всей численности РКП(б) в то время.

Оценивая роль армейских коммунистов в Гражданской войне ЦК ВКП(б) отмечал: «Все знают, что эта победа стала возможна только благодаря огромной политической работе членов коммунистической партии, стойкости их, преданности делу революции, героическому примеру, увлекавшему сотни тысяч и миллионов бойцов».¹

С марта месяца 1918 года принцип добровольности службы в Красной Армии был заменен мобилизацией. Этот мобилизационный принцип в Киргизии был осуществлен несколько позже.

Трудящимися Киргизии создание многонациональной кадровой Красной Армии было встречено с большой радостью, особенно бедняками. Каждый уезд просил создать у себя красноармейские подразделения, обещая их обеспечить лошадьми, питанием, расквартированием.

Но к этому времени обстановка на Семиреченском фронте не только ослабевала, а наоборот становилась тяжелой, угрожающей. Большевики Киргизии сразу же пришли на помощь фронту.

Наплыв добровольцев, особенно киргизской бедняцкой молодежи настолько был велик, что добровольческие пункты и вначале пустовавшие, заполнялись ежедневно десятками и сотнями. Все просились записать в ряды Красной Армии.

По директиве Куйбышева, киргизы, как и другие национальности начали создавать свои национальные части Красной Армии.

Так был сформирован первый Пишпекский полк. Полк

---

¹ Полное собрание соч. В. И. Ленина. т. 38, стр. 138.

имел в своем составе русских, дунган, уйгуров и больше всего киргиз.

Среди киргизских джигитов много было тянь-шаньских охотников, стрелков по зверю. Эти стрелки, как это выяснилось в бою, белой слякоти спуску не давали. В полку много было молодежи, добровольцы из киргизской кавбригады Шега Бутдинова.

Как-то спросили командира полка Логвиненко:

— Наверное плохо, когда нет переводчиков?

На это Логвиненко ответил:

— Ничего, русский, киргиз, дунганин или татарин — родные братья, поймут друг друга, разберутся без переводчиков кто враг, а кто свой!

Якова Логвиненко знали все жители Пишпека, как начальника гарнизона и как простого, скромного и доступного всем человека.

6

Логвиненко родом из Полтавщины. Старый, крупного телосложения. Своим обаянием привлекал к себе людей, — особенно он пользовался горячей симпатией у молодежи. У него был обширный круг молодых людей и молодежь про него говорила не иначе, как с восклицанием: «Парень наш! Свой, компанейский!» Хотя он и был главным военным начальником города.

Ему партия доверила полк добровольцев для борьбы с врагами народа Киргизии и восстановления Советской власти. С этой задачей Логвиненко справился с лихвой! Полностью оправдал доверие партийной организации Киргизии. Правительство Киргизии заслуженно оценило труды и храбрость Якова Никифоровича Логвиненко, присвоив одну из центральных улиц столицы Киргизии города Фрунзе именем Логвиненко.

Этот полк во взаимодействии с другими отрядами красных в районе станции Ак-Су вышел в тыл белоказачьих войск, в которые сосредотачивали большие силы для прорыва Черкасской обороны.

Казалось бы положение полка ничего хорошего не сулило, враг превосходил в живой силе, по орудиям и пулеметам в несколько раз и обучен был лучше чем полк Логвиненко.

Бойцы полка не дрогнули перед восходящими войсками белых. На поле боя послышался твердый голос Логвиненко:

— Выбор у нас один — в эту трудную минуту мы должны выдержать! Умереть мало, нам надо победить. Вперед на белых! — скомандовал командир полка.

Тысяча штыков вступила в неравный бой. Огонь белых не сумел приостановить лавины пишпековцев. Противник дрогнул и начал бросать свои позиции. А в это время конная группа полка под командованием Д. Садаева врезалась в боевые порядки отступающих белых цепей, своими лихими действиями вынудила противника к беспорядочному бегству.

Отступая белогвардейцы оставили на поле боя много убитых, раненных и много брошенного оружия. Но велики были потери и полка.

Отборная 5-я дивизия шестиполкового состава, командующего войсками южной группы белых генерала Щербакова была разбита и рассеяна. Но силы белых пополнялись и Черкасская оборона продолжала испытывать тяжелую обстановку.

В боях у Ак-Су, Абакумовское отличился разведчик А. Мамырканов. С наступлением темноты разведчик под видом алашордынца пробрался в тыл белых войск и в течение многих суток, пренебрегая своей жизнью Мамырканов собрал ценные сведения — вернулся в свой полк и передал их своему командованию.

Вместе с первым Пишпекским полком бился с белоказаками своей храбростью киргизский отряд под командованием Темиркула Игембердиева. В этом отряде храбро дрался С. Каралаев (народный акын-импровизатор). С полком в боях участвовал второй Киргизский отряд 3-й национальной бригады под командованием И. Какбаева.

Особое мужество и беззаветную храбрость против вражеских сил Анненкова проявил командир киргизского эскадрона Турсун Асанов — сын бедного рыбака. Вот как это было:

По сложившейся обстановке требовались подробные сведения о полке, Турсун не долго думая взял с собой несколько джигитов и тронулся в разведку в сторону Ара-сана. Навстречу его разведке выскочила сотня алашордынцев. Турсун не растерялся, зная о том, что если инициатива в руках — это половина победы, первый кинулся на врага, а за ним бросилась и его группа джигитов. Враг этой дерзости не предвидел и от неожиданности у него появилась растерянность. Алашордынцы усаkali кто куда, остался офицер и его ординарец. Турсун поскакал за ним. На ходу они открыли огонь из пистолетов. Турсун на своем

прытком киргизском скакуне догнал офицера, бросил на него аркан, остановил его коня и стащил всадника на землю. Офицер, чувствуя свое безвыходное положение, со слезами стал упрашивать Турсуна, чтобы он его не убивал, обещая за это большие деньги, скот и жену — какую захочет Турсун. Но Турсун с отвращением плюнул ему в лицо и сказал:

— Таких законов у Советской власти нет. Старое теперь никогда не вернется.

Офицер оказался в звании полковника Мухарьбов, командир алашординского полка. В скором времени этот полк в составе 800 человек перешел к красным.

В сущности оборона Семиреченского фронта с обоих флангов была защищена горами Ала-Тоо и балхашскими пустынными оазисами. Это был хороший естественный рубеж. И сколько бы противник своими превосходящими силами не пытался прорвать фронт Красной Армии, это ему не удавалось.

Вот почему наши бойцы и командование не принимали больших активных действий против превосходящих сил врага, надеясь и опираясь на защищенный самой природой рубеж. А враг не мог найти выхода и все его попытки прорваться вглубь области кончались провалами.

Оборонительный рубеж красных был непреодолимой крепостью для белых. Дальше Капала враг в течение двух лет не мог продвинуться.

Пишпекский полк участвовал во многих боях. Личный состав полка рос и мужал, пополнялся. Своим героизмом выигрывал бой один за другим. О стойкости в бою Семиреченский облисполком и областной военный комиссар герой Гражданской войны Л. П. Емелев давали лестный отзыв в военный совет края.

Полк заслуженно пользовался любовью у киргизского народа. В полку после каждого боя еще больше усиливалась политико-воспитательная работа. И все больше впитывалась у личного состава полка люта я ненависть к белым. Это было самое сильное оружие в полку.

В полку, как и у других отрядов была одна забота — бои, марши, переходы, снова бои. Покоя не было ни днем, ни ночью.

Говоря о командирах, которые со своими частями и подразделениями сражались с превосходящими, хорошо обученными, хорошо вооруженными белоказацкими регулярными войсками, мятежниками, с басмачами на Семиреченском фронте при установлении Советской власти в

Киргизии есть основание подчеркнуть особую роль некоторых из них.

7

Все они вышли из отсталой среды. Против них войсками белых руководили русские генералы и офицеры, а в помощь им пришли образованные в военном отношении генералы и офицеры Антанты. Большинство из них с военным академическим образованием, умело, литературно писавшие приказы, боевые донесения и распоряжения.

Но как бы умно и грамотно не писали генералы — атаманы Дутов, Щербаков, Анненков, Ярушин — победить они не смогли.

От малограмотных, не принадлежащих к дворянскому роду, буржуазии, от этих лихих командиров худо приходилось генералам-атаманам, офицерам иностранных армий, курбашам, эмиру Бухарскому и хану Хивильскому.

Партийная организация Киргизии выдвинула против них А. Н. Логвиненко, А. И. Иваницина, Д. С. Садаева, А. Асманбекова, А. Оразбекова, И. Токбаева, М. Масанчи, Т. Асанова, К. Игембердиева, О. Алиева, Л. П. Емелева.

Так в годы пылающей революции в Киргизии, на ее бурлящих волнах отсталый киргизский народ выдвинул своих героев-командиров. Их именами и славой гордится Киргизия.

Не могу не заикнуться и не сделать небольшого отступления, не сказав еще несколько слов, кусочка из жизни боевого Пишпекского полка.

В районе Ак-Су полк разбил дивизию белых генералов Щербакова. Остановился, чтобы малость передохнуть, пополниться боеприпасами, обработать раненных, подсчитать трофеи.

В честь победоносного сражения собралась часть красноармейцев полка, согнали в кучу всех пленных, собралось население, захваченной станицы. Подъехали киргизы, чтобы приветствовать своих воинов.

Присутствующие на митинге попросили командиров выступить и разъяснить и объяснить кое-какие неясные вопросы.

Первым попросил слово сухопарый пожилой станичник в казачьей фуражке с малиновым околышем, в холщевой рубаше, заправленной кое-как в потрепанные шаровары, на которых от грязи еле-еле можно было различить при-

шитые лампы. Шаровары, заправленные в старенькие сапожки, густо смазанные дегтем.

Опираясь на палку, с которой он не расставался с 1915 года:

— Мы,— сказал казак,— живем в потёмках, о Советской власти ничего не знаем. Прошел слух, как будто бы дела у Ленина в Петрограде и в Москве ужасные! Восстания рабочих. Голод, тиф. Гибнет Россия... А потом шушук прошел и такой, что за границей предсказывают поражение революции, что не на есть в самое ближайшее время. Об этом толковали офицеры, да и в колчаковских газетах об этом написано. Вот и думаешь, кому верить. Сделайте милость, объясните, товарищи большевики!

Все посмотрели на казака.

— Ну что пялите очи на меня — интерес общий, вот и послушаем...

— Отвечу я,— твердым голосом сказал Логвиненко. — Революция, батя, это Вам не игрушка, и не шутка. Мы ничего не скрываем и говорим всю истинную правду,— Логвиненко улыбнулся, поправил шапку и продолжал. — Про всю Россию и до утра не справлюсь рассказать. Дело это тонкое и сложное. Может и голод есть, может и тиф есть. Царь нам оставил разруху. Так что надо обижаться на «батюшку царя!»

Послышался смех...

— Все, что Вы слышали и что Вам говорят, все это офицерская выдумка, сказки богачей, они хотят Вас опутать, чтобы не разобрались, что к чему. Вот Вам правда о Советской России. Помещики, буржуазия, царские чиновники сидят в тюрьмах, а некоторые из них уже расстреляны. Власть выбирают сами рабочие и деревенская беднота. Раздается помещичья земля. Сами рабочие управляют фабриками, заводами. Эксплуататоры лишены избирательных прав. У нас в армии нет ни генералов, ни офицеров. Вот видите как вам лгут. А насчет восстаний вот что я вам скажу. Их устанавливают шайки помещиков, богатеев, спекулянтов, потерявших свою землю, барыши и роскошь, а генералы и офицеры боятся потерять власть над простым солдатом. Наступит грозный час расправы над всеми мятежниками, поднявшие свои грязные руки против Советской власти. Мы бьемся за народное дело, как товарищ Ленин указывает. Учение Ленина скоро охватит все города, деревни, станицы, аулы, айлы — весь мир! Вот беляки хвалятся и треплются о морали, что за единую неделимую Россию воюют, за автономию Семиречья, Оренбур-

га, Дона, топя в крови и нищете свой народ. А кто ее хочет делить, Россию то? Мы что ли? Семиречье мы отделим что ли? Нет! Они — Колчак, Дутов, Анненков, мы ничего не хотим делить. Строим свое государство из рабочих и крестьян, а они воюют за то, чтобы опять трудовой народ был в кабале, а особенно киргизы. Они хотят сесть на горб бедняка и чтобы обратно одним было все, а другим ничего. А это разве справедливо? С ними нам не по пути. И кто против Советской власти, тот есть враг народа. У нас одна дорога — это ленинская дорога. Наша революция не победима. Мы строим новый мир, и при этом мире — кто был ничем, тот станет всем!.. Ну, а что касается разговоров и иностранщины, — Логвиненко взял изо рта Садаева окурок самодельной дымящей папиросы, бросил под ноги и растер, — вот что мы с ними сделаем! И пусть знают, что такое Советская власть и диктатура пролетариата! И нехай не станowiąтся на нашем победоносном пути! Вот ответ на твой вопрос!

— Правильный ответ! — слышались голоса. Логвиненко заметил со стороны красноармейцев доносились усердные хлопки в ладоши. Пленные, раскрыв рты, безмолвно стояли и молчали. Затем нашелся смельчак из числа пленных. Видно служивый, с большим чубом, крикнул и поднял руку:

— Позвольте спросить?

— Спрашивай, — ответил Логвиненко.

— Вот стоят с вами киргизские командиры, они что, тоже большевики и тоже стало быть партийные? А разве киргизы могут быть партийные? Они же темные...

Логвиненко моргнул Токбаеву, дескать тебе придется отвечать... Токбаев обтер лицо рукой, поправил шапку и военную амуницию, поглядел на Логвиненко, словно прося у него поддержки. Токбаев несколько вышел вперед и на ломанном не совсем чистом русском языке сказал:

— Видишь солдат, как бы это яснее тебе сказать... Мы еще не успели записаться. Вот запишемся и будем большевиками. Киргиз, узбеков, уйгур, дунган Ленин примет в свою партию, только надо этого заслужить. Правильно я говорю, Яков Никифорович? — обратился Токбаев к Логвиненко.

— Правильно, не ошибся Имаш Токбаев. Судьба вашего киргизского народа в ваших руках. Только надо скорее установить Советскую власть, а в остальном Ленин, его партия и рабочий класс России помогут. Всем будет хорошо!

— Чудно получается,— продолжал тот же пленный,— для чего нужна вам киргизам земля? Вы ведь не умеете ее обрабатывать?

Токбаев поморщился и повысив голос сказал:

— Ты, солдат, видно от пяток до ушей пропитан козачковщиной...

Поднялся шум.

— Тише товарищи, тише,— поднял руку Токбаев. — Я этому солдату отвечу! Мы киргизы научимся. Всему научимся. Научимся читать и писать. Наша трудовая власть издала Закон о земле и в нем дочи́та все сказано. Вот вы казаки киргиз держали в работниках. Чужим хребтом жили, как это по ученому называется эск...

Логвиненко подсказал:

— Эксплуатация...

— Это ленинское слово. Мудреное слово, но верное, правильное оно, режит по одному месту буржуев, капиталистов, помещиков, баев. Они не могут переносить этого слова. Киргиз темный, как слепой ходит, куда как следует не поймет, что мы боремся за правое дело. Казаки, киргизы, русские поравняются. Все должны быть равные. Поправьте меня, если я наврал.

— Пай, пай,— слышались дружные голоса. — Имаш Токбаев, ты не врешь. Правильно сказал...

Обращаясь к пленным Токбаев сказал:

— Вот если бы все послушали товарища Ленина, то по моему уму и рассуждению не было бы такой Гражданской войны... Об этом я услышал от большого комиссара, который слушал речь Ленина в Петрограде.

Народ зашевелился. И кто-то спросил:

— А вы, товарищ Токбаев, Ленина видели?

— Нет,— ответил Токбаев. — Но как только перебьем всех беляков постараюсь увидеть Ленина. Кто из Вас пошел по доброй воле? — спросил Токбаев. Молчок. — Поднимите руки. Молчите? Значит мобилизованные золотопонниками. Пошли против своих братьев? Против своего народа? А теперь надо искупать свою вину...

Пожилой казак вполголоса, дрожащими губами проормотал:

— Темные мы казаки, как и киргизы, еще хуже. Правду надо сказать, наша вина...

— Верно, верно говоришь казак! Подхватили пленные и командир сказал:

— Правильно!

Токбаев отошел и стал вытирать потное лицо.

— Вот еще один вопросик, — обратился пленный. — Раз не можно брать лошадь, хлеб? Раз идет большевистская революция. Власть ведь народная, социалистическая. Ну что, это по вашему правильно? Вот и не понятно, где эту правду то искать?

— Хлеб берут, — стало быть надо, — говорил Логвиненко. — В России холодно и голодно. Разруха. А у вас здесь хлеба много. Живете сытно. Белую армию кормите. Надо поделиться. Советская власть потом оплатит. Мы воюем с этими гадами, и уже прошли сотни верст. Кони устали, своих оставляем, а взамен берем свежих. Хозяин выкормит, выпасет и лошадь станет хорошей. Война есть война! Нам времени нет пасти лошадей. А разве белые ездят на клячах? Не берут ничего? Ты вот на кляче ездил?

Казак молчит.

— Мы жизнью рискуем. Наши товарищи погибают, а Вы толкуете о хлебе, о лошадях. Лишь бы было вам хорошо, а на других наплевать. У наших красноармейцев все есть. Человеческое, хорошее. Кроме жалости к врагам!

Многие пленные от этого убедительного ответа и от стыда опустили головы вниз.

— Сами трудящиеся будут хозяйничать и управлять государством. Вот очистим землю от беляков, интервентов, достигнем победы и жизнь настанет такая, что и во сне не снилась... Советская власть не будет болтать, она свое докажет на деле, это не колчаковская брехня!

Взрыв смеха прокатился среди присутствующих.

— Здесь приехали киргизы и им надо сделать перевод, всего того, о чем здесь говорили...

— Не надо, — слышались голоса. Все понимал! Перевод не надо!

— Беседа затянулась и пора ее закончить, — Логвиненко обращаясь к Садаеву и Осанову спросил, — может Вы что-нибудь скажете?

— Скажем немного, — и крикнули, — жашасын жолдош Ленин! — И сами же перевели, — да здравствует Ленин! И великая революция!

Этим великим словом сказано, все величие России настоящей и будущей!

И вот, как бы в подтверждение всему тому, что было сказано в Пишпекском полку о тяжелом продовольственном кризисе России в 1918 году при воспоминании об этих тяжелых днях старый большевик, питерский рабочий, ныне Герой Советского Союза М. А. Зашибалов рассказывал нам, как он стоял в очереди и наблюдал за людьми, и при-

слушивался о чем они говорили. Все они были угрюмы, молчаливы. В этой тишине чувствовалась усталость пережитого и опасение за будущее.

В то время в Петрограде и в Москве систематически, в течение 5—6 дней подряд не выдавали рабочим хлеба. Давали по несколько стаканов овса, а если и давали хлеб, то такой, о котором говорили, что в этом хлебе есть все, кроме муки.

Сам Ленин — вождь пролетарской революции, испытывал голод. Досыта не наедались, одевались совсем просто, не досыпали — некогда было.

8

Великий учитель рабочего класса перестраивал старый мир на новый. Рвал цепи с рабов, бедняков, батраков и угнетенных. Думал о будущей Великой Социалистической России. Думал о процветании всех народов, думал о киргизах, украинцах, узбеках, таджиках и о других национальностях.

Токбаев говорил: «Мы киргизы букварь изучим. Научимся читать и писать».

Попробуем эту мысль продолжить дальше:

Так дореволюционный журнал «Вестник просвещения» убеждал своих читателей, что для ликвидации неграмотности населения киргизских степей и гор понадобится 4600 лет, жесткое пророчество. Да и о какой грамотности можно было вести речь.

На образование одного киргиза приходилось не более 14 коп. в год — это только по отчету, а на самом деле и того меньше. Киргиз с измальства постигал лишь науку править отарой.

Вот документ:

«По переписи, проведенной в Семиречье в мае 1897 года замужних женщин в возрасте от 10 до 12 лет насчитывалось 1187. От 10—14 лет 49 женщин вдовы.

Процент грамотности — 0,6%».¹

Темные степные и горные киргизы угнетались веками русскими и своими баями и манапами. Жили они в горах и степях. Города знали по базарам, куда гоняли свой скот, обменивали его на продукты городской промышленности.

---

¹ Комсомольская Правда, 29 июня, 1967 г.

Сталкивались с русскими торговцами, чиновниками, урядниками.

По сути дела все прошлое киргизского народа — это беспрерывная цепь страданий. Обращались с ними как с рабами, держали в темноте, чтобы легче было угнетать. Эти страдания киргиз мы наблюдали собственными глазами в северных станицах Семиречья.

А сейчас за каких-нибудь полвека Киргизия сделала гигантский взлет в области развития образования, науки, культуры и искусства. Забота о людях проникнута всей работой партии коммунистов и правительством Киргизии.

Сегодня в 1972 году в ВУЗах и техникумах Киргизии учатся более 90 тыс. рабочих и колхозников и их детей. Сто двадцать восемь докторов наук и более полутора тысяч кандидатов наук.

Некогда безписьменная Киргизия насчитывает 1700 общеобразовательных школ, в которых обучается около 740 тыс. учащихся. Имеется 9 ВУЗов, 36 техникумов. Короче на 10000 жителей приходится 160 студентов и 136 учащихся средних специальных учебных заведений. Издается 69 газет и журналов.

Сегодняшняя Киргизия пробила магистраль для поставок промышленной продукции с лучшими отечественными и зарубежными образцами 48 стран мира. Приведенные цифры довольно таки упрямые и неоспоримые.

Делясь своими впечатлениями об увиденном в Киргизии индийский ученый сказал: «Мы отсюда получаем совершенные приборы, станки и машины, а индийские крестьяне пока могут лишь мечтать о таком уровне Вашей механизации. Киргизию в этом отношении можно считать эталоном для развивающихся стран Азии и Африки».

В подтверждение цифр хочется сослаться на слова матери Кульсары Сулаймановой. Звеньевая, свекловод, Герой Социалистического Труда, мать-героиня Киргизии, депутат Верховного Совета СССР.

«Как много у нас в стране делается для того, чтобы люди жили хорошо; чтобы дети росли настоящими людьми, культурными, здоровыми, полезными Родине. (Ничего не скажешь, слова весомые). Их у меня 11. Взять моих детей, старший сын у меня автодорожник, учится заочно в Политехническом институте, дочь занимается в университете, второй сын окончил профтехучилище и теперь работает в колхозе механизатором. Остальные дети учатся в школе, ходят в садик.

У меня в звене колхоза им. Панфилова труд в основ-

ном выполняет машина, а теперь легко и рассуждать — сильнее напряглись — сильнее стали! Жизнь то не простая штука, по ровной дороге не хочет идти, а требует ее подгонять горбом, да мозолистыми руками».

Когда было видано и слыхано, чтобы киргизка владела иностранным языком, знакомилась с классической музыкой и литературой, пела в опере, изучала произведения поэзии, драматургию Шекспира, Островского, Горького.

Киргиз изучает философию марксизма-ленинизма и пользуется ею как методом научного познания и революционного преобразования, орудием строительства новой культуры Киргизии.

9

А вот другой пример:

Известно, что киргизы народ кочевой. Более ста лет назад, а может быть больше осели в горах, жили в юртах, на смену пришли глинобитные домики не имея окон, печей, с низким потолком, с темными закутками — это уже и не такое далекое прошлое.

Он в течение полвека не был в Киргизии. Его поразило все. И люди не те, и места, где он бывал преобразились до неузнаваемости. Дома кирпичные, высокие, просторные, спланированы по умному — в жаркие дни в них прохладно, искусственная тень. В республике около 400 тысяч радиоприемников, до 20 тысяч телевизоров. Тысяча клубов, около трех тысяч библиотек и более тысячи киноустановок. Нынешний киргиз все это считает первой необходимостью.

Республика занимает одно из ведущих мест в стране по развитию овцеводства. Один из крупнейших овцеводческих хозяйств Киргизии — это колхоз им. В. И. Ленина Таласского района. У колхоза все дома газифицированы, протянуты линии водопровода в кошары, имеется клуб, библиотека, киноустановка.

Колхоз имеет в год миллионные доходы, а в совхозах республики доходы достигли в сумме около 45 миллионов рублей. Почти на 25% больше чем в 1969 году.

А люди то, люди то какие! Киргизы вместе с русскими своим героическим трудом прославляют свою республику. Славят ее на съездах, на сессиях Верховного Совета. И действительно есть чем гордиться — своими людьми, своим рабочим классом.

Одна молодежь чего стоит! Ведь Союз молодежи Кир-

гизии с 1919 г. зародил свое существование под названием «Юный коммунист». Его члены были всегда на передовых рубежах фронта — боевого и хозяйственного.

Киргизский «Юный коммунист» шел добровольцем в бой.

В 1925 году 21 мая организовался ленинский коммунистический Союз молодежи Киргизии. От сотни и тысячи членов комсомол Киргизии довел свою организацию более чем в 200 тысяч юношей и девушек.

Много замечательных страниц вписано в летопись комсомола республики. Сотни молодежи пало смертью храбрых в борьбе за установление у себя Советской власти и борьбе с белыми войсками, интервентами, басмачами, мятежниками и наконец в Великой Отечественной войне.

Только одних воспитанников комсомола Киргизии удостоены высокого звания Героя Советского Союза 30 человек.

А что из себя представляет сегодняшний комсомол — это тысячи метров ткани, «Золотое руно» киргизской отары. Комсомол строит гидроэлектростанции, заводы, дороги, шахты. Тысячи внучат успешно овладевают искусством дедов водить отары по горам Киргизии.

Молодежь Киргизии как и других республик является свежей бурлящей кровью наций. Многотысячный отряд комсомола Киргизии принимает самое активное участие в коммунистическом строительстве.

И это еще не все!

Время родило Иссык-Кульскую область. Ее земля не знала того, что сейчас на ней есть. На ней и уголь добывают, строительные материалы, а самое главное «Золотое руно» киргизских овец, которые не имеют конкурентов на мировом рынке. А кто не слышал об абрикосовых садах Иссык-Куля? А какие здравницы. В области 45 колхозов, 9 совхозов, Иссык-Кульская земля славится своей необыкновенной красотой, о ней говорят и за пределами нашей Родины. И не даром киргизы говорят это — наша «Жемчужина». И действительно, кто не бывал на Иссык-Куле, тот не видел настоящей красоты. Поистине «Сказочный край».

В горах Тянь-Шаня родилась и другая область — Нарынская. Основа области — овцеводческое хозяйство. Пасутся миллионы отар. Потенциал реки Нарын приравнивается к гидромоши Волги и Амура. В области бурно развивается промышленность. Будущее Нарынской области перспективное. Это кладовая минералов.

Я вспоминаю свою поездку в 1926 г. в Нарын. Это было такое захолустье, где культура и просвещение еле-еле пробивались. Ни связи, ни дорог. До Нарына я добирался на хороших горных лошадях 6—7 дней. В Нарыне всего было три кооперативных чайханы и 2—3 торговых точки с пустыми полками, но зато частная торговля и рынок процветал.

Здесь позднее всех была установлена Советская власть. В этой местности в конце 1920 года большой силой белогвардейских офицеров и английских агентов был организован Нарынский вооруженный мятеж. Мятеж, возглавляемый Бондаревым, своей цели не достиг и быстро был подавлен.

Вновь хочется прибегнуть к сравнению, что было в Киргизии в 1926—1927 гг. Всего действовало:

- хлопкоочистительный завод;
- шелко-мотальная фабрика;
- кожевенный завод;
- кирпичный завод;
- два лесопильных завода;
- в каменно-угольной промышленности было занято рабочих 2768 человек;
- посевная площадь 264—654 десятины;
- поголовья скота 474—721 голов;
- грамотность — 6%.

Так не хочется подводить черту о великом подвиге и темпе киргизского народа. Он до того величавый — диву даешься! Писать бы да писать. Но об этом кто-нибудь еще напишет.

Народ в пределах жизни одного поколения при помощи партий и научной основы пятилеток одолел вековую отсталость, разруху и разрушительные последствия войн. Поднял все народное хозяйство страны с тем, чтобы основательно взяться за повышение жизненного уровня каждого советского гражданина — человека труда.

Все то, что достигнуто за 50 лет оказалось тем, что за несколько веков было невозможным для исторических предшественников социализма.

Темп пятилеток не только позволил социалистической экономике пойти в обгон времени, а его надобно было выигрывать в состязании с эксплуататорским обществом. Наконец, эти темпы были нужны для победы над врагами нашей Родины.

И сейчас темп девятой пятилетки не сбавляется. Снова: «Даешь пятилетку в четыре года!»

Весомый вклад в это грандиозное ускорение темпов пятилеток дал Киргизии ее трудовой народ, ее более сотни тысячный отряд коммунистов.

Я как-то оторвал листок календаря, заинтересовался и прочел. Текст прочитанного передаю дословно: «В Караколе любят почтальона!»

«Ограды палисадников блестят голубым и белым под стать небу и горным вершинам. Из зелени садилов весело выглядывают светлые ладные дома. И улицы тут красивые. Особенно главная, носящая имя Ленина. Хороши Дом культуры, стадион, 2-этажное административное здание. Где это? В новом городе? В современном рабочем поселке? Нет. Это село киргизское, село Купре-Базар. Центральная усадьба колхоза «Каракол», расположенного в Таласской долине. Хозяйство, награжденное орденом Трудового Красного Знамени, славится в республике. Здесь выращивают великолепных тонкорунных овец. По праву гордятся в колхозе передовой техникой, животноводческим комплексом, большими доходами, которые дает отрасль хозяйства.

Хорошо и культурно живут колхозники. 960 ребятишек учатся в новой просторной средней школе. Более двухсот жителей этого села получили высшее образование, некоторые их земляки защитили кандидатские и докторские диссертации.

Какие профессии ныне в наибольшем почете у тружеников «Каракола»? Во-первых, конечно, овцеводство. А потом — строители, учителя, врачи и еще, представьте, почтальоны. Это весьма почитаемые люди в селе! Да иначе и быть не может, если каждая семья тут выписывает не менее пяти газет и журналов».¹

Да разве все перечислишь и сосчитаешь на счетах, что сделано киргизским народом за полвека. Одно это на первый взгляд сухое перечисление сделанного, построенного — есть яркое свидетельство плодотворной ленинской национальной политики.

И правду говорят что «счастье тем дороже, что оно страдано и добыто в трудных испытаниях».

Знакомясь с величественными задачами экономического и социального развития в новом этапе коммунистического строительства Киргизии на девятую пятилетку в свете решений XXIV съезда КПСС, от грандиозности этих планов и задач сердце сжимается в комочек, а что будет в десятой и последующих киргизских пятилетках? Это будет что-

¹ Листок отрывного календаря. 1. 2. 1972 г.

то потрясающее! Вот бы дожить и посмотреть одним глазом. В будущих пятилетках героические трудовые дела киргизского народа! Дела партии! Киргизстана!

10

Борьба в Семиречье по поручению Советской власти являлась тяжестью, связанной с большими жертвами. Эта борьба звучит как общесоюзное явление. За этой борьбой пристально следил В. И. Ленин.

Семиреченский фронт по замыслу белогвардейского командования являлся одним из главных направлений всего белогвардейского фронта в Туркестане. Имел стратегическое, экономическое и политическое значение. Этот фронт был тесно связан с контрреволюционными силами Сибири, с Каспием, Бухарой, Ханской Хивой и с иностранными интервентами. Ведь если бы удалось захватить всю территорию Семиречья, тогда потоком пошли бы оружие, боеприпасы, военное снаряжение из Восточного Китая. Интервенты бросили бы свою силу в этот прорыв, чтобы овладеть всем Туркестаном.

По первости большая угроза нависла над Туркестаном и Семиречьем. Помимо всего не утихали и контрреволюционные мятежи. Прозорливый политик, военный стратег В. И. Ленин решил поскорее ликвидировать Семиреченский фронт, упрочить национальную политику населяющих Туркестан многими народами. Надежно укрепить Советскую власть в Средней Азии.

Для этой государственной цели были посланы М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, П. П. Кобозев, Я. Рудзутак, Д. А. Фурманов и другие видные деятели коммунистической партии и Советского государства.

Эта великая и могучая кучка, представляла в Туркестане Москву и действовала от имени Верховной власти республики.

Перед отъездом в Туркестан Владимир Ильич попросил Фрунзе зайти к нему — Фрунзе не знал и не гадал — зачем он понадобился Ленину. Михаил Васильевич по первости заволновался, а потом все прошло, как только встретился с Лениным. Во время беседы Владимир Ильич признался в том, что долго думали, гадали в ЦК кого же послать в Туркестан?

— А как Вы говорите, тов. Фрунзе, Вы родом из Семиречья, знаете национальные обычаи и язык. Так это же мы

нашли клад, да еще какой — цены ему нет. Как это чудесно! Нам просто повезло, — улыбаясь воскликнул Ильич. — Вам тов. Фрунзе следует готовить караван и отплывать в добрый путь — в Туркестан. Ближе к солдату! Мы Вам верим и питаем большие надежды! Не упускайте с поля зрения национальный вопрос. Сейчас для Вас это главное. Я подчеркиваю, что этот вопрос в Вашей работе первостепенной важности.

Ленин положил руку на плечо Фрунзе. Первый такой жест Ильич сделал в Стокгольме при первой встрече с Фрунзе. И сказал:

— Желаю удач и славных побед! А за все, что Вы сделали, большое спасибо. До встречи, тов. Фрунзе! Да, — спохватился Ильич, — помощь, которую Вы просите для Туркестана, по мере сил мы окажем.

И эта помощь скоро была оказана. В Туркестан направлялось оружие и боеприпасы, конское и людское снаряжение. Кроме того правительство РСФСР ассигновало большую сумму денег Туркестану на ирригацию.

Ведь подумать только надо? Идет война, льется кровь, а Ильич думал о развитии, о живительной влаге, чтобы эта влага пришла в пустырь Чуйской долины Киргизии. Это только наш Ильич мог планировать народно-хозяйственное дело в такое время. Подобно знаменитому «ГОЭЛРО».

А ведь влага-то, о которой мечтал Ленин пришла! Построен большой Чуйский водный канал. Некогда пустынная долина волей киргизского народа превращена в долину богатейших урожаев, садов. Да и люди то ее стали богатыми, Мечта Ильича сбылась!

Недаром трудящиеся Киргизии в письме на имя В. И. Ленина в мае 1920 года писали: «С приездом в Ташкент из центра Турккомиссии стало гораздо легче и спокойнее нашим киргизам».

Какую надо было иметь голову, энергию и терпение ядру партийной организации Киргизии, чтобы одержать победу. Советизировать киргизский народ. Сплотить его с другими народами, особенно с русскими, населяющими Киргизию.

Страна нуждалась в хлебе, мясе. Надо было готовить и посылать в центр, а казачество, баи этому препятствовали с оружием в руках. Надо было чистить засоренный советский и партийный аппарат чуждыми элементами. Бороться с мятежниками и басмачами, организуя красногвардейские отряды и Красную Армию, партия Киргизии взялась за грамоту. Она пополняла фронта своими националь-

ными частями, коммунистами и не только в Туркестане, но и на других фронтах советской республики.

Борьба была невероятной и на первый взгляд казалась прозаической, но она вошла в историю, как история все оправдывающая.

Чтобы не быть голословным, приведу выписку из приказа 58 кав. полку (в последствии 16 КП) от марта 1921 года, облвоенкома Семиреченского облвоенкомата:

«Ход революции в Семиречье,— пишет облвоенком,— это была сплошная колонизаторская хищническая политика русского самодержавного капитала. Кулаки, переселенцы, чиновники, авантюристы всех мастей примазавшись к власти и прикрываясь Советской властью продолжают творить свое черное колонизаторское дело, беспощадно эксплуатируя киргиз, бедняка, батрака. Только сейчас Советская власть подлинно революционная, привлекает к строительству Советов широкие киргизские массы. Этот путь лежит через ожесточенную борьбу со своими угнетателями, и только благодаря Красной Армии она своими штыками заставила белогвардейцев отступить. Сейчас наплыв добровольцев киргизской бедноты для укрепления Армии велик».

Ничто не могло остановить бурлящих киргиз. С именем Ленина идти вперед!

С огненным флагом народы Киргизии довели Советскую власть до конца и закрепили ее навсегда, сознавая о том, что может быть такого случая больше никогда не представится. Партия Киргизии сумела сплотить свои народы, и с величайшими ее трудностями справилась. Да еще как справилась! Она шла в бой со своим народом, чья жизнь была взбудоражена Революцией. Шла не кляня своей судьбы.

Киргизы, проникнутые коллективной волей, стали строгими судьями самим себе. Повернули свой фронт от бывшего варварства, лишений к Советской власти, которая для них была так необходима.

Они не осиротели. Киргизский народ сделал большой и крутой подъем набирая духовного богатства. А ведь жили в горах, у подошвы горы, в степях долгие-долгие годы. Быт, беднота загораживала горизонты жизни и залитые солнцем просторы.

Хотя киргизы почти все, в большинстве своем были слабыми марксистами, но и то немного, удалось усвоить из того, о чем говорит Ленин: «Учение Маркса все-таки сильно, потому, что оно верно».

Многое было непонятным из этого учения. И не только киргизам, но и многим другим национальностям. Но учение Маркса, Ленина с каждым днем становилось все более созвучным, пробивало себе дорогу всюду. Пробило его и в Киргизии, которая строит свою счастливую жизнь.

Глава II. КИРГИЗЫ В НОВОЙ ОБСТАНОВКЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

I

Тяжелая, всем памятная осень 1919 года. Над молодой советской республикой нависла смертельная опасность. Антанта разворачивала силы для первого похода на советскую страну. Колчак, Деникин, Краснов готовили войска на Москву, Юденич на Ленинград. На севере вели наступление войска Миллера. Активизировали свои действия поляки. Поднималось белое казачество Оренбургской и Уральской областей. Бушевало и Семиречье.

Страна до основания была разорена первой империалистической войной. Противник был вооружен лучше, чем Красная Армия, обладал высокой маневренностью. Имел в своем составе массу конницы. Вел смелые и рискованные боевые действия. Бросал в бой отборные, до зубов вооруженные офицерские полки.

Старая Армия разбежалась, «проголосовала пятками», как говорил Ленин. Страна находилась в вооруженном окружении. Посмотреть на карту было жутко. Кругом враг.

В этот тяжелый период вступает в командование 4-й Армией М. В. Фрунзе, войска которой были растянуты на огромном фронте, не имея никаких резервов.

Киргизские воинские части когда-то работающие в тылу своих войск, как нестроевые и даже не вооруженные, оставшиеся от империалистической войны, были превращены в кадровые части Красной Армии.

В этой Армии, которой командовал Фрунзе участвовала в боях и киргизская конная бригада. В ее составе много служили бойцов — уроженцев из теперешней Киргизии.

Мало кому известны боевые операции, проведенные киргизскими частями под общим руководством М. Ф. Фрунзе в Уральской области против Колчака, Дутова, оренбург-

ских и махновских банд. Архивный материал полностью подтверждает участие киргизских частей в новой обстановке Гражданской войны так:

В конце апреля г. Уральск был осажден крупными уральскими белоказацкими войсками. В результате многодневных боев 22-стрелковой дивизии в состав которой вошла и киргизская конная бригада была расчленена противником. В районе Уральской и Оренбургской областях усилились мятежи белоказаков. Но все попытки врага овладеть городом Уральском разбивались несокрушимым мужеством осажденных войск.

Невзирая на крайние лишения 22-стрелковая дивизия, киргизская конная бригада и 22-стрелковый полк не только продолжала два месяца отбивать натиск врага, но своей активностью наносили противнику жестокий удар. Помощь не откуда было ждать, да и нечего было посылать, под руками командующего резервов не было.¹

Выполняя приказ Фрунзе — держаться до последнего — 22-стрелковая дивизия, киргизская конная бригада и 221 стрелковый полк этот приказ выполнили.

Другая часть 4-й Армии с малой численностью помогали южной группе войск покончить с Колчаком и ликвидировать восстание. Сколько побито с той и другой стороны на Уральске и его районах остается неизвестным.

За подвиг, проявленный войсками 4-й Армии, куда вошла Киргизская конная бригада, выдержавшая 2-х месячную осаду издано историческое постановление Совета рабоче-крестьянской обороны. Вот это постановление:

«В упорной борьбе за рабоче-крестьянскую власть доблестные части 4-й Армии, окруженные со всех сторон озлобленным врагом, выдержали в Уральске 2-х месячную осаду, терпя лишения, подвергая свою жизнь постоянной опасностью, защитники Уральска показали пример истинной преданности делу революции. За проявленную революционную боевую доблесть Совет Обороны объявляет войсковым частям 4-й Армии, красноармейцам и командному составу особую благодарность. Вместе с тем, имея в виду, что защитники Уральска, окруженные со всех сторон врагом в течение 2-х месяцев не могли получать установленного довольствия и продовольствия, а также содержание и несли тяжелые лишения, Совет Обороны постановляет: выдать красноармейцам и командному составу частей 4-й

---

¹ ЦАКА. X. 106. Д. 8237. лист, 34.

Армии, выдержавшим в Уральске 2-х месячную осаду жалование в размере 3-х месяцев за каждый месяц осады».

Председатель Совета Обороны — Ленин.

Член Совета Обороны — Склянский.

Секретарь Совета Обороны — Фокиева.

ЦАКА. Ф. д. 1656. ч. п. л. 130.

2

В первой половине июля 1919 года части Чапаевской 25-й стрелковой дивизии соединились с осажденными войсками в Уральске. Началось усиленное очищение Оренбургской и Уральской областей от беляков, длившееся до января 1920 года.

По стратегическим соображениям Южная группа войск Восточного фронта переименовывается в Туркфронт, задача которого стояла в том, чтобы очистить путь на Ташкент. С конечной целью завершения полного овладения Туркестаном.

Туркестан бурлил в крови и все взоры большевиков и людей признавших Советскую власть были обращены к Красной Армии оренбургского направления. И наконец для народа Туркестана долгожданный день полного освобождения и изгнания врагов настал. Экспедиция Красной Армии вступила в пределы Туркестана. Ее радостно встречало трудовое население.

В первую очередь от всех военных частей, вступивших в Туркестан М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев потребовали: исключительно чуткого отношения к местному населению, с тем, чтобы укрепить в нем доверие к Советской власти и к Красной Армии, и к русскому рабочему классу; строжайшего соблюдения всей суровости революционной законности; с комполитсоставом было проведено ряд занятий, с рядовым составом ряд собраний об усвоении основ ленинской национальной политики.

Красная Армия с первых дней своего пребывания в Туркестане снискала к себе славу и любовь среди многонационального народа Средней Азии.

После освобождения от вражеских войск Оренбургской и Уральской областей и завоевания открытых ворот в Туркестане, очищение от белоказацких войск долго еще продолжалось.

Киргизская конная бригада по приказу командующего Туркестанского фронта М. В. Фрунзе переименовалась в

первую Киргизскую крепостную бригаду, с особой задачей — укрепить и занять Гурьевский, Актюбинский и Уральский укрепленные районы, а частью сил прикрывать туркестанское направление.

Путь к Гурьеву по Уральским степям был труден и мучителен. Со взятием Гурьева командующий 4-го фронта К. А. Аксентьевский для охраны и укрепления Гурьевского района назначил первый кавалерийский киргизский дивизион. Командир дивизиона М. Захаров, военком Елькин.

Уральский укрепленный район заняла первая отдельная киргизская крепостная бригада двухполкового состава. Командир бригады В. Урдианов. Бригада входила в 4-Армию, а позднее в Туркестанскую Армию.

Актюбинский укрепленный район занял первый Киргизский революционный крепостной конный полк первой отдельной киргизской бригады.

Второй революционный Киргизский конный полк своими боевыми действиями прикрывал туркестанское направление. Весь личный состав первой отдельной киргизской крепостной бригады. Приказом по бригаде от 17.4.20 г. № 55 боец именовался не красноармейцем, а джигитом.

Этот слух дошел до Михаила Васильевича Фрунзе. «На революционную киргизскую бригаду,— писал Фрунзе,— возлагается почетная и ответственная задача: революция требует смести с лица земли всех врагов народа, внешних и внутренних. Крепить революционную дисциплину, организованность и быть беспредельно преданными делу революции. Через ваши укрепленные районы не должен пройти ни один белый казак и иной враг».

«Джигит выполнит свой революционный долг до конца в этом я уверен»,— писал Фрунзе джигитам бригады.

Наказ командующего, как это видно из боевых действий бригада выполнила с честью.

2-м Киргизским революционным конным полком командовал Т. Цам. Не высокий, быстрый в движениях, с очень худым лицом. Он свободно изъяснялся на киргизском языке. Они вместе с военкомом полка М. Мухамедьяровым присутствовали на совещании командующего, где обсуждался вопрос о предстоящих задачах войск, вступивших в Туркестан. На карте было нанесено и показано стрелой движение войск в Туркестан.

Командующий несколько раз повторил, что темп движения войск должен быть быстрым и изложил свое решение. Командующий не упустил упомянуть об ответственности 2-го Киргизского кавполка, задача которого заключа-

лась в том, чтобы не упустить из виду движение войск, действуя подвижными разъездами, постоянным наблюдением и агентурной разведкой. Ограждать войска от внезапного нападения с тыла. Задача была не из легких. Глубина задач достигала 150—200 км.

А теперь познакомимся с немногими боевыми сторонами этого полка. Джигиты были набраны в этот полк что тебе надо — один к одному. В течение полутора месяца полк гонялся в уральских и оренбургских степях за бандами белоказаков, оставшихся не добытыми.

В непрерывных стычках полк утомился, многие бойцы засыпали в седлах, но товарищи их будили, боясь, что они свалятся под копыта коней. Сидеть в седле, мерить конем сотни верст и быть все время в кровавом поту — не все могут выдержать.

Воспользовавшись малейшей короткой передышкой, люди спустились на землю. Был август. Степь нарядилась, как невеста. Кони исхудали, топтали цветы, жадно ели мясистую зелень. Овса в запасе не было, выручал подножный корм.

На одном из таких привалов остановился отдохнуть сабельный эскадрон, представлявший ядро полка. При эскадроне находились командир полка Цам и военком полка М. Мухамедьяров. И как только стемнело в эскадрон прибежал какой-то человек в старенькой одежонке, еле дыша начал говорить:

— Я из села Елек, что в 10-ти верстах от Седово — за помощью. Бандиты на нас напали, все отбирают, запасаются продовольствием. Бьемся всем селом, но вот уже вторые сутки, а толку нет! Посекут они нас! Помогите, от всего села Елекского прошу.

— Да ты, отец, не торопись, передохни. Толком все расскажи, — сказал военком.

— Мы узнали, что Вы неподалеку! Меня и снарядили к Вам.

— А что это за люди? Какой банды? — спросил командир полка.

— Да я слышал у них самый главный, чудная фамилия. Вроде, похоже на сапожника.

— Знаем, — проговорил командир полка, — этого предателя Сапожкова. А сколько их у Вас?

— Да не меньше трехсот.

— Пулеметы есть?

— Этого не могу сказать.

— Ну, что же, сейчас что-нибудь придумаем, — сказал

командир полка. А через каких-нибудь пять минут раздалась команда:

— Эскадрону приготовиться к построению.

Августовской ночью эскадрон на встречу банде шел рысью со всеми мерами предосторожности. Проводник ехал на неоседланной лошади рядом с командиром полка, объясняя подробности обстановки и расположения банды.

Близился рассвет. Эскадрон остановился недалеко от околицы Елекской. Кругом было тихо и становилось совершенно ясно, что эскадрон врагом не замечен. Удар был рассчитан на внезапность и надо было создать впечатление, навалившихся крупных частей, дать картину полного окружения с тем, чтобы враг был убежден в полной безнадежности своего положения.

— Давай атаку командир! — сказал хриплым голосом военком Мухамедьяров.

Командир полка вынул револьвер из кобуры и рядом стоящему командиру эскадрона К. Урдабаеву передал:

— Людей посадить на коней, сигнал для атаки — один выстрел из моего револьвера.

Все замерло и притаилось. Над селом стал чуть-чуть брызгать рассвет.

— Самый сон, — шепчет проводник. — Все спят — сукины сыны. Деревня переполошится, старуху жаль. Не выдержит, — проводник хотел еще что-то сказать, но недалеко от его уха последовал выстрел.

Эскадрон со всех сторон ворвался в село. Внезапная стрельба и крики «ура!» вызвали смятение вражеского отряда. Не зная, что делать, собирались толпами, а на толпы наскакивали джигиты. Многие кинулись бежать на окраину деревни и там достигал их огонь. Многие побросали винтовки, с поднятыми руками ждали своей участи. Каждый джигит сам выбирал себе жертву и бросался на нее.

Противник организованного сопротивления в такой суматохе не в силах был что-либо предпринять. Всадники ошибались где свои, а где чужие. Слышны были крики женщин и детей. И поначалу разобраться в этой каше было трудно. Всюду можно было слышать: «Сдавай дурни, пока не посекали на капусту! Выхода у вас нет. Вы окружены целым полком!»

Военком Мухамедьяров с несколькими всадниками гнался за бежавшей группой комсостава банды. Все они были настигнуты и зарублены. Один из них все еще продолжал сопротивляться. Военком подскочил к нему, придавил к земле, слез с лошади и вырвал у него револьвер.

— Что же ты, милейший, стрелял в меня и не попал? Не годится! Такому как ты стыдно промахиваться... Ну говори какой части?

— Я по глупости, да и многие из нас поддались агитации Сапожкова. Наш отряд сказывали должен с ним соединиться. Поджидаем мы здесь от него депешу.

— Ему не придется соединиться, — повысив тон проговорил военком. — Его преследует особый отряд и ему и его приспешникам не уйти от сурового возмездия.

Многие пленные плакали и утверждали, что все они насильно присоединены к банде и все охотно давали сведения о мятежниках.

— Надо бы хуже, да некуда — не по-русски скроены, предатели мы. Вот мы кто, — загудела толпа. — Навоевались, стыда не оберешься?

— Чего же воюете, переходите к нам и войне конец! Стрелять в своих братьев не гоже. Красная Армия наша многонациональная, и каждый знает за что воюет!

— Стрелять в своих не гоже, это сущая правда, — согласились пленные.

— Вот-вот, — оживился военком полка. — Надо рассказать правду людям, открыть им глаза. Приходит конец всем белоказачьим отрядам. Красная Армия защищает Советскую власть, трудовой народ. Наши пошли на выручку в Туркестан, далекий край, а Вы тут как зайцы, рыщете, грабите население и ждете спасения. Так это или нет? — обратился военком к многолюдной толпе.

Все ответили хором:

— Это точно.

— Ну вот что, други любезные, сдавайте все оружие, назовите ярых сторонников, эсеров Сапожкова — и по домам, там расскажете всю правду о Красной Армии. В местные Советы заявите, что никогда не поднимете ваши руки на рабоче-крестьянскую власть. Запомните! Вы были взяты 2-м революционным Киргизским конным полком...

Так был взят и разбит контрреволюционный отряд Сапожкова. Одних только пленных взято до 400 человек. В освобожденном Елеке к 10 часам всем селом вышли и малые и старые, женщины, чтобы поприветствовать освободителей. Женщины готовились потчевать красных джигитов, а мужчины старались накормить исхудавших кавалерийских лошадей.

Кроме частей отдельной крепостной Киргизской бригады, защищавших укрепленные районы, существовали и вели борьбу и другие киргизские части. Так, неподалеку от

Павлограда дислоцировалась вторая Туркестанская кавдивизия под командованием Алибея-Эдигея. Комиссаром был Астраханцев. В состав дивизии входила вторая бригада 3-х полкового состава 3-го и 4-го Киргизского кавполка.

3

В середине ноября и весь декабрь 1920 года бригада задерживалась с переходом на мирное положение в связи с начавшимися ею боевыми действиями против коварного батьки Махно.

Махновцы, вооруженные до зубов, представляли большую опасность. Бандиты набрасывались на беззащитные села, грабили, отбирали у крестьян продовольствие и лошадей и как саранча пролетали из одного района в другой. Предавалось полному разграблению и опустошению. Так было всюду, где появлялись махновцы. Своими налетами, грабежами и убийствами махновские банды отвлекали силы Красной Армии. Это было страшное зло, разлагающее тыл Красной Армии.

Своей столицей батька Махно объявил село Гуляй-Поле или Махноград, как его называли махновцы. Это был выгодный район с многочисленными оградами, холмами. Недалеко бурлил в крутых берегах Днепр. Район представлял все удобства в военном отношении.

Задолго до Гражданской войны анархист Нестер Махно, сын мясника, в 1906 году за разграбление казачества и убийство был приговорен к бессрочным каторжным работам, а за попытку бегства заковали его в цепи. В 1917 году по общей амнистии Махно был освобожден. Он приехал в Гуляй-Поле, где вскоре приобрел широкую известность под именем батька Махно.

Маленького роста, чуть тронутый оспой, с землистым лицом и длинными волосами, спадающими на узкие плечи, напоминал монастырского служку. Носил черный пиджак, перехваченный сверху ремнями, черную папаху, высокие сапоги со шпорами. Похож был на туберкулезного больного, но никак на грозного атамана.

Махно не признавал никакой власти. Махно был умелый враг, не менее умелый партизан малой войны... Хитрый, жестокий, подлый, попавшие к нему живыми не возвращались. Трудно в то время было найти человека, равного ему по жестокости.

Дела махновцев население Павлоградского района испытало, как говорят, на всю катушку. И второй раз в этом

районе появились основные силы махновцев. Эти места бандам знакомые и удобные для маневров.

Услыхав о движении первой конной армии Махно не решился иметь столкновение и с пути движения конной армии, от разгрома увел свои основные силы в глухие места, ведя непрерывную войсковую и агентурную разведку.

В ноябре конная армия двигалась из Крыма на Украину и сосредоточилась в районе Екатеринослава. Тут тоже хорошо помнили Махно. Два года тому назад он с боем взял беззащитный город, выпустил по нему более 2-х тысяч артиллерийских снарядов и предал его полному разграблению.

Для действий против Махно в районе Екатеринослава из состава конной армии была выделена сильная группа — 1-я и 4-я дивизии под общей командой Пархоменко.

В районе же Павлограда против банд Махно была выделена вторая Киргизская кавбригада, вторая Туркестанская кавдивизия, Заволжская стрелковая бригада и бронипоезда 106, 43 и 38.

Передо мной лежат 50-летней давности боевые донесения командиров частей и подразделений. Донесения писались простым карандашом, грифелем или углем на оберточной бумаге или на газетах. Буквы по бумаге скачат, слова недописывались и только по отдельным отрывочным выражениям можно понять летопись героической борьбы 2-й Киргизской кавбригады с бандами Махно в начале декабря 1920 года.

Не лишне будет заметить, что один из белогвардейских журналистов, критикуя действия оренбургского атамана Дутова, язвил ему: «литературно писать по казачьему войску приказы, это отнюдь не значит побеждать большевиков».

И вот что из донесений, приказов довелось мне узнать.

В конце ноября бригада получила приказ выступить для ликвидации банд Махно, появившихся в районе Павлограда. В бригаде все знали о больших трудностях с коварным врагом. По своей боевой политической подготовке бригада к бою не была готова. В бригаде не хватало лошадей, некоторые эскадроны передвигались на гужевом транспорте. Бригада в своей массе была укомплектована неграмотными киргизами, отбывающими воинскую повинность, часть красноармейцев не имели винтовок, а носили только шашки.

На санной повозке ехало по 4—5 бойцов с полным снаряжением, сани для пулеметчиков были оборудованы так,

чтобы с ходу можно было вести огонь. Джигиты все обуты были тепло, но мороз их часто заставлял делать пробежку за санями.

Создавшаяся обстановка требовала оторвать бригаду от боевой подготовки и направить ее в бой.

3. 12. 20 г. темной ночью при сильной метели Киргизская кавбригада вошла в село Комары, это был первый большой привал, позади было около 30 км пройденного пути. Мороз. Снег, дороги занесло, путь был для бригады тяжелым.

Тревожно отдыхали бойцы, чутко прислушиваясь к каждому шороху, особенно эти чувства тревожили красноармейцев, находящихся в сторожевом охранении.

Ночь прошла спокойно. Село имело мирный вид. Сюда хозяйственники должны были доставить запасы продовольствия и боеприпасы, так как к моменту выхода бригады запасов в гарнизонных складах не оказалось.

Утром бригада выстроилась на небольшой церковной площади Комаров для следования в деревни — Богатырь, Андреевка.

Впереди колонны главных сил был выделен авангард. Он уже удалился на 3 километра. В авангарде находился комбриг Рукуйджа и военком бригады Вернес.

За два часа до выступления главных сил из Комары комбриг распорядился сторожевое охранение снять и никаких мер не было принято по разведке и выделения полкового боевого охранения и наблюдения, кроме авангарда. Или это было сделано по неопытности, или каких-то других злостных причин, прямого ответа на это архивные документы не дают. И как только охранение было снято махновцы воспользовались как нельзя лучшим, благоприятным моментом для внезапных действий. Пользуясь беспечностью своего врага они не стали дремать, пробираясь оврагами, лощинами в одиночку и группами, накапливая силы к деревне подкрались со всех сторон. Притаились и ждали выгодного момента для нападения, и это им удалось.

Как только главные силы бригады тронулись с площади деревни Комары, неожиданно послышался со всех сторон огонь пулеметных очередей и взрывы гранат. Все выходы из села махновцы перекрыли. Бригада была схвачена в кольцо. Выиграть секунды, минуты, дать времени ей организованно вступить в бой — это было самым страстным желанием. Но ведь бригаду охватила паника и растерянность. Многие бойцы уже лежали мертвыми. Перелом, достигнутый в шестичасовом бое достался ценой жизней.

И когда бандиты подошли вплотную в некоторых местах боевого порядка бригады бойцы и командиры не растерялись, вступили в гранатный бой. Командир сотни Урдабаев Казбек и военком Тюменбаев Бекбала со своей сотней ринулись вперед и забросав махновцев гранатами прорвали их первую и вторую линии. За этой сотней устремились в прорыв и все конные подразделения. «Бей! Бей коммунистов! И эту орду!» — раздавались дикие крики бандитов. Прячась за деревьями и перебегая с лощины пешие бойцы отстреливались от нападающих, прикрывая огнем отход конных подразделений. Схватка была неравной. На одного красного бойца приходилось 6—8 бандитов.

Вся площадь и улицы, куда пытались прорваться бойцы бригады была усеяна трупами. Остатки бригады, израсходовав запасы патрон, спешно отходили на соединение с авангардом бригады, силы которого по дороге на село Богатырь неожиданно встретились с большим отрядом махновцев — завязался бой.

Махновцы гнали безоружных окровавленных бойцов, сняв с них все теплое обмундирование, некоторых заставляли идти по снегу босыми. Пленных загнали в амбар и школу, приставив к ним усиленную охрану. Часть пленных увели за деревню. Горели хаты, на площади пылали костры, слышны были крики и выстрелы. Затем все утихло и только от села Богатырь едва были чуть слышны выстрелы. Пленные слышали ругань часовых:

— Давно надо бы всех на костер, а тут мерзни с ними, охраняй всякую коммунистическую тварь! Братишки по хатам, да по бабам и по погребам. Хватит! Когда этому будет конец? Говорят Батько предлагает красным мир, чтобы они нас не трогали и мы с ними воевать не будем...

Вскоре к пленным подъехала пьяная ватага головорезов:

— Слушайте, — донесся из мрака унылый дикий голос. — Эй, братишки джигиты! Переходите к батьке Махно... У нас денег много...

Джигиты молчали. Головорезы приступили к допросу. Они брали пленных на выбор. Избивали шомполами, кололи штыками, выжигали на их спинах звезды. К утру следующего дня всех пленных вывели из амбара и школы, подвели к большому колодцу. Озябшие и опустив головы они стояли, прижавшись плечом к плечу. Их бледные лица выражали большое, постигшее их горе, говорящее о том, что они обречены. Среди них были и те, кого били шомпо-

лами, с вывернутыми руками и ногами. Они идти не могли их волокли. Кто поздоровее хотя и со связанными руками бросались на бандитов.

— Вяжи им руки потуже, тяни к колодцу,— кричали махновцы.

Кто-то крикнул из толпы пленных:

— Товарищи, головы повыше! Умираем за Советскую власть, за дело Ленина! Пускай смотрят, как умирают джигиты!..

Более 40 человек живыми были брошены в колодец, еще бы бросали, но колодец больше не вмещал, набит был пленными до краев. Оставшиеся были тут же расстреляны.

— Дайте попрощаться, убийцы! — крикнул юноша Базарбек. Бандиты схватили его и начали бить:

— Вот тебе на прощанье!

Базарбек и оставшийся в живых Хаджакаев Максуд вдвоем с силой бросились на бандитов, связанные их руки как-то случайно освободились и выхватив у бандитов винтовки в упор начали расстреливать злодеев. Бежать было некуда, кругом махновцы, и когда героям нечего было стрелять, они были схвачены. Пихая ногами и прикладами проволокли их на площадь, избили шомполами до потери сознания, выкололи глаза и повесили.

«Неужели это правда!» — спросит читатель.

С тех пор прошло полвека. Жители той местности свято чтят память героев, погибших в Павлоградском районе.

Читая донесения, из которых между строчек можно найти подвиг людей. Этим людям не даны награды. Тогда и не думали о наградах.

Вот как писались боевые донесения командирами Лавтовым, Петровым, Исмаевым и др.: «Разбили банду, захватили деревню; мой эскадрон отошел, есть потери; противник увел с собой наших красноармейцев; мы дрались храбро, у нас много пленных...»

А как разбит враг, как захватили деревню, куда отошел полк, и куда отошли сами, какое дальнейшее действие — этого в донесениях не найдешь! И только опытный человек может представить тот или иной бой и расшифровать подобные донесения командира.

А тем временем авангард бригады 4-й полк вел бой с батькинской кавалерией, которой командовал ярый анархист Довженко.

Вышедшая из окружения Махно часть главных сил бригады приближались к боевым позициям авангарда, ко-

торый так же внезапно был атакован, как и главные силы бригады. Но бойцы 4-го полка были хорошо вооружены и припаслись боеприпасами, быстро организовались, заняли круговую оборону и как махновцы не хитрили, а взять полк не смогли. Ни потери, ни угрозы, ни контратаки, ни призывы к сдаче не помогли махновцам. Полк истекая кровью, не отступил. В этом бою получил тяжелую контузию комбриг Рукуджа.

А с другой стороны навстречу колонны бригады подходила Заволжская стрелковая бригада. Конница Махно оказалась в клещах и натиск прекратила. Некоторые начали повертывать лошадей, другие кинулись кто куда, но уже было поздно. Удар с двух сторон был для махновцев неожиданным. Все смешалось.

По полю скакали всадники и лошади, потерявшие всадников, метались лошади с тачанками, наскакивая друг на друга. Бандиты искали спасения в бегстве. Крупный отряд конницы батьки Махно с большим количеством пулеметов был разбит и рассеян.

В этот же день неподалеку от деревни Комары проходила 4-я дивизия 1-й конной армии, следовавшая в Екатеринослав. Дивизия схватилась с той бандой, которая в деревне Комары напала на Киргизскую бригаду, разбила и рассеяла ее. Отдельные кучки банд, уцелевшие после разгрома бежали в сторону Екатеринослава, где должны были сосредоточиться главные силы Махно.

4-й дивизией командовал легендарный начдив С. К. Тимошенко. Паника и понесенные бригадой жертвы, явились следствием беспечности, недооценены были повадки и хитрости партизанских действий Махно.

Передо мной лежит другой документ — запись участника боев 3-го полка Киргизской бригады, адъютанта полка Примова. Полк действовал против банды Махно в январе 1921 года в районе Синельникова в Павлоградском округе. Киргизский полк полтора месяца гонялся за бандой, насчитывающей более пятисот отъявленных на подбор, вооруженных бандитов, все они были на лошадях, имели пулеметы, громили, грабили, убивали не щадя никого.

Так в Терновке изрубили на куски шесть красноармейцев киргиз, в Александровке 12 красноармейцев. Раненые красноармейцы, оставленные на обслуживание и оказание помощи жителям деревень Дмитровское и Вязовки, но в этих деревнях было много пособников банды и они вместо оказания помощи, добились топорами всех раненых

красноармейцев. Несколько позже все пособники были выловлены, а банда махновцев разгромлена.

И еще один случай. Военком полка Клинков, политрук Закиров и красноармеец Кудимов были избраны делегатами на Украинский съезд большевиков. Делегацию до Павлограда сопровождало 9 джигитов. Не успели отъехать от полка наткнулись на банду, сопровождавших делегацию махновцы зарубили, взяли с собой троих человек, в том числе делегата Кудимова и увезли с собой. Полк, взаимодействуя с частями 1-й конной армией выловил бандитов, разбил банду и истребил всех ее пособников. Кудимова нашли снятого с петель на шее с верстового столба, неаккуратно засыпанного снегом, с торчащими босыми ногами и руками. Тело его было изуродовано до неузнаваемости. Так героически погиб коммунист — сын киргизского народа Кудимов.

Махновцы дали еще один урок бойцам бригады, урок на всю жизнь, урок о том, что в борьбе с врагами Революции не следует рассчитывать и надеяться на гражданственность и человечность...

Красные войска под руководством М. В. Фрунзе в 1921 году окончательно разгромили махновцев, анархистско-кулацкие банды грабителей и насильников. Их главарю Махно удалось бежать за границу. В разгроме бандитизма участвовали почти все население Екатеринослава и Павлоградского района.

В этой борьбе участвовали наравне с бойцами 1-й конной армии и киргизские части и соединения.

Так в огне войны против белогвардейцев, иностранных интервентов, против бандитов всех мастей выковывались узы братской дружбы трудящихся Киргизии со всеми народами страны Советов, указывающих верную дорогу к свободе, прогрессу и счастью.

Не все джигиты-киргизы научились так хорошо и сразу умело владеть оружием, но никто не мог пожаловаться на недостаток стойкости и беззаветного мужества киргизских частей. Сотни командиров, политработников, прекраснейших героев джигитов-киргиз храбро сложили свои буйные головы не только у себя на Родине Киргизии, но и вне ее.

Кто же может забыть об этом?..

Нам хочется чтобы не было забыто и о том, что киргизские подразделения и части участвовали в боях:

— В Закаспийском фронте — в составе 1-го Ташкентского коммунистического полка и двух эскадронах 16-кавполка, позднее вошедшего в состав 8-й кавбригады;

— На Ферганском фронте 1920 г. против банд басмачества, боевые действия вел отдельный Киргизский кавдивизия и Киргизский кавполк 2-й Туркестанской дивизии; И наконец:

— 8-я кавбригада, состоящая из русских, казаков, киргиз, узбеков, уйгуров и дунган. Бригада своей храбростью в борьбе с басмачеством славилась на весь Туркестан.¹

Кроме фронтовых частей и подразделений были и тыловые воинские части, в которых проходили военную службу киргизы, узбеки и другие национальности: 9-й отдельный кавэскадрон; 1-й отдельный Киргизский кавэскадрон при Киргизском краевом военкомполитком М. Утигенов.²

Величие и значение нашей победы в Гражданской войне подтверждены всем ходом общественного развития. Эта победа позволила отстоять завоевания пролетарской революции, первое в мире социалистическое государство — надежду и оплот всех трудящихся масс, всех революционных сил, она открыла человечеству путь перехода от капитализма к социализму, путь по которому ныне уверенно идут народы ряда других стран.

4

Гражданская война, которую пришлось пережить советскому народу, являлась не следствием социалистической революции, как и поныне пытаются утверждать буржуазные идеологи. Она была навязана нашей стране свергнутыми в октябре 1917 года эксплуататорскими классами, международным империализмом с целью уничтожения Советской власти, восстановления власти капиталистов и помещиков, превращения России в колонию иностранных империалистов.

Силы интервентов и белогвардейцев против Советской власти насчитывались ко второй половине 1918 года около миллиона солдат и офицеров. Хорошо обученных и вооруженных. В том числе на Семиреченском фронте к концу 1918 года и начала 1919 года насчитывалось около 25 тысяч казаков, солдат и офицеров, не считая мятежников.

В сентябре 1918 года ВЦИК издал декрет о превращении республики в единый военный лагерь. В ноябре был образован Совет рабоче-крестьянской обороны под председательством В. И. Ленина.

¹ ЦГАКА Ф. 8365. Опись 1. Д. 6. Л. 1—4.

² ЦГАКА Ф. 33213. Опись 6. хр. 7а, стр. 14—15.

В этот военный лагерь под знаменем Октября и пришла многострадальная, всеми битая, затаस्कанный Киргизия.

Более трех лет длились ожесточенные сражения Красной Армии на фронтах Гражданской войны с войсками Колчака, Деникина, Юденича, Дутова, Анненкова и Врангеля, белопанской Польши с американскими, английскими, французскими, японскими и иными иностранными захватчиками. И наконец с мятежниками всех контрреволюционных мастей. С этими врагами вместе с русским народом бились и трудящиеся Киргизии, трудящиеся других национальностей Туркестана.

Три года советские люди, руководимые коммунистической партией отбивали натиск вражеских сил, которые стремились уничтожить первое в мире социалистическое государство, а если этого не получится, то на худой конец отторгнуть Туркестан от Советской власти.

Но революционный дух, героизм рабочего класса, крестьян, деҳкан, бедноты и Красная Армия отстояли Октябрьскую Революцию. Верили в победу, в наш общественный и государственный строй, союз рабочих и крестьян. Верили в дружбу народов, в глубоко справедливую освободительную войну. Вот те родники и источники нашей победы.

Гражданская война не была бы столь напряженной и затяжной без вооруженного вмешательства иностранного империализма.

Именно 1. «Всемирный империализм,— подчеркивал В. И. Ленин,— вызвал у нас в сущности говоря Гражданскую войну и виновен в ее затягивании».¹

2. «11 раз обращались к представителям Антанты и США о прекращении вооруженного вмешательства в дела России. Заправилы империализма каждый раз отвергали советские предложения. Они даже отказались разговаривать о всеобщем мире,— писал Ленин, август 1918 г.»²

Тяжелые годы прошли в кровопролитных боях Туркестана пока с врагами не было все покончено. Оставались лишь недобитые шайки басмачей. Но об этом будет сказано в последующей главе.

Три года наполненных событиями невиданного напряжения, неиспытанного раньше не только у нас, но и на всей земле в деле защиты революционных завоеваний.

---

¹ Соч. Ленина. т. 39, стр. 343.

² Соч. Ленина. т. 37, стр. 53.

«Мы устояли против всех!» — с законной гордостью говорил В. И. Ленин.

Социализм выиграл первую решающую битву против сил капиталистического мира. Наша победа в Гражданской войне убедительно показала, что в мире нет сил способных остановить победоносное шествие Великой, Октябрьской Социалистической Революции.

О войне написано много, она изображается как страшное кровавое дело. Народы ее боятся. Народы войны не хотят. Война требует огромного количества людских жертв, уничтожает богатства, созданные человеком. Война сама по себе жестока.

Старшее поколение, его солдаты и народ знают, что такое война. И особое место занимает Великая Отечественная война. По своим масштабам, участие в ней людских масс, размерами применения техники и вооружения, напряжением, ожесточенностью, опустошением и понесенными жертвами — она превосходила все войны прошлого.

Наша партия, советский трудовой народ, его Советская Армия и братские социалистические страны, связанные Варшавским договором — из года в год успешно отстаивают дело мира.

В отчетном докладе XXIV съезда нашей коммунистической партии сказано: «Советские люди могут быть уверены, что в любое время дня и ночи, наши славные вооруженные силы готовы отразить нападение врага откуда бы оно не исходило. И все, что создано народом, должно быть надежно защищено!»

Эти слова являются девизом для личного состава вооруженных сил.

Партия и народ уверены в своей Советской Армии, которая зорко стоит на страже социализма и коммунизма. Верные своему интернациональному долгу. Живут и трудятся и учатся побеждать так, как завещал великий Ленин.

Однако я вернусь к тому, что же было между двумя войнами и в частности такому вопросу, который вошел в историю под названием — «Военная реформа 1924—25 гг.»

Победоносно завершив Гражданскую войну коммунистическая партия и советское правительство направили усилия трудящихся нашей страны на осуществление ленинского плана построения социализма.

Одновременно партия возглавила массовое движение за объединение Советских республик в единое союзное государство. 30 декабря 1922 года Первый Всесоюзный съезд Советов, выражая волю более ста наций и народ-

ностей страны, принял историческую Декларацию об образовании СССР. В текущем году советские люди отметят как всенародный праздник 50-летие этого события, занявшего выдающее место в истории нашей Родины.

Образование СССР усилило обороноспособность страны и обеспечило необходимые условия для экономического, политического и культурного развития Советского государства. ЦК партии и Советское правительство выработало научно-обоснованную политику в области строительства Советских Вооруженных сил в мирных условиях с учетом международной и внутренней обстановки.

Основные направления — строительство армии и флота, указал X-й съезд коммунистической партии в развернутом решении по военному вопросу. Съезд отметил, что основой вооруженных сил Советского государства на ближайший период должна являться регулярная Красная Армия. По возможности сокращенная до необходимого количества. Сокращение Армии было осуществлено в три этапа и завершилось к концу 1924 г. Численность вооруженных сил уменьшилась с 5,5 миллиона до 562 тысяч человек. В конце 1922 года сокращены были и распущены для работы в народном хозяйстве все национальные воинские части, в том числе и киргизские.

Центральный комитет партии провел ряд мероприятий по укреплению обороноспособности Красной Армии и военно-морского флота, вошедших в историю под названием «Военная реформа 1924—1925 гг.»

Началась разработка новых уставов, был укреплен армейский партийный — политический аппарат, проведена перестройка органов военного управления, организована подготовка резервов, заложены основы единоначалия. Все это значительно укрепило боеспособность армии и флота.

Переход от Армии военного времени к Армии мирного времени — это была крутая ломка. Военная реформа сводилась к тому, чтобы укрепить мощь Советских Вооруженных сил; переход к смешанной кадровой территориальной милиционной системе комплектования; создание национальных воинских формирований.

Наша партия в этот период имела огромные трудности, связанные с общими хозяйственными и политическими проблемами в стране. Борьба шла с троцкистско-зиновьевской оппозицией. Страна ознаменовала начало первой пятилетки.

Киргизия в этот период наравне с другими народами включилась в первую пятилетку. Пошла по очень трудно-

му и очень сложному пути социализма. Этот путь был, прямо скажем, нелегким и не так-то простым.

Как известно, в царской России от военной службы население Киргизии было отстранено. Оно привлекалось только для работы в тылу армии. Было опасно привлекать киргиз к военной службе, а если бы их вооружили, они как это утверждало царское правительство «пошли против нас!»

Они взамен службы платили неимоверные высокие налоги. Русские чиновники драли умело не только с живых, но и с мертвых.

Киргизы и другие народы Средней Азии в результате осуществления ленинской национальной политики получили почетное право служить в Красной Армии, защищать свою Советскую Родину.

Формирование нацчастей вызвало ярость у недобитой контрреволюции. Оставшиеся еще баи, муллы, зажиточные аксакалы запугивали бедноту. Клеветали на Советскую власть, пытались увести массы на путь антисоветской борьбы. Тайно создавали вооруженные банды.

Пробный частичный призыв добровольцев в Красную Армию из числа комсомольцев, правда небольшой, в Киргизии был произведен в 1924—1925 гг.

На 10-й сессии Верховного Совета СССР было принято дополнение Конституции, согласно которой в руководящие основы организации войскового формирования республики, закрепляются за Союзным государством, а установление порядка в войсковом формировании относится к компетенции Верховного Совета каждой Союзной республики. Это воплощение содействовало дальнейшему росту дружбы народов, авторитета нашей страны в глазах народов Востока и Запада.

Стояла серьезнейшая, государственная задача — подготовить высококачественное национально-воинское формирование.

Планомерная работа пятилетнего плана по созданию национальных формирований началась после XII съезда РКП(б), который вынес специальное постановление о принципах национального военного строительства в Красной Армии.

«В военном деле, так же как и во всем нашем Советском строительстве,— говорил М. В. Фрунзе на III-м съезде Советов СССР,— мы обязаны осуществлять и осуществим принципы нашей национальной политики, мы строим нашу организацию так, чтобы каждая национальность на-

шего Союза не чувствовала себя обиженной или обойденной». Подумать только какой государственный и прозорливый ум у этого человека.

В конце 1923 года положение о национальном военном строительстве Средней Азии Пленум реввоенсовета Союза одобрил и принял Программу дальнейшего строительства национальных формирований, в том числе в Киргизской автономной области.

Теперь не будет ни одной национальности, которая бы не участвовала в обороне социалистической Родины. Задача стояла такая, чтобы создаваемые нацчасти по своей боеспособности не отставали от существующих частей РККА.

После государственного национального размежевания к началу 1925—26 бюджетного года в Киргизской автономной ССР был сформирован отдельный Киргизский полускадрон, в составе 2-х взводов — сабельного и учебного, последний готовит младших командиров.

Меньше чем через полгода получен был некоторый опыт, дана была оценка этому опыту. Трезво посмотрели вперед на дальнейшее военное национальное строительство.

Местные партийные, советские, комсомольские и профсоюзные организации и организация Кошчи приняли близко к сердцу формирование и обучение киргизских воинских частей и считали это вполне жизненным.

Помимо того, что киргизские военные части призваны охранять границу республики и мирный труд своего народа, они являются школой подготовки новых советских работников кишлака, аула, аила, города и деревни. В этом была большая нужда в неокрепшей вновь созданной молодой республике.

5

Фундамент для формирования национальной киргизской воинской части заложен. Нащупан и найден более целесообразный путь. Теперь можно и заглянуть далеко вперед.

Дальнейшее расширение и увеличение киргизского воинского формирования, предусмотренное пятилетним планом строительства национальных частей, можно подтвердить партийным документом. В виде его исторической ценности приводим его текстуально.

Выписка из протокола Кара-Киргизского обкома РКП(б) от 5 мая 1925 года № 12. п.1.

По докладу начальника территориального управления Руссина (строго секретно).

ПОСТАНОВИЛИ:

а). Считать необходимым приступить теперь же к организации школы подготовки младших командиров с условием открытия таковой к началу 25—26 бюджетного года;

б). Считать необходимым немедленно приступить к созданию на добровольческих началах одного отдельного кавэскадрона из коренного населения, о чем возбудить ходатайство перед Среднеазиатским Бюро ЦК РКП(б) тов. Зеленским;

в). Считать необходимым ввести в смету облвоенкомата 1925—1926 гг. следующую операционную организацию еще 2-х национальных кавэскадронов;

г). Признать необходимым формирование в г. Пишпек при обкоме военной комиссии, на которую возложить вопросы — подготовка и проведение национального формирования.

Комиссию в составе: председатель, ответственный секретарь обкома ВКП(б).

Членов: предоблсполкома, облвоенкома, предоблсоюза Кошчи.

Председатель ОСИС, ответственный секретарь обкома ВЛКСМ.

При формировании военных киргизских подразделений и частей довольно сложно оказалось решить такой вопрос, как принцип общеобязательной воинской повинности. Решение этой проблемы зависело от учета местного населения. Его отсталости. Многие не знали года своего рождения и вообще киргизское население в царское время не учитывалось. И эта проблема в военном вопросе в Киргизии была решена. И через год после переписи населения 1927—28 гг. начался частичный призыв киргиз в Красную Армию. До этого от принципа общеобязательной повинности было отступление и временно действовал добровольный принцип набора, но он был приемлем только при первоначальном формировании.

До организации в Киргизии допризывной подготовки, в связи с последующим развертыванием количество призывников возрастало, защита СССР является обязанностью всех граждан, поэтому тяготы военной службы должны

нести на одинаковых условиях со всеми остальными, на общих для всех основаниях и киргизы.

Стал вопрос о том, что допризывная и призывная молодежь Киргизии не только будет проходить военную службу в своих национальных частях, но и в других частях Красной Армии.

Задача о национальном военном строительстве имела колоссальное политическое и военное значение. Это было не по плечу одного военного ведомства, военных комиссий. Это государственная задача стояла перед всеми партийными и советскими органами Киргизии.

Привожу текст протокола Президиума областного комитета Советов Киргизской автономной области РСФСР по поводу призыва и допризывной подготовки киргизской молодежи:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 158.

Президиума областного комитета Советов Киргизской автономной области РСФСР 28 июня 1926 года.

1. Принимая во внимание экономическую и культурную отсталость населения Киргизской автономной области, не подготовленного этого населения к обязательной военной службе в РККА (отсутствие вне войсковой подготовки) исполнительный комитет считает возможным приступить к призыву на военную службу граждан коренного населения лишь с 1927 года.

2. Призыв в текущем году по доукомплектованию нацкавчастей Киргизской автономной области считать возможным провести по принципу добровольчества и путем отбора из организованной части молодежи.

3. Приписку к призывным участкам допризывного возраста произвести лишь по окончании всесоюзной переписи.

4. Все вопросы по формированию нацчастей проводить предусмотренным пятилетним планом строительства нацчастей.

В 1924 году решением Национальной сессии ВЦИК Киргизия выделялась из состава Туркестанской республики в самостоятельную автономную область.

В 1926 году по решению ВЦИК «Киргизская автономная область переводится в Киргизскую автономную ССР». Это положило начало созданию государства киргизского народа.

Часть III

Глава I. 4-й ТУРКЕСТАНСКИЙ ФРОНТ

1

Не беремся дать исчерпывающий анализ событий тех трудных лет. Мы являемся частичными свидетелями и участниками этих событий. Эти вопросы интересны не только одним историкам, они лишний раз побудят читателя глубже осмыслить трудности борьбы нашей партии, Красной Армии и самого местного населения Туркестана с контрреволюционными полчищами, шайками местных самодержавных владетелей.

Речь будет идти о тяжелой борьбе с басмачеством, как о национальной контрреволюционной политической силе, которая боролась под знаменем ислама против Советской власти.

Басмачи были облечены в «освободителей» от большевиков. Пути борьбы с басмачеством на разных этапах фронта, начиная с 1918 года вплоть до 1930 года проходили по разному, как в тактике так и в политике.

Борьба с басмачеством была борьбой с объединенными силами иностранных империалистов и внутренней контрреволюцией.

Мы дадим по каждому этапу краткий обзор борьбы с басмачеством и этим самым дополним и расширим труд историков С. Б. Жантуарова и П. П. Никишева, где они обобщили и довольно удачно раскрыли борьбу с басмачеством на юге Кыргызстана. Наши новые и наиболее интересные еще нигде не опубликованные страницы о басмачестве 1929—30 гг. в Киргизии и окончательная его ликвидация пополнят боевую историю Киргизстана.

Туркестанская боевая обстановка необычная для че-

ловека, впервые попавшего в нее. Он встретит пустыни, степи, горы, безлесье, безводье, незнание языка, ко всему прочему — летом невыносимая жара.

4-й Туркестанский фронт своеобразный, ни чуть не похож на театры других фронтов Гражданской войны, а тем более Отечественной войны. Действия басмачей скорее напоминают действия банд на Украине Махно, Петлюры.

Басмачи преимущественно совершали внезапные стремительные набеги. Но об этом нам придется сказать, ибо вопросы тактики басмачей и трудности борьбы с ними были важными моментами.

История басмачества и предпосылки его возникновения на территории Средней Азии зародилась и получила широкое распространение задолго до революции. Бухара в то время переживала патриархальный быт. Население делилось на многочисленные племена. Во главе каждого племени стоял неограниченный властелин «бек» (глава племени). Беки, пользуясь поддержкой духовенства и полным невежеством темного бухарского дехканства, поднимали на ноги все свое племя и нападали на соседние племена. Разоряли его и уводили весь скот и жен.

Эти горные племена КИТАБА и ШАХРИСЯБА не хотели подчиняться эмиру Бухарскому и часто имели вражду, доходившую до кровопролития. Устраивали восстания, набеги, вырезали эмирских чиновников эмиреков.

Беки претендовали на полную независимость, боролись за свою власть, за власть феодалов, за эксплуататорские верхушки землевладельцев.

Междоусобную борьбу племен одной и той же нации с одной стороны между собой, с другой с феодальной администрацией эмира Бухарского — разжигали те же англичане. Как и всегда они не гнушались и не гнушаются «разжигать жар» и «загреть его чужими руками». Англичане были заинтересованы прибрать в свой львиный зев Туркестан, так же как они прибрали Индию, и всеми средствами оказывали влияние в разжигании межвнутренней национальной борьбы. Английский интерес главным образом заключался в том, чтобы не допустить проникновения России на Восток. Не допустить захвата Россией такой жемчужины с природными богатствами, дармовой рабочей силы, как Туркестан. Но российский царизм несколько опередил происки англичан и военными мерами завоевал Туркестан, превратив его в свою колонию.

Эмир Бухарский, беки, феодалы сумели поладить с царской администрацией и национальная междоусобная

борьба стихла. Стали вместе душить трудовой народ, который то гнул спину и унижался только перед своими феодалами, а теперь трудовой народ стал гнуть спину перед русской буржуазией и чиновничеством. Трудовое дехканство оказалось в безвыходном, в жестокоэксплуататорском унижительном положении, очутилось в двойной кабале.

В царское время басмачи, среди узбеков, туркмен, таджиков — занимались вооруженным разбоем. Басмачами становились обычно люди из кишлячной и городской голодбы коренного населения, доведенного до крайней нищеты и отчаяния, достаточно смелые и преступные с точки зрения прежних законов. Чтобы пойти на вооруженный разбой они грабили и убивали русских богатеев, колонизаторов, чиновников и местных баев, торговцев, за исключением тех, с которыми были связаны родовыми и деловыми связями. Широкие массы населения хотя и относились к ним враждебно все же часто помогали им и их покрывали.

2

Империалистическая война 1914—1917 гг. принесла рабочим и дехканам, в том числе и киргизам колоссальные бедствия в виде голода, безработицы.

Преступная мобилизация царским правительством в 1916 году громадного количества местного населения и городской бедноты на тыловые работы фронта, и кровавое подавление вспыхнувшей на этой почве восстания, усугубили страдания трудящихся. Велика была их ненависть к русскому колонизаторскому правительству и его приспешникам чиновникам, купцам, промышленникам и не только трудового народа, а это недовольство создавалось у господствующего класса и национальной буржуазии.

Империалистическая политика царского правительства была направлена исключительно на удушение народов Востока. Алчность, ненависть, ненасытность русской буржуазии, купцов, чиновников, чувствующих себя хозяевами восточной окраины, создавали атмосферу национальной вражды, национального гнета, шовинизма. Царский режим не допустил народ Туркестана выпутаться из средневековья, довел народ Востока до рабовладельческого строя.

В предреволюционный период 1916—17 гг. царский, жандармовский режим по своей жестокости еще больше усилился. Карательные отряды рыскали по Туркестану,

усмиряли народ, а где надо было убивали и расстреливали десятки тысяч невинных жителей и до того забитый народ еще больше подвергся уничтожению. В этот период басмаческое движение было загнано в подполье и не показывало своей головы до 1918 года.

Национальная политика царского правительства сводилась в конечном счете к тому, чтобы всемирно ограничить экономический и культурный рост угнетенных народностей, держать в полной и экономической, и политической зависимости от господствующей нации. Не разрешалось для местных и киргиз открывать школы, принимать в качестве рабочих на фабрики, заводы, рудники, железную дорогу. Царские опричники, губернаторы, жандармерия творили безнаказанные произволы и за это получали награды. Туркестанскому населению не доверяли оружие.

Характерно одно воспоминание жены бывшего генерала губернатора Туркестанского края Духовской:

«Для подавления восстания в 1916 г. губернатор в специальном поезде отправился в Андижан. Местный народ хлынул навстречу поезду. Народу было тьма тьмущая за несколько верст от города и вплоть до места остановки поезда. Тысячные толпы местных жителей лежали, распластавшись вдоль полотна железной дороги, стуча лбами о землю. Муж прямо прошел в церковь на молебствие, посвященное его приезду.

Наказание было строгим. Состояло оно в том, что сотни дехкан были убиты. Население должно снести несколько кишлаков, а на их месте образовать русское поселение в 200 дворов. Кроме того население должно выплатить контрбукцию в 300 тыс. рублей».

«Никогда в мире,— писал в свое время В. И. Ленин,— не было такого угнетения большинства населения страны, как в России, где национальный гнет был прежде всего одним из остатков феодализма, использовавшегося так же и империализмом. Возможность угнетать и грабить чужие народы, укреплять экономический застой — источник дохода является нередко полуфеодальной эксплуатацией инородца»¹.

И как только началось революционное брожение и цитадель Советской власти докатилась до Туркестана и стала освещать путь к освобождению измученного народа, появились контрреволюционные националистические силы, пытаясь не допустить Советскую власть, разрушить социа-

---

¹ Соч. В. И. Ленина, том 10. стр. 199.

листический мост для отчуждения местного населения от пролетарской революции, имея стратегическую цель оторвать Среднюю Азию от Советской России и восстановить господствующий эксплуататорский класс. А где было искать силу, чтобы решить эту сложную задачу? Такой силой оказалась контрреволюционная масса, она и положила начало басмаческого движения. Вдохновителями басмачества явились английские интервенты, надеясь восполнить промахи, которые были допущены ими при царизме за счет молодой Советской власти. Но как известно, история над англичанами жестоко надсмеялась.

3

Само слово «басмач» происходит от глагола басуу, басып кирүү, что значит — притеснять, насильничать, грабить. А если сказать одним словом басмач — это разбойник. Сами же себя басмачи называли солдатами бека, или джигитами.

Басмачество при Советской власти проявлялось в форме открытого политического бандитизма с религиозной окраской — защита ислама, проповедовавшего объединение народов, исповадавших ислам — с целью затушевывания классовой борьбы под общим названием панисламистского направления.

Религия благословила басмачество на политический, бандитский авантюризм, вручила знамя ислама, которая то утихала, то все шире и шире становилось знаменем национальной борьбы, знаменем борьбы за независимость, борьбы против Советской власти.

Туркестанский край, начиная с 1919 г. под знаменем божественного ислама стал утопать в крови.

В авангарде басмаческого политического авантюризма стояло духовенство, как огромная и довольно авторитетная сила.

«Цементом объединения басмаческих шаяк явился ислам,— писал М. В. Фрунзе Ленину.— Идея панисламизма растет неудержимо. Инициатором всех объединений анти-советских мусульманских сил является несомненно Афганистан».

Наибольший размах басмаческого движения получился в Фергане, Самарканде, Сыр-Дарьинской области, в Бухаре, низовьях Аму-Дарьи, Хиве. Этому размаху немало способствовал экономический кризис — упадок хлопкового хозяйства. Ферганская область в то время была главным

поставщиком хлопка, который так был необходим фабрикам, чтобы хоть как-нибудь одеть население. Этим кризисом воспользовались вдохновители и организаторы басмачества.

Таким образом Родиной басмачества и его осинным гнездом при Советской власти являлась Ферганская область.

Узбекистан, территория Ферганы в далекие времена служили ареной деятельности величайших полководцев Азии. Басмачество, начиная с 1918 г. почти пять лет играло крупную роль в общем плане белогвардейцев и интервентов и представляло одну из главных политических контрреволюционных сил в Средней Азии.

Глава II. КОРНИ БАСМАЧЕСТВА

1

Местная национальная буржуазия нашла свое классовое лицо в хищнической эксплуатации. В период создания так называемого Туркестанского автономного правительства Кокандской автономии (декабрь 1917 г. — февраль 1918 г.) которое должно быть правительством национальным. Министерские портфели были распределены между различного рода буржуазными дельцами, а европейские финансисты субсидировали реакционное национальное правительство десятками миллионов рублей.

Русские офицеры обучали военному делу войска автономного правительства. Трудовое же дехканство и беднота найти свою классовую сущность сразу не смогли. Воспитанные многими годами ненавистью к русским, не изменили свою враждебность к русскому рабочему классу. Несмотря на то, что он был носителем идей власти пролетариата и крестьянства, дехканство сочло за лучшее пойти за своей национальной буржуазией, не понимая того, что само лезло в ее липкую паутину.

Национальная буржуазия росла и крепла наряду с русскими торговцами, ростовщиками и предпринимателями, ловко прикрываясь лозунгами «Национальной независимости и автономии». Местная национальная буржуазия в тесном сотрудничестве с духовенством создали басмачество. Духовенство, впитывая веками религиозный опиум и веря в божество довело население до религиозного фанатизма.

Мусульманское духовенство проповедовало о том, что «Божье наказание превышает всего земного. Надо слушаться своих господ, баев. Так велит бог, а если не будешь слушаться, то тебя покарает жестоко господь! Главная жизнь души там у бога, а не на земле...»

Темный, забытый, неграмотный мусульманский народ верил в проповеди своих священнослужителей, мулл и эта вера укреплялась и передавалась из поколения в поколение.

Жизнь утвердила то, что вера в Аллаха куда сильнее и глубже была развита в сознании местного населения, чем это скажем у русских... Муллы трубили о том, что мол «Советы — это наказание господне, и чтобы скорее спастись от Советской власти нужно идти под знамя Ислама и чем скорее сбросим Советы в пропасть — бог одарит нас вниманием и заботами и хорошей жизнью».

Почву для басмачества разжигали буржуазно-националистические партии в купе с русской буржуазией, эсерами. Не дремала и внутренняя местная контрреволюция. Примазавшиеся к Советской власти враги народа, пролезшие в партийные органы эсеры, меньшевики, националисты заняли высокие руководящие посты, и пользуясь оторванностью от центра революционного движения все направляли не в то русло, как это диктовала диктатура пролетариата, без учета местных национальных условий, а местные работники — националисты требовали для себя особого положения и приоритета. Вследствие чего возникали раздоры и недоверие. На поверхность всплыло двоевластие!..

Многие работники из местной власти под влиянием своей национальной буржуазии изнутри подрывали неокрепшие устои Советской власти. В своей пропаганде они старались использовать ошибки ответственных советских и партийных работников. Ошибок действительно было немало. Дело это, как говорится, было новое, ни разу не испытанное. Усугубляя ошибки, они разжигали среди населения национальную рознь и недоверие к Советской власти.

Кокандская контрреволюционная автономия придала и басмачеству политический контрреволюционный характер. Положило начало массовому вступлению населения в ряды басмачества.

Представители Советской власти в Фергане не сумели и не хотели сплотить вокруг себя население, а наоборот оттолкнули его от себя и вместо того, чтобы национализацию производства частной собственности производить по

законам Советской власти, шел грабеж, тащили кто мог и что мог. Отбирали добро ни только у богатеев, но и за дели средние слои населения.

Бесчинство, всевозможные унижительные надругательства процветали и никем не унимались.

Советские красноармейские отряды и отряды из местного населения вместе с милицией своим антисоветским поведением убивали в народе веру, веру в Советскую власть.

Об этом подробно изложено в приказе войскам Ферганского фронта М. В. Фрунзе, и в его обращении к мусульманскому населению Ферганской области.¹

Народ стал открыто говорить: «Зачем нам такая Советская власть, которая грабит, притесняет бедноту... Не лучше ли искать поддержку от несправедливости Советов в басмачестве, как средство защиты от неверных». И на этой почве ряды басмачества стали расти численно. Росло басмачество при поддержке населения и его симпатии к нему. Басмачество по существу существовало и пополнялось за счет населения, за счет кишлаков.

2

Социальной базой басмачества являлись эксплуататорские мусульманские верхушки, байство, ростовщики, торговцы, деклассированные слои кишлака, аула и чисто трудового населения, пораженное религиозным фанатизмом, обиженное прежней несправедливой властью. Они шли сотнями и тысячами искать защиты у басмачества, вливаясь в басмаческие шайки, придавали им небывалую силу. Являясь пропагандистами, они распространяли идеи национальной автономии и призывали население пополнять ряды басмачества во имя ислама!

Но басмачи были не одиноки. Им лихорадочно помогали белогвардейцы, и надеялись на басмаческую силу, чтобы скорее разделаться с окруженным советским Туркестаном.

Так в Хиву, Бухару и в Фергану были направлены военные массы с целью поднять народы Туркестана против Советской власти.

Колчак просил своих хозяев — англичан открыть кре-

---

¹ Документ № 271, 272. М. В. Фрунзе «На фронтах Гражданской войны». Сборник документов издание 1941 г.

дит на содержание и вооружение ферганского басмачества, на поддержание Кокандской автономии.

Атаман Дутов сулил оказать военную помощь присылкой оружия и казачей воинской части.

Вскоре откликнулись помогать басмачам оружием и боеприпасами Персия, Турция, Афганистан. Особая роль по вдохновлению басмачества отводилась по общему плану эмирату Бухарскому, у которого регулярных войск насчитывалось 16 тысяч и 27 тысяч ополчения. Имелось 55 орудий и большое количество пулеметов.

А в Хиве готовилась и занималась грабежами 10 тысячная конница банды Джинан хана. Даже русские эмигранты удосужились оказать басмачеству помощь в виде денежной помощи. Контрреволюционеры вместе с английскими оккупантами рассчитывали нанести удар по Туркестану концентрически — со всех сторон. Английские войска с Закаспийскими белогвардейцами должны были нанести удар на Ташкент; Дутов на Актюбинск; Анненков на Верный; Басмачи Ферганы при поддержке войск эмирата Бухарского захватывают железнодорожную магистраль и Чарджоу с выходом в Ташкент. А этим временем Осипов должен был поднять восстание в Ташкенте. Мятельники Таласса и Беловодска должны были захватить Пишпекский уезд, имея заслон у станции Арысь.

Наши Туркестанские малочисленные войска были задействованы на трех фронтах, а если взять во внимание, что Туркестан напряженно бьется, оторванный от центра, то нетрудно представить, в какой опасности находилось военное и политическое положение в Туркестане.

Стоял вопрос, продержится ли Советская власть в Туркестане? Вожаки басмачества и его вдохновители учуяли это опасное положение Советской власти, решают открыть 4-й фронт с низложением Советской власти в Ферганской области. Но попытки интервентов удушить Советский Туркестан кончились прахом. Интервенты были изгнаны; контрреволюционные войска белых разбиты; Оренбургские, Закаспийские и Семиреченские — ликвидировались. Остался живучим 4-й Туркестанский Ферганский фронт, на котором лилась кровь до 1924—26 гг.

В 1926 году с ликвидацией основных сил басмачества был упразднен и Туркестанский фронт.

Но чем же объяснить такой долгий срок борьбы, 8 лет?

Чем объяснить, что на место уничтоженных Курбаши (руководителей басмаческих шаек) приходили все новые и новые?

Революция отняла власть, а с ней и все земные блага у эмира и громадной оравы всяких беков, баев, манапов, мулл, минбашей и прочих высокопоставленных богачей, строивших свое благополучие на дехканине — батраке. И, конечно, смириться местная буржуазия с этим не могла. Пользуясь страшной отсталостью и темнотой забитого дехканства, его зависимостью, как духовной так и материальной, буржуазия подняла дехканство против Советской власти. Играла здесь большую роль и та экономическая катастрофа, о которой уже упоминалось. Дело в том, что в последние годы перед революцией Туркестан, в частности Фергана, был превращен в хлопковую базу. Посевы пшеницы и риса были сильно вытеснены хлопком. Гражданская война, отрезавшая Туркестан от центра России, свергла Туркестан в настоящую экономическую катастрофу. Так в 1916 г. было засеяно под хлопок 800 тысяч десятин и предполагалось вывезти 19 миллионов пудов хлопка. Но революционные события вывоз нарушили. Хлопок остался не вывезенным и хлеб взамен не получен. Начался голод.

В 1921 году под хлопок было засеяно 117 тысяч десятин. Все это сильно ударило по единоличному дехканству. Баи и муллы незамедлительно этим воспользовались, получили козырь для своей гнусной пропаганды по борьбе с Советской властью. Они быстро оценили нависшую над ними угрозу потери своего господства, стали на путь массовой вооруженной борьбы против Советской власти и, особенно ясно обозначился этот путь после того, как рухнули надежды на победу белых армий и интервентов.

Используя для борьбы с Советами бедственное положение дехканства, продолжавшегося с 1920—1922 гг., страдания от разрухи, используя некоторые недостатки молодой Советской власти, старую ненависть к русскому колонизаторскому угнетению, играя на религиозном фанатизме племенных и родовых связей эксплуататорским слоям удавалось отдельные моменты в разных местах вовлекать в контрреволюционную борьбу более или менее широкие массы трудового населения, отравленного религиозным опиумом.

Глава III. ТАКТИКА БАСМАЧЕСТВА И ТРУДНОСТИ БОРЬБЫ С НИМ

1

Мы уже говорили, что пути борьбы с басмачеством проходили, как в тактике так и в политике по-разному. Трудности, которые встречались на пути с басмачеством можно ссумировать так:

Поскольку военная сторона этого дела тесно переплеталась с политической стороной, нужно было вести терпеливую работу с тем, чтобы привлечь на свою сторону население, а эта весьма сложная задача проходила с большими трудностями. В один миг, как говорят, ничего сделать было нельзя.

Кишлаки, аулы служили резервом для басмач-шаек, активно поддерживали басмачей, а кто стоял против, те подвергались репрессиям.

Легко можно упустить различие между басмачем и мирным дехканином, трудно подметить где басмач, а где мирный дехканин. Знаков различия никаких, формы тоже не было. Басмачи свободно шныряли среди и вокруг наших частей, поэтому осведомленность о частях Красной Армии и о намерении ее боевых действиях у басмачей была поразительной.

У басмачей не было ни фронта, ни тыла, ни резервов в том виде, как мы эти элементы привыкли понимать.

Преимущество в басмач-шайках — это их подвижность, маневренность, лошадей имели хороших. Они быстро скрывались и неожиданно появлялись.

Численность шаек на разных этапах была различна, но в большинстве своем, сохраняя подвижность и неуязвимость численность джигитов была от 50 до 200 человек. Эти шайки делали в сутки пробег по 100 и более километров.

Разведка басмачей под видом мирных жителей прочно привязывалась к нашим частям и была в курсе всей обстановки.

У них была и прекрасно поставлена агентурная разведка, связь, при помощи испытанного метода через «Узун кулак», что значит в переводе — длинные уши.

Если говорить военным термином, что разведка — это глаза, уши армии, у басмачей эти глаза и уши работали превосходно. Их разведка доставляла нам немало хлопот и военных разочарований, а если учесть незнание мест-

ности, влияние климата, отсутствие карт, незнание языка, отсутствие радио и телефона это тоже в известной мере усугубляли наше положение.

По первости, когда только началась борьба с басмачеством, создаваемые отряды гонялись за басмачами, иногда сами попадали под удар — больше всего причиняли вред населению.

Стали думать о создании больших отрядов, хорошо вооруженных, которые могли бы окружить басмаческие районы и басмачей брать силой. Эта попытка не увенчалась успехом. Басмач-шайки воспряли духом, поднялся их авторитет среди местного населения. Были успехи, но понесенные жертвы и лишения войск, участвовавших в разгроме басмачества — не окупились.

Стал вопрос, а можно ли вообще ликвидировать басмачей вооруженной силой — винтовками, пулеметами, пушками, гранатами. И, как показал полуторалетний опыт 1919—1920 гг. — оказывается нельзя.

Частей Красной Армии для борьбы с басмачеством в те тяжелые годы в 1919—1921 гг. было крайне недостаточно. Все они были задействованы на других фронтах Туркестана. Борьба будет успешной или затяжной в том случае, если будет постоянное общение с населением, знание его настроения, отношение кишлака к Советской власти, и если будет привлечено население на сторону новой Советской власти и оно поймет, что Советская власть защищает угнетенных батраков бедняков и не терпит баев, купцов, помещиков и всех паразитов, которые живут за счет эксплуатации, тогда и отпадет нужда бороться с басмачеством.

Главная наша политика не захватническая, а освободительная. Это политически дальновидная национальная политика и вытекающие из нее задачи, поставленные войскам Туркестанского фронта М. В. Фрунзе была ключевой и главной задачей по борьбе и ликвидации басмачества.

2

В своем приказе от 1920 г. Фрунзе, давая напутствие войскам обратился со словами:

«Наши трудности не в военном преодолении врага, это для нас не очень трудно, трудность в том, чтобы все многомиллионное мирное трудовое мусульманское население поняло, что басмачество и есть враг его, что борьба с ним священная задача и опора трудового народа. Басмачест-

во — это не простой разбойник, если бы это было так, то понятно — с ними давно было бы покончено. Нет. Главную силу басмачество составляют сотни и тысячи обиженных, задетых Советской властью. Задача не так проста, как может показаться с первого взгляда. И выполнение этой задачи ждет от вас социалистическое Отечество. Требую, чтобы не слезы и горе, а радость и благородство оставляли вы за собой, проходя селения и кишлаки Ферганы. Чтобы Вами оказывалась всяческая помощь и содействие трудовому населению области без различия национальности. Только таким путем мы дадим понять мусульманской бедноте, что Красная Армия не враг, а опора и защитник ее».¹

Нельзя не сказать и о таком факте, как о тактике и методе действий басмачей. Басмачи придумали всё не так уж плохо. Разделив территорию Ферганы, в том числе и бывший Ошский уезд на сферу влияния между курбашами, придерживаясь родового племени. Каждая шайка подчинялась только своему курбаши. Главарь шайки обладал максимальной самостоятельностью. Слепое повиновение, воспитанное веками на шириате, веру в Аллаха, придавали шайке дисциплину и преданность. Неисполнение приказа старшего квалифицировалось как высшее преступление.

Рядовые басмачи в основной своей массе были батраки, середняки. Нанимались в шайки по родовому признаку. Комплектование шаек по районам производилось главным образом байством и работниками веры в знамя Ислама.

Вооружены шайки были пулеметами, винтовками и холодным оружием. Курбаши был вооружен маузером. Оружие советское и английское, артиллерии у басмачей не было. Питались за счет населения, продукты закупали, а в большинстве своем реквизируют. В свое время было введено обучение джигитов, обучались платными инструкторами, но это обучение не было системным.

Шайки черпали и пополнялись новым контингентом за счет лояльного к ним населения. Одно время было введено так называемое воинское звание — десятник, сотник, пятисотник (полковник).

Тактика басмачей обычная, восточных народов — внезапные и стремительные набеги.

Оборонительных боев басмачи почти не вели, а лишь

---

¹ М. В. Фрунзе. «На фронтах Гражданской войны», стр. 308.

учиняли задержки нашим подразделениям, заманивали их в кишлаки, а там заранее ждала подготовленная засада (ловушка). Скрываясь за земляными дувалами устраивали внезапные нападения. Этот маневр сам по себе интересный и был любимым и постоянным у басмачей. Начинали этот маневр издалека.

Иногда басмачи брали наши части на истощение, изматывали их. Пользуясь отличным знанием местности заманивали на несколько десятков километров и окончательно выматыв наши преследуемые подразделения сами обрушивались на них.

Большие действия басмачей, основаны на их хитрости. Элементом хитрости, который впрочем так нужен военному человеку, многие джигиты владели им отлично.

Басмачи боялись нашего меткого огня и не боялись залпового огня, зная о том, что залповый огонь применяется не столько на подавление и меткость, сколько воздействует на испуг. Про залповый огонь пленные басмачи с усмешкой говорили: «Вся враз стреляла, ни одна не попала». Басмачей пугала пулеметная стрельба при хорошем его наводчике.

Там, где шайку и не ожидали, легкие, подвижные, быстрые в своих маневрах басмаческие отряды держали в трепете население всего Туркестана. Захватив какой-либо район, истребляли советских работников, грабили и быстро исчезали, и казалось, они были неуловимыми. Похожие из кинофильма «на красных дьяволят» нападали на мелкие красногвардейские отряды и отступали перед крупными частями. Уходили в горы, в недостигаемые места. Днем отсиживались, а ночью обычно перед рассветом, устраивали набеги.

Общими целями для всех басмаческих шайек являлись:

- Срыв советской и продовольственной работы;
- Уничтожение промышленных объектов, в том числе дорог, мостов;
- Эффективное вредительство с грабежом и разбоем;
- Запугивание населения, с моральным насилием над ним, втягивание его в борьбу против Советской власти;
- Уничтожение отдельных мелких красноармейских частей;
- Истребление партийных советских работников и активистов.

Басмачи по нравам и моральному облику были распущены в своей жестокости и мести, а по своим действиям — тиранству и жестокостью не уступали гестаповцам

бывшей гитлеровской Германии, в том числе махновцам и петлюровщине.

Взятых в плен наших красноармейцев, басмачи чаще всего запугивали, а у комсостава, членов партии вырезали уши, языки, выкалывали глаза, сжигали заживо. Оставленных в плену держали в ямах без пищи и воды и очень редко отпускали красноармейцев к своим частям.

Вот что я узнал из дневника военного комиссара Киргизского дивизиона Г. Юлдашева:

«В 1919 г. в селе Таш-Курган, Янги-Курганской области басмач-шайка Амана-Палвана захватила в плен работников продовольственного отряда и милиционера Увесова, Мирабидова, Умарова и родных братьев Мурадовых. У всех отрезали поочередно уши, и у связанных изощрались резать кусочками носы, языки, вырезали половые органы, бросили на костер и сожгли, а их жен и дочерей изнасиловали. Эта банда совершила немало надругательства и над женщинами активистками».

Другой пример:

Видный участник ферганского басмачества киргиз, уроженец Узгенской волости Джаныбек Козы (к этой личности мы еще вернемся). В одном из кишлаков его волости, где он родился — не принесли ему ковров под ноги, не угостили пловом, не предоставили женщину, которую он выбрал, короче, дехкане приняли его не дружелюбно. Старик рассвирепел, объявил террор своему племени багыз. Ловит двух мальчиков и одну девочку от 10 до 15 лет и в пустующем кишлаке живыми их сжигает на костре, а их родителей за то, что они стали роптать, приказал разрезать на куски и эти куски разбросать по кишлакам.

Или вот еще довольно разительный пример:

Многим женщинам — сортянкам, замеченным без покрывал грозила расправа. М. В. Фрунзе в разговоре с представителем басмаческого движения Мадомин беком услышал от него такое заявление — «Если бы я увидел где-нибудь в Фергане (в Скобелеве) сортянку без покрывала я бы тут же убил ее». Подобно суровой каре подвергались многие женщины во время разгула басмачества. Теперь это далеко осталось позади, заросло бурьяном и паранжа не вернется никогда.

В жизни басмачества имели место и такие моменты, как острая грызня между курбашами. Они способны продать один другого, не отказываясь за это от денег.

Часто закидывали нужных им агентов в распоряжение Красной Армии и советского аппарата. Соглашались на

мирные переговоры и больше не участвовали в басмаческом движении, а иные переходили на сторону Советской власти с целью отдохнуть, пополниться, произвести перегруппировку своих сил... Хорошо вооружиться контрабандным путем, или с так называемой, иностранной помощью.

Но были и такие, переходя на сторону Советской власти, мечтали при этой власти грабить, жить на шее трудящихся, не работать, а вести привольную жизнь, а когда они испытали строгие законы Советской власти, они им пришлось не по вкусу. Они тут же изменяли своей клятве и вновь уходили в ряды басмачества. Некоторые из них сдавались по два раза, и верно гласит пословица «Сколько волка не корми, а он все равно в лес смотрит».

Среди курбашей не было единства. Особенно после разгрома войск эмира Бухарского. Все они льстились быть властителями и стремились быть как можно богаче. Подтвердим сказанное несколькими примерами:

Май 1920 г. главарь басмачества в Ферганской долине Мадамин бек — бывший начальник милиции г. Скобелева впоследствии командовал мусульманской армией, подписал в г. Скобелеве (ныне г. Андижан) соглашение о переходе всех басмаческих отрядов на сторону Советской власти и сам поехал уговаривать влиятельного курбаши Кёр Ширмата, с тем, чтобы его войска перешли на сторону Советов. Кёр Ширмат для отвода глаз вроде бы и согласился, а потом напал на нашу малочисленную воинскую часть, увел в плен вместе с красноармейцами и Мадамин бека, а вскоре за измену исламу у Мадамин бека была отрезана голова.

Мадамин бек оказался благородней всех главарей басмачества. М. В. Фрунзе сумел его склонить на свою сторону, хотя он был обнажен в своих действиях помощью извне.

При допросе в марте 1920 г. Мадамин бек показал: «От русского консула в Кашгаре я получил известие, что Англия, Дутов, Юденич, и Колчак в случае недостатка у меня оружия, денег — будет снабжать меня всем этим».

Или вот такой момент:

Кёр Ширмат всеми мерами стремился вернуть к себе бывшего курбаши Хамдам-Ходжу, служившего в Красной Армии на должности командира кавполка. Но Хамдам-Ходжа не изменил верности данной ему присяге. Отказался от предложения Кёр Ширмата за что дерзки был убит.

Конный отряд киргиз кавдивизиона окружил шайку Аман-Палвана в районе Уч-Курган, Кызыл-Арвате, разбил ее, шайка рассеялась, сам же курбаши Аман получил ранение в плечо и левую руку, но ему удалось скрыться. И как не враждовал он с курбаши братьями Аман-беком и Якку-беком — пришел к ним. Братья приняли Палвана, но давно точили на него зуб, намеревались словить и убить за то, что он в каком-то бою отказался им помочь. Братья написали записку в отряд о том, что Палван находится у них и просили чтобы их вознаградили и простили их за участие в басмачестве, если они доставят Палвана. Согласие такое было дано.

Грозный курбаш, орудовавший в Южной Киргизии Аман-Палван, бывший мираб — сидел на худом коне, руки его и ноги, отпущенные через живот лошади были завязаны. Палван был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение публично.

Братья курбаши Ахмат бек и Якку бек со 150-ю всадниками джигитами сдались. Джигиты были распущены по кишлакам, братья же мягко были наказаны.

Участник боев с басмачами в Фергане и Южной Киргизии Я. Д. Чанышев, бывший комиссар 1-й Татарской бригады, член партии с 1917 года, ныне генерал-лейтенант в отставке рассказал любопытную историю о своей встрече с крупнейшим атаманом басмач-шайки Хал-Ходжа.

Якуб Джангирович, будучи комиссаром бригады, почти четыре года, начиная с 1919 г. имел дело с басмачами. «И вот однажды, — рассказывает Чернышев, — мы получили извещение о том, что атаман (курбаши) Хал-Ходжа ищет встречу с представителями Военного Совета». Но басмачи вели игру с Советской властью довольно хитро. Могут заманить в свое логово и продиктовать выгодные им условия. Мало этого, запросто можно лишиться жизни, как это и бывало в практике. За своей спиной басмачи имели разведчиков империалистических стран, которые подстрекали банды к диверсиям, разбоям, грабежам, держали население напряженно, порой парализовывали работу Советской власти.

Обстоятельства однако требовали использования малейшей возможности с тем, чтобы скорее покончить с эти-

ми бандами, избежать ненужного кровопролития. Командование наших войск стремилось вступить в переговоры. А может быть и здесь будет удача. Решено было к Хал-Ходжа направить военкома бригады Чанышева.

Небольшой отряд миновал басмаческое охранение и был в Араван-кишлак. Жители кишлака и сами басмачи с удивлением смотрели на группу красноармейцев, появившихся в крупном басмаческом логове.

У двора атамана красные конники спешили, любопытно разглядывая роскошь, убранство двора и охрану гарема. Навстречу Чанышеву шел здоровенный детина, подпоясанный серебрянным поясом с драгоценными камнями, с висячим маузером, а по бокам его стояла охрана.

— Ассалам алекум, Хал-Ходжа-Ока, — приветствовал его Чанышев.

— Зачем пожаловал комиссар?

— Если мы не по душе хозяину, сейчас же уедем.

— О какой комиссар обидчивый, нельзя так, шутки надо понимать, — улыбнулся Хал-Ходжа.

Хал-Ходжа поклонился, пригласил Чанышева сесть, указав место для почетных гостей. Приподнесли пиалу бузы в ожидании подачи плова.

Над плоскими крышами Араван-кишлака солнце клонилось к закату, а беседа все еще продолжалась.

— Как большевики свои отношения будут строить с мусульманским народом, с Афганистаном, Турцией, Ираном? — интересовался Хал-Ходжа.

— Большевики за независимость народа, за равноправие и самоопределение наций в вероисповедании... Мы не убиваем верующих, не трогаем Ваши мечети, а с соседними странами хотим жить мирно.

Советники Хал-Ходжи переглянулись. Чанышев встал, вынул из планшетки послание В. М. Фрунзе.

— О! От самого Фрунзе! — воскликнул Хал-Ходжа. — Народ его любит, и я его уважаю за его ум и политику.

Чанышев предложил:

— Прекратите ненужное кровопролитие, признайте Советскую власть, пора перейти на мирную жизнь.

— А что с нами будете делать? — полюбопытствовал атаман.

— Советская власть — справедливая власть, может наказывать, но может и простить.

— Мы подумаем, — ответил Хал-Ходжа.

— Думать нечего. Советская власть шутить не любит, если не согласны, будем драться. Победа будет за нами,

но не за Вами. Одумайтесь, Хал-Ходжа-Ока, пока не поздно! Советская власть гуманна — первый раз она Вас приняла, оказала доверие, а Вы ей взяли да и изменили, но она верит, что второй раз не измените!

— Видно комиссар ты прошел не плохую школу с Фрунзе; ехал к нам и не боялся, — Хал-Ходжа похлопал по плечу Чанышева и предложил прогуляться. Сам хозяин устроил совет со своими помощниками. И только через 2—3 часа закончился совет. Хал-Ходжа вышел во двор и официально объявил Чанышеву, что отряд его более чем тысяча человек сдаст оружие Советской власти. Сам он с повинной явится к самому Фрунзе.

Вот так мирным путем была обезврежена еще одна крупная басмач-шайка.

Шайка Хал-Ходжи один раз уже капитулировала. Из этой шайки была сформирована регулярная часть, но эта часть не оправдала доверия, стала терроризировать население. М. В. Фрунзе решил ее разоружить. Однако Хал-Ходжа с частью шайки сбежал и присоединился к Кёр Ширмату и вместе с ним продолжал разбой.

Практика по привлечению сдавшихся басмачей служить верой и правдой в Красной Армии не оправдала надежды М. В. Фрунзе. Тот же Хал-Ходжа после разоружения его отряда второй раз обманным путем ушел. Вновь набрал банду. Но вскоре, в снежных горах был окружен и разбит в районе Кара-Кульджа.

Зверство, предательство внутри басмачества, предательское заигрывание с Советской властью; массовые преступления, связанные с убийством, погромами, грабежами, насилием над безоружными дехканами, все это отмечалось чуть ли не каждый день. И нет ни одной басмач-шайки, за плечами которых не числились бы преступления перед народом, перед Советской властью. Это такие же изменники Родины, своего трудового народа, как власовцы в ВОВ, полицаи, предатели, которых и до сего времени вылавливают и всенародно сурово судят.

Фрунзе учитывал, что для защиты Туркестана необходимо было иметь в достатке военных средств, а их в 1918—1921 гг. явно не хватало.

Против 100-й контрреволюционной армии эмира Бухарского, Кёр Ширмата, кулацко-крестьянской армии и других вражеских сил — Фрунзе мог выставить 40 батальонов, не более 10 тысяч бойцов при 40 орудий и другой незначительной военной техникой, а требовалось красных войск — 140 батальонов.

Не трудно представить какой надо было иметь полководческий и политический ум, чтобы малыми силами победить стотысячную вражескую армию, численное превосходство которой превышало силы Туркестанской Красной Армии — десятикратно.

Основные вооруженные силы Красной Армии Туркестана были поставлены и сосредоточены на важных операционных направлениях.

5

Первая и вторая Туркестанские стрелковые дивизии в Фергане, Бухаре. Там же 7-я и 8-я кавбригады и несколько отдельных воинских частей.

В бывшем Семиречье дислоцировалась 3-я Туркестанская стрелковая дивизия.

Укрепляя Туркестанскую Красную Армию советский аппарат укрепил организационные партийные организации Туркестана.

Борьба парторганизации против басмачества протекала весьма сложно и трудно. Сложность заключалась в подборе руководителей парторганизаций; в аулах, кишлаках, поселках членов партии насчитывалось единицы. Лезли в партию чуждые элементы. Ведение политической агитации и пропаганды среди населения наталкивалось на свирепое сопротивление басмачества и их пособников — байства и духовенства, под влиянием которого находилась темная, забитая фанатичная масса.

А, что это было так, можно привести пример:

В одном из районов Южной Киргизии шли выборы в Совет рабочих дехканских и простых солдат, и когда на собрании стал вопрос о выдвижении кандидата, выборщики выдвинули в депутаты людей из богатой среды, и сколько бы пропагандисты не старались убедить присутствующих, что выдвинутые кандидаты не могут заменить батраков выборщики кричали: «Мулла, бай — посланы Аллахом, они наши спасители, веками им подчинялись и будем подчиняться, голосуем только за них!»

Они убивали коммунистов и комсомольцев из-за угла, или зверски с ними расправлялись, коварно заманивая их в ловушку.

В Ошском уезде партийная организация создавалась в условиях полного разгула басмачества и вести политическую работу среди населения можно было при наличии вооруженных сил, а ими являлись добровольческие отря-

ды из местного населения и русских, которые вместе с частями Красной Армии шли в бой с басмачами, попутно укрепляя Советскую власть в уезде. Но запугать коммунистов было трудно. Они оставались на своих местах и продолжали выполнять поручения партии.

Решающую роль в разгроме басмачества и других контрреволюционных преобразований сыграло проведение в жизнь ленинской национальной политики.

Туркестанская особая комиссия во главе с В. М. Фрунзе провела огромную работу.

Фрунзе любил Туркестан. Свою Родину. Освободительный поход в Туркестан давно был его заветной мечтой и план созрел почти во всех его деталях — признался он Куйбышеву и близким ему людям. Этот путь, говорил Фрунзе, не столько военный сколько политический. Разрешение национального вопроса имеет первостепенное значение.

С приездом В. М. Фрунзе в Туркестан, август 1919 г., борьба с басмачеством пошла более организованно, особенно интенсивность этой борьбы усилилась после ликвидации Актюбинского, Закаспийского и Семиреченского фронтов. Эти мероприятия по привлечению в органы Советской власти и в отряды Красной Армии местного населения, снизили страх масс перед главарями басмачества. Страх начал быстро рассеиваться.

Но военно-политическая обстановка продолжала оставаться беспокойной, несмотря на взятие Красноводска и разгрома белоказацких войск Дутова, Анненкова и Бакича.

Изучая тактику и повадки действия басмачей, М. В. Фрунзе выработал специальный план борьбы с басмачеством, придавая этой борьбе особое значение. Была создана система гарнизона в тех местах, где было наиболее развито басмачество.

Глава IV. ЮЖНАЯ КИРГИЗИЯ В КОЛЬЦЕ БАСМАЧЕСТВА

1

В 1918—1920 гг. в Фергане и на юге теперешней Киргизии набралось немало басмаческих шаяк. В одном только Джалал-Абадском районе рыскали десятки шаяк, численностью каждая более ста человек.

Руководителем басмачества в период 1918 года ока-

залея Иргаш — бывший командующий войсками Кокандской автономии. Иргаш собрал вокруг себя значительное количество басмач-шаек во главе таких отпетых бандитов, ранее судимых, отбывших наказание на каторге, как Макхам-Ходжа, Хал-Ходжа и др.

Шайки терроризировали население и нагоняли страх под силой оружия. Принуждали дехкан вступать в ряды басмачества.

В то время на территории Ферганы и Ошского уезда частей Красной Армии было мало, она еще только создавалась. Подразделения были разбросаны по наиболее крупным пунктам, и насчитывалось Красной Армии всего не больше полка.

Здесь большую поддержку Красной Армии в борьбе с басмачеством оказывали добровольческие отряды из местного и русского населения. Но те, которые из этих отрядов не оправдали своего назначения. Они притесняли население, стремились к наживе, как впрочем к этому стремились все басмач-шайки. Это не могло не повлиять на антисоветскую пропаганду.

Борьба протекала не организовано и не эффективно. Над вопросом проведения политической работы среди населения не задумывались.

Басмачество росло численно и своим влиянием в какой-то степени спровоцировало кулацкий мятеж, поднятый в августе 1918 г. в Дмитриевском (Таласе).

Басмаческое движение охватило районы Оша, Джалал-Абада, Узгена, Намангана, Базар-Курганский участок и Алай. Здесь басмачи вольготно хозяйничали, комплектовались, набирали ударную силу. И рост этих контрреволюционных сил продолжался.

Мощный разгул басмачества пресекать было некому. Сил под руками не было. Опасными врагами у населения Южной Киргизии стали: мусульманская армия Мадамин бека — закоренелого главаря, полковника колчаковской власти; кулацкая армия провокатора Манстрова.

Общая численность этих армий достигала более 12 тысяч при наличии десятков станковых и ручных пулеметов.

Мадамин бек и Манстров развернули активную пропаганду, призывали население поддержать свою родную мусульманскую армию, не воевать и против крестьянской армии. Создали военный контрреволюционный Совет. Обстановка становилась крайне тяжелая. Южная Киргизия оказалась в басмаческом кольце.

Басмачам удалось на время изолировать Южную Кир-

гизию. Они захватили города Ош и Джалал-Абад, распространив свое влияние на пограничный участок, надеясь получить иностранную помощь, а в случае неудачи военных действий против Советской власти спокойно уйти за кордон.

Оккупацию городов Ош и Джалал-Абад басмачам удалось произвести без особого сопротивления и кровопролития. Не малую роль в этом сыграло предательство и провокация местных властей. Ошское критическое положение оказалось непродолжительным. Но оно в истории Южной Киргизии занимает одну из замечательных страниц наиболее напряженной борьбы. Басмачи радовались своим успехам и строили далеко идущие планы, радовались этому и за кардоном.

Горстка коммунистов и активистов под страхом смерти пробирались в тыл басмаческой и крестьянской армии. Вели там пропаганду о прекращении братоубийственной войны, убеждали, что правители Мадамин бек и Манстров враги и предатели трудового народа, и только Советская власть — подлинно народная, и только она защищает интересы трудового народа, и ради них борется с мадамин беками и манстровыми, и другими предателями.

Обманутые крестьяне поняли куда их втянули, многие повинные в заблуждении стали задумываться: «Не пора ли прекратить бандитскую жизнь?».

Во второй половине сентября 1919 года при помощи Казанского полка и интернационального отряда, прибывшего из Ташкента, после двух дневных упорных боев, враг оставил г. Ош, а через несколько дней и г. Джалал-Абад. Понес большие потери, в панике бежав к границе, соединившись с изменниками Памирских отрядов.

Главарь усилили антисоветскую пропаганду и продолжали накапливать боевые силы и вооружаться через Афганистан. К ним стали примыкать и часть бывших басмачей.

2

Надо сказать, что город Ош не имел промышленности. Преобладало кустарничество. Город глинобитный с узенькими улочками. Дома глиняные с толстыми стенами, обращенными фасадом во внутрь дворами. Высокие глинобитные стены, арыки, тупики, дворы закрыты наглухо, попасть в них было трудно. Но зато тянула сюда священная Су-

лейман гора. Здесь басмачи давали клятву бороться с большевиками.

Автор этих строк бывал в древнем городе Ош в конце 1926 г., лазил на гору Сулейман. Крутые каменные тропинки ведут к хребтам, отпалированные бесчисленными ногами больных. Здесь же видны какие-то углубления. Под большой плитой, увенчаной конским хвостом, с обрывками разноцветных матерчатых лент хранится прах Святого пророка. Люди здесь ищут исцеления от бесплодия, от ревматизма и других болезней. Чтобы избавиться, к примеру, от бесплодия — женщина должна лечь животом в определенное углубление. А чтобы вылечиться от паралича нужно было прокатиться на спине по гладкой поверхности широкого камня. Сюда шло мусульманство со всего Туркестанского края, смешно было смотреть как старик или старушка катаются по камню со своими застарелыми недугами.

Спустя более 45 лет нам вновь пришлось побывать в этих местах, лазить на эту же гору, поездить по области. Но мы уже не видели, чтобы кто-нибудь катался по камням Сулейман горы. Город стал неузнаваемый. Во время нашего последнего посещения города Ош, мы встретили туристов из Чили. И, ради любопытства спросили:

— Есть ли у Вас такой город?

Ответ последовал такой:

— Мы как дома. Все схоже с нашим. Растут люди, растет город! У нас такие же тополя, горы и много солнца. Мы любим песни и здесь любят песни, — и неожиданно кто-то крикнул из чилийцев. — Давай «Катюшу»!

А потом спели и «Калинку».

— Мелодии этих песен у нас в последние годы, — пояснил чилиец, — стали популярными.

Ошская область богата горнодобывающей промышленностью, развито хлопководство и животноводство, много запасов угля, вырабатывается шелк. А какой в здешних местах выращивают ароматный табак. Просторы пастбищ. Теперь легко добраться до районных центров и городов области. А раньше выручала киргизская лошадка и ишак. На виду у всех труды киргизского народа! Труды партии!

Местные ревкомы активной пропагандой или своим участием всемерно помогали РВС Ферганского фронта, чтобы его призывы к басмачеству — вернуться к мирному труду, воплотились скорее в жизнь.

Вот эти призывы РВС фронта, одобренные М. В. Фрунзе:

— Никто из пришедших добровольцев, как джигитов рядовых, так и курбашей не будет расстрелян;

— Перебежчикам будут выданы удостоверения на право проживания в своих кишлаках;

— За принесенное с собой оружие, перебежчики получают вознаграждение;

— Лошади, принадлежащие перебежчикам будут оставлены им;

— Все басмачи, находящиеся в шайках до 1 сентября 1920 года — амнистируются, а басмачи, оставшиеся по январь 1921 года должны зарегистрироваться. Явившиеся освобождаются от каких-либо преследований и получают на руки соответствующие документы.

Басмачество робко приняло эти призывы. Но отдельные шайки сдавались. Потом снова возвращались к басмачеству, а некоторые перешли к мирному труду и не поднимали руки против Советской власти.

Капитуляция басмач-шаек усилилась к весне 1920 года благодаря успехам работы советских и партийных органов, успехам Красной Армии.

1920 г. хотя и был годом больших поражений основных басмаческих сил и басмаческое движение резко пошло на снижение, но полностью не снизил их дальнейшую активность. Басмаческая армия расплылась на многочисленные шайки и каждая из них продолжала бороться с Советской властью. Бороться ради наживы, обогащения.

Армия Манстрова разошлась по домам. Мадамин бек капитулировал. Сам Манстров был пойман. В горах был пойман и Иргаш. Оба они были расстреляны.

Бегство эмира в Афганистан лишило Среднюю Азию единства в руководстве. В 1921 году басмаческое движение распалось на три очага — Восточная Бухара, Фергана и Хорезм.

В Фергане в 1921 г. вновь произошло некоторое объединение басмач-шаек. При поддержке Красной Армии и народных масс Бухары и Хивы были свергнуты эмир Бухарский и хан Хивинский. Образовались Бухарская и Хивинская Республики.

Советская власть стала народной, понятной, близкой и родной.

Трудовая часть, которая раньше их поддерживала, отошла от басмачей. На борьбу с басмачеством поднялись массы.

К концу 1921 г. в Бухару пробрался бывший военный министр Турции Н. В. Паша. Он имел попытку возродить басмачество в широком масштабе, придав ему политическую религиозную окраску защиты Ислама, борьбы за Му-

сульманское государство в составе Туркестана, Синдзяня и Ирана.

Красная Армия с ним быстро покончила — он был убит. Армия его была разбита, часть пленена, некоторые главаря шаек бежали в Афганистан и Иран. Но корни Энвера глубоко осели в головах байства и духовенства. Дехканство, одураченное религией — верило своим поработителям. Беспрекословно исполняло требование своих баев и шло в шайки, ведя борьбу с Красной Армией.

Инспирируемые иностранной разведкой они еще не раз пытались совершать диверсии на советской территории в 1929—1930 гг. Но об этом расскажем позднее.

Недобитые басмаческие корни развивались, накапливали свои силы и с помощью агентов, басмачи получали в достатке оружия, боеприпасы. Спустились с Алайских гор, приступили с новыми силами оживлять свои действия в Фергане и Южной Киргизии.

Опасность для населения надвигалась с быстротой. На сей раз бой вел окрещенный в главнокомандующего мусульманской армии видный руководитель басмаческого движения Кёр Шермат. На его зеленом знамени было написано: «Нет Бога кроме Бога, а Магамет его пророк». Его лозунг: «Борьба за Ислам».

Большую помощь в собирании этих новых сил оказывало тоже духовенство и буржуазные националисты.

Здесь будет уместно сказать об одном случае, который произошел с комбригом 3-й бригады Я. А. Мелькумовым.

«Мне,— рассказывает Яков Аркадьевич в своей книге «Туркестанцы», вышедшей в 1960 г.,— долго пришлось гоняться за Кёр Шерматом, это была хитрая и очень опасная фигура. Неуловим. Профессиональный разбойник. Даром, что имел один глаз — видел кривой Шермат далеко. Скрылся бестия. Ищу один месяц, другой, а гнезда найти не могу. Коней замучил и людей, а кривого не найду». Подъехал арабакеч (возчик) в рваном халате, кругом в лохмотьях, в стоптанных ичигах, и потребовал, чтобы его впустили к Якуб-Тюре (начальнику Якову), возчик настоял на своем, его впустили к Мелькумову и он ему рассказал, где банда Кёр Шермата стягивает свои силы. Возчик предложил свои услуги, довести кавалеристов до стоянки банды. Он попросил, чтобы дали ему винтовку и он вместе с красноармейцами пойдет в бой. Возчик действительно привел отряд к Кёр Шермату. Бой длился несколько часов. Банда рассеялась с большими для нее потерями. Сам Кёр Шермат скрылся.

Кто же был этот возчик? Им оказался председатель ЦК Узбекистана Ахун Бабаев.

Требовалась ликвидация более воинственных басмач-шаек во главе таких курбашей, как Кёр Шермат, Парпи бек, Муэддин, Рахманкул, Хал-Ходжа. А всего шаек насчитывалось более 100, с общей численностью от 4 до 6 тысяч.

С этими непримиримыми врагами для народа Южной Киргизии понадобилось более 5-ти лет упорной борьбы.

Трудная пятилетняя борьба народа Южной Киргизии с басмачеством не имела бы блестящих страниц истории, если бы забитые неграмотные массы не нашли пути сближения с Красной Армией. Если бы не разобрались, что им сулит Советская власть и какое ее отличие от царской власти.

Если бы раньше киргизский народ присмотрелся к своей родной Советской власти, то очевидно гораздо раньше было бы ликвидировано басмачество.

Ислам был всему виной! А самое страшное мучение киргизского народа выражалось в слепом преклонении перед баями, чиновниками, русскими.

Однажды после боя с басмаческой шайкой Киргизский кавдивизион под командованием С. Кучукова остановился для большого привала. К бойцам подошел старик с изможденным лицом, одетый в лохматя. Бойцы его спросили:

— Кто обидел и почему такой худой?

Старик тяжело вздохнул, кинул щепотку насыбая (разновидность табака) в рот, заложил его за нижнюю губу, протер костлявыми загоревшими руками свои больные глаза, стал рассказывать как тяжело жилось под властью бая, чиновников. Чиновник или бай мог избить, если даже не так посмотришь и не так низко ему поклонись.

— Я вот всю свою жизнь,— продолжал рассказывать старик,— простоял на коленях перед чиновниками и баями, а сколько тысяч сделал земных поклонов — от того и скорчился. Да не один я такой, стояла на коленях вся голытьба, батраки. Работать заставляли от зари до зари. Гнули спину на богатеев и русских. Сколько вот эти мои руки побросали текменем земли. Страдание моего народа было великое мучение. Слава Аллаху, что вы, мои родные, не застали этого бесправия. Теперь все равны, узбек, таджик, киргиз, туркмен, русский. Чиновников и баев нет. Из одного котла плов кушаем. Мое — твое... Все сейчас мое — твое... Аксакал Ленин принес нам освобождение. Но спокойно не дают жить басмачи, дехкан грабят. Воду, скот, жен отбирают, когда это кончится?

Старик от негодования заплакал. Его Кызыл Аскеры стали успокаивать и пообещали, что с врагами народа — с басмачеством Красная Армия рассчитается сполна.

— Дай Вам бог, дорогие Вы мои воины! — вытирая слезы старик по привычке стал на колени и до земли поклонился. Его тут-же подняли:

— Не надо, не надо, аксакал, этого делать...

В борьбе и победе киргизский народ не забудет о главной помощи, оказанной ему в те тяжелые годы проведение полевых операций Красной Армией Туркестана с басмачеством под руководством М. В. Фрунзе.

Красная Армия взаимодействуя с добровольческими отрядами киргизской бедноты, отрядами милиции, оперативными отрядами ОГПУ — со всеми местными партийными, комсомольскими организациями, Союзом Кошчи, при содействии и сочувствии трудового народа покончили с басмачеством.

Победа вылилась в интернациональную единую боевую дружбу русских, узбеков, киргиз и др. национальностей Туркестана. Вот откуда забурлила единая многонациональная дружная семья. Вот откуда начало превращения в жизнь ленинской национальной политики, которую прочно заложили в Туркестане М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев и другие видные большевики-ленинцы Туркестана.

Кроме военной помощи была оказана со стороны Советского правительства и экономическая помощь. В частности были отпущены большие средства на орошение полей Киргизии.

По инициативе М. В. Фрунзе было принято специальное решение об установлении для рабочих, занятых на подземной работе особого продовольственного пайка.

В районе Науката, Кызыл-Кии и Сулюкты шайка басмачей чинила жестокую расправу над шахтерами. Главарем басмачества был Киргизбай.

В одном из последних тяжелых боев, в котором принимали участие и сами шахтеры, они шайку почти всю перебили, жалкие ее остатки вместе с Киргизбаем сдались шахтерам.

Эта боевая слава дошла до М. В. Фрунзе:

— Молодцы, шахтеры! — он с восхищением говорил на заседании ВС. — Не прекращая добывать уголь, который так нужен промышленным предприятиям Туркестана, так здорово бьют басмачей!

Кроме этого М. В. Фрунзе распорядился, чтобы все воинские части всемирно помогали трудовому дехканству

по обработке земли, сбору урожая и активно включились в политмассовую работу среди населения. Фрунзе любил народ Туркестана. Он завоевал огромную любовь населения. «Фрунзе-Ока самый справедливый человек», — говорили дехкане.

Фрунзе прекрасно знал обычаи туземцев и относился к ним очень чутко. Характерный эпизод: беседуя с командиром киргизского полка ни с того, ни с сего Фрунзе спросил его:

— Почему без бороды?

Командир полка не знал, что на это ответить. Командующий продолжал:

— Ведь в глазах мусульман борода служит признаком умудренного человека. К такому человеку большое уважение и доверие. Борода — это авторитет, а если хотите знать, это небольшой кусочек политики.

М. В. Фрунзе не пришлось окончательно ликвидировать 4-й Туркестанский фронт. Согласно постановлению Революционного Военного Совета республики Фрунзе убывает командовать Южным фронтом против последних врангельских полчищ Антанты.

10 сентября 1920 года М. В. Фрунзе отдал прощальный приказ Туркфронту:

«До сих пор все чаяния наших врагов разбивались о великую стойкость рабочих и крестьян, удушения нашей революции кончились крахом. Армия Туркфронта, начав с разгрома колчаковских, дутовских и толстовских банд довершает ныне свою работу, очищая Туркестан от контрреволюционных полчищ, местных самодержавных властителей. Я уверен, — писал Фрунзе, — что впредь Красные полки Туркестана, куда бы их не поставила рука Революции, сумеют поддержать свою боевую революционную славу и успешно завершат начатую борьбу».¹

Дальнейший ход борьбы с басмачеством показал, что войска Туркфронта, при активном участии трудового населения выполнили с честью наказ полководца М. В. Фрунзе.

В апреле 1922 г. для руководства операциями по ликвидации басмаческих банд и войск Энвер Паши был сформирован штаб басмаческого фронта с РВС в последующем, переименованным в Бухарскую группу войск.

В начале 1924 года басмачи в Фергане и Южной Киргизии были ликвидированы. Отдельные небольшие очаги

¹ М. В. Фрунзе. «На фронтах Гражданской войны». Стр. 334.

сохранились лишь в труднодоступных районах Туркестана, ближе к пограничной полосе. Через них-то шли сведения к руководству заграничного басмачества о жизни советского Туркестана, о степени активности агентуры и пособников басмачества.

3

В итогах пятилетней борьбы с басмачеством, киргизский народ юга, вместе с Красной Армией, под руководством своей партийной организации, которая по своему составу была малочисленной и не опытной, а в процессе хозяйственных трудностей и боев мужала, закалялась и училась борьбе. И, как бы ни было трудно, басмачи были ликвидированы. Истреблено более 170 басмач-шаек, которые как змеи смертельно жалили на протяжении пяти лет. Народ юга Киргизии сжимало кольцо окружения.

Но как известно боевые планы о создании плацдарма для нанесенных крупных поражений Красной Армии и Советской власти Туркестана лопнули как мыльный пузырь. Он лопнул как и все предыдущие планы контрреволюции. Народ Киргизии со своими братьями русскими одержали блестящую победу.

Интерес представляет спад басмаческого движения по годам:

1919—21 гг.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Более 50 тыс.	26889	6707	4924	2598	657

Газета «Красная Звезда» изд. Политуправления САВО от 23. 2. 26 г.
1929 г.   1930 г.

Около
1500—2000   400—50

Данные двух лет взяты из доклада командующего войсками Дыбенко П. Е. Эти цифры показывают, что борьба велась при наличии весьма тяжелой туркестанской обстановки успешно.

Крупные успехи в борьбе с басмачеством, как мы уже говорили, зависели от сочувствия к нам местного населения.

Ведь басмачество, во главе которого стояли заклятые враги народа обрастали джигитами, в первую очередь из

разорившихся, обнищавших дехкан. Шайки вырастали как цветы на болоте. Хозяйственная разруха кишлака, аула, становилась живой силой в руках местной контрреволюции.

Позднее, после 1925 года басмачество снова появилось и возникло уже не на почве разрухи, а на почве нашего хозяйственного роста и укрепления. Этот хозяйственный рост стал вытеснять кулака, бая и все труднее становилось эксплуатировать дехкан на кабальных сделках, спекуляции. Трудовой народ за помощью повалил к Советской власти, а не к баю и кулаку.

4

Для бая осталось два выхода. Или потерять всякую надежду на обогащение в условиях советского строя, или драться до последнего, за свою власть, не за ислам, а за свой карман. Драться открыто против Советской власти, или действовать в тихую, организовывая убийства низовых кишлачных и аульных активистов из бедноты и батрачества. Преследовать раскрывшихся женщин, пролезать в советский аппарат, сея слухи среди населения и пособников басмачества.

В начале действие вдохновителей басмачества протекало втихую — вторым способом. Этим занимались оставшиеся кадры, сдавшиеся добровольно и амнистированные курбаши и рядовые джигиты. Создавались благоприятные условия для нового вооруженного наступления. Кадры есть. Руководители живут в местах постоянного своего жительства и ждут благоприятного момента для выступления. Ждут призыва их видных руководителей, таких как Ибрагимбек, Кёр Шермат, Ишан-Ходжа, Максума-Фузайли или Джаны бек и других, скрывавшихся в Афганистане.

Байство и духовенство ищет спасение не только в своих силах, они устанавливают связь с зарубежным басмачеством, с остатками шаек и главарями, бежавшими за границу. Посылают за «варягами», живущими в Афганистане, которые вместе с эмиром Бухарским на базаре торгуют каракулевыми шкурками, закупают оружие и готовятся в новый поход. Об этом, так называемом «новом походе» стоит рассказать.

В боях с басмачеством, в которых участвовали бригады, полки, отряды в Южной Киргизии с 1919 г. по 1924 г. многие командиры и рядовые воины проявили храбрость и

мужество. В критические моменты боя они находились на решающих участках, воодушевляя подчиненных и товарищей на подвиги.

Вот их имена:

Комбриг	— К. П. УШАКОВ
Комбриг	— А. Я. МЕЛЬКУМОВ
Комбриг	— Ю. И. ИБРАГИМОВ
Командир отряда	— Д. Е. КОНОВАЛОВ
Командир Казанского полка	— А. Л. СОКОЛОВ
Командиры отряда	— М. В. САФОНОВ и Э. Ф. КУЖЕЛО
Командир Киркавэскадрона	— МУРЗАБАЕВ
Командир Киргизотряда	— М. БАЗАРБАЕВ
Командир отряда	— П. КУДАЙБЕРДИЕВ
Командир	— А. ОСМОНБЕКОВ
Каракиркавдивизиона	
Комиссар дивизиона	— Г. ЮЛДАШЕВ

Подвиг личного состава этого дивизиона был отмечен в приказе войскам Туркфронта от 20 июня 1920 г. за подписью М. В. Фрунзе.

За мужество и героизм, проявленные в боях с басмачеством награждено орденами Военного Красного Знамени и орденами Бухарской Республики более тридцати человек.

Многие были награждены оружием и отмечены грамотами ВЦИК.

Среди награжденных орденами Военного Красного Знамени:

А. ОСМАНБЕКОВ	П. Д. ЛИЧМАН
Д. ИСАНГАЛИЕВ	А. П. СОКОЛОВ
М. Л. ДОНЕЦ	Ф. Т. МАСЛОВ
Э. Ф. КУЖЕЛО	П. М. БОГОМОЛОВ
боец С. АЛДЕКЕЕВ	С. ШВЕЦОВ
доброволец А. ОРАЗБЕКОВ	
(бывший председатель ЦИК	К. АНДЕРСОН,
Киргизской Республики).	В. БОРОДИН и другие.

Из рядового состава особо отличились:

А. ДЖАНАРКУЛОВ
К. МАЗУРОВ
И. БЕКТЕМИРОВ
К. ЭШКЕБЕКОВ
Ш. ЖАНТАЕВ

Их подвиг будет долго жить в сердцах народа.

Об этих операциях мы знакомы по оперативным сводкам, из рассказов участников этих операций, из описаний историков Киргизии. И нам думается, наш беглый рассказ об этом периоде дополняет то, чего не написано в книгах.

А сколько забытых могил разбросано по просторам Киргизии, каждая из них говорит о несокрушимой воле к победе, о героизме красных бойцов других национальностей, командиров, коммунистов, комсомольцев неуклонно шедших к цели — искоренять басмачество. Дать право на мирную трудовую жизнь без угнетения, без эксплуатации. А сколько еще не рассказано об этой тяжелой борьбе.

Глава V. ПОСЛЕДНЯЯ ВРАЖЕСКАЯ ПОПЫТКА

1927—1929—1930 гг.

1

Более пяти лет, народ Южной Киргизии не испытывал никаких притеснений со стороны вражеских басмаческих сил. Трудился, укреплял Советскую власть, залечивал раны, полученные от пятилетнего насилия басмаческих шаек. Успокоился. Не думал и не гадал о повторной встрече с врагами народа, после такого довольно продолжительного времени, как целое пятилетие.

Эта вражеская попытка началась тогда, когда наша страна и киргизский трудовой народ боролись за индустриализацию, когда шел «Великий перелом» в развитии колхозного движения. Началась сплошная коллективизация.

Советская власть перешла к политике ликвидации кулака, как класса, основа сплошной коллективизации страны. Страна находилась накануне превращения из страны аграрной, в страну индустриальную.

Народ трудился за перевыполнение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. И по мере усиления социалистического строительства и ликвидации баев и кулаков классовая борьба в кишлаках, аулах, аилах обострилась. Враги хорошо знали политическую жизнь киргиз и всего населения — затруднения и коллективизацию. Козырь был большой — в допущении недостатков в коллективизации, в политике продналогов.

Пользуясь этим, враги проводили свою работу среди

наиболее отсталой части населения, а если учесть, что территория Средней Азии велика, были пункты, которые чрезвычайно отдалены от жизненных центров, слабосоветизированы. Басмачи находили себе благодатную почву для привлечения части населения на свою сторону.

Враги свою пропаганду подмазали старым лозунгом: «Борьбой с нарушителями устоев Шариата и мусульманской веры», борьбой с «торпинчи», так басмачи называли большевиков. Это имело некоторое влияние на среднее и бедняцкое слои населения.

Кроме того, низовой советский аппарат не полностью был очищен от антисоветских элементов. Они поджигали народ на допущенные ошибки в хлебозаготовках, извращением политики Советской власти в отношении к сдавшимся ранее бывшим басмачам и курбашам, лишив их избирательных прав и даже гражданских прав.

Все это не могло не усилить антисоветскую пропаганду. Вместе с тем, это служило толчком к выявлению рецидивов открытого похода против Советской власти, против политики Партии.

Издыхающее басмачество после его окончательного разгрома устремилось на юг, в Афганистан. Правительство Афганистана оказало одинаково радушный прием и бывшему эмиру Бухарскому, и Кёр Шермату, и Джунаи хану, и Ибрагим беку, и Максум-Фузайли и многим другим басмаческим главарям и их шайкам.

Басмачи за кордоном быстрее освоились, обжились, привыкли, и лишь изредка напоминали о себе, пытаясь проскользнуть на нашу территорию, им это удавалось благодаря большой протяженности погран-постов и некоторым участкам охраны государственной границы. Цель — ограбить и затем снова уйти восвояси. Такие вылазки были в 1927—1928 гг.

В пограничной зоне скопилось более 2000 басмачей. Шайки были прекрасно вооружены, снабжены. Во главе шаек стояли старые, прославленные своей жестокостью курбаши, в свое время изгнанные из пределов Советской власти.

Басмачи яростно точили зубы на Советскую власть и ее порядки. И, как волчьи стаи крутились у границы, стремясь попытать счастья завоевать на свою сторону население и обрушиться на Советы.

Шайки имели широкую поддержку со стороны Англии, от нее получали оружие, боеприпасы, деньги, лошадей, снаряжение.

Эмигрант, эмир Бухарский Алим хан являлся для англичан надежной ширмой, под прикрытием которого англичане вели свою антисоветскую политику. Все свои намерения и все свои желания англичане приводили в жизнь через бывшего эмира Бухарского, маскируя этим свое непосредственное влияние на деятельность басмаческих и эмигрантских групп, направляя их против Советской власти.

За это пятилетие реформы Аманулы хана, имевшие цель поставить Афганистан на путь прогрессивного независимого развития вызвало бешенное сопротивление со стороны феодальных, клерикальных элементов, поддержанных услужливой английской агентурой. В результате Афганистан был ввергнут в хаос, буквально раздирающую страну на части. И это удовлетворяло британскую дипломатию, их прихвостней.

Одним из первых, кто содействовал разгулу реакции явилось басмачество. Басмачи предложили свои услуги для занятия постов пограничной охраны. Басмачи становились гарнизонами в городах, где происходили перевороты, вылившись в новый класс утеравшие способность к мирному труду, стали надежной опорой нового кабульского правительства.

Ни афганская реакция, ни английская разведка не ошиблась в выборе себе помощников. Кто лучше может расправиться с незащищенным населением? Никто лучше басмачей. Никто лучше них не умеет грабить, вырезать кишлаки.

Кровавая дань, которой платило афганское население за политические ошибки своего правительства Баче-Сакао, все еще хранится в памяти и истории трудового, дружественного нам Афганистана.

В конце февраля 1929 г. бывший эмир Бухарский, торгующий каракулем в Афганистане собрал военный совет из видных курбашей. Выработали воззвание, в котором население призывалось к борьбе против земельной и водной реформы. Требовали возврата байских земель, закрепощение женщин и т. д.

Политическая и экономическая платформа руководителей басмачества была сформирована в форме исключительной прямоты и нахальства. Они потребовали не двусмысленно, что им нужно конкретно от Советской власти.

В марте 1929 г. на границе с Афганистаном появились более 15 банд численностью каждая от 50 до 70 джигитов, в готовности для броска в разные пункты Туркестана.

Предполагалось, что в случае удачи разведывательных банд, за ними двинутся главные силы Кёр Шермата, Ибрагим бека, а из Китая Джаныбека казы.

Байство и духовенство, ущемленное мероприятиями Советской власти, стали группироваться и организовываться для открытого выступления против Советской власти. Стали привлекать на свою сторону аульное население, ведя открытую антисоветскую агитацию, совершая ряд политических убийств отдельных работников из бедноты. Вели упорную борьбу против раскрепощения женщин, подкрепляя эту борьбу террором.

Этот открытый переход в наступление вынудил их искать поддержку в своей борьбе у сохранившихся басмаческих кадров, живущих в аулах, кишлаках, призывая их к активным действиям через свой разбитый и скрытый посреднический аппарат, через связи с главарями за границей и всеми басмачами и курбашами, проживающими в аулах, кишлаках. Особенно антисоветская пропаганда велась на базарах, на погребении умерших. Из-за кордона им писали: «Действуйте ради Аллаха!» «Мы поддержим! Сил у нас много, вооружены прекрасно!» Это заверение окрыляло дух байства и духовенства.

Первоначальными очагами для действий разведывательных басмач-шаек — были избраны районы Талас и Узген Ошской области и г. Гарм Таджикистана.

Перед нами лежит, более сорокалетней давности, пожелтевшая газета «Красная Звезда», издательства Политуправления средне-азиатского военного округа. Эти странички написаны инструктором ПУОКРА М. Менделеевым. Они, как бы воскрешают далекое прошлое событие, происходившее 1929—1930 гг. в теперешней Южной Киргизии.

Подтверждают об этом и рассказы участников боев с басмачеством, бывших командиров отдельного Киргизского кавдивизиона А. Г. Цейера, П. В. Вахалова, У. Ильмурадова, О. Лайлиева, Д. Наганбаева и др.

Подтверждают об этом и бандсводки за 1929—1930 гг. за подписью полномоченного представителя ОГПУ в Средней Азии Бельского.

Нам нужно дать картину о повторной борьбе киргизского народа и его кызыл аскеров — киргизского кавдивизиона с новыми, появившимися из-за кордона басмач-шайками и их окончательного разгрома.

Об этом мы хотим сейчас рассказать.

БОЕВОЙ ПОХОД

1

Весенние дни подходили к концу. На смену им не спеша, но удержимо шагало лето 1927 года. Чуйская долина впитывала лучи еще не особенно жаркого, но щедрого своей энергией солнца, после майских густых дождей зеленели пышно в цветах луга, а пашни изумрудными квадратами лежали возле изъезженной дороги Токмакского тракта.

Оперативно войсковым частям и учреждениям Киргизской автономной Советской Социалистической Республики 15 мая 1927 года № 1 (опер) СС г. Фрунзе:

Основание: приказ, С.А.В.О. от 12/V—1927 г. за № 0287/СС.

После ознакомления с боевым приказом командного и политического состава Киркавэскадрона, дивизионной школой доведено содержание приказа до сознания каждого из курсантов и красноармейцев. Проводились беседы, разъяснительная работа, партийные и комсомольские собрания о предстоящих задачах личного состава в борьбе против банды Джаныбек казы, которая нарушила государственную границу со стороны Китая и перешла в числе около 200 человек через перевал Суяк, со стороны Арпа-Акса. В течение короткого до выступления времени, днем и ночью шла подготовка сводного отряда к предстоящей операции. А в это время на пограничной заставе Ак-Бейт ведется ожесточенный, неравный бой с бандой численностью около 200 человек под командой курбаши Джаныбека казы — последнего киргизского выкормыша и оплота баев, манапов и духовенства. Отряд в продолжение двух суток вел напряженную работу по подготовке к длительному и трудному маршу. Производится отбор более здоровых, выносливых людей, лучших лошадей, делалась приковка лошадей, ковка их на все четыре ноги, шла борьба против каждого грамма лишнего веса на походном седле, пригонка вооружения и снаряжения пулеметов «Максим» и гранаты. Все, что нужно было для боевых операций на поле боя.

Конские копыта трамбовали глинистую дорогу. Всадники один к другому на подбор, загорелые лица с улыбкой на губах, они любовались раздольем долины. Впереди отряда в 80 сабель на поджаром гнедом коне, словно слитый с седлом, командир Павел Васильевич Вахалов — в

одной руке повод, другая сжимает ремень портупеи, глаза устремлены вдаль, губы сжаты, а думы далеко впереди. Перед мысленным взором перспективы предстоящих боев... Отряд движется в район долины Токмак-Быстровка, где у перевала Суяк пограничники второй день ведут бой с бандами недобитого курбаши Джаныбека казы. Нужно спешить: против горсточки пограничников действует более двухсот головорезов хитрого и опытного курбаши, прорвавшегося через ряд заслонов из Арпинской долины. Надо спешить, но впереди сотни километров только что начавшегося пути, впереди Боомское ущелье, перевал Долон и много-много других перевалов, бурлящие горные реки трудности еще впереди. Крутые подъемы и спуски, каменистые дороги и тропа. Гнать лошадей нельзя, необходимо экономить и беречь силы лошадей и людского состава, а спешить — обязательно... Рядом с Вахаловым двигается с глубоким раздумьем комиссар отряда Мамашев Хашим. В надвинутой на глаза фуражке, защищая глаза от ослепительного солнца, он кивает головой в сторону поднимающихся возле дороги хребтов:

— Смотри, командир, хороший урожай будет, давно таких всходов не видал.

Вахалов, с трудом оторвавшись от дум, ответил:

— Будут еще дожди, будет и урожай, а нет — накалит солнце прекрасное начало это. Знак счастья народа: сыты, обуты люди.

— Да, такое в Чуйской долине случается. А чтобы не случилось искусственно орошать землю надо, канал надо.

— Канал дело не шуточное, несколько десятков тысяч рук надо, чтобы его проложить, а для этого главная задача нашей рабоче-крестьянской Красной Армии уничтожить всю оставшуюся еще бандитскую нечисть на нашей территории.

Помолчали, каждый думал о своем. Вахалов опять представил себе высокогорную долину Арпа-Аксай, где не приходилось еще бывать, но он представлял, как тяжело малочисленному героическому отряду сдерживать и отбивать налеты головорезов — бандитов. Комиссар Мамашев думал: почему так долго сохранились в Киргизии курбаши, чтобы огню гореть, дрова нужны. И вот вражескую силу поддерживают материально и духовно вдохновляют заграничные буржуазные покровители. Но мы их разобьем, как Россия разбила многочисленных врагов, потому что народ знал, за что кровь проливает. Так и мы, разобьем всех этих недобитков, только надо нам улучшать разъясни-

тельную работу среди населения против сохранившихся еще в некоторых его частях религиозных предрассудков, на которых играют курбаши и их покровители. Пока они говорили, впереди показалось большое село. Навстречу наперегонки неслась ватага ребятишек.

— В Ивановке сделаем небольшой привал, а заночуем в Токмаке. Предупреди, товарищ комиссар, еще раз личный состав, чтобы при встрече с населением никто не обмолвился о том, куда и зачем направляется отряд. Любопытным пусть отвечают, проходят учения.

Население радостно встретило конников, предлагая угощения, звали зайти в хаты. От ребятишек отбоя не было, шутка ли, сколько красноармейцев, винтовки, клинки и даже ручной пулемет. Но недолго оказался привал, отдохнули немного люди и кони, проверены подпруги, подковы. Перекусили, напились воды конники и переменным аллюром двинулись дальше по маршруту, нельзя задерживаться.

За Ивановкой в низине Кенбулун опять вышли встречающие. В толпе отчетливо выделялась группа юношей, человек 15 — смелые, решительные, улыбающиеся. Один из них вышел вперед, помахал рукой — попросил остановиться Вахалова и словно прилипнув глазами к ремням, перехлеснувшим грудь командира отряда быстро спросил:

— Нет ли среди Вас Озеке, из нашей деревни. Это доброволец из нашего села.

— Нет, Озеке, молодой джигит, учится армейскому делу во Фрунзе. — И отряд продолжал движение.

— Толковый джигит из Вашего Озеке получится, через годок можете гордиться своим земляком.

Когда солнце повисло над пыльным хвостом, что замыкал колонну, впереди показался большой населенный пункт, собственно, сначала стали над дорогой, под горой пикообразные тополи. Мамашев указал рукой вперед, громко сказал:

— Вот он — Токмак, старый торговый центр Чуйской долины.

— А почему он так называется? — спросил кто-то из молодых кавалеристов.

Комиссар, немного подумав, посмотрел на командира, чувствуя, что Вахалову тоже интересно узнать историю города, к которому приближается отряд.

— Токмак в переводе на русский язык — колотушка. Колотушка была первым строительным инструментом при основании города, когда вбили в землю первый кол.

— Кто вбил?

— Строитель, чьи руки строили Токмак, к сожалению, безымянный, не думал оставить о себе память.

— Чем же прельстили ему эти места? — продолжал спрашивать Вахалов.

— Гора, на той стороне реки Чу уже Казахстан. Что прельстило, говоришь? Караванный путь лежал через эти места в Кашгар.

— Низина болотиста.

— Зато вон в тех зарослях и сейчас фазаны живут, а многие годы назад, какая здесь охота была!

Так за разговорами конники приблизились к окраине Токмака. Тут Вахалов обратил внимание комиссара:

— Смотри, товарищ, телеграмму никто не посылал, а нас уже встречать вышли!

Действительно, у крайних домишек толпились взрослые и дети, еще далеко слышались радостные голоса приветствий. Население города встретило отряд с радушием и теплотой.

— Узун кулак разносит новости, — объяснил Мамашев. Вахалов нахмурился:

— Узун кулак это что — «длинное ухо?»

— Да, так в народе говорят.

— Смотри, комиссар, как бы это «длинное ухо» раньше времени о нас Джаныбеку казы не сообщило!

Опять население с радостью и искренним радушием встретило красноармейцев-кавалеристов.

Комиссар заметил, обратившись к Вахалову:

— Где и когда еще в истории народ так приветствовал свою Армию?

— У нас народ и Армия одно целое.

Короткий ночной отдых, и еще чуть побелела ночь наступающего майского утра, еще не проснулись токмакчане, а отряд вышел из города навстречу солнцу, навстречу неизвестным боевым событиям.

Вахалов уже находясь в седле, выслушивал подробный доклад старшины школы Хасанова. Внимательный и хозяйственный старшина Хасанов, казалось замечал малейшее нарушение кавалерийских правил (писанных и неписанных), от которых зависят благополучные условия похода. Он часто говорил, обращаясь к новичкам: «Это джигиты, кавалерия не ровня пехоте. В пехоте что? Натер солдат ногу портянкой, перемотал потуже и опять топает. Солдатская нога заживет. Другое дело уметь сидеть в седле: побьешь спину лошади — вышел из строя конь,

считай и всадник уже не кавалерист, а так себе — ни то, ни се...»

Вахалова беспокоил участок пути через Боомское ущелье. Дорога в общем-то опасная, но около семидесяти километров пройти, как говорится, «в один прием». Время дождливое, могли быть осыпи, ведь грунт каменистый. Рядом река могла выйти из берегов. Это могло задержать отряд, а задерживаться нельзя, в Рыбачьем кавалеристы школы должны были соединиться с конниками кавалерийского депо, которыми командовал товарищ Деларм, чтобы потом вместе двинуться в сердце Тянь-Шаня в г. Нарын. Однако опасения командира оказались напрасны, хотя ущелье на всем пути было закрыто низкими, словно потолок облаками, река Чу свирепо билась пенными волнами о самый край каменистой дороги, движению всадников ничто не препятствовало. Поздним вечером, когда скалы расступились, вдали замигали тусклые огоньки, запахло морем, Рыбачье встречало кавалеристов.

2

Уже на другой день сводный отряд конников двинулся на Нарын, через Кочкорку и суровый перевал Долон. Впереди на рысях двигался головной дозор, которым командовал Абдыбеков, с ним Егемберди Бекбашев.

Серые горы, кое-где кустики на почти безжизненных склонах предгорий, а вдали, справа, прямо и позади — вершины гор, сияющие ледяными шапками. Чем в горы, тем труднее, медленнее движутся всадники по узкой каменистой дороге, кони устали, но задерживаться на долгий отдых некогда. На привалах подкармливали лошадей овсом, поили горной водой. Придирчивый старшина Хасанов обходил всадников.

Но самые трудные минуты, из которых складывались часы, начались, когда подошли к Долону. Ночь застала их в горах. Всадники дремали в седлах.

Вахалов беспокоился, не меньше его Деларм. Последний сказал:

— Из опыта знаю, сонный всадник — горе коню. Набьет спину, впереди еще сотня километров, а может и не одна.

— Да, утомились люди, нагрузка непривычная, а остановиться на продолжительный отдых нельзя.

— Соберите командиров, — приказал Деларм через связного эскадрона. После этого он распорядился каждому

на конец тимляка шашки привязать вату, пропитанную нашатырным спиртом.

Кто задремлет в седле, дать понюшку — сразу бодрость вернется.

И действительно, необычный способ пробуждал засыпающих в седле. А подъему, казалось, не будет конца, к тому же пошел мелкий снег, кавалеристам пришлось раскатать скатки.

На долине лежал снег, правда не большой, но это затрудняло движение всадников, зато после перевала поднялось настроение красноармейцев отряда, каждый чувствовал хорошо, что самый трудный участок дороги позади.

И хотя хотелось спать, отряд продолжал двигаться сквозь запутанный лабиринт гор. Еще день и вечер. По деревянному мосту перешли через четверо суток на другой берег реки. А там город Нарын. На том берегу головной дозор встретили два всадника в зеленых фуражках. Подъехавшему вскоре командиру сводного отряда представился заместитель коменданта погранкомендатуры по политической части. Он выехал навстречу, чтобы на окраине Нарына приветствовать мужественных всадников Киргизского кавалерийского эскадрона, прибывших на помощь пограничникам.

Перед Нарыном погода резко ухудшилась, моросил мелкий дождь со снегом, ветер пронизывал до костей, в мокрых шинелях от дождя пробирал холод. Чтобы согреться, кавалеристы спешивались, и вели лошадей в поводу до ворот пограничной комендатуры. На территории комендатуры отряд был встречен командным и политическим составом. Комендант пограничного участка тов. Луканов, его заместитель по оперативной части Борис Михайлович Васильев, зам. по политической части комендатуры. Комендант выступил с краткой приветственной речью к прибывшим красноармейцам Киркавэскадрона, со стороны оперативного отряда с ответным словом выступил с речью комиссар отряда тов. Мамашев Хашим, с обещанием помочь пограничникам начальник особого отряда Киркавэскадрона Деларм.

3

Этой же ночью после ужина комендант пограничного участка Луканов попросил к себе командира отряда Деларма, Вахалова и комиссара Мамашева Хашима. Комендант деликатно попросил у себя гостей расположиться

удобнее и отдохнуть. Одновременно тов. Луканов спрашивал каждого командира Киркавотряда как его здоровье, на что жалуются люди и в чем они нуждаются. Добрые ли бойцы и кони и наконец спрашивал о политической сознательности, моральном состоянии личного состава оперативного отряда. Он обрисовал подробно обстановку на границе и картину борьбы пограничников курбаши Джаныбек-казы в районе перевала Суяк, Арпа. Он отметил, что басмачи повседневно пополняют банду за счет своих резервов. Наши пограничники ведут ожесточенный бой с противником в районе местности ущелья Суяк. Наконец, в заключение комендант Луканов сказал, что торопится на поддержку нашего отряда пограничников и уверен, что и наши солдаты будут сражаться героически. А в ответном слове начальник оперативного отряда Деларм заметил, что примет все меры и поможет эскадрону окончательно разбить басмачей. Комендант Луканов и начальник оперативного отряда эскадрона решили, что в соответствии с обстановкой необходимо оперативному отряду с рассветом, бесшумно, не привлекая внимания населения города Нарын, выступить сегодня же вечером. Надо найти проводников из коммунистов и комсомольцев — добровольцев, хорошо знающих дороги, тропы, перевалы, все ущелья в направлении следования отряда, такие люди нашлись. Это были: Молтоев Кенембай, Джалденов Шыгай, Орозалиев Тенти, Козубеков Исмаил и Медеров Турсунияз и Самудин. Они не подведут нас.

Комендант пограничного участка товарищ Луканов выделил для руководства оперативной работой товарища Бориса Михайловича Васильева. Отряд выступил из Нарына в назначенный срок, Деларм приказал командиру эскадрона Павлу Васильевичу Вахалову выделить головной дозор с одним ручным пулеметом под командой Бекбашева Егемберди, чтобы обеспечить безостановочное движение главных сил отряда, а так же обеспечить возможность нападения на противника. И вот в предрассветной тишине отряд покидал город Нарын. В тишине лишь глухо раздавались заунывные голоса муэдзинов, призывающие правоверных Нарына и окрестных селений к утреннему намазу. Конники двигались форсированным маршем каменистыми тропами, узкими ущельями, они перешли бушующую реку с быстрым течением, которая брала начало на перевале Кызыл-Бель. Командир отряда Деларм думает сегодня ночью они должны быть на пограничной заставе Ак-Бент и выполнить приказ командования.

Отряд через три часа прибыл в районный центр Ат-Баши. Здесь встретили нас жители, районные, советские, партийные активисты. Состоялся небольшой митинг, народ хорошо встретил красноармейцев и проводил, пожелал хороших успехов в бою с врагами.

Когда наш отряд отъехал около километра от районного центра, мы встретили на нашем пути бурлящую большую реку с быстрым течением, она текла с востока на запад.

Здесь оказалось необходимым решить большую оперативную задачу о переправе через реку Ат-Баши с дальнейшим движением отряда. Командир отряда Деларм приказал комзвода Масуду взять с собой двух проводников Шигая Джелденова, Исмаила Козубекова и двух красноармейцев, срочно разведать реку Ат-Баши, установить где безопасная переправа через реку. Комзвода Масуд с двумя бойцами и проводниками быстро выехал на берег реки и через полчаса установил брод, где можно пройти безопасно. Здесь проявили мужество доброотрядцы-проводники, товарищи: Джелденов Шыгай и Козубеков Исмаил. Они проходили через реку несколько раз, чтобы убедиться, уверить командование отряда в безопасности.

После этого комзвода Масуд доложил начальнику отряда Деларм: спасательная группа состоит из добровольцев и нескольких красноармейцев, которые хорошо умеют плавать. После того Деларм дает команду повзводно, шагом марш! Так перешли через реку Ат-Баши. Это было удачно, так как нас предупреждали заранее проводники, что после обеда в реке Ат-Баши еще может прибавиться воды в десять раз больше, тогда она непроходима вброд. После этого приказано было ехать форсированным маршем (аллюр три креста). Отряд подъехал к населенному пункту Кара-Коюн. Здесь сделали небольшой привал, чтобы подкормить лошадей и людей сухим пайком. Используя этот момент, комиссар отряда Мамашев Хашим провел массово-разъяснительную работу среди населения. Люди, как оказалось ненавидели врага-басмача Джаныбека казы. Они открыто выступали с просьбой ликвидировать басмачей, дать народу Ат-Башинской долины спокойно работать и жить по-новому. После малого привала отряд двинулся снова форсированным маршем по направлению заставы Ак-Бент. Командир Вахалов приказал начальнику отряда Деларму выслать усиленное головное охранение из десяти красноармейцев с одним ручным пулеметом, под командой комзвода Алиева Асана. Поедут связанным на

заставу Бекбашев Егемберди, Абдыбеков Кошой. А пограничная застава с нетерпением ждала прибытия нашего отряда. Надо торопиться, пограничники отбивают атаки превосходящих сил противника, малыми силами пограничники ведут ожесточенный бой, нужно успеть, пока басмачи не перешли через границу в сторону Китая.

Отряд медленно продвигался к пограничной заставе Ак-Бейт. Нигде не встретили мы басмачей. Вот уже и застава. Безлюдно кругом. Заставу охраняли несколько человек пограничников. У каждого в руках винтовка. Кроме того, тут же находились доброотрядцы: три женщины и два подростка. Все, кто мог держать в руках оружие, взяли его в руки, охраняли заставу. Часовой, увидев в бинокль движущийся наш отряд, радостно воскликнул: «Наши, наши идут». Он доложил об этом тотчас дежурному по заставе. В это время начальника заставы Куликова не было. Он вместе с пограничниками сражался против басмачей банды Джаныбека казы. А помощник начальника заставы уехал на другой участок, где орудовал курбаши Джаныбек. Оборону заставы возглавлял помощник начальника заставы по политической части.

Узнав о приближении отряда кавэскадрона он вскочил на коня и помчался нам навстречу. Он доложил зам. коменданта по оперативной части Борису Михайловичу и Деларм, что пограничники вот уже пятые сутки ведут ожесточенный бой против басмачей курбаши Джаныбека казы. Часть воинов находится под перевалом Суяк, где также идут сражения. Через несколько минут отряд Деларма был на заставе. Воины эскадрона отпускали подпруги, натягивали стремяна, покачивали седла. А Борис Михайлович и Деларм знакомились с планом-схемой боевых действий операции против басмачей. Управившись с конями, накормили и напоили лошадей, красноармейцы покушали положенным пайком, отдохнули.

4

Борис Михайлович через агентурную установил, что басмачи Джаныбека казы ведут ожесточенный бой с пограничниками в ущелье Суяк. Противник намеревается уходить через перевал Суяк в сторону Китая без потерь своих бандитов, считает, что сопротивление бесполезно.

Командование Киркавэскадрона командиры Деларм и Вахалов решили в тот же день после двух часов ночи

выступить, двигаясь форсированным маршем в направлении перевала Суяк, где ведется бой пограничниками против басмачей.

Кавалеристы выступили в назначенный срок в поход. Задачей было отрезать пути банде Джаныбек казы, не допустить перехода ее через перевал Суяк, иначе они уйдут без потерь, а оттуда до границы перевала Суяк недалеко. С утра мы подошли к перевалу Суяк. Мы, головные, увидели, что басмачи знали о нашем приближении, но никак не полагали, что кавалеристы-пограничники будут наступать на рассвете.

Кругом было тихо, спокойно, ни один звук не нарушал обаяния светлого этого удара. Над горами, почти касаясь снежных вершин стоял ущербный месяц. Вокруг него вилась сияющий круг. Приглушенно шумела река Суяк. Снежные пики как бы берегли покой этой предрассветной сказки...

Костров не было видно, но дым их плыл по ущелью Суяк, так как ветерок веял с гор и дым шел оттуда, значит Джаныбек казы со своими головорезами ночевал на склонах горы, готовясь с рассветом начать штурм перевала Суяк. Чтобы избежать встречи со сводным отрядом пограничников и Киркавэскадрона начальник отряда Деларм вместе с Васильевым решили, что необходимо обязательно отрезать путь отхода басмачей, отрезать во что бы то ни стало!

Почти у каждого из нас были счеты с басмачами. За много лет нашей службы у нас на глазах погибли многие замечательные товарищи пограничники и красные кавалеристы, коммунисты и комсомольцы от пуль и от сабель басмачей. Командир отряда дал приказание выделить усиленное головное охранение с ручными пулеметами. Выделить также несколько человек из доброотрядцев под командованием Кенембая Молтоева. С ними пойдут Шыгай Желденов, Орозолиев Тенти, Кошубеков Исмаил. Общее командование головным охранением отряда было поручено Алиеву Асану, его заместитель Бекбашев Егемберди. Задача — при встрече с равными силами противника вступить в бой и уничтожить огнем. При превосходящих силах противника, заняв выгодную позицию, держать оборону до подхода главных сил отряда.

Алиев Асан повторил приказ командира и повел отряд, сначала рысью трусили по каменистому косогору. Конники утомленные изнурительным походом, боями и бессонницей, покачиваются в седлах. Переходим на сокращенную

рысь, затем проносится тихая команда: прибавленной рысью, марш!

Кони тяжело всхрапывают, рывком бросаются вперед, едва почувствовав прикосновение шенкелей. Умные животные пустились вовсю. Им тоже свойственно возбуждение перед боем.

Выехали на гребень и тут увидели слабо горевшие костры. Вот они, басмачи, где притаились! По команде вперед, к бою, в наступление! В ответ тихо, почти беззвучно, коноводы движутся сзади. Наконец раздаются первые выстрелы. Это выстрелы ранее высланных разведчиков Алиева и Бекбашева, передовая конная разведка заняла выгодные позиции, а противник отступает без боя. Банда басмачей, видимо, осведомлена, что сводный отряд Деларм-Вахалова стремительно наступает.

И, о, Аллах! Именем бога курбаши, видимо, призывал своих головорезов, намеревался к сопротивлению красным конникам. Но это намерение не удалось им выполнить, снова на них приближалась наша конница. И, не выдержав нашего натиска, скатились они за перевал Суяк, оставили под перевалом много имущества и лошадей. В местных условиях преследовать их было очень тяжело: глубокий снег, происходившие в каждом ущелье снежные обвалы, трескавшийся лед. Все это не давало возможности догнать противника в конном строю. Через несколько минут передовая конная разведка доложила условным знаком, что противник ушел. Дорога закрыта, непроходима. Начальник оперативного отряда Деларм и зам. коменданта Васильев Борис Михайлович решили, что дальнейшее преследование за перевалом Суяк нецелесообразно, так как это не наша территория, а поэтому передовую конную разведку отозвать обратно.

С прибытием Алиева и Бекбашева Эгемберди доложили подробности о противнике. Итак, закончилась операция Киркавэскадрона.

5

Совместно с пограничниками битва против Джаныбека казы была закончена. Это было в конце мая 1927 года. Начальник отряда Деларм зам. коменданта погранучастка Васильев Борис Михайлович, комиссар Мамашев Хашим решили сделать малый привал. В это время, собрав весь личный состав отряда и пограничников открыли небольшой митинг по случаю того, что с честью окончена данная

боевая операция против Джаныбека казы. Митинг открыл комиссар отряда Мамашев Хашим и предоставил слово начальнику оперативного отряда товарищу Деларму. Он сказал:

— Спасибо, товарищи красноармейцы, пограничники и доброотрядцы, за хорошую службу. Поздравляю Вас с победой над врагом!

В чистом поле, в ясном прозрачном воздухе особенно четко раздавались эти слова. Дружная красноармейская клятва:

— Служим Советскому Союзу! — была ответом. Затем раздалась команда:

— По коням садись! Направо равняйся! Смирно! Справа рядами за мной — ша-агом марш!

Отряд двигался к Ат-Башинскому району. По пути тепло и сердечно провожали жители красных джигитов из Ат-Башинской долины. В любом селе, через которое проезжали конники выходили навстречу старики, женщины, молодежь. Становились на дороге, чтобы хоть немного задержались и спешили преподнести воинам подарки. И всюду красноармейцы слышали:

— Спасибо, что бандитов Джаныбека прогнали с нашей территории. Свободно, наконец, вздохнем!

Таким образом проходил наш путь на большом расстоянии к столице нашей республики — городу Пишпеку. Отряд возвращался как победитель. И сознание от выполненного долга перед Родиной было радостью на сердце, легко и звонко лилась солдатская песня.

Через несколько суток боевой отряд прибыл в родной город Пишпек. Боевой отряд встречали руководители партии и правительства республики, а также многочисленное население столицы. Состоялся короткий митинг, на котором было объявлено, что за ратные боевые подвиги, многие командиры и красноармейцы награждены правительственными наградами. Киргизская национальная войсковая часть за всю историю существования боролась со всеми классовыми врагами на территории Киргизской ССР и на территории соседних братских республик. Наконец, она активно участвовала в Великой Отечественной войне.

Под перевалом Суяк героически погиб ручной пулеметчик из погранзаставы. Труп его не найден. По фамилии Тыкаче, или Тыкаченко?

Вечная память героям, погибшим за счастье, свободу, независимость нашей Родины!

Глава VI. БОРЦЫ ЗА СЧАСТЬЕ

1

Цейер Андрей Григорьевич родился в г. Ташкент в 1900 году 15 декабря в семье рабочих. Отец — столяр (умер в 1912 г.), мать — прачка (умерла в 1930 г.). В 1917 году не закончив техническую школу ушел добровольцем в Красную Гвардию при Ташкентских железнодорожных мастерских. Во время Октябрьского переворота активно участвовал в боях по захвату Советской власти в г. Ташкенте. С этого момента он остался в рядах Вооруженных Сил Красной Армии, участвовал рядовым на Актюбинском, Оренбургском, Закаспийском фронтах против колчаковских и денникинских белогвардейцев. В 1920 г. направлен на командные кавалерийские курсы сформированные при ташкентской объединенной военной школе им. Ленина, которые окончил на звание «Краском» в 1922 г. феврале месяце. Назначен командиром взвода в кавалерийскую школу по подготовке младшего комсостава при Туркфронте. В августе 1922 года после реформирования кавшколы был направлен командиром взвода в 4-й кавполк Туркфронта, в составе которого принимал участие в боевых операциях по уничтожению басмачества в Ферганской долине.

В январе 1923 года после реорганизации 4-го кавполка был переведен в 10-й стрелковый полк командиром полковой конной разведки. В составе 10-стрелкового полка участвовал в боевых операциях против басмаческих банд в Западной Бухаре. В 1926 году назначен курсовым командиром в военно-политическую школу имени Фрунзе в Ташкенте. В 1928 году назначен командиром эскадрона в отдельный киргизский кавалерийский дивизион в г. Фрунзе. В 1930 году назначен преподавателем тактики по кавалерии в Объединенную военную школу им. Ленина в Ташкенте.

В 1934 году назначен для особых поручений при командовании войсками средне-азиатского военного округа и секретарем военного Совета САВО. В 1936 году назначен начальником второй части штаба 18 ГКД г. Мары. В 1939 году назначен начальником первой части штаба дивизии ВЧ — 6477. В 1941 году назначен начальником 1-го отдела штаба 221-моторизированной дивизии, в составе которой убыл на Западный фронт под г. Ельни. Участвовал в наступательных боях и взятии г. Ельни.

В 1941 году в сентябре отозван с Западного фронта в

Москву в управление кадров РККА, где получил приказ об увольнении из РККА в запас. Критическое состояние кадрового командира оказаться вне рядов Вооруженных Сил, не сломило его волю. Вскоре был мобилизован на стройку металлургического комбината в г. Челябинск. В 1945 году по указанию ЦК РКП(б) был освобожден и прибыл в г. Ташкент.

В 1946 году поступил инженером на фабрику. В 1950 году привлечен на военную кафедру Ташкентского государственного университета, в дальнейшем институт народного хозяйства — преподавателем.

В ряды КПСС принят в 1926 году. Много раз избирался членом партбюро в военных парторганизациях и в гражданских парторганизациях.

Уволен в запас с 29-летней выслугой службы в РККА. В 1960 г. переоформил пенсию военную на звание персонального пенсионера республиканского значения.

Получил правительственные награды орден Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени и 9 медалей.

2

Добровольческие отряды по борьбе с басмачеством появились в 1919 году. Такие отряды под командованием Кутана Торгоева, Кененбая Молтоева, Шигая Желденова, Барманас Сулайманова и других, они пользовались среди трудящихся крестьян и кочевых киргизов большой популярностью. В дальнейшем бойцы добровольческих отрядов постепенно влились в кадровые части РККА.

Национальные воинские подразделения из киргизской молодежи стали формироваться в 1925 году. В городе Фрунзе сформировалась Киргизская национальная кавалерийская школа по подготовке младшего командного состава и Киргизский отдельный национальный эскадрон, расквартированный в старых казармах города Фрунзе.

В 1927 году сформировался отдельный Киргизский кавалерийский дивизион, в 1930 году он развернулся в отдельный Киргизский кавалерийский полк. Средний командный состав из киргизов выпускали национальные курсы и СВШ им. В. И. Ленина в г. Ташкенте. Начиная с 1925 года при военно-политических курсах имени М. В. Фрунзе было создано подразделение курсантов различных национальностей: узбеки, киргизы, казахи, таджики, кара-калпаки, уйгуры и др.

В 1927 году был произведен первый выпуск военно-политических работников различных национальностей. Киргизский кавалерийский дивизион получил до 80% военно-политических работников, окончивших военно-политическую школу в г. Ташкенте.

В 1928 году Цейер получил назначение в Киркавдивизион на должность командира второго эскадрона. Эскадрон только что был сформирован и укомплектован младшим и средним командным составом. Среди командиров хорошо подготовлены были товарищи: Даскенов Байдулла, Кузембаев Хаджибек, Ильмурадов Усман, Алиев Асан, Мукашев Булат и ряд других. Из политсостава Цейер встретил своих воспитанников по военно-политической школе им. Фрунзе, товарищей Кузембаева Булата, политрука кавшкеры младшего комсостава Хасанова Б., политрука второго эскадрона Саралиева Орозалы, Ильмурадова Усмана и многих других.

До начала формирования дивизиона с 1926 года командовали Киркавэскадром товарищи Калачев В. А., а с 1927 года Калачев В. А. командовал Киркавдивизионом, а потом Трулло, которым это дело было передано товарищу Черных, позже товарищу Швецову.

Школу младшего начсостава принял от тов. Ваханова Соломин Владимир, а в 1929 году в командование школой вступил Муров Иван. Товарищ Калачев В., Муров И., Соломин Владимир и Цейер Андрей Григорьевич были одного выпуска с командно-кавалерийских курсов, получивших звание «Краском» в городе Самарканде. Остальной командно-политический состав состоял из киргизов.

Обучение красноармейцев в младших и средних звеньях проводилось на родном языке, т. е. на киргизском, а команды произносились общие — на русском языке. Уставов, переведенных на киргизский язык в то время не было, пользовались общеармейскими уставами РККА, это в некоторой части затрудняло и осложняло подготовку бойцов. Но командиры из киргизов умело готовили бойцов к быстрому пониманию русских команд. Особенно отличался тов. Даскенов Б. и Мукашев Болот в совершенстве владевший русским языком и письмом, способный, грамотный, смелый боевой командир, всегда веселый, живой, доступный для рядовых бойцов. Умело готовил своих подчиненных, честный, заботливый к подчиненным, этим самым снискал авторитет среди бойцов и командно-политического состава дивизиона. Ильмурадов Усман — подполковник в

отставке, проживал в г. Фрунзе, работал начальником штаба гражданской обороны. А тов. Мукашев героически погиб в Отечественной войне в 1941 году.

Бойцы-киргизы быстро овладевали мастерством рубки, управлением конем, стрельбой из винтовок и пулеметов, метанием гранат, даже отлично владели пикой (тогда еще пика сохранялась на вооружении конницы). Все действия и приемы практической подготовки бойцы с каждым днем совершенствовали. В результате бойцы были прекрасно подготовлены к боевым действиям, а имея такой практический опыт в то время, киргизская конница получала возможность показать себя в бою с врагами Советской власти с наилучшей стороны.

3

После длительных, напряженных боевых действий и преследования басмаческих банд в Западной Бухаре взвод конных разведчиков 10-Туркестанского стрелкового полка в марте 1924 года был поставлен на отдых в кишлаке Ак-Тепа, что находится в 7—8 км. от г. Карши. Расположившись гарнизоном, приступили к ремонту одежды, конской обуви, подлечиванию лошадей. К тому периоду из 40 лошадей здоровых и способных к боевым походам оказалось только 16. Остальной конский состав требовал серьезного лечения. К тому же более половина людей болели лихорадкой (малярией).

9 марта 1924 года мимо часового в ворота нашего расположения верхом на осле прискакал дехканин-узбек с криком: «Вай, вай! Караул! Убивают!» Цейер Андрей Григорьевич со своими бойцами подбежал к нему. Отдышавшись, дехканин рассказал Цейеру, что в кишлаке Чары-Гил собралось несколько курбашей и много басмачей, которые бесчинствуют над местным населением, грабят, убивают, насилуют и поджигают дома.

Не имея достаточно боеспособного отряда Андрей Григорьевич не рискнул самовольно решить вопрос о выступлении против объединенной басмаческой шайки. Все сведения были переданы в штаб боевого участка по телефону.

Через несколько минут Цейер получил приказ начальника боевого участка выступить с наличными здоровыми всадниками и ликвидировать объединенную басмаческую шайку.

В строю насчитывалось во главе с Цейером 16 актив-

ных сабель и один ручной пулемет «Льюис». За два километра до Чары-Гилы проводник-дехканин из боязни отказался следовать с нами дальше. В бинокль было видно большое скопление пеших всадников, пожары. Продвинулись еще на один километр, а дальше местность перед кишлаком была совсем открыта. Это затрудняло внезапность нападения. Андрей Григорьевич решил послать двух смельчаков с ручным пулеметом в обход, чтобы скрытно подойти к кишлаку, залечь и ждать нашего сигнала, а затем поддержать из пулемета с фланга нашу конную атаку прямо в лоб, по открытой местности.

Выйдя на открытую местность, Цейер развернул строй в 14 сабель, двинулись рысью вперед. Басмачи заметили его, стали собираться на окраину кишлака и готовиться к конной встрече. Нашему взору предстало несколько сот всадников. Андрей Григорьевич оглянулся на своих бойцов-товарищей и понял, что только боевой порыв вселит уверенность в победу. До нас стали долетать пули от беспорядочной стрельбы со стороны басмачей. Расстояние между нами сокращалось, примерно в 500 метрах от кишлака Цейер подал сигнал и скомандовал: «Шашки к бою! В атаку марш! Ура-а-а!» Командира дружно поддерживали бойцы. В этот момент они слышали пулеметную стрельбу с фланга.

Басмачи растерялись, видно было, как курбаши камчами (плетками) били своих джигитов. Началась паника, большими партиями бросились в конном строю по узким кишлачным улочкам наутек, давя и обгоняя друг друга. Поддерживающий пулемет с крыши захваченного дома продолжал строчить по басмачам...

Достигнув окраины кишлака бойцы врубились в хвост удиравшим басмачам. На противоположной окраине выскочившие курбаши опять стали собирать и сгонять своих басмачей. Но пулемет из крыши дома не дал им собраться. Большими группами в разных направлениях уходили басмачи. Дальше преследовать басмачей было опасно, надо было оказать помощь местному населению.

В этой схватке было порублено и убито пулеметным огнем 45 басмачей, собрано много английских винтовок, коней и других трофеев. Награбленное имущество, брошенное басмачами, было роздано местному населению.

В этом бою мы потеряли храброго товарища Сибирякова, подстреленного из-за угла басмачами. И в г. Карши с воинскими почестями похоронили боевого друга.

Так была закончена необычная операция по разгрому

объединенной банды басмачей в 300 всадников. За эту операцию красноармейцы представлены к награде орденами Красного Знамени.

4

В 1921 году сформированный отряд из Киркавдивизиона был направлен на подавление банды, вышедшей из Чаткальской долины в Чимган и Бричмулла, где уже вели бои курсанты СВШ им. Ленина.

Наша задача заключалась в следующем. Вступить в бой на этом участке, сменить курсантов Ленинской школы и приступить к полной ликвидации банды курбаши Мадмара и Стамбека.

Банда Стамбека, узнав о прибытии Киргизского кавалерийского отряда, стала быстро отходить по направлению в долину реки Чаткал. Отряд получил указание организовать преследование банды до полной ликвидации ее.

Учитывая свой прошлый опыт, Цейер и Андрей Григорьевич, борьбы в тысяча девятьсот двадцать третьем году с крупной басмаческой шайкой курбаши Баястана-Султана, имевшего до пятисот вооруженных всадников, отряд применял сложную тактику в условиях сплошной горной местности и трудно доступных перевалов. Долина Чаткал представляла отдаленную местность от культурной полосы и без снабжения. Отряд Цейера в то время испытывал много лишений из-за недостаточной организации похода.

Чтобы избежать в нашей экспедиции подобных лишений при преследовании банды Стамбека и Мадмара до полной ликвидации, надо было учесть длительность его похода, а следовательно основательно подготовиться, пополнить запасы боеприпасов и подфуражного довольствия на много дней. Для этого потребовалось организовать вьючный транспорт. Таким вьючным животным незаменимым в горах являлся местный ишак (осел). Кроме того, предстояло перековать всех коней на все четыре ноги. В течение двух суток отряд был полностью обеспечен и справился с организацией к длительному походу.

Первый день преследования банды прошел спокойно, но с трудностями преодоления перевала. Дороги не было, были горные тропы, вытоптанные пастухами, скотоводами и кочующим населением.

На узких тропах с глубокими обрывами, местами достигавшими 100—200 метров глубины, на особо крутых поворотах организовывались страховки лошадей, вьюков и лю-

дей от падения в обрыв. На таких трудных участках басмачи часто устраивали засады, что требовало выбрасывать далеко вперед разведывательные дозоры для прикрытия опасных мест от неожиданного обстрела противником. В этот раз басмачи не воспользовались этим преимуществом и с частичным боем и перестрелками вышли в Беш-Арал.

При спуске в урочища небольшая группа бандитов обстреляла нас, быстро удаляясь. Однако наши бойцы взяли в плен несколько бандитов. На допросе пленные показали, что Стамбек и Мадмар ожидали красного кавалериста дивизиона с оружием и боеприпасами.

На третий день нашего преследования наши дозоры захватили пленных басмачей, оказавшихся бай-манапами, киргизами, которые действительно на выюке везли патроны, деньги и подарки Стамбеку.

На четвертый день спустились в долину Чаткал с центром населенного пункта и мечетью «Идрис-Пайгамбар» — ныне Янги-Базар. Население басмачи увели со всем скотом. С приходом Киркавотряда спрятавшееся население стало возвращаться. Установить куда ушла банда было нам невозможно.

Прибывший к отряду уполномоченный ОГПУ тов. Бишев предпринял розыски банды, в то же время пытался склонить курбаши Мадмара и Стамбека к сдаче Советской власти. Для этого он послал двух местных жителей к Стамбеку на переговоры о сдаче. Но эти люди не вернулись потому, что по повелению Ишана их живыми сожгли на костре.

Банда уходила в Ферганскую долину, а отряд Цейера продолжал ее преследование.

Чтобы лишить банду снабжения в горах продовольствием было дано указание всем кочевникам спуститься с гор в долину, что и было проведено. Вскоре наступили холода, среди банды началось брожение, стали поодиночке приходить с повинной сдаваться. Тем, которые сдавали оружие, выдавали справку о добровольной сдаче и отпускали домой.

Необходимо отметить, что в то время шло движение среди женщин местной национальности о снятии чадры. Муллы и бай-манапы жестоко расправлялись с теми женщинами, которые сбрасывали чадру с лица. Такой случай был в кишлаке Касанбай, Иринжита, где басмачи учинили в этом кишлаке жестокую расправу с теми женщинами, на которых показывали муллы и бай-манапы.

В это время активно участвовали женские бригады,

комсомолка Кодоева Алыман и Осмонова Турсун. Наш киргизский отряд пришел на помощь и спас многих женщин приговоренных к жестокой расправе, растерзанию и надругательству, особенно в населенном пункте Иринжете и других кишлаках. В этой схватке многие басмачи поплатились своими головами.

Вскоре из нашего отряда был откомандирован комэск товарищ Доскенов Б. руководить боевым участком в другом районе, где действовала банда курбаши Мадумара.

Цейеру Андрею Григорьевичу было приказано оставить один взвод с командиром взвода тов. Мукашевым Болотом в распоряжении штаба стрелковой дивизии, а с остальными убыть на зимние квартиры в г. Фрунзе.

5

Так, например, в 1930 году в Таласской долине подняли восстание бай-манапы и кулачество. Киргизский отряд из Киркавдивизиона под командованием командира дивизиона Швецова разгромил восставшие бай-манапские и кулацкие банды. В этой боевой операции показали мужество, храбрость и решительность командиры и красноармейцы: Доскенов Б., Джураев Ш., Тулегенов Б., Алиев А., Кузембаев К., Качкеев К., Лайлиев О., Усупбеков Т., Ногойбиев У. Многие из них получили правительственные награды, оружие и грамоты. Об этом вспоминается подробно в книге майора в отставке О. Лайлиева под названием «Бесмертные солдаты».

6

В 1930 году Киркавдивизион срочно был переброшен в Ферганскую долину. Не доезжая 30-ти км. до города Ош, отряд выгрузился и пошел походным порядком на Алай Гульчу, был вручен приказ настигнуть банду курбаши Ганбназара, пришедшего из-за рубежа с 300—400 вооруженными всадниками с целью убийства советских и комсомольских работников и грабежа местного населения. По пути следования из Алай Гульчи в Сопу-Курган бойцы и командиры видели разгромленные и разграбленные магазины райпотребсоюза.

Отряду дивизиона по пути преследования банды бойцам приходилось преодолевать большие перевалы на большой высоте. Конский состав сильно переутомился, что влияло на быстроту продвижения вперед. В то время, как бас-

мачи уходя от преследования, пополнялись свежим конским составом прямо из табунов, захваченных у скотоводов. Эта банда ограбила у скотоводов Алайской долины и угнала несколько тысяч овец, сотни голов рогатого скота и лошадей к границе с тем, чтобы этот награбленный скот перегнать за рубеж.

В отряде Киркавдивизиона продфуражные запасы были ограничены, что создавало для отряда тяжелое положение. С подходом к границе в отряде остался однодневный запас сухарей. Конский состав пользовался скудными бедными растениями скалистых гор. Продфуражные ресурсы израсходованы и поступления их неоткуда было ожидать, так как база снабжения была на большом удалении, что заставило перейти на конину.

Это происходило за двое суток до начала операции по уничтожению банды Гаипназара. Нашему отряду предстояло преодолеть перевал Булёлу более 4-х км. высоты, за которым скрывалась банда Гаипназара.

Бойцы-киргизы, привыкшие к высокогорной местности однако болезненно переносили последний переход через перевал Булёлу.

К подходу к перевалу началась горная болезнь с кровотечением ушей и носа, но энтузиазм и настойчивость, с какой шли бойцы, были исключительны и перевал был преодолен.

Спускаясь в долину с рассветом, где расположилась банда в юртах, уверенная, что Красная Армия не сумеет преодолеть этот перевал, наш отряд неожиданно, как снег на голову, свалился на банду.

Банда была вся уничтожена, в том числе сам курбаши Гаипназар, голову которого привезли в доказательство.

Так была закончена эта сложная и ответственная задача, поставленная командующими войсками САВО товарищем Дыбенко перед Киргизским кавалерийским дивизионом.

За эту операцию комвойсками наградили многих бойцов и командиров.

Комзск Цейер А. Г. получил почетное оружие — пистолет Маузер. Прибыв на зимние квартиры после отдыха люди и конский состав были приведены в надлежащее состояние, тем более, комвойсками товарищ Дыбенко предупредил, что через две недели будет производить смотр, как мы оправились после операции.

Командующий слово свое сдержал: прибыл точно через две недели, проверил нашу подготовку боевую и поли-

тическую, а также потребовал выводку конского состава для осмотра. Результатом проверки боевой и политической подготовки и осмотра конского состава он остался вполне удовлетворенным.

Цейера Андрея Григорьевича приказом комвойск САВО перевели в объединенную военную школу им. В. И. Ленина преподавателем по тактике в кавалерии.

По документальным рассказам бывшего комэска, ныне майора в отставке Цейера Андрея Григорьевича.

01. 05. 1972 г.

Глава VII. КОМИССАР БЫЛ ШАХТЕРОМ

1

Каждому читателю интересно узнать о жизни и личности одного шахтера при царизме, поэтому расскажу немного о нем.

Он родился за 12 лет до Великой Октябрьской революции в семье рабочего шахтера. В его селе, где он жил, было много таких же рабочих шахтеров, а также были кулаки, бай-манапы и ишаны, муллы, которые эксплуатировали трудовой народ. В этот период, хотя он был еще очень молод, он начинал уже понимать чуждые элементы.

Рабочие шахтеры, в том числе его отец и два старших брата работали 10—12 часов в сутки, а получали гроши. Условия работы были очень тяжелы. Уголь добывался только ручным способом, т. е. кайлом, ломом и кирками. Уголь до вагонеток приносили только на носилках. Рабочие-шахтеры жили в темных землянках, не было бани, отсутствовали всякие санитарно-гигиенические условия. Короче говоря, семьи рабочих жили в жутких условиях, детишки бегали голые, босые и полуголодные, вырастали в темных землянках. Богатые люди хорошо жили. У них были большие хозяйства, огромное количество гектаров земли, многочисленные отары скота. Они жили в хороших домах и имели по несколько батраков, которые ухаживали за скотом и обрабатывали их землю: пахали, сеяли и убирали урожай и обслуживали их.

Дети этих кулаков, бай-манапов с которыми Усман играл, были хорошо одеты, обуты, они всегда в кармане таскали конфеты или другие сладости, или сухие фрукты, которые они всегда жевали перед ихними глазами, даже они

иногда дразнили бедных ребят, вытаскивая из кармана разные сладости, фрукты, показывая им говорили, вот, мол, у нас все есть, а у вас нет. А дети рабочих-шахтеров играя вместе с детьми богачей, бывали иногда в их домах и замечали разницу жизни и быта рабочих-шахтеров и богатых. Они хотя играли с детьми богатых, но на них смотрели злыми глазами, потому, что дети богатых часто над ними издевались и унижали достоинство бедных людей.

В тяжелых условиях на шахтах Сулюкты рабочие-шахтеры трудились до 1917 года.

2

Великий Октябрь 1917 года принес счастье народам и жителям бывшей царской колонии в Средней Азии, в том числе и в далекий, отсталый уголок, в Ляйлякский район, на угольную шахту Сулюкта. С каждым днем идеи великого Ленина все глубже входили в жизнь народов Средней Азии, живших раньше под двойным гнетом: царской России, а так же местных баев, манапов и кулаков. В прошлом унижение и бесправие, утверждались в борьбе новые идеи, представления и новая, невиданная ранее жизнь.

Молодому человеку можно было теперь думать о том, кем быть. Перед юношами киргизами открылись неизведанные пути к науке, знаниям, к любой профессии.

В 1919 году когда Усману Ильмурадову было 14 лет умерли его родители, Усман остался сиротой, надо было думать о существовании и он поступил на работу на каменно-угольную шахту «Сулюкта», где работали отец и братья. Условия работы были все еще тяжелыми, потому, что техника была отсталая, и Советская власть еще не успела восстановить разрушенное первой мировой империалистической войной хозяйство и установить свои законы и порядки. На шахте еще существовали остатки старых методов руководства, на шахте для добычи угля не было ни какой техники, облегчающей труд рабочих, добыча угля производилась по старым способам, такие условия труда были особенно тяжелыми для молодых ребят. Они, молодежь, всегда думали и мечтали учиться и приобрести какую-нибудь профессию. Усман мечтал жить по-новому, приносить пользу Советской Родине. С такими мечтами и желаниями Усман продолжал работать на каменно-угольной шахте «Сулюкта».

У-Усмана осталось в памяти, что в мае-июне 1922 года на шахту откуда-то приехали примерно 50—60 красноармейцев-кавалеристов с командирами. Они у них были 10—12 дней, утром они куда-то уезжали, а вечером приезжали обратно.

Усман с друзьями жил вблизи того места, где остановились эти кавалеристы, Усман всегда засматривался на них. Красноармейцы все были хорошо одеты, обуты. У каждого были винтовка, шашка, шпоры, которые при ходьбе так красиво выглядели, что завидовал весь окружающий народ. Кони у них были все подобраны и красивы. Командиры были тоже хорошо одеты, обуты, у всех были наганы, командирские клинки (шашки), а их тонкие никелированные блестящие шпоры особенно мелодично звенели при ходьбе. Это все прямо завораживало Усмана.

Каждый день после работы подходил Усман к ним близко и долго смотрел на них. Он просто любил этих кавалеристов. На работе Усман рассказывал всем товарищам об этих кавалеристах: какое у них обмундирование, какое у них оружие и кони. Иногда они с ребятами приходили к месту их стоянки, смотрели на них и любовались их формой, оружием, конями, их строем, военной выправкой и их учениями.

Через 10—12 дней они из Сулюкты куда-то уехали. Но в его памяти очень глубоко остались эти кавалеристы. Усман очень часто думал, что если возьмут в Красную Армию из местных национальностей, он пошел бы первым! Это его мечта очень крепко засела в его сердце.

15 августа 1923 года к нему домой приехал посыльный Ляйлякского райисполкома, который Усману сказал:

— Вас приглашает председатель райисполкома тов. Бектемиров Исабек, завтра к 10 часам утра надо явиться к нему.

На следующий день ровно в 10 часов Усман был в райисполкоме и представился молодому человеку, который сидел в приемной председателя. Он быстро вошел в кабинет председателя исполкома и через несколько минут вышел обратно и сказал Усману:

— Входите.

Когда он вошел в кабинет, там сидели сам председатель, а так же Шады Джураев, Мавлянов Разак, Рахманбердиев, которые вместе с Усманом работали в шахте. Председатель исполкома начал спрашивать как живете,

как состояние здоровья, как работаете, не тяжело ли работать на шахте, о родителях и родственниках и т. д. Они отвечали на все заданные вопросы. После этого он ему сообщил, что есть указание Советского правительства о том, что из местных национальностей из рабочих можно брать на службу в Красную Армию молодежь, для подготовки Красных командиров. Есть распоряжение из Ляйлякского района из числа детей рабочих подобрать 6—8 человек добровольцев и направить их в г. Ташкент в распоряжение командира 10-го Туркестанского стрелкового полка. Мы Вас пригласили по этому вопросу. Вы дети рабочих-шахтеров, и вы сами работаете на шахте. Исполком считает вас самой подходящей кандидатурой. Мы решили вас направить в г. Ташкент, в распоряжение командира 10-го Туркестанского стрелкового полка. Вас там будут обучать и готовить как будущих командиров Красной Армии. Как вы смотрите на этот вопрос, и сказал, — вы сейчас можете выйти, подумать и через 15—20 минут я вас приглашу.

Так сказал он. А Усман подумал, неужели же ему выпадет такое счастье, что исполнится его давнишняя, еще полудетская мечта! И перед его глазами стали те красноармейцы, которые приезжали в Сулюкту. Конечно, же они все дали согласие:

— Поедем в Ташкент, будем служить в рядах Красной Армии.

Председатель подошел к ним и сказал:

— Молодцы, ребята, вы правильно поняли решение Советского правительства, мы вас направляем в Красную Армию, как первых представителей рабочих-шахтеров Сулюкты. Мы надеемся, что вы на службе оправдаете доверие исполкома и рабочих-шахтеров. Я уверен, что из вас выйдут хорошие командиры, — добавил он. — Вы сегодня пойдете домой, получите расчет с места работы и 20 августа утром будете здесь снова. Мы вас отправим в г. Ташкент. Вас будет провожать тов. Умарбаев Абдырахман.

В назначенный день Усман был в исполкоме и через несколько минут пришли его товарищи: Джураев Шады, Мавлянов Разак и Рахманбердиев. Там был Умарбаев Абдырахман, который должен был их сопровождать. Сразу пригласили добровольцев войти в кабинет. Когда они вошли, председатель исполкома объявил, что для них все документы и деньги получил сопровождающий тов. Умарбаев, приготовлены лошади и примерно через 2—3 часа вы поедете до ст. Драгомирово, а оттуда поездом до Ташкента. Он пожал каждому руку и сказал:

— Желаю благополучно доехать в Ташкент. До свидания. Служите хорошо!

После этого все выехали. Приехали на ст. Драгомирово и через час поездом выехали в г. Ташкент.

4

22 августа утром добровольцы были в Ташкенте. Разыскали полк, который стоял на ул. Саперной. Их хорошо принял какой-то дежурный и провел к комиссару полка, он с добровольцами разговаривал через переводчика, потому, что новобранцы не знали русского языка. Что говорил комиссар и их ответы переводил тов. Абдырахман Умарбаев, который их сопровождал, он хорошо знал русский язык. После короткой беседы комиссар им сказал:

— Вот ребята, вы русский язык плохо понимаете, но не беспокойтесь, мы примем все меры, чтобы вы научились русскому языку. Мы вас зачислим в подразделение, где есть командиры казахи, вы, наверно, их язык знаете. К нам уже приехали ребята узбеки, казахи, таджики и туркмены. Они тоже плохо понимают русский язык, мы будем нанимать преподавателя, организуем для вас занятия русского языка. Вы, молодые ребята — быстро научитесь русскому языку.

После окончания беседы он вызвал командира и дал ему распоряжение. Он сказал:

— Вот вам пополнение, ведите их к себе, завтра организуйте им баню, санитарную обработку, выдайте обмундирование и зачислите их в взвод, где есть командиры казахи или татары.

Командир привел новобранцев в казарму.

— Завтра после санобработки я приведу вас во взвод, где вы будете служить.

На следующий день утром этот командир пришел и новобранцев перевели в другую казарму, где их принял командир Ишанов по национальности казах. Он, принимая новобранцев, сказал на своем языке:

— Теперь, вы будете в моем взводе, я командир взвода, по всем вопросам обращайтесь только ко мне.

Вот с того дня Усман Ильмурадов стал красноармейцем 10-го Туркестанского стрелкового полка. Начали заниматься, перед ним появились очень большие трудности: все занятия и команды проходили на русском языке, личный состав взвода все русские, а Усман на занятиях сидел как немой, глухой человек. Во время перерыва хочется по-

дойти к русским ребятам и поговорить с ними, а он не знает ни слова по-русски. Русские ребята тоже подошли к ним, что-то спрашивали, но он не понимал, что они говорят. Тогда они отошли от него, а он остался один. Во время строевых занятий стал следить за рядом стоящим красноармейцем, что он делает, он тоже делает так, куда он поворачивает, туда поворачивает и Усман. Во время физзарядки тоже: что делает рядом стоящий красноармеец, он тоже повторяет. Все это заставляло его нервничать. Через некоторое время Усман убедился и узнал, что в его взводе есть красноармеец Абдуллин (татарин). Как-то вечером в свободное время Усман подошел к нему и рассказал о своем затруднительном положении и попросил помочь. Конечно, он сразу понял, о какой помощи он просил, насчет изучения русского языка. Татарин у Усмана спрашивал откуда он приехал, как там живет народ, есть ли родители, учился ли там на своем языке, какой национальности. После такой беседы он ему обещал по мере возможности помогать и он с ним стал дружить. Во время строевых занятий Усман всегда стоял рядом с ним. Во время классных занятий сидел около него. Он ему потихоньку, шепотом делал перевод основных моментов рассказа командира или преподавателя. Когда Усман уже почувствовал его помощь, старался хорошо сдружиться с ним, от него не отставал даже во время завтрака и уже старался сидеть рядом с Абдуллиным, если куда-нибудь надо идти, в клуб, библиотеку, в кино или театр, опять с ним вместе. Он всегда ему объяснял название вещей, предметов, название всех вещей внутри казармы, что надо сказать при встрече с командиром, как надо подойти к командиру. Каждый день в вечернее свободное время Усман подходил к нему и он ему рассказывал основное содержание того, что он проходил днем. Усман всегда в любое время обращался к нему и спрашивал у него непонятные вопросы, Усман получал всегда от него помощь. Усман всегда задавал вопрос на своем языке, а он отвечал на русском языке и тут же делал перевод на киргизский язык. Таким образом, Усман уже через полтора-два месяца стал немножко понимать, когда между собой разговаривают русские красноармейцы.

Кроме того, командир части для незнающих русского языка организовал занятия по изучению русского языка три раза в неделю по 2 часа. Преподаватель был татарин. Главной целью организации занятий для них — это в течение 5—6 месяцев овладеть самой простой разговорной

речью на русском языке. Преподаватель, который проводил с ними занятия по изучению русского языка, свои занятия тоже строил в этом направлении.

Через месяц командир отделения тов. Сидоров назначил Усмана дежурным по роте. Для него появилась еще другая трудность: каждый дежурный или дневальный обязан при приходе командира роты докладывать следующее: «Товарищ командир роты, при моем дежурстве никаких происшествий не было. Дежурный красноармеец такой-то». Ему очень трудно было запомнить содержание этого доклада, хотя во время инструктажа старшина роты ему повторял неоднократно правило и содержание доклада. Все время он думал, как буду докладывать на русском языке, если появится командир роты. Вдруг дневальный казармы ему говорит:

— Товарищ дежурный, идет командир роты.

А у него растроился желудок, начал поправлять свои ремни, рубашку, головной убор. Когда он подошел близко, он ему доложил:

— Товарищ командир, я красноармеец Ильмурадов.

То есть, он забыл правила и форму доклада, которые с ними старшина роты учил во время инструктажа. Командир роты посмотрел на него и улыбнулся. После этого он пошел в свой кабинет, через несколько минут командир вызвал к себе старшину роты и сказал ему:

— Когда назначаете дежурного или дневального из националов, их надо хорошо подготовить, дать им инструктаж отдельно, и через переводчика, чтобы они хорошо освоили обязанности дежурных и дневальных. Они все хорошие, дисциплинированные, исполнительные, только они пока плохо понимают русский язык. Надо им помогать отдельно уделять им внимание.

В результате всесторонне принятых мер со стороны командования полка и личного стремления к быстрейшему изучению русского языка, в течение примерно 6—7 месяцев Усман Ильмурадов стал более или менее прилично понимать рассказы командира и преподавателей на занятиях, начал разговаривать с русскими ребятами. Во время занятий, если командир или преподаватель задавал вопросы, он уже начал отвечать на русском языке, хотя с трудом. Теперь во время занятий, в перерыве и в свободное время Усман стал обращаться и разговаривать с русскими ребятами и стал с ними дружить. Это тоже помогло ему быстрее овладеть простой разговорной речью.

Через 6 месяцев Усмана перевели на курсы по подготовке младших краскомов. На курсах, кроме русских были представители разных национальностей Средней Азии: узбеки, казахи, таджики, туркмены и киргизы. Большинство командиров взвода были татары, казахи, например: Ишанов, Джаламанов, Бейсенбаев, Абдуллин и др. Начальником курсов был Барабашев. На курсах их считали курсантами, будущими краскомами и условия были созданы для учебы хорошие. Большинство занятий с ними проводили в классах, только стрельбу или тактические учения проводили в поле. Командный состав курсов с курсантами обращался очень вежливо, при разговоре с курсантами во время занятий были внимательны, объясняли непонятное. Командование и партийная организация, все окружили курсантов настоящей отцовской заботой. Они стремились, чтобы им, курсантам, создать хорошие условия. Все вопросы и просьбы курсантов они решали быстро и удовлетворяли их просьбы. Очень часто с ними проводили групповые или индивидуальные беседы, спрашивали как самочувствие, как идёт учеба, все ли понятно на русском языке, какие есть трудности, получаем ли письма из дома, как там живут родители, пользуются ли они льготами, положенными для семей военнослужащих.

На курсах занятия с ними проводили в основном на русском языке, отдельные непонятные вопросы тут же переводили, т. к. занятия проводили командиры татары или казахи. Благодаря такой заботе со стороны командования и партийной организации курсов для них было понятно обучение. Они день ото дня чувствовали и замечали у себя свой рост знаний и понимание русского языка. Каждый день отходили от них те трудности, которые они переносили в начале в результате незнания русского языка.

На курсах они через несколько месяцев начали принимать участие в самостоятельности. Они выступали на своих языках, т. к. большинство курсантов были нерусских национальностей. Они друг друга понимали хорошо. Они здесь начали активно принимать участие в общественной и политической жизни курсантов. Политические, военные темы не представляли для них трудностей. Все уставы, наставления являющие законом в жизни и быта Советской Армии в результате упорства изучения так же стали хорошо осваивать и выполнять на практике. За период обучения на курсах подготовки младших командиров Усман

получил военное образование и практические навыки в объеме необходимом для младших краскомов. Через 9 месяцев они окончили курсы и согласно указанию военного округа всех перевели в Ташкентское военное училище им. В. И. Ленина по подготовке средних командиров для Советской Армии. В школе было несколько отделений: общевоинское, артиллерийское, связи и кавалерийское.

Все не русские национальности попали на общевоинское отделение, а через полтора года его перевели на кавалерийское отделение, где Усман учился до конца срока обучения. В школе в течение последнего года обучения, кроме программных тем с целью получения практических навыков, курсантам поручали следующие работы: проведение политинформаций, политбеседы, доклад для курсантов, доклад на комсомольском собрании.

Конно-строевые занятия, изучение материальной части оружия так же поручали курсантам.

Во время тактических занятий на поле курсанты по очереди командовали отделениями, взводами и решали тактические задачи. Все курсанты даже практиковали как открывать общее красноармейское собрание, тем самым командование и партийная организация школы ставили перед собой цель — курсантам не русских национальностей дать больше практических навыков, как будущим командирам. Такой метод помощи для нерусских курсантов был очень полезен.

6

В сентябре 1927 года Усман окончил военную школу имени В. И. Ленина и был направлен в Киргизский кавалерийский дивизион на должность командира взвода. После окончания отпуска он приехал в город Пишпек, в распоряжение командира отдельного кавалерийского дивизиона.

Когда Усман впервые здесь увидел регулярное национальное формирование частей Красной Армии, перед его глазами предстали дореволюционные киргизы с их политической, экономической и культурной жизнью и правах при царском самодержавии, какой это был контроль. До Великой Октябрьской революции Киргизия была одной из самых отсталых окраин Российской империи. Много горя и страданий перенес киргизский народ за свою многовековую историю, из поколений в поколение он вел героическую борьбу против бесправия и темноты, произвола и гнета,

нищеты и вымирания, за свое счастье, за свободное национальное развитие.

При царизме киргизский народ не имел права не только создать регулярное национальное формирование частей Красной Армии, но даже не имел права держать в руках боевое оружие.

Только Великая Октябрьская Социалистическая Революция ознаменовала коренной поворот в исторических судьбах киргизского народа. Сбылась вековая мечта о независимости родной земли, о свободе и счастье, стать полноценным хозяином своей величественно и сказочно красивой природы с ее удивительными контрастами, чистым воздухом гор и ярким солнцем.

7

В 1924 году решением II сессии ВЦИК Киргизия выделялась из состава Туркестанской АССР в самостоятельную автономную область непосредственно входящую в состав РСФСР и через 2 года, т. е. в 1926 году Президиум ВЦИК принял решение о преобразовании Киргизской автономной области в Киргизскую автономную Советскую Социалистическую Республику. Это положило начало созданию государственности киргизского народа, которая дала возможность уничтожения социального и национального гнета. Национальное самоопределение киргизского народа создало благоприятные условия для привлечения широких масс трудящихся к управлению государством, что способствовало быстрому росту и выдвижению национальных кадров в партийный советский и хозяйственный аппарат. В этот период сохранившиеся ещё пережитки родовых отношений, засоренность местных органов враждебными элементами, тяжелые последствия гражданской войны, действия басмачества на территории Киргизии очень сильно повлияли на то, что процент восстановления народного хозяйства в Киргизии шёл медленными темпами, это требовало всестороннего усилия киргизского народа и партийной организации Киргизии быстрее восстанавливать и дальше развивать промышленность и сельское хозяйство республики, которые характеризовали тот период следующим образом. В 1926—1927 гг. в Киргизии действовали хлопкоочистительный завод, шелкомотальная фабрика, кожевенный завод, кирпичный завод, 2 лесопильных завода, каменно-угольная промышленность. Количество рабочих было только 2768 человек. Посевная площадь составляла

264,654 десятины, поголовье скота было 474,721 голов, население в республике составляло 736,834 человека. Из них грамотных составляло примерно 6%.

Поэтому в этот период, т.е. с 1925—28 гг. перед киргизским народом и партийной организацией Киргизии стояли величественные задачи: провести индустриализацию и развивать промышленность республики, поднять сельское хозяйство и ежегодно увеличивать количественно-качественные посевные площади республики, поднять животноводство, количественно и качественно увеличивать поголовье скота, подготовить и провести земельно-водную реформу и коллективизацию сельского хозяйства республики, усилить культурное строительство, вести ожесточенную и беспощадную борьбу против внутренних и внешних врагов партии и народа Киргизии, против кудайкуловской группы, выражавшей интересы бай-манапства, буржуазных националистов, против баев, манапов и кулаков, стремившихся всеми способами пробраться в партийные, советские и руководящие органы республики, против басмачества, действующего на территории Киргизии, мешающих проведению политических и хозяйственных мероприятий республики.

8

Киргизское правительство и партийная организация Киргизии, приступая к выполнению вышеперечисленных задач, одновременно с решением Советского Правительства в 1925 году создало территорию Киргизии, проводили регулярные национальные формирования частей Красной Армии. В 1925 году формирован киргизский отдельно-кавалерийский эскадрон и школы по подготовке младших командиров. В 1927 году киргизский отдельный кавалерийский дивизион в 1931 году превращен в отдельный кавалерийский полк. Эти киргизские кавалерийские части существовали 13 лет, т.е. с 1925 по 1938 год. В течение всех этих периодов, т.е. 13 лет Усман Ильмурадов служил в киргизских кавалерийских частях в должности — командир взвода, комиссар школы по подготовке младших командиров, пропагандист полка. Личный состав эскадрона, дивизиона и полка характеризовался следующим: рядовой состав в основном были киргизы и очень маленький процент других национальностей. Младшие командиры были только киргизы. Командно-политический состав тоже в основном были киргизы, было несколько казахов, татар и уйгур-

цев. А командирами отдельного эскадрона, отдельного дивизиона и полка были русские товарищи. Грамотность красноармейского состава была примерно 6—7%, партийно-комсомольские прослойки были так же очень малочисленны. Киргизское правительство и партийные организации принимали серьезные меры по ликвидации неграмотности среди красноармейских составов. Мобилизовали и направили дивизиону группу учителей, например Идрисов Аскар, Убукеев Айткул, Шабданов, Айдралиев и другие, которые обучали красноармейцев по общеобразовательным предметам. В результате таких мероприятий все неграмотные и малограмотные красноармейцы в течение 3-х летней службы стали грамотными, после демобилизации из армии могли поступить в разные гражданские учебные заведения: техникумы, партийно-советскую школу, специальные курсы и т. д. Партийно-комсомольские организации и командно-политический состав Киргизской кавалерийской части при проведении политико-воспитательных работ встречали следующие религиозные факты, которые иногда мешали проведению политико-воспитательных работ среди красноармейцев. Например, отдельные призывники с собой принесли тумары (талисман), где написаны цитаты из корана и долгое время держали их при себе, многие красноармейцы в бане стеснялись снимать всю одежду и не снимая нижнего белья, купались. Во время медосмотра стеснялись подойти к врачу голыми, отдельные красноармейцы даже держали уразу (пасха), если в случае кто-нибудь из красноармейцев на кухне заметят свинное мясо они отказывались от обеда или ужина. На все это требовалось провести очень большую кропотливую разъяснительную и воспитательную работу среди красноармейского состава. Партийной организации и командно-политическому составу пришлось не только ликвидировать неграмотность и малограмотность но и остатки вероисповедования, религиозные обычаи, мешающие проведению коммунистического воспитания красноармейцев. Проводили в неделю два раза политзанятия, один раз политинформацию и в месяц 2 раза доклад-лекции о международном и внутреннем положении Советского Союза и политических хозяйств, жизни республики.

В деле воспитания красноармейского состава, активно принимали участие местные партийные и комсомольские организации.

Секретари обкома, горкома партии, обкомы, горкомы комсомола систематически выступали перед красноармей-

цами по вопросам о международном и внутреннем положении, о политических и хозяйственных успехах республики, о политических и экономических задачах, стоящих перед республикой. После каждого выступления был дан концерт или показ кино. Все эти мероприятия были направлены на усиление коммунистического воспитания красноармейцев, на ликвидацию у остальных людей религиозных обычаев, обрядов, подготовить полноценных и преданных своей Родине защитников. Все эти работы даром не прошли. Бойцы и командно-политический состав, киргизские кавалерийские части всегда показывали свою преданность и готовность к защите своей Родины. В памяти населения республики всегда остаются киргизские кавалеристы и их боевые дела.

Киргизские национальные формирования за период своего существования (13 лет), среди населения республики проделали очень большие и неопределимые работы: среди населения республики распространили великое выполнение задачи Красной Армии, пропагандировали политические и хозяйственные решения партии и советского правительства, проводили военные работы среди населения, на фабриках, заводах, совхозах, колхозах и среди молодежи республики, а в период сбора урожая оказывали помощь колхозам, совхозам по сбору урожая. Особенно большие работы проводили по подготовке кадров для Советской Армии, для партийных, советских и хозяйственных органов. Все отслужившие срок службы — младшие, средние командиры и красноармейцы, прибывшие в свой район, сельские Советы, колхозы и совхозы стали активистами в деле проведения агитационно-пропагандистской работы среди населения по разъяснению политических, экономических, культурных и строительных мероприятий партии и Советского правительства.

Они были проводниками культуры среди населения республики. Многие командиры, политработники, младшие командиры и красноармейцы на местах стали руководителями сельских советов, колхозов, совхозов, председателями районных, городских советов, секретарями горкомов и райкомов партии. Кроме того, многие младшие командиры и красноармейцы после демобилизации из Армии в республике занимали высокие партийные, советские и хозяйственные руководящие посты, например:

— Кадыркул Качкеев был старшиной эскадрона, после демобилизации он работал секретарем райкома партии, председателем облисполкома, Министром сельского хозяй-

ства республики, поспредом при Совете Министров Союза ССР от Киргизской Республики, руководителем треста Союзного значения;

— Рысбаев Абдыкерим был красноармейцем-связистом. После демобилизации работал секретарем горкома партии, председателем облисполкома, секретарем ЦК КП Киргизии и председателем партийной комиссии при ЦК КП Киргизии.

— Джаналиев Кадыралы был красноармейцем-труба-чем, после демобилизации работал секретарем обкома пар-тии, секретарем ЦК КП Киргизии, зам. Министра социаль-ного обеспечения.

— Камбаров был красноармейцем, после демобилиза-ции работал секретарем ЦК комсомола Киргизии;

— Султанбеков был красноармейцем, после демобили-зации работал секретарем ЦК Компартии Киргизии;

— Рысмендиев был красноармейцем, после демобили-зации работал зав. административным отделом ЦК КП Киргизии, погиб на фронте;

— Ордобаев Абдылда был красноармейцем, после де-мобилизации работал председателем Верховного суда рес-публики;

— Нурбаев, был младшим командиром, после демоби-лизации был министром социального обеспечения респу-блики;

— Чукеев был красноармейцем, после демобилизации работал зав.отделом ЦК КП Киргизии по кадрам.

9

Киргизские национальные формирования как вооружен-ные силы республики в 1927, 1928, 1929, 1930 годах неодно-кратно проводили боевые операции против басмачей, ору-дующих на территории республики: в Ошской, Джалал-Абадской, Тянь-Шаньской, Таласской и Чаткальской доли-нах, где киргизские кавалеристы ликвидировали банды басмачей и тем самым жителям указанных территорий об-еспечили мирную жизнь.

В истории Киргизской Республики в период с 1926 по 1938 годы в памяти киргизского народа остались 14-летняя история киргизского национального формирования частей Красной Армии Советского Союза. Об их боевых делах в киргизском народе всегда будут помнить.

23. 06. 1972 г.

Глава VIII. СХВАТКА У ПЕРЕВАЛА

1

Это было 1 августа 1930 года. Время 10 часов, только что закончились политические занятия, командиры начали строить свои подразделения, чтобы вести их на стрельбище. Вдруг трубами заиграли сбор командиров. Все командиры, оставив свои подразделения на месте быстро собрались в штабе дивизиона. Командир дивизиона очень торопливо и тревожно сообщил, что из округа получено распоряжение:

— Наш дивизион завтра, т. е. 2 августа, должен быть в Ташкенте в полной боевой готовности. О дальнейшем получим приказ в Ташкенте. Командир хозяйственной части и командир хозяйственного взвода остается здесь в лагерьях, остальные командиры подразделений быстро соберите красноармейцев, проверьте состояние оружия, получите боеприпасы и к 14-00 часам всем привести свои подразделения на станцию Пишпек и быть готовым к погрузке.

Командир взвода тов. Кузембаев Кожобек! Вас назначаю начальником эшелона, комиссаром эшелона назначен политруководитель тов. Ильмурадов Усман. Товарищ Кузембаев, вы сейчас же поезжайте на станцию Пишпек принимать эшелон, распределить вагоны по подразделениям. Я сейчас еду в обком партии, откуда так же приеду на станцию.

Получив распоряжение, все командиры быстро собрав свои подразделения, провели готовность состояние оружия, конского состава и, получив боеприпасы, к назначенному часу свои подразделения привели на станцию Пишпек, на воинскую площадку и ждали приказа командира дивизиона.

2

Через полчаса командир дивизиона, а с ним председатель ЦК тов. Уразбеков Абдыкадыр, секретарь Киробкома тов. Садаев Жайнак, секретарь обкома комсомола и представитель облвоенкомата прибыли. Состоялся короткий митинг. На митинге выступали с напутствующими словами товарищ Уразбекова, Садаева и секретарь обкома комсомола. После окончания митинга командиры быстро и организовано погрузили свои подразделения в вагоны. Ильмурадов Усман, как комиссар эшелона быстро распределил

агитаторов и коммунистов по вагонам, обеспечил свежими газетами, журналами, книгами и боевыми листками.

Звонок на отправку эшелона. Итак, ровно в 16-00 часов эшелон тронулся, взяв направление в г. Ташкент. Паровоз взял сразу необычайную скорость. Агитаторы и коммунисты на ходу начали проводить беседы среди красноармейцев о дисциплине движения в пути, о военной тайне, сохранения своего оружия в полевой обстановке, о том, что без разрешения нельзя выходить из вагона, когда эшелон останавливается на станции, и т. д. Эшелон до города Ташкента останавливался только на станциях Аулизата Чимкент.

2 августа в 16-00 часов наш эшелон прибыл в г. Ташкент и остановился на воинской площадке, где эшелон встречали командующий округом тов. Дыбенко, начальник политуправления округа и несколько офицеров из штаба округа.

Командир дивизиона построил всех командиров перед эшелом и доложил командующему округа. Товарищ Дыбенко поздоровался с командирами и объявил содержание своего приказа. Он сказал:

— В Ферганской долине, на территории Ошской, Джалал-Абадской областей действуют несколько групп басмачей, которые ночью налетают на мирных жителей, кишлаки, аулы, колхозы, совхозы и убивают людей, грабят имущество, угоняют скот, лошадей и грабят магазины. Банды не дают покоя жителям, не дают заниматься своим мирным трудом.

Командование округа решило послать туда для ликвидации этой банды басмачей Киргизский кавалерийский дивизион, т. к. Киргизский дивизион отлично выполнял боевые задания по ликвидации банд басмачей на Таласской, Чаткальской и Тянь-Шаньских территориях. Командование округа на этот раз тоже поручает боевую задачу дивизиону и уверена в том, что личный состав дивизиона так же выполнит эту задачу и уничтожит банды басмачей, действующих на указанных территориях, восстановит покой и мирную жизнь для жителей Ферганской долины и жителей Ошской, Джалал-Абадской областей.

— Мы вам привезли новые пулеметы «Льюис», каждый взвод получит по 2 пулемета. Мы вам дадим инструктора, который поедет с вами в город Ош, он вам объяснит, как с ним обращаться, разборку и сборку, как заряжать и стрелять. Потом вы сами можете подготовить своих пулеметчиков. Этот пулемет не очень сложен, им можно быстро

овладеть. Желая всему личному составу дивизиона боевого успеха и без потерь возвратиться с победой. До встречи здесь, на этой площадке!

Пока командиры получали пулеметы, Усман Ильмурадов успел собрать парторгов, комсоргов и агитаторов и в течение 20—25 минут перед ними были поставлены новые задачи, в соответствии с устным приказом командующего округа товарища Дыбенко о ликвидации банды басмачей, действующих на территории Ошской, Джалал-Абадской областей.

В 17-00 часов 2 августа наш эшелон тронулся, взял направление в г. Ош. В пути в командирском вагоне инструктор начал заниматься с командирами, пулеметчиками по пулемету «Льюиса», парторги, комсорги в то же время начали с красноармейцами беседы: о боевых задачах дивизиона, поставленных командующим округом по ликвидации банды басмачей. Рассказывать об итогах боевых действий, операций, проведенных дивизионами по ликвидации басмачества на Таласской, Чаткальской, Тянь-Шаньских территориях, рассказывать о героях красноармейцах и младших командирах, отличившихся во время боев, рассказывать, кто такие банды басмачества, какие у них цели, кто им помогает, откуда они берут оружие и боеприпасы, об их варварских действиях против Советской власти, против коммунистов и комсомольцев, советских активистов. Во время беседы красноармейцы тоже высказывались о варварских действиях басмачей и они говорили: «Это боевая задача. Нам поручено и доверено нашему дивизиону, мы должны с честью выполнить, надо уничтожить все эти банды до единой, дать мирную жизнь жителям Ферганской долины. Быстрее достигнуть места, где они действуют, мы им покажем, что такое Красная Армия и наши кавалерийские клинки!»

Среди красноармейцев-курсантов были многие ребята из Советского, Курбашского, Гульчинского, Алайского районов, где в основном орудовали банды басмачей. Они из дому получали письма, где родители сообщали о чудовищных, зверских действиях басмачей. Поэтому красноармейцы-курсанты из указанных районов с нетерпением желали быстрее доехать до цели нашей поездки и встретиться с этими басмачами и уничтожить их в их берлоге и освободить жителей Ошской, Джалал-Абадской областей от страха перед налетами басмачей, создать им мирную жизнь.

В 17-00 3 августа наш эшелон прибыл на станцию г. Ош, где Киркавдивизион ждали председатель облисполкома, секретарь обкома партии, обкома комсомола и многие представители городских, партийных, советских, общественных организаций. Состоялся митинг, на котором выступили секретарь обкома партии и обкома комсомола, горкома партии, а так же один рабочий шелкокомбината тов. Иминов. С ответным словом выступил комиссар дивизиона школы тов. Ильмурадов Усман.

После митинга дивизион походным маршем двинулся по маршруту Ош, Куршан, Узген, Советский район. Село Алайка и Кёк-Су — конечный пункт. По дороге до реки Кёк-Су политработники проводили разъяснительную работу среди населения. Во время мелких и больших привалов, где останавливался дивизион, жители этих местностей мужчины, женщины и дети собирались возле красноармейцев, они всегда спрашивали: откуда прибыли, куда едем. В это время агитработники сразу организовали с ними беседу о международном положении, о политических и экономических успехах Советского Союза, о басмачестве в отдельных районах. А так же о жизни и о социалистическом строительстве в Киргизии, о новых заводах, электростанциях, школах, которые строятся у нас.

Во время беседы жители сами рассказывали о басмачах, как они нападают ночью, забирают хороших лошадей, гонят овец, коров, грабят магазины и даже насильно увозят девушек и женщин. Мы узнавали из их рассказов о численности банд, какое у них есть оружие, куда они уходят, где скрываются. Эти наши работы среди населения были очень полезны. Почти весь личный состав отряда изучали настроение жителей этой зоны, где орудуют банды басмачей, через них и по их данным оперативных разведок примерно установили, где они находятся, они нам рассказывали о варварских действиях басмачей и где, кого они убивали в последнее время. Где дивизион останавливался и делал привалы, везде местные жители окружали красноармейцев. Они всегда старались угостить красноармейцев, командиров айраном, молоком, жармой, кумысом, фруктами.

5 августа дивизион занял позицию исходную на северном берегу реки Кёк-Су. Здесь командование дивизиона организовало полевую жизнь, вели подготовку выполнения боевой задачи Родины. В распоряжении командира дивизи-

зиона была рация и командир дивизиона ежедневно имел связь с командующим округом.

Продуктов и фуража для конского состава им подбирали самолетом. Они здесь проводили следующую подготовку: изучали тактику басмачей, дороги, уточняли местонахождение басмачей, через разведку и перебежчика устанавливали приблизительную численность банды, точное местонахождение, вооружение, кто их главари (курбаши). В этом деле главную роль играли опытные разведчики — старшина Кадыркул Качкеев, и Турдубек Усупбеков, они всегда на тактических учениях тоже выполняли обязанности начальника заставы, которые они выполняли отлично. Примерно числа 20 августа Качкеев, взяв несколько курсантов, поехал с ними в разведку по направлению к перевалу Карачал. Под вечер они привели одного человека, живущего на этой территории, где расположились банды басмачей. Командир дивизиона ему кое-что обещал и не отпускал его домой, он был до конца подготовки. Он рассказывал нам всем о месте расположения басмачей, о состоянии дорог, о численности банды басмачей, о том, какое у них есть оружие и обещал быть проводником.

23 августа командир дивизиона, собрав всех командиров, сказал:

— Наша подготовка для выполнения боевой задачи закончена. Завтра буду докладывать командующему округу о том, что дивизион готов к выполнению задачи. Завтра и послезавтра никаких занятий не проводить. Пусть красноармейцы отдыхают.

После этого все командиры, возвратившись к своим подразделениям, красноармейцам объявили решение командира дивизиона, которое красноармейцы приняли с большой радостью. Среди красноармейцев были слышны многие голоса, мы с нетерпением ждем того дня, когда приступим к выполнению боевой задачи. Можно было заметить на лице каждого красноармейца радостное выражение. В приподнятом настроении они между собой разговаривали только о начале боевых действий против банды басмачей. Каждый красноармеец и курсант школы начали личную подготовку: проверку исправности своего оружия — винтовок, пулеметов, клинков и подгонять свое снаряжение.

25 августа примерно в 12-00 часов командир дивизиона собрал к себе всех командиров и сообщил, что командующий округом приказал 26 августа в 5 часов утра приступить к выполнению боевых задач и закончить до 17-00 часов. Первой группе из 3-х взводных составов под командованием начальника дивизиона школы товарища Ильмурадова У. двигаться. Переправиться через реку Кёк-Су, по ущелью Карачал, где должны встретиться с противником. Второму отряду под командованием тов. Цейер комиссару отряда тов. Алиеву Асану двигаться по направлению из западного фланга противника, и 5 часам утра дойти до перевала Карачал, где встретитесь с первым отрядом с расчетом к 5 часам утра 6 августа встретиться с противником.

— Я со штабом буду двигаться за первым отрядом. У нас есть проводник. Он будет в распоряжении комиссара первого отряда тов. Ильмурадова. По уточненным данным перед перевалом Карачал находятся Ады курбаши и Айтмекер, у них имеется более 300—400 хорошо вооруженных бандитов. Товарищи Муров и Ильмурадов, вашим отрядам предложена очень большая боевая задача — уничтожить эту банду.

Получив приказ командира дивизиона все командиры разошлись по своим подразделениям. Ильмурадов с начальником школы тоже пришли к своему отряду. Собрали личный состав отряда и объявили им приказ командира дивизиона о том, что в 24 часа будем двигаться для выполнения боевой задачи по направлению перевала. Под перевалом Карачал находится большая банда басмачей, уничтожение которой поручено отряду Ильмурадова и Мурова.

Личный состав отряда быстро пообедали и приступили к подготовке, кормили лошадей и каждый курсант и командир проверяли свои вещи и конское снаряжение, чтобы не забыть ничего, не оставить здесь у места стоянки. В 23-00 часа начальник школы Муров построил отряд, выделил одно отделение, как головную заставу под командованием старшины тов. Кадыркула Качкеева и поставил перед ним задачу — головная заставка будет двигаться впереди отряда на 3—4 км. Товарищ Качкеев, получив приказ, двигался по направлению перевала Карачал, он взял с собой того человека, которого несколько дней тому назад сам взял в плен на территории перевала. Через 20—25 ми-

нут за головной заставой двинулся наш отряд. По приказу наш отряд в 5 часов утра должен быть под перевалом, где сосредоточены основные силы банды басмачей. По данным разведки дороги очень узкие, каменистые и во многих местах имеются обрывы. Это все медлит движение отряда. Но состояние дорог не должно быть тормозом для движения боевых отрядов. В назначенное время отряд должен овладеть намеченными рубежами.

Итак, они двигались по направлению перевала. Начальник школы тов. Муров на каждом определенном расстоянии просматривал карту и сверял свои расчеты движения. Время уже 4-00 часа. Остался один час до намеченного пункта, т. е. до перевала. В это время навстречу подъехал посыльный от головной заставы с донесением. Начальник головной заставы докладывает, до перевала есть еще маленький перевал, он находится там, между маленьким перевалом и перевалом Карачал. Здесь есть долина, где сосредоточены все банды басмачей в 75—80 юртах. Видели очень большое стадо коров, овец и лошадей. Подход к расположению басмачей хороший, есть глубокий овраг, по которому можно близко подойти к их расположению, только надо коней вести на поводу, я дальше двигаться не буду. Жду вашего подхода.

Отряд начал форсировать движение. В 4.40 часа они уже дошли до места, где остановилась конная разведка, т. е. под маленьким перевалом. Главную силу встретили начальник головной разведки тов. Качкеев, а с ним был проводник Максумхан. Качкеев тихим голосом доложил:

— Вот за этой сопкой расположены басмачи, мы точно установили, что у них нигде нет постов, подступ для подхода ближе к расположению басмачей хороший, затем идти в атаку.

Ильмурадов с тов. Муровым потихоньку поднялись на сопку, посмотрели на юрты и подступ к подходу и быстро спустились обратно и, посоветовавшись, решили отряд построить в две шеренги. Задачи первой шеренги свалить все юрты и перетащить на 20—25 метров дальше от места стоянки. Задачи второй шеренги уничтожить всю банду на месте. Решив вопрос, как отряд должен атаковать спящих басмачей, начали подниматься на маленькую сопку. Когда расстояние до юрт оставалось примерно 300 метров, остановились. Время уже 6 часов. Ильмурадов дал команду:

— Шашки к бою, для выполнения задачи — вперед!

Кавалеристы, ожидавшие эту команду, сразу рванули

вперед. Муров наблюдал, как получится с юртами. Когда кавалеристы свалили и перетащили все юрты дальше, не осталось ни одной стоящей юрты. В этот момент тов. Муров командовал второй шеренге:

— Шашки к бою для уничтожения банды басмачей — вперед!

Сразу с места рванули карьером, налетели на басмачей, растерявшихся от страха. Действовали силы кавалерийских шашек. Отдельные басмачи, успевшие кое-как одеться, бежали в сторону, но они тоже попадали под острые шашки кавалеристов. Один басмач имел в руках пистолет, бежал и стрелял в воздух. В это время младший командир Абдибеков Кошой карьером догнав его, ударил шашкой, тот упал намертво. Другие красноармейцы так же действовали по примеру Абдыбекова Кошой.

Ликвидация банды басмачей в их берлогах продолжалась до 13—14 часов. Киргизские кавалеристы героическими действиями выполнили боевую задачу Родины. На земле, где были расположены банды басмачей, остались их мертвые и окровавленные тела и раздавленные их юрты. Среди убитых оказалось ожирелое тело главаря басмачей Ады курбаши. После уничтожения банды по приказу командира дивизиона, командир отряда тов. Муров собрал весь личный состав отряда и быстро провел короткий митинг. На митинге выступил командир дивизиона, он поздравил личный состав отряда с отличным выполнением боевой задачи, поставленной перед отрядом. После командира дивизиона, Ильмурадов, как комиссар отряда, также поздравил командиров и курсантов, отметил их мужественные действия и отличное выполнение боевых заданий партии правительства.

После митинга командир дивизиона дал распоряжение двигаться обратно по маршрутам по которым приехали. На берегу Кёк-Су два дня будет отдых. 27 августа в 4 часа ночи отряд был на реке Кёк-Су, где нас ожидал второй отряд. Согласно распоряжению комдива каждое подразделение заняло свои места на 2-дневный отдых.

29 августа в 10 часов утра дивизион в полном составе двинулся по направлению к городу Ош. Через двое суток дивизион прибыл на железнодорожную станцию г. Ош, где дивизион встретили руководители обкома партии, облисполкома, обкома комсомола и более 500 человек городских людей. Состоялся митинг, на нем выступили секретарь обкома партии, председатель облисполкома, представители обкома комсомола, а также рабочий шелкомотального ком-

бината. После окончания митинга дивизион погрузили в вагоны и в 16-00 часов 1 сентября поезд тронулся, взяв направление Ташкент — Фрунзе.

5

3 сентября в 12-00 часов на ташкентском вокзале дивизион встретили — командующий Туркестанским военным округом товарищ Дыбенко, начальник политуправления округа, а с ними была группа офицеров. Состоялся краткий митинг, где перед личным составом дивизиона выступили командующий округом тов. Дыбенко, начальник политуправления округа. С ответным словом выступил, как комиссар отряда, Ильмурадов.

4 сентября в 18-00 часов поезд прибыл на станцию Пишпек, где Ильмурадова ожидали руководители партийно-советских и комсомольских организаций республики. Они выступали перед личным составом дивизиона, поздравляли с успешным выполнением боевых заданий Родины. За эту операцию Киргизское правительство наградило многих бойцов и командиров дивизиона.

Итак, были ликвидированы последние остатки банды басмачей на территории Ошской и Джалал-Абадской областей.

Киргизская кавалерийская часть наводила страх на банды басмачей, действующих на территории Киргизии и в Ферганской долине. Киргизские кавалеристы, неоднократно проводившие боевые операции против банды басмачей, не знали поражения, славились боевыми делами. Они заслужили глубокую признательность, уважение и любовь со стороны народов республики. Боевые действия киргизских кавалеристов против банды басмачества и их ликвидации было высоко оценено командующим Туркестанским военным округом и нашей Родиной.

Этими историческими воспоминаниями обращаемся к нашей молодежи, здесь мы открыли перед Вами одну страницу истории Киркавдивизиона, рассказали эпизод о борьбе с классовыми врагами на заре Советской власти в нашей республике. Их преданность Советской Родине должна явиться примером для Вас. Принимайте эстафету отцов!

По рассказу активного участника этой операции, бывшего комиссара школы, младших командиров Киркавдивизиона, ныне полковника в отставке У. Ильмурадова.

Глава IX. НАШ ДЖИГИТ

1

В селении Джаныбек, Чуйского района, после освобождения от кабального труда баев и манапов, батраки радостно трудились на своем земельном участке. В том числе родители Ногойбаева Дуйше. Шли годы, подростки стали джигитами. В 1925 году распространился слух, что в городе Пишпеке формируется национальная кавалерийская часть, из его односельчан много товарищей добровольно ушли в город Пишпек, большинство обратно вернулись домой, по состоянию здоровья не приняли.

Посчастливилось пятерым товарищам: Джалибанову Абиир, Кулболсунову Арпачы, Мирзабекову Мамбетмырза, Усубалиеву Салью и Мамбеталиеву, они были приняты и служили красноармейцами в отдельном Киргизском кавалерийском полуэскадроне.

Джигиту Ногойбаеву не пришлось вместе служить с односельчанами. В 1925 году начали вербовку в военную школу в город Ташкент по направлению областного комитета комсомола. Джигит Дуйше получил от Киргизского территориального военного комиссариата разверстку и выехал в город Ташкент, где поступил курсантом подготовительного отделения Объединенной Средне-Азиатской военной школы, где он встретил много товарищей из Киргизии: Мукашева Булата, Кузембаева Ходжабека, Алиева Асана, Доскенова, Орозбаева, Телегенова и много других.

В 1927 году школа влилась во вновь сформированную Средне-Азиатскую военную школу им. Ленина. В 1927 году в августе месяце школа послала Дуйше на стажировку в Киргизский кавалерийский дивизион, где он встретил своих односельчан. Они один за другим подошли к нему, друзья обнимались, целовались, спрашивали обо всем, вспоминали о родном селе, о тех товарищах, которых не приняли. Такие же командировки последовали и в 1928 году. Дуйше не верилось, что вчерашние дехкане-киргизы сегодня стали так похожи на рыцарей. Вид у них стал воинственным, стройным, высоко-культурным как потомственный солдат, отличниками боевой и политической подготовки.

Что прошли в школе теоретически, здесь Дуйше проходил практически с бойцами, получал навык. Помогали ему командиры, давали советы как вести себя перед бойцами, как организовывать занятия с красноармейцами, чтобы бы-

ло интереснее и доходчивее бойцам. Здесь особенно отличились командиры Алиев, Джураев, Кузембаев и др.

Выше он упоминал, что в 1925 году поступил в военную школу и с того момента его судьба была тесно связана с военной службой. В 1929 году окончил Средне-Азиатскую военную школу им. Ленина по кавалерийскому отделению с правом продвижения на должность командира взвода и направлен в Отдельный Киргизский кавалерийский дивизион. В 1929 году прибыл в Отдельный Киргизский кавдивизион и зачислен в списки на должность командира взвода.

2

В борьбе с контрреволюционными бандами-басмачами Киргизский кавалерийский дивизион сыграл немалую роль, оправдал доверие перед Родиной.

В 1929 году 3-го октября утром командир дивизиона товарищ Швецов вызвал в штаб дивизиона командира взвода Кузембаева и Дуйше Ногойбаева, где сидел начальник политотдела Киргизского территориального военного комиссариата Заболонков. Товарищ Швецов в кратце сообщил, что в Таласской долине баи и манапы готовятся к восстанию против Советской власти.

— Ваша задача состоит в том, чтобы застать врасплох и не дать им уйти в горы, поймать главарей вам помогут местные партийно-советские органы и районные отделения ОГПУ. Отрядом руководит начальник политотдела, заместителем назначаю Кузембаева, поедет с вами старшина эскадрона Абдыбеков Куней. Вопросов нет? Нет.

Зам. начальника отряда Кузембаев Хаджибек приказал Абдыбекову всех лошадей проверить, больных заменить, перековывать по-зимнему, получить боеприпасы, проверить обмундирование и снаряжение.

Дуйше джигиту приказал срочно выехать на станцию Пишпек, дать заявку начальнику станции, погрузка в 18 часов вечера. Ровно в 18 часов отряд в конном строю подъехал к погрузочной площадке.

5 октября утром отряд в конном строю прибыл в районный центр в поселок Кирова. Кулаки и приспешники к ним намеревались восстать и присоединиться к бандам Чаткальской долины, собрать большую силу и ударить мощным кулаком, ограбить госучреждения, убить коммунистов-активистов и установить панисламизм. Но они просчитались. Отряд разделился на три группы, каждая груп-

па составляла гарнизон, дислацировали селение Ленинполь, селение Талас, основное ядро и штаб остались в селении Кирова.

Дуйше Ногойбаев со своей группой приехал в селение Ленинполь, держали под контролем перевалы Карабура и Кумуштак. Послали разведку в Чаткальскую долину, стычек с бандами не было.

При помощи местных активистов и органов ОГПУ изолировали главарей, заговорщиков сопровождали до города Аулие-Ата, ныне город Джамбул, сдавали органам ОГПУ. Октябрьское торжество встречали в селении Кирова. После митинга им показали конно-спортивное состязание, народ остался довольным. В середине декабря отряд, выполнив поставленные перед ним задачи, благополучно вернулся в родной город Фрунзе.

3

В 1930 году в марте месяце дивизион в составе полковой школы и одного сабельного эскадрона под командованием командира дивизиона тов. Швецова выехал в Таласскую долину для ликвидации кулацкого восстания, блестяще проводив большую бешкульскую операцию, в течение короткого срока дивизион вернулся в родной город Фрунзе.

Джигиту Дуйше не пришлось участвовать в этой операции, второй эскадрон остался в зимней квартире. Земляк красноармеец Токтогонов Джамай в бешкульской операции за мужество и храбрость против басмачества и бандитизма был награжден золотыми ручными часами, на которых была надпись его имени.

4

В 1930 году в последней декаде, конце июля, дивизион стоял в лагере, южнее двух километров от города Фрунзе. В 24 часа ночи дежурный трубач сыграл боевую тревогу, многие командиры жили в городе, коноводы поскакали за командирами.

В течение полчаса дивизион в составе двух сабельных эскадронов полковой школы и пулеметного взвода были в боевой готовности. Начальник штаба дивизиона тов. Басов приняв рапорта от командиров подразделений, ждал подхода командира дивизиона.

Приняв рапорт от начальника штаба, тов. Швецов поздоровался с красноармейцами. Трубачи сыграли сбор командиров, где тов. Швецов сообщил радиogramму САВО,

что банда крупной силы во главе курбаши Адиходжаева, напала на райцентр Гульчу, имеются жертвы, ограблены Госбанк, магазины, сопукурганский совсинторг. Приказом войсками САВО возложена на Киркавдивизион боевая и ответственная задача по ликвидации банды басмачей Адиходжаева.

— Разрешите товарищи, от имени всех вас заверить правительство Киргизии и командующего Средне-Азиатского военного округа, что бойцы и командиры Киргизского кавалерийского дивизиона с честью оправдают доверие и выполнят поставленные перед ними боевые задачи.

К четырем часа утра погрузку закончили, дивизион в полном составе тронулся от станции Пишпек, в пути везде уступали им дорогу, через сорок восемь часов эшелон подъехал к станции Кара-Су. Заночевали в городе Ош в комендатуре. Рано утром выехали из города форсированным маршем в райцентр селения Гульча Алай Гульчинского района. Вид селения был страшный: подожгли общественные здания, конторы везде развалены, торчали закопченные трубы.

Убили зам.начальника ОГПУ и многих других. Ограбили магазины, Госбанк. Партийные политработники провели митинг и разъяснительную работу среди местного населения о гнусной цели иностранных наймитов-бандитов Адиходжаева. Бойцы и командиры дали клятву беспощадно мстить за погибших товарищей.

В дальнейшем дивизион держал путь по направлению в Кызыл-Курган и Булëлу, когда оперативные отряды подъезжали к местечку Булëлу не было разницы от селения Гульча: везде развалины, подожженные дома. Разведка и местные жители донесли, что банда Адиходжаева путь держит в сторону китайской территории.

Командир эскадрона тов. Цейер Андрей Григорьевич вызвал Ногойбаева к себе и дал приказ:

— Товарищ Ногойбаев, возьми усиленное отделение, поедете в разведку,— показал по карте,— донесение через каждый час, при обнаружении противника донесение аллюр три креста.

Он повторил приказ командира эскадрона. Объяснил задачу бойцам и выслал головной дозор, назначил наблюдателей за дозором.

Тронулся в путь. Банда Адиходжаева безоглядно бежала. Дивизион преследовал по пятам. Банда Адиходжаева не ожидала, что впереди могут их встретить отряды, но когда они подъехали к Арпинской долине с двух сторон

напали отряды пограничников, оставив на поле боя убитых, банда Адиходжаева бежала в сторону границы. Наш дивизион с опозданием на час подошел к месту, где происходил бой с бандой. С того дня Ногойбаев стал бессменным разведчиком. Преследовали дальше, но бандиты не осмелились принять бой. Дивизион походным маршем шел вдоль границы, после трехдневного перехода спустились в долину реки Кек-Су. После долгого утомительного похода в горных условиях требовался длительный отдых. Продождельствия и фураж поступали из Иргаштама.

Дежурный по части был командир взвода Джураев Шады. Боевое охранение стояло по ту сторону реки Кёк-Су от полковой школы. В семь часов вечера Дуйше Ногойбаев получил от штаба пароль, поступает в дежурство по части. В это время от наблюдательного пункта тов. Джураев подает условный знак шашкой: «Виджу конницу».

Ногойбаев срочно докладывает командиру дивизиона товарищу Швецову, одновременно объявляет тревогу по части. В течение пяти минут дивизион стоял в строю. Боевое охранение вступило в бой с противником. Каждое подразделение находило приказ. Адиходжаев со своей бандой в количестве более трехсот человек головорезов из-за кордона, через перевал Карачал шел к реке Кек-Су, намереваясь застать нас врасплох, получить богатую добычу. Этого им не удалось. Ночь была темная. Ураганная стрельба шла с обеих сторон. С рассветом под прикрытием огня пулемета шайка Адиходжаева успела укрыться в скалах Дунгрема. Атаки эскадрона положительных результатов не дали. Преследовали отходящую банду.

Когда дивизион вплоть подошел к скалам Дунгрема противник снова встретил сильным оружейным огнем. Здесь командир пулеметного взвода Мергенов Тилак показал свое искусство. Своими станковыми пулеметами «заработали» по две ленты. Скалу охватило пламя, не выдержав огня пулемета, противник поспешно отступал, оставив свои позиции.

Народ не зря назвал «Дунгреме», узкие ущелья ширина не более двух метров, от разговора двух человек получается целое эхо, справа и слева отвесные скалы.

Единственная дорога — это пойма реки, встречный без жертвы из двух одно, немыслимо идти дальше, длина ущелья более трехсот метров. Когда мы вышли из Дунгреме, увидели большую поляну, ущелья расходились, дивизион перешел в атаку. Оставив много трупов и раненных противник понически убегал. Остатки банды успели скрыться

за кордоном. Дивизион вернулся обратно к реке Кек-Су на отдых.

Спустя неделю разведка донесла, что банда Адиходжаева под перевалом Карачал и готовился к походу. Играл сбор командиров. Командир дивизиона тов. Швецов ставит боевую задачу, цель задачи с рассветом заставить врасплох противника и уничтожить на месте, указывает маршрут на карте. Товарищ Цейер вызывает всех командиров взводов и ставит задачу, порядок движения ночью. Связь между взводами и заставой только цепочкой, назначает Ногойбаева начальником главной походной заставой. Выезжает со своим взводом минут на двадцать раньше. С рассветом застава вплотную подходит к расположению противника, незаметно снимает с поста часового.

Передает по цепочке командиру эскадрону тов. Цейеру. В это время в лагере противника какое-то неожиданное оживление, кто-то из бандитов окликнул, т. е. часовой. Не ожидая подхода главных сил эскадрона, с обноженными клинками бросается в атаку. Было много юрт и шалашей из камыша. Клинки в руках бойцов выполняют свой долг. В это время подоспел эскадрон. Лежало больше семидесяти трупов, они получили по заслугам.

Вот где Дуйше Ногойбаев первый раз видел храброго достойного сына киргизского народа Сулайманова Парманаса. Он был начальником добровольного отряда. Показались первые лучи солнца, на втором и третьем ущелье банда встретила эскадрон огнем. После упорных боев, оставив много трупов и семей, кучка оставшихся в живых басмачей убежала вглубь горных краев.

Таким образом, главные силы Адиходжаева были уничтожены, дивизион походным маршем приехал в конном строю в селение Гульча, где было общее народное гулянье. Дивизион показал конно-спортивные состязания, выполнив поставленные перед ним задачи, дивизион благополучно приехал в родной город Фрунзе.

5

В конце июня 1931 года по тревоге поднимает дивизион командир дивизиона тов. Ян Янович Трулло и сообщает приказ САВО, что банда Гайппансат орудует на территории Узгенского района, грабит мирное население. На дивизион возложена задача ликвидировать банду Гайппансата. Погрузка через три часа. Ногойбаева назначают комендантом эшелона, Ногойбаев Дуйше дает заявку начальнику

станции и принимает состав-вагоны с необходимым оборудованием. Погружает оперативный отряд на поезд и выезжает к западу, на другой день.

На станции Ташкент встречаются отряды представители САВО, дают соответствующие указания, через два дня эшелон подъезжает к станции Кара-Су. После краткого отдыха дивизион, приняв необходимые меры о безопасности отряда и держит путь в направлении селения Узген с прибытием на место населенного пункта. Передать словами очень трудно, как они зверски издевались над жителями селения Каракульджа, Янгиарык и многих других, везде слезы, осиротевшие дети, разоренные кишлаки. Угнали скот. Дивизион преследовал банду в верховьях реки Каракульджа, догнали банду Гайппансата. Они хотели использовать благоприятные условия этой местности, они поспешно переходят к обороне и принимают бой. Шли упорные бои до наступления темноты. Потеряв много своих, бандиты под прикрытием темноты скрываются за перевалом. Необходима была передышка дать отдых людям и коням. Дивизион спустился в долину. Через два дня командир дивизиона Ян Янович Трулло вызывает Ногойбаева Дуйше и политрука эскадрона Чалова Самаке, говорит:

— Поедете, с уполномоченным ОГПУ тов. Маргайтесом, обстановку задачи узнаете, когда прибудете в назначенное место.

Ночевали в кишлаке. На следующий день они приехали в маленький кишлак, местность здесь была очень пересеченная. Тов. Маргайтес говорит Ногойбаеву:

— Ты поедешь.

— Я поеду на переговоры один без оружия,— он указал ему место, где должны состояться переговоры.

Дуйше принимает все необходимые меры, расставляет пулеметы на огневую позицию, остальные бойцы наготове, а так же и в случае необходимости показал отделениям район обороны. Через час тов. Маргайтес благополучно вернулся и сказал всем командирам, что мы договорились и они скоро прибудут. Ногойбаев дает распоряжение снять пулеметы с огневой позиции и поставить в комнаты, откуда свободно могли бы открыть огонь на всем направлении в случае необходимости.

К пяти часам вечера спускаются с бугра около восьмидесяти вооруженных людей, во главе одного из доверенных заместителей Гайппансата и певца Мамайкула. Одну ночь провели вместе, утром они сдавали оружие, после сдачи оружия было народное гулянье.

После этого возле одного из притоков реки Тар-Су Ногойбаев присоединился к своему эскадрону. Продолжает преследовать Гайппансата. Банда Гайппансата больше не принимала бой, все время скрывалась. Вскоре скрылись за кордоном. Наш дивизион приехал в местечко Сопу-Курган, после короткого отдыха командиры занимаются с красноармейцами, усвершенствуя боевую и политическую подготовку.

6

В это время банда басмачей Ибрагимбека в много сотен джигитов переходит советскую границу в сторону Советского Союза. Задача дивизиона состояла в том, что если Ибрагимбек прорвется в Алайскую долину, закрыть путь и не дать возможности перейти в сторону Кашгара. Но банда была полностью уничтожена на границе Таджикистана.

Дивизион, выполнив поставленные перед ним задачи, вернулся в город Фрунзе.

7

В 1931 году Отдельный Киргизский кавалерийский дивизион был развернут в Киргизский кавалерийский полк. В 1932 году Ногойбаева назначают командиром и политическим руководителем 3-го эскадрона. Молодые бойцы усердно занимались учебой, совершенствуя свою боевую и политическую подготовку.

Таким образом закончил боевые действия Киркавэскадрон и дивизион в борьбе против басмачества и бандитизма на территории Киргизии.

Наш джигит храбрецов Дуйше Ногойбаев до начала Отечественной войны занимал должность от командира эскадрона до командира дивизиона, с начала Отечественной войны занимал должность командира 3-го кавполка 7 Киркавдивизии сорок первого года он был откомандирован в распоряжение инспекции кавалерии в г. Москву. С сорок второго года активный участник Великой Отечественной войны, четвертый Украинский фронт, 478-го Анакиевского стрелкового полка, 320 Анакиевской стрелковой дивизии. С 1944—1946 гг. был в спец. командировке за границей для выполнения особого задания правительства.

С 1946—1959 гг. работал на партийно-административной работе районного масштаба. В последнее время Дуйше Но-

гойбаев вышел в отставку и находится на заслуженном отдыхе. Имеет правительственные награды: орден Красного Знамени, восемь медалей, три Почетных грамоты Президиума Верховного Совета Киргизской ССР, Почетные грамоты от ТУРКВО и две от Горвоенкомата.

По документам личного архива Ногойбаева Дуйше, бывший командир эскадрона, позднее командир кавполка, майор в отставке.

ОН БЫЛ ВСЕГДА СРЕДИ МАССЫ

1

Кулумбаев Аблы родился в 1905 году в селе Куланак, Тянь-Шаньского района, Киргизской ССР в семье крестьянина-бедняка. Его родители умерли, когда он еще был маленьким и остался на иждивении братьев.

В 1921 году вступил в комсомол, работал секретарем комсомольской ячейки, а с 1923 года — секретарем Куртка-Терекского Волкома комсомола.

Его старший брат — Кулумбаев Джусубалы, с 1919 года по 1923 год служил добровольцем в Красной Армии, боролся в Сибири против Колчака. Вернувшись с добровольной службы, он посоветовал учиться и помогал младшему брату Аблы в учебе в сельской школе. Затем с июля 1925 по июль 1931 год Кулумбаев Аблы учился на рабфаке при САГУ в городе Ташкенте. В данное время старший брат Кулумбаев Джусубалы является Героем Социалистического Труда и персональным пенсионером Союзного значения.

В 1927 году Кулумбаев Аблы вступил в ряды Компартии кандидатом, а с 6. II. 1929 года членом ВКП(б).

В то время учебы по распоряжению Средазбюро ЦК ВКП(б) неоднократно направлялся на ликвидацию басмачества в качестве политработника среди бойцов и пострадавшего от басмачей населения.

Так, в 1928 году Кулумбаев Аблы был послан в Бухару (Узбекская ССР), для организации колхозов и советизации Бухарской области, а в 1929 году в местность Уч-Курган (ныне Хайдаркан, Фрунзенского района, Киргизской ССР), а в 1930 году в Паркентский район, Узбекской ССР для проведения агитационно-политической работы среди населения по решению ЦК Средазбюро.

За это время учебы в городе Ташкенте Аблы Кулумбаев имел тесный контакт со слушателями (студентами) Ленинской военной школы, часто беседовали о строительстве и укреплении Советской власти. Так, например, с курсантами военной школы имени Ленина с тов. Алиевым Асаном, Ильмурадовым Усманом, Мукашевым Болотом и со многими другими.

2

Пережитки феодальных отношений во многих национальных окраинах явились существенным препятствием в Советском строительстве. Задача укрепления Советов требовала для своего решения терпеливой работы, вдумчивого подхода партийных организаций и руководящих советских органов.

Во многих случаях феодальная знать, искусственно маскируясь, использовала Советы для обеспечения своего политического влияния на население и сохранения экономической мощи.

Выступая на учредительном съезде Советов Киргизии в марте 1925 года, секретарь Средазбюро ЦК РКП(б) И. Зеленский говорил: «Во многих местах нашей области среди темного, забитого и неграмотного населения власть родоначальника является в десять раз сильнее власти Советского государства. Вождь рода манап творит суд над всеми, безраздельно господствует, эксплуатирует бедняков. Поэтому, задача заключается в том, чтобы власти манапа противопоставить власть Советов, власть советских органов». Кулумбаев Аблы боролся против феодализма, местничества до конца и до последнего уничтожения.

3

Состоявшийся в декабре 1927 года VI съезд ВКП(б) подвел итоги социалистического переустройства деревни за первое десятилетие Советской власти и принял решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства, о переходе от земледелия к крупному социалистическому производству, основанному на новой технике.

Руководствуясь решениями XV съезда ВКП(б), партийная организация Киргизии основное внимание уделяла работе в деревне, подготовке условий для массовой коллективизации. Это решительно высказалось за ликвидацию кулачества и байства как класса и основе сплошной кол-

лективизации, население наиболее злостных из них выселяло из Киргизии.

Решительное наступление на кулацко-байские и манапские элементы встретило открытое антисоветское выступление басмачества в ряде районов в течение нескольких лет. В этой ожесточенной борьбе с врагами Кулумбаев Аблы активно участвовал до последнего уничтожения его.

Под руководством коммунистической партии трудящиеся массы поднялись на борьбу с басмачами. Во второй половине 1930 года объединенными силами местных добровольческих отрядов и Киргизского кавалерийского национального дивизиона басмаческие шайки были в основном ликвидированы. В результате этого в 1930 году начался новый мощный подъем колхозного движения.

В конце 1931 года коллективизацией было охвачено 50,5% крестьянских хозяйств. По организации колхозов и совхозов Кулумбаев Аблы затратил много энергии и силы и это даром не прошло. После окончания Рабочего факультета при САГУ в г. Ташкенте Средазбюро ЦК ВКП(б) направило его на руководящую работу в Киргизию, здесь Кулумбаев Аблы работал с новыми силами и энергией по всей области Киргизии. По решению Бюро Киргизского обкома ВКП(б), в августе 1931 года был направлен на руководящую партийную работу в Аламединский райком ВКП(б), центром которого являлось село Кызыл-Аскер, расположенное, в 6—7 км. от г. Фрунзе.

За период работы секретарем Аламединского райкома ВКП(б) до 1934 года Кулумбаев Аблы взял шефство над кронштатскими моряками и Киргизской кавалерийской войсковой частью г. Фрунзе, которым командовал тов. Трулло Я. Я.

В течение четырех лет существования Аламединской районной партийной советской организации они работали в тесных и дружеских отношениях, так же часто советовались по партийно-политическим вопросам с бойцами Красной Армии и колхозно-совхозными массами района. В то время среди призывников было много малограмотных и неграмотных. Поэтому командованием и политотделом Киргизской кавалерийской воинской части были отмечены мероприятия по партийно-политической работе среди бойцов. Помимо работников части в районе, направлялись агитаторы, беседчики, особенно во время летних лагерей. Возглавлял агитколлектив секретарь ВЛКСМ тов. Исмаилов Самаке.

Для ликвидации малограмотных и неграмотных среди

бойцов райком партии по личной заботе Аблы закрепил группы учителей, возглавляемые заведующим районным отделом народного образования тов. Эсенкуловым. Они обучали неграмотных и по планам командования и политотдела в/части.

Киргизскими кавалерийскими частями по Кызыл-Аскерскому району был закреплен целый взвод, возглавлял которым командир тов. Мергенов и политработники т. Абылов, Ильмурадов Усман, Саралиев Орозалы, Качкеев и Лайлиев Осман.

Совместная работа должна была укрепить связь бойцов с колхозниками и совхозными рабочими, которые помогали населению в борьбе с пережитками прошлого, ликвидации кулацких элементов и остатками басмаческих шаек.

Кроме вышеуказанных товарищей часто для бесед или политинформаций, особенно по праздникам, приезжали к-р полка тов. Трулло, тов. Алчинбаев — зам. к-р полка, секретарь партбюро тов. Сарапинов и другие.

По праздникам командование приглашало из районного отдела руководителя райкома партии, исполкома и других на торжества. Кулумбаев Аблы часто присутствовал и выступал на этих торжествах.

С Киргизскими кавалерийскими частями постоянно поддерживали связь и вели работу секретарь Киробкома ВКП(б), ведающий идеологической работой, Алиев Осмонкул и секретарь Фрунзенского горкома комсомола тов. Джаналиев Насрымбек (позже редактор республиканской газеты «Советтик Кыргызстан»). Заслуга перед войсковыми частями Киргизии очень большая и заслуженная история вас никогда не забудет, что Жаналиев Насыранбек и много, много других солдат воспитывал, дал им знание, чувство преданности социалистической Родине. С т. Алиевым О., Джаналиевым Н. части Кулумбаева А. совместно вели агитационную работу среди бойцов Кирка.

4

В 1933 году Алиева О. отозвали на работу в аппарат Средазбюро ЦК ВКП(б), где он работал до ликвидации Средазбюро ЦК ВКП(б), а в августе, вернувшись в Киргизию, был назначен наркомом просвещения Киргизской ССР.

Каждый год в период весенне-полевой работы, особенно в период сено-хлопкоуборочной и заготовительной ком-

паний киргизскими кавалерийскими частями оказана большая помощь только что организованным укрепленным колхозам: на длительные сроки направлялись отделения, взводы, даже целый эскадрон, которые закреплялись за отстающими колхозами района, где они оказывали колоссальную помощь в уборке и заготовке хлеба, в то время, когда очень остро стоял вопрос снабжения страны хлебом. Партийная организация вела партийно-политическую работу, выполняя лозунги: «Борьба за хлеб — борьба за социализм!» Такая традиция части о помощи колхозам осталась от бывшего командира эскадрона затем, дивизиона в 1925—1928 годах, Вахалова П. В. и Калачева В. А., они постоянно связывались с колхозами в районах и помогали им по всем вопросам. Эти дела я — автор Осман хорошо помню, прошло 40 лет, но память осталась у меня. Таким образом, парторганизация вместе с бойцами Красной Армии во главе с командованием и политработниками вели работу среди населения по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов, ликвидации кулака как класса. На основе сплошной коллективизации, как класса, в конце 1936 года Киргизским кавалерийским полком командовал Ставинков, а комиссаром был Истембеков Аден.

В 1937 году Киргизский кавполк был расформирован. О нем можно писать много-много томов книг и воспоминаний о боевых действиях Киркавэскадрона, дивизиона, затем кавполка перед Родиной честно и добросовестно выполнил, как по уставу. Борьба против классовых врагов всех мастей. И внутренние и внешние вооруженные контрреволюцией Киргизской войсковой части отстояли завоеванное Знамя Великой Октябрьской Социалистической революции. По рассказам и воспоминаниям персонального пенсионера А. Кулумбаева.

ВРАГАМ ТОЛЬКО СМЕРТЬ

1

Говоря о трех фазах развития басмачества В. В. Куй-бышев прозорливо-диалектически определил это развитие.

Он говорил:

«К первой фазе относится развитие басмачества, когда оно находило поддержку в некоторой отсталой части слоев населения.

Ко второй, когда под воздействием политических ме-

роприятий Советской власти и активной агитации, оно стало разлагаться; дехкане стали покидать ряды басмачества.

И к третьей фазе когда среди басмачества остались лишь уголовные элементы и непримиримые враги народа».¹

Хотя лозунг басмачей 1929—1930 гг. и имел кое-какую политическую маску, но этот лозунг был лживым, не имеющий ничего общего с его священным содержанием.

Существо и характер действий басмач-шаек этого периода целиком можно отнести к третьей фазе развития басмачества и только лишь частично — ко второй.

В третьей фазе не так то было просто и легко басмачам и их пособникам привлечь на свою сторону большую массу населения. Широкие массы дехкан киргиз не пошли поддерживать старых главарей басмачества. Наемники Западно-Европейского капитала и жалкий слуга эмир Бухарский и его приспешники жестоко просчитались — в надежде найти поддержку среди киргиз, узбеков, стараясь втянуть их в свою преступную борьбу против власти — рабочих, крестьян, дехкан.

2

Но угроза со стороны басмач-банд, примазавшихся в Афганистане, и получивших после переворота полную свободу действий оно (в купе с возникшими мелкими шайками внутреннего происхождения) начало принимать реальные формы, грозившие сорвать мирный труд трудящихся Киргизии, Узбекистана и Таджикистана.

Все главари и организаторы шаек в основном являлись выходцами горных районов и предгорья территории Киргизии. Имели там свои тайные базы и своих верных людей. Эти люди в свою очередь были связаны с мелкими басмач-шайками, в состав которых входили байские сынки. Их действие носило чисто грабительский характер. Обитали они в отдаленных, слабо советизированных районах.

Басмачи обнаглели и делают попытку вторгнуться в пределы Советского Туркестана.

Первым из-за кордона прибыл Максум Фузайли. Он широко известен своими преступлениями. Старый басмаческий волк. Бывший бек (губернатор). Управлял обширной своей провинцией Таджикистана и был близким человеком эмира.

---

¹ Газета «Известия» — Орган Крайкома К. П. Т. и Турк. ЦИКа от 6-го июля 1920 г.

Резиденцию имел в г. Гарм. Набрал шайку более 1000 джигитов. Стал вести борьбу с Советской властью.

В 1923 году весть о Гарме облетела весь Советский Союз. Комбриг Шапкин с военкомбригом и несколькими бойцами прилетели на самолете в район шайки Максума. Высадились из самолета. Распустили слухи о том, что вот-вот приземлится бригада. Самолет стал давать круги над городом и своими виражами нагонял страх на войска Максума. А тем временем бойцы Шапкина и сам военкомбриг внезапно открыли из двух ручных пулеметов ураганный огонь по городу, выгнали из города басмачей. Тысячная шайка в панике разбежалась и часть сдалась.

3

Сам Максум с остатками банды ушел в Афганистан.

В апреле 1929 года Максум с шайкой в 100—150 джигитов двинулся в бывшую свою провинцию, рассчитывая на старые свои связи с байством и духовенством и бывшими его чиновниками.

Его друзья развернули широкую агитацию среди населения о том, что Советской власти приходит конец.

При поддержке байства и духовенства Фузайли Максум, перепоясанный патронтажами, набитыми до отказа английскими патронами ехал во главе своего отряда, имея сзади восемь мули — эмигрантов-советников.

Отряд занял Гары, ряд кишлаков. Начались аресты Советских работников и грабежи кооперативов. Однако развернуться ему не дали.

Наши отряды, при поддержке трудового населения таджиков, банду басмачей разгромили. Крупная разведка врага не оправдалась. Сам Максум опять сбежал в Афганистан.

Кроме Фузайли, в течение лета 1929 года переходили границу старые знакомые — Палван, Утанбек и другие. Их попытки тоже кончались плачевно. Население организовав самозащиту вместе с пограничниками быстро нагоняли непрошенных гостей обратно. Но эти неудачи не сломили басмачество.

Из вражеского лагеря кинулся в бой Ирмат Максум.

Старая хитрая лиса. Сын видного муллы из киргизского рода Сары-Канды. С Советской властью борется с 1917 года. За подвиги свои был произведен в лях-курбаши — (начальник над несколькими пансотами — (пятисотниками)).

Его шайка обычно не превышала по численности 300

джигитов. Ирмат подчинялся Кёр Шермату. Кёр Шермат Ирмата уважал за его жестокость и решительность в боях. Он крепко держал в своих руках джигитов. Приобрел широкую известность — ускользать от наших отрядов. При его особе стоял телохранитель — пулеметчик, некий Давыдов, беглый уголовник.

Киргизское население Ирмата знает и помнит. Его боялись во многих аулах, кишлаках, не только в Киргизии, но и в Ферганской долине.

Разложение басмачества в 1924 году коснулось и шайки Ирмата. Шайка стала резко численно сокращаться, это принудило его сдаться...

Он пообещал помочь Красной Армии в ликвидации оставшегося басмачества. Но эту помощь не оказал. А начал готовить своих джигитов к новому восстанию. За что был осужден на 10 лет.

В исправительном доме Ирмат научился грамоте. В 1929 г. Ирмат, как бывший курбаш и пораженный в правах судом был лишен права голоса.

Выпущенный волк на волю, вновь выступил как обиженный, для вооруженной борьбы с Советской властью. Но сколотить тысячную шайку, как прежде, было нельзя. Шайка в основном была сколочена из уголовного элемента, склонного к легкой наживе.

К тому времени в кишлачных и аульных организациях начали сосредотачиваться значительные ценности в товарах, деньгах, брошенные как первые взносы пятилетки на развитие сельского хозяйства.

Вору было чем нажиться. Но байство и духовенство придали банде Ирмата политическую платформу — борьба против хлебозаготовок, против сельхозналогов и индивидуального обложения против хлопковой программы, против коллективизации. Налеты на кооперативы сопровождались убийством партийных и советских работников и активистов из кишлачной бедноты.

Шайка укреплялась и вела антисоветскую пропаганду. Ирмат прекрасно учитывал, что басмачество не оживет, если оно останется изолированным. Он знал, что борьба за массы является для басмачества главной задачей и поэтому повел хитрую политику — заигрывание с массой. Его шайка стремилась не трогать население и жить за счет ограбления Советских учреждений и кооперативов.

Правда, Ирмат не всегда придерживался этой линии, отбирал лошадей у населения. Обкладывал аулы денежными налогами. Разыгрывая из себя великодушного —

ограбив кооперативы, раздавал награбленное киргизам. Выдавал пособникам крупные денежные вознаграждения и щедро оделял своих джигитов.

На агитационную работу Ирмат не скупился. По всей Южной Киргизии байство склоняло на все лады имя Ирмата и его воинственную шайку.

Все свои расчеты Ирмат строил на выступлении других курбашей и помощь из Афганистана от Кёр Шермата.

Но бывшие воины ислама сдержано отвечали на призывы Ирмата:

— Раньше нас были тысячи и все же приходилось скрываться по горам, мерзнуть и в конце концов мы сдались. А если сейчас выступим, будет еще хуже. Мы разбросаны, оружия мало. Они нас перебыют всех с аэропланов,— так отзывались старые шакалы.

Наступили холода. Недостаток патронов, оружия. Шайка начала разлагаться и рассыпалась на мелкие группы. От прежней активности, доходившей до нападения на наши гарнизоны не осталось и следа.

В конце ноября 1929 года наши отряды нащупали Ирмата, скрывавшегося с одним джигитом в яме Кургана, где он был убит красноармейской гранатой.

Одиночный джигит из шайки выловленный с помощью киргизского населения.

Таков был путь, перерожденного уголовного бандитизма в политическую контрреволюцию, в условиях обостренной классовой борьбы. Этот путь был сам по себе интересный и поучительный. Его басмачество преодолеvalo везде, где оно появлялось в 1929 г.

Глава X. СТАРЫЙ ШАКАЛ

1

На севере границы Узбекистана с Киргизией живет племя Кыпчаков, тогда их насчитывалось несколько десятков тысяч человек.

Шел спор куда их причислить — к узбекам или киргизам, хотя разговорный язык кыпчаков киргизский, сами себя кыпчаки не считали ни узбеками, ни киргизами. Но ученые считали, что кыпчаки являются корнем всех тюркских народностей. До завоевания Туркестана, кыпчаки,

под руководством своих вождей, грабили узбеков, а те в свою очередь не гнушались вырезать кыпчаков.

После революции глухая вражда узбеков и кыпчаков осталась.

Предводитель кыпчакского басмачества Аман Палван подчинялся Кёр Шермату. Узбекский главарь Кёр Шермат беспокоился, как бы кыпчаки не стали сводить счеты с узбеками, поэтому всячески ограничивал их вооружение.

Кыпчакские кишлаки расположены в верховьях арыков излишне злоупотребляли водой. Сушили хлопковые массивы узбеков Чаткальского и других районов.

Ферганский хлопок боролся с байскими рисовыми полями в верховьях водной системы.

Постановление водного хозяйства в 1928 году определяло пропорциональное пользование водой, чем был нанесен удар зажиточным владельцам рисовых полей. Мадумару в своей борьбе с Советской властью весь этот раздор был на руку.

Надо сказать, что политическая и партийная работа среди кыпчаков была на очень низком уровне. На все кыпчаковское племя было 10 партийцев, из коих вскоре было исключено 5 человек. Кыпчаки не выдвигались в советский аппарат. В школах обучали на узбекском языке. Это заброшенное национальное меньшинство находилось под большим влиянием своего байства и духовенства.

У кыпчаков не оказалось авторитетного Советского вождя, но зато авторитетный байский вождь быстро нашелся. Таким был Мадумар.

Не весело жилось при Советской власти лишенцу, а тут вдобавок в споре из-за воды Мадумар был избит здоровенным колхозником. Для вождя кыпчаков это было слишком большой обидой. И он начал подготавливать своих бывших джигитов и родственников.

5 сентября 1929 года открыто, выступил против Советской власти. Начал с ограблений учреждений и кооперативов. Громил Советы, резал кишлачных активистов. Шайка его ограбила Кетмен-Тюбе — центр наиболее глухого района Ошского округа. Избегал вести бой с национальными киргизскими подразделениями.

Мадумар оперировал в глухих горных районах и лишь изредка навещался в Ферганскую долину. Сколотив кадры из узбеков, кыпчаков, при поддержке байства и духовенства в малосоветизированном районе Киргизии.

Он стремился укрыться, обрастая джигитами, приобретая влияние населения.

Насколько население боялось шайки Мадумара можно сослаться на такой пример:

В Александровке зам. пред.РИКа Кетмен-Тюбинского района Мирошникова под влиянием слухов о прибытии шайки Мадумара наделала такую панику, что половина населения покинуло район.

Но другим был Мир-Вали. Узбек из семьи бедняка. Бывший басмач. За убийство жены был осужден на восемь лет. Отсидел.

В 1928 году снова был взят под стражу по подозрению в убийстве двух женщин, снявших паранжу. Из-под ареста бежал. Он сколотил банду 10—12 человек и оперировал в своем густо населенном Наманганском районе. Эта маленькая шайка была неуловима. Скрывалась по садам. Почти год шайка занималась убийствами советских работников. Она запугала и приглушила активность населения.

Банда состояла из уголовников, бывших басмачей, скрывавшихся от наказания за зверство против раскрывавшихся женщин.

Эта шайка была типичной подкулачной. Мир-Вали убил шесть партийцев, двух комсомольцев пять беспартийных дехкан активистов.

После судебного процесса над его пособниками, Мир-Вали мстя за друзей, особенно усилил террор.

«Каждый мусульманин должен сейчас убивать по 1000 человек», — писал в своем воззвании, этот «сын» Ислама.

Мир-Вали держался дальше всех. Уже давно сдался Мадумар. Одинок бродил, покинутый джигитами Истанбек. Рассыпались курбаши и помельче, в том числе Ярмат-Максум. Этот курбаши со своим помощником Садыком был обнаружен в районе Вуадили. Они заняли двор, с обнесенным дувалом и открыли стрельбу. Красноармейцы бросили гранаты и обе бандита были убиты. Эту весть об убийстве Ярмата, население встретило с большим удовлетворением. А Мир-Вали не бросал борьбу.

Однажды в кишлаке Беш-Бадам Мир-Вали был захвачен кыргызским добровольческим отрядом врасплох, спящим. При нем был револьвер и охрана в два человека. Пока производили обыск, руки его были связаны. Охрана была ненадежная и он сумел бежать. По нему открыли стрельбу. В погоне за ним нашли лишь его халат. Сам же Мир-Вали развязав на бегу руки скрылся. И только после ликвидации всех шаек в начале 1930 года он был вторично пойман, а шайка его была ликвидирована.

С последней басмаческой вспышкой в Фергане и Южной Киргизии было покончено.

Не поддался только старый разбойник контрабандист киргизского рода Басыз, уроженец из Кульдука Узгенской области. Бывший бай был очень влиятельным среди киргизского населения Южного Киргизстана, оперировал главным образом в Узгенском районе. А базу имел в Китае. Это был Джанибек казы. Хитер был старик. О нем стоит рассказать отдельно.

Это видный участник старого ферганского басмачества. После сдачи, принимал активное участие в ликвидации киргизских басмач-шаек. За свой подвиг от правительства имел награды. И он рассчитывал, что Советская власть учтет его заслуги и будет покровительствовать его байской деятельности.

Но жестокая политика в отношении помещиков, племенных вождей и байства пришлась не по вкусу старику. Весной 1927 года после нашей крупной операции против контрабандистов и валютчиков, перед завершением земельно-водной реформы в Ошской кантоне Джаныбек стал во главе антисоветского выступления. Сколотив шайку более 700 человек. Ждал помощь из Афганистана, помощь от киргиз, уйгур и узбеков. Старик не щадил ни сил, ни средств, «заработанное» золото пудами раздавал на организацию шаек.

Но население его, как бы он хотел не поддержало. Он время от времени делал грабительские вылазки из Китая на нашу территорию.

От Жаныбека шли приказы населению:

— Не платить сельхозналог.

— Не вести хлебозаготовки.

Все это подкреплялось террором в отношении населения.

К шайке присоединился мулла Усман-Ишан, имевший большое количество мюридов. Он имел громадное влияние на религиозное население.

Политработой шайка Даныбека была обеспечена. Усман-Ишан много сделал для политического оформления шайки и численного ее усиления.

В одном из боев Усман-Ишан был убит.

Джаныбек почти все время оперировал на территории Ошского округа. Он сделал десять вылазок. На такую активность его толкнуло два обстоятельства:

Оживление байской антисоветской деятельности в связи с нашим классовым наступлением, хлебозаготовками с

одной стороны и обострение отношений Джаныбека с китайскими властями — с другой.

В то время советская и партийная работа медленно шла от аула к аулу, от кишлака к кишлаку, через каменные кряжи и снеговые перевалы. Было много ошибок, извращений, устранялись они во много раз медленнее чем в долине. В горах много простора для деятельности шаек и много возможности для антисоветской провокационной работы. А ошибки были и во время сбора сельхозналогов, и во время хлебозаготовок, и во время раскулачивания. Население не понимало, за что так крепко жмут баев, середняка. В подобной обстановке расцветала басмаческая агитация и она давала кое какие плоды.

Население испытывало запутанность в обстановке. И оно иногда не давало нашим отрядам сведений о кочевке, и пораженных басмачеством районах. С бандой в горы уходило население со скотом и имуществом.

Киргизское движение племен — «Басыз-Бюрю», «Бурмак-Бай», возглавляемое Джаныбеком, приняли политическую и национальную окраску охватив собой, как районы заселенные непосредственно этими племенами, но распространившись частично на соседние племена, родственные Джаныбеку.

Внезапное выступление дало Джаныбеку успех. Отряды ГПУ, части Красной Армии и погранотряды не смогли оказать существенного влияния на дальнейшее распространение движения Джаныбека.

С примкнувшим к нему населением он ушел со своей многочисленной шайкой в район перевала Кара-Шура и это свое «Орлиное гнездо» стал приводить в оборонительное состояние. Выслав за заслоны в Урач «Джувльгу-Ур» с целью обеспечить себе отход в Нарынский район. Другой заслон был выслан для обеспечения себе со стороны Узгена. Сам же Джаныбек в районе перевала Кара-Шура имел хорошо вооруженных джигитов, численностью до 400 человек. При нем находилась часть населения с гаремом Джаныбека.

Учитывая создавшуюся обстановку, явилась необходимость политического воздействия на население, умиротворения всех охваченных районов, с целью заставить Джаныбека сложить оружие и сдаться Советской власти.

Для ликвидации шайки Джаныбека штабом округа были задействованы войска — в Нарынской группе и Узгенской, а так же предусматривалось иметь большой заслон в случае прорыва банды в Алайскую долину и Талас.

Решением Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б) было мобилизовано 400—500 комсомольцев, а также из красноармейцев запаса были сформированы несколько добровольческих отрядов под руководством комсостава и политсостава запаса работников ОГПУ для оказания помощи районам, зараженных басмачеством, с тем, чтобы заблудившиеся и обманутые массы отвести от басмаческого движения Джаныбека, разоблачить его как авантюриста, контрабандиста, ярого врага Советской власти.

К концу 1929 года Джаныбек от политической своей линии отошел, перешел к грабежам и насилию.

Преследуемый подразделениями Киркавдивизиона и частями ОГПУ Джаныбек со своими объединенными шайками совершал рейды по нынешней Ошской области, быстро ускользая от преследований и неожиданно появлялся то в одном, то в другом районе. Оперативность его шаек была поразительной.

28. 9. Джаныбек перешел границу.

3. 10. Находился вблизи Узгена.

5. 10. Имел бой с пограничниками.

6. 10. Ночевал в Кязил-Цигуре.

7. 10. Банда Джаныбека отмечалась в долине Кара-Кульджа.

12. 10. Банда громила Узгенский центр.

15. 10. В районе Джалал-Абад шайка ограбила гуртовщиков скота.

27. 10. В 14 часов басмач-шайка в 18 км от г. Ош поймала пред.РИКа Мамедуханову, зверски ее растерзали.

11. 11. Шайка Джаныбека оперировал в Таласском кантоне и в долине реки Кара-Кульджа. После столкновения с Киргизским кавэскадром ушла вверх по Чаткалу.

Таким образом киргизским басмачеством под общим управлением Джаныбека в 1929—1930 гг. были охвачены районы:

Узгена, часть Ошского района, Таласской и Чаткальской долины.

Два года эти районы терзало басмачество Джаныбека. 4-й Туркестанский фронт все еще продолжал существовать. Правда не в такой мере, как это было в 1919—1924 гг. А все равно, кровь защитников трудового населения Киргизии лилась. Народ перенес все невзгоды и лишения и победил второе нашествие басмачества.

За шайками Джаныбека гонялись и вели бон Кызыл-Аскеры Отдельного Киргизского кавдивизиона. Этот дивизион имел большие политические и большие боевые задачи от Военного Совета по ликвидации шаек Джаныбека и ведения среди населения агитационно-политической работы.

Подразделения дивизиона, уходя на проведение операций с басмачами давали клятву с лозунгами:

- Зароем в могилу басмач-шайки;
- Не оставить ни одного басмача в Киргизстане;
- Киргизы должны закончить дело освобождением от их врагов народа;
- Погибнуть самим, но басмачей уничтожить;
- Прорыв, стойкости! Без победы не возвращаться!
- Неустойчивым не место в наших рядах.

3

Эти довольно скупые строчки из военно-исторического формуляра Киркаввоинской части дополняют и ярко воскрешают историю Киргизии и боевые дела ее родной национальной воинской части.

Многие Кызыл Аскеры, участвовавшие в боях с внутренними врагами киргизского народа не вернулись. Сложили свои головы ради того, чтобы киргизский народ жил, спокойно трудился, учился и своим трудом прославлял республику.

А чтобы не быть голословным сошлемся на примеры о бессмертии совершенных подвигов Кызыл Аскерами.

Всадник остановил коня и долго смотрел в сторону гор, прикрыв ладонью глаза от жгучих лучей солнца: «Как прекрасно начинается весна! О, мой Талас, какой он красивый! Сверкают льдом горные пики, о скалы бьется таласская вода. Древняя сказочная земля. Здесь где-то лежит богатырь Манас, защитник киргизов», — он слышал эту легенду от отца.

— Потерпи, Аскер, — так звал всадник своего коня, — ехать осталось часика два не больше. Побудем немного и засветло вернемся.

Два года не был дома Каработоев Райымкул. Тогда он ушел в Киргизскую воинскую часть против желания родителей.

— Не делай этой глупости, — уговаривали его родители,

соседи, старики и даже пришел Ишан, чтобы отговорить Каработоева Райымкула. Но он никого не послушал, ушел. А кругом рыскали басмачи.

— Что они мне сделают. Я бедняк. Взять с меня нечего.

Но додумать ему до конца не пришлось. Навстречу из гор ехало несколько всадников.

— Куда направился?

— В Талас. Работу искать. Надо родителям помочь.

— Врешь! К красноармейцам идешь?

Набросились. Избили камчей. Рубаху иссекли на куски. По всему его телу лилась кровь. Вытирая от обиды слезы Райымкул еле поднялся на ноги. Он долго стоял, набирая силы, чтобы продолжать свой путь, а басмачи уже были далеко. Еле добрался до военкомата.

— В Красную Армию хочу.

— А это что, кто тебя так исполосовал?

— Они, басмачи.

И он рассказал военному, как это все было.

И вот он уже служит второй год в отдельном киркав-дивизионе в г. Фрунзе. Примерный красноармеец, комсомолец, пулеметчик. И, когда дивизион проходил по Таласской долине в погоне за басмачами Каработоев Райымкул попросил разрешения заехать к своим.

Он издали смотрел на свое родное место, поклялся мстить басмачам за их грабеж, убийство.

Мать увидела сына, долго целовала и гладила его волосы. Слезы ее текли по щекам:

— Мы думали, что тебя нет в живых, где был, почему не писал? Хотя бы весточкой передавал.

Отец с седой бородкой спокойно подошел, обнял сына:

— Все эти два года мы были в слезах. Дом наш сожгли басмачи, как ты только ушел. Теперь нас они навещают редко. Советская власть нам помогла. Земли есть, баран, приобрели лошадь.

— Мама,— обратился сын,— вот Вам гостинцы и он достал из вьючного коржуна сахар и две банки консервов.

Каработоев Райымкул посмотрел на часы:

— Время ехать.

— Так скоро? Побудь еще,— уговаривала его мать.

— Нет, мама, не могу.

Мать заморгала, слезы полились и она упала на грудь сына.

— Домой приедешь?

— Как басмачей перебьем, обязательно приеду.

— Это долго еще ждать?

— Да нет, мать.

Сын прижал мать к себе. Поцеловал отца. Потом еще раз подошел к матери:

— Люблю я тебя мама! Страсть люблю!

И на прощанье крепко обнял.

Он вскочил на коня, прищепил и помчался догонять свою часть. Мать и отец долго смотрели вслед скачущему всаднику стараясь не упустить черную точку в сумрачной дали.

Каработоев Райымкул застал свой отряд в огненном бою с басмачами. Недолго думая он пришел к своему пулемету. Его раненного хотели отнести с поля сражения.

— Нет, не надо. Бой еще не закончен. Оставьте меня. Я умираю на полях, где будет процветать мой родной Киргизстан, где строится новая жизнь...

Глава XI. ЛЮДИ БЫЛИ ТЕМНЫЕ

1

Гражданская война на территории в бывшей отсталой заброшенной Российской окраине Киргизстане, имела свои сложные тяжелые условия.

Киргизстан не имел своего рабочего класса, своей промышленности. Киргиза никуда не принимали на работу. Киргизы не имели своей интеллигенции. Край сплошной неграмотности.

Киргизы имели лишь своих баев, бедноту, батраков, да казачью нагайку.

Но трудящихся Киргизстана, под руководством своей малочисленной, еще неопытной большевистской партии, сумели тесно по боевому сплотиться с другими народами и оказали всемерную помощь в ликвидации Семиреченского фронта и других фронтов в ликвидации возникших белоказачьих кулацких мятежей, постепенно становились под Красные Знамена Революции.

Ленинское учение о возможности перехода отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Это мудрое ленинское учение киргизский народ перенес на своих мозолистых плечах и претворил его своим трудом с помощью братских народов в солнечные лучи счастья.

Этот яркий маяк в строительстве социализма — в дружбе народов.

Киргизы говорят: «Лучше моей республики нет». Эти слова для народа Киргизстана, надо понимать, как счастливую и радостную жизнь, когда-то убогого, забитого перенесшего цепь страданий.

Но этот путь не был, как теперь кажется легким и гладким.

Пушки Гражданской войны по всей России давно отгремели. Все фронты ликвидированы. Внутренние враги и интервенты разбиты. И только один остался 4-й Туркестанский басмаческий фронт. Особый фронт, представляющий из себя два этапа:

1-й этап — 1919—1924 гг. и 2-й этап — 1929—1930 гг. Это большие последние два года политического и хозяйственного подъема страны.

Масштабы обстановки на басмаческом фронте по 1924 г. были иными в тактике и в политике, чем скажем в 1929—1930 гг.

Басмачи в июне 1929 года еще раз стремились испытать свое военное счастье.

Они лишь немного недооценили обстановку. Они упустили из виду, что прошло уже пять лет со дня ликвидации басмачества и 13 лет со дня организации Красной Армии.

Их не отрезвило полное поражение и изгнание из пределов Туркестана. Полководцы вновь увлеклись надеждами в победу.

На какую авантюру кинулись наемники европейского капитала и жалкие слуги эмира Бухарского. Лидеры и вожаки басмачества — хитрые, яркие классовые враги трудящихся Туркестана — Иргаш, Мадамин бек, Кёр Шермат, Джунаид хан, Ибрагим бек, Истанбек, Ирмат, Муэддин, Хал-Ходжа, Максум-Фузайли, Аман-Палван, Мир-Вали, Мадумар Насыр-Хан-Тюре, Джаныбек казы. Они были на пути решительно со всеми, кто вел борьбу против Советской власти в Туркестане.

Во имя чего и каких национальных интересов истребляли целые аулы, кишлаки, грабили государственное добро. Насиловали узбекских и киргизских женщин, а заблудившуюся трудовую массу до 1922 года курбаши и все деятели басмаческого движения превратили в пушечное мясо.

Все они были бандитами. Быстро превращались в бандитов и остались ими до конца своей жизни.

Они надеялись на иностранную помощь и им снилось, и казалось, что победа будет на их стороне.

Но басмачество со своим исламом, другими святыми пророками, с зеленым знаменем и духовенством, оказались пораженными и разгромленными. Европейский капитал не помог. Они не нашли поддержки и среди трудового народа, как бы они насильно не старались втянуть их в свою преступную борьбу.

Жалкие басмаческие банды, появившиеся на территории Киргизстана были уничтожены. Достаточно было против 1500 трусливых джигитов послать наши два эскадрона под командованием лучших командиров. Эти жалкие вояки избегали серьезного боя. Они не принимали боя, даже когда они численно превосходили наши отряды. Бежали скрывались в горах, пользуясь разве только тем, что во многих случаях лучше знали местность, горные тропы, ущелья, чем наши бойцы.

Агенты и пособники басмачества, которые пробрались в колхозы и учреждения, распространяя легенды и слухи о вооруженной силе Кёр Шермата, Ибрагим бека, Джаныбека, которые вот-вот перейдут границу и вторгнутся во многие места Туркестана.

Пленные из шайки Кёр Шермата, Максума говорили, что курбаши от Кабула имели охранные грамоты, по которым вплоть до границы их встречали и провожали с почестями. Но зато наши их встречали пулями, ненавистью и проклятиями.

Достаточно было появиться киргизским частям, басмачи не знали, куда деваться и скрываться.

Один из пленных басмачей во время допроса, услышал шум летевшего самолета начал метаться из угла в угол крича, что самолет найдет его в этом здании и убьет.

— Мы, — заявил пленный, — боимся своих киргиз, Кирнацдивизиона страшно боимся.

Не было из Кызыл Аскеров ни одного труса. Киркавдивизион, взаимодействуя с другими отрядами блестяще справился с боевыми и политическими задачами, поставленными военным Советом САВО.

Ведя операции бойцы Киркавэскадрона-дивизиона командиры и политработники — проводили громадную политическую и агитационную работу среди населения, среди пособников и басмачества.

Киргизское басмачество хорошо понимало язык своих же киргизских Кызыл Аскеров.

В результате этой проведенной работы около двухсот

джигитов сдалось добровольно, и сдано более трехсот винтовок.

Но не было бы победы, если бы не взялось само киргизское население, все трудящиеся — по уничтожению у себя на Родине — басмачества.

Киргизы последнего «варяга» из-за кордона Джаныбека казы изгнали навсегда.

Мы упомянули может быть и незаслуженно имена главных лидеров басмачества.

Но пусть еще раз этих врагов народа умоет ненависть и презрение **НЫНЕШНЕГО** и **БУДУЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ!**

2

Нам надо знать и имена тех, которые гнали и били басмач-шайки 1929—1930 гг.

Имена славных бойцов, командиров, политработников Киргизского дивизиона, которые действовали, дрались в десятки раз превосходящими силами басмаческих шаек, проявляя при этом мужество и героизм.

Вот их имена:

К. КУЗЕМБАЕВ
С. ШВЕЦОВ
Б. ДАСКЕНОВ
Х. МАМАШЕВ
К. КАЧКЕЕВ
Т. УСУПБЕКОВ
К. КАДЫРАЛИЕВ
К. БОРОНБАЕВ
Т. ТОКТОГУЛОВ
П. ВАХАЛОВ
О. ЛАЙЛИЕВ
И. ОСМОНОВ
А. ТОКСОБАЕВ

Ш. ДЖУРАЕВ
А. ЦЕЙЕР
Б. ТУЛЕГЕНОВ
М. ОРОЗБАЕВ
И. МУРОВ
О. САРАЛИНОВ
М. ДАВЛЕТБАЕВ
Д. НОГАЙБАЕВ
Р. КАРАБОТОВ
К. ТЕРЕКБАЕВ
А. АЛИЕВ
А. РЫСБАЕВ
У. ИЛЬМУРАДОВ

Эти воины Киргизстана отмечены в оперативных сводках и боевых донесениях, награждены боевыми орденами Советского Союза, грамотами и оружием от правительства Республики.

Это они воодушевляли бойцов и вели их за собой в кровавый бой.

Это они не щадили своей жизни, проливали свою кровь и умирали на полях Киргизстана, за строительство своей республики, за новое общество, которое победным маршем и своим будничным трудом, героизмом шагнуло в девятую пятилетку.

трудится над выполнением решения XXIV-го съезда КПСС. Этот небольшой кусочек героической истории Киргизии свидетельствует о великой силе социалистического строя, источника победы и уверенности в своём будущем.

Оставшиеся в живых Кызыл Аскеры, командиры и политработники после басмаческого фронта участвовали в Великой Отечественной войне. Эти ветераны по первому зову готовы вновь стать на защиту своей отчизны.

Сыновья и внуки тех, кто в годы борьбы с басмачеством и в годы ВОВ отстаивали свободу и независимость, помните, о своем святом долге, — беречь великое социалистическое завоевание.

Части Средне-Азиатского Военного Округа (САВО) успешно завершили ликвидацию последнего очага басмачества, как политическую силу, на которую опирались, как внутренние, так и за границей контрреволюционные элементы.

4-й Туркестанский басмаченский фронт ныне не существует.

3

Так Военный Совет САВО доносил наркомун обороны СССР о последней битве с басмачеством, об окончательном его разгроме в котором активное и боевое участие принимал Киргизкавдивизион.

На территории Туркменской ССР после разгроме басмачества состоялись большие войсковые маневры, которые по времени совпали с японской провокацией, в этих маневрах участвовал Киркавдивизион. Но ему до конца на маневрах не пришлось побыть. Дивизион ушел на боевые операции с басмачеством.

Насколько это было важным моментом, можно судить потому, что боевую задачу дивизиону и подразделениям его ставил и напутствовал сам командующий войсками П. Е. Дыбенко.

Но как создавалась и обучалась молодая киргизская поинская часть, об этом речь пойдет в следующем разделе.

Часть IV

СОЛДАТЫ КИРГИЗИИ

Глава I. ПУТИ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КИРГИЗИИ

1

В руководящих верхах царской России, в докладе от 23-ноября 1915 года вот что мы читаем:

«Формирование особых частей, составленных из какой-либо одной национальности (кроме русской) не отвечает ни политическому и ни внутреннему положению России. Служба в регулярных войсках для Киргизстана будет невозможной. Обучение будет затруднять незнание русского языка. Эти отсталые инородцы не могут быть пригодными для разведывательной службы в кавалерии. Он не смысленный с узким кругозором, его никогда не научишь русскому языку, а казарменный режим для киргиза будет гибелью.

Для армии киргизы не доросли и они не надежны. Трех-четырёхлетнее пребывание киргиз под царскими знаменами не сделают их преданными России. Они могут переходить к врагу».

Нужды империалистической войны 1914—17 гг. требовали неисчислимых жертв, исчерпали людские ресурсы, заставили военное министерство отбросить прежние предосторожности.

Доклад в Совет Министров и в Государственную думу содержит уже совсем иные выводы о киргизах.

В 1916 году высочайшим повелением были привлечены киргизы к работам на государственную оборону в прифронтовой полосе.

Проведение этой кампании — реквизиции варварским способом, явилось поводом к широкому восстанию киргиз.

На фронте они рыли окопы и выполняли всякую ломовую работу. Начальство о них не заботилось. Жили в ба-

раках, похожих на собачьи конуры. Они ежедневно от голода и от холода, недоедания и при обременительной работы умирали в огромном числе.

Их обвиняли в сочувствии, воевавшей с Россией Турции и за это их пуще били и истребляли.

Киргизское население тонуло в крови. Одних только по подразделению незаконно приговорено судом к смертной казни 347 человек.

Но и на Западе дело обстояло не лучше. Капиталисты и в наше время делают тоже самое с колониальными народами Индокитая и других стран.

Но вот пришла в Туркестан Советская власть. Революционно разбушевались Средняя Азия.

Империалистическая война 1914—1917 гг. принесла в Туркестан колоссальные бедствия в виде голода, безработицы и развала, главным образом хлопкового хозяйства. Прекратился подвоз хлеба, разрушился транспорт.

Преступная мобилизация царским правительством в 1916 году громадного населения киргиз усугубила страдания.

Тяжелый труд и лишения, жестокие бои, немалые потери от ран и болезней пришлось перенести частями Красной Армии, боровшимся рука об руку с зародившимися национальными частями и добровольческими киргизскими отрядами из лучших представителей рабочих батраков, бедноты.

Мы уже описывали об участии киргизских воинских частей и добровольческих отрядов в борьбе с белогвардейскими полчищами на фронтах Гражданской войны. Участие в разгроме басмачества, политического эмигрантского и уголовного. До начала нацразмежевания и после вплоть до 1930 года. Этот этап вошел в историю Советского Социалистического Киргизстана как кровавая борьба самих киргиз, киргизских воинских частей, боровшихся рука об руку с Красной Армией со своим классовым врагом.

2

Всех великих дел не перечесть. В период времени с момента национального размежевания (конец 1924 г. — по 1928 г.) начался новый этап советского военного строительства. Этот этап вошел в историю, как «военная реформа». Переход от армии военного времени к армии мирного времени, это была крутая ломка.

Наша партия в этот период имела огромные трудности,

связанные с общими хозяйственными и политическими трудностями в стране.

Борьба шла с троцкистско-зиновьевской оппозицией. Начало первой пятилетки. Решением КП и XIII съезда РКП(б) были намечены ряд мер по укреплению мощи советских вооруженных сил, которые и вошли в историю, как военная реформа. Она в частности сводилась переходу к смешанной кадровой территориально-милиционной системой комплектования. Создание национальных воинских формирований.

В решении XII съезда партии, происходившего весной 1925 г. указывалось два пути, по которым должно было идти национальное строительство в Красной Армии.

В Красной Армии должна усилиться воспитательная работа с тем, чтобы шире и глубже проводилось братство и единение народов Советского Союза.

Съезд предложил сохранять единство и боеспособность Армии приступить к формированию национальных частей внутри Красной Армии.

В духе решений 12-го партийного съезда и был составлен пятилетний план национальных формирований.

Вначале искали благоприятные пути для закладки фундамента. Формирование национальных частей делали опыт и оценку этому опыту. Трезво смотрели вперед, наметив пути дальнейшего внешнего строительства.

XII съезд ВКП(б) открыл новую полосу по национальному вопросу. Вынес постановление о принципах национального строительства Красной Армии. Затем, этот широкий план, выработанный пленумом РВС республики, возглавляемый М. В. Фрунзе был утвержден 3-м съездом Советов.

Только невежды и злейшие наши враги думают и говорят, что национальное формирование пустая забава, это игра для удовлетворения национального самолюбия отдельных народов нашего Союза. «Пусть говорят, для нас лучше», — говорил М. В. Фрунзе.

Национальное формирование, это очень была серьезнейшая задача вытекающая из всего характера нашего государства и определяющая основными принципами нашей внутренней и международной национальной политики.

Партия и правительство исходили из того, чтобы каждый гражданин в нужную минуту, грозившей опасности для отчизны мог бы выступить с оружием в руках, а ведь до 15% всего населения Союза находилось совершенно незатронутым военным ведомством.

Вот как расценивал национальное формирование М. В. Фрунзе. Это видно из его слов, сказанных в военной академии в январе 1925 г.

«Трудно сказать теперь, что важнее иметь при столкновениях на Востоке с английским империализмом. Три ли прекрасно обученных, хорошо сколоченных европейских, или две менее подготовленных более слабых национальных дивизий. Я думаю,—сказал М. В. Фрунзе,—последнее будет важнее, что две дивизии национальные будут сильнее и важнее трех дивизий европейских».

Национальные воинские части были могучим средством изживания межнациональной вражды братских отношений с многочисленными народами. Это одна была из баз советской работы среди населения. С каждой демобилизацией нацчасти усиливали в деревнях, аулах и кишлаках кадры, прошедшие хорошую школу.

Национальное размежевание-самоопределение народов Средней Азии выдвинуло задачу охранять труд и границы, самоопределяемых республик. Это и должны будут делать вновь формируемые национальные части совместно с частями Всесоюзной Красной Армии. Охранять мирный труд своего народа, своей республики.

Это была первая задача будущих Кызыл Аскеров.

Вторая задача заключалась в том, чтобы нацчасти являлись бы школой подготовки новых советских работников, кишлака, аула, а Киргизстан в этом ощущал большую нужду.

Вокруг этих главных задач и была развернута пропаганда и агитация среди комсомольцев и аульной молодежи, из которой и была сформирована первая национальная киргизская воинская часть.

3

Комсомольцам и аульной молодежи разъяснялось, что национальная киргизская воинская часть Красной Армии является детищем молодой Киргизской Республики. Добровольцы должны быть физически здоровыми и проходя службу в киргизской коннице могли бы закалить себя и выработать действительного воина-революционера, с высоким политико-моральным сознанием, привить ненависть к врагу, верности к военной присяге, беззаветно служить своему народу, делу коммунистической партии.

Создание национальной части для киргиз являлось не только военной стороной и мерами обороноспособности

республики, но в значительной степени и общеобразовательной, политической школой. В то время, это имело огромное значение для Киргизской Республики.

Демобилизованный кызыл аскер не был похож на того крестьянина, батрака, неграмотного, темного парня, ничего не понимавшего в политике, в голове гулял религиозный туман. Целый век кланялся баям, мулам, ничего не видел кроме ближайшего базара и своего аула. Он едет домой грамотный и он знает кто его враг и кто друг. Он становится советским работником.

Национальное воинское формирование населением было воспринято как действительное осуществление основ национальной политики, возведенных Советской властью и коммунистической партией и как свидетельство подлинного освобождения угнетенных в прошлом.

Формирование национальных частей открыли новый источник добавочной мощности Советского Союза.

Киргизы и другие народы Средней Азии в результате осуществления ленинской национальной политики получили почетное право служить в Красной Армии, защищать оружием в руках свою Советскую Родину, которые прежде воинской повинности не несли.

А теперь! Боец киргиз, как никогда твердо знает, где бы ему не довелось сражаться — там под Москвой зимой 1941 года, или на Украине, в Белоруссии, под Ленинградом — он защищает вместе с тем свою республику, г. Фрунзе, Пржевальск, свои Тянь-Шаньские горы. Это его земля. Это его Отчизна.

Но для успеха национального строительства в Красной Армии громадное имело значение участие в этой работе правительства республики и местных Советов, комсомольских и профсоюзных организаций и организаций «кошчи».

На 3-м съезде Советов СССР было обращено внимание ЦИ комитетов и совнаркомов союзных и автономных республик, о том, что «строительство национальных войск может быть обеспечено лишь при самом широком и деятельном их участии, путем создания необходимой для этого базы, как в отношении образования прочных кадрового командно-политического состава, так и в смысле подготовки населения к отбыванию воинской повинности».

В каждой республике был установлен особый порядок отбывания обязательной воинской службы.

В Киргизстане по первости форма была добровольческой. Отбор производился через партийные, комсомольские, профсоюзные организации и союз «кошчи».

Комплектование, проведенное в конце 1926 года по набору добровольцев для кирнацчастей по Фрунзенскому, Каракол-Нарынскому, Джалал-Абадскому и Ошскому округам свидетельствуют о большом наплыве добровольцев.

Например, в Каракол-Нарынском округе пришли записаться на вербовочный пункт 109 человек, а требовалось 25 человек.

Во Фрунзенском записалось 110 человек, а требовалось 37 человек.

По Ошскому округу записалось 187 человек, а требовалось 8 человек. И лишь не явились на сборный пункт два добровольца, отобранные вербовочной комиссией. Но через десять дней и они явились, объявив, что их заперли родители и никуда не выпускали.

Из 108 человек, отобранных вербовочными комиссиями 90 человек батраки. Неграмотных 75 человек, малограмотных — 33 человека. Комсомольцев — 63 человека.

4

Вопрос допризывной подготовки — это был новый вопрос для Киргизстана.

Раньше допризывная подготовка охватывала европейскую молодежь. Коренное население не было тронуто, а жизнь стала диктовать необходимость проведения допризывной подготовки с киргизами. Стал вопрос с чего начать эту большую и нужную работу?

Опыта нет и материальных условий нет. Нет надлежащего учета населения. Толи начать работу с военного обучения, или с партийно-политического просвещения.

Начать ли повсеместно, или частично вовлекая в подготовку организованную молодежь. И не было сколько-нибудь кадров своего национального командно-политического состава.

Не редкие были случаи — молодежь не знала своего года рождения. Иногда на местах записывали добровольцев и допризывников насильно, во имя выполнения плана. Нередко попадали байские и деклассированные элементы. Добровольцев записывали заочно. Зажиточные родители скрывали от призыва, или уменьшали годы за взятки. Враждебные элементы призывали молодежь: «Не идите в Армию, крепко держитесь за религию! Оденьте шинель и домой».

Нередко, для привлечения на свою сторону бедноты и батрачества духовенство и баи устраивали совещание с

угощением и подарками, лишь бы как нибудь отвлечь молодежь от армии.

Но запись добровольцев в киргизские части и прохождения допризывной подготовки всюду превышала ожидаемое, особенно со стороны комсомола.

В сравнении с 1926 г. и даже с 1927 г. рост активности и должное внимание к призыву и допризывной подготовки со стороны партийных и комсомольских организаций значительно возрос.

Так, в 1928 году киркавдивизиона потребность была 157 человек добровольцев. Явилось добровольцев более 500 человек, из них 85% неграмотных. Явка на призывные пункты призывников превышала требуемое количество. Так, вместо 721 допризывника явилось более полутора тысяч человек.

В январе 1927 года по всему Киргизстану начался переучет допризывников. Принцип укомплектования в порядке обязательном для партийных и комсомольских организаций и в порядке добровольности для остальной молодежи. Он оправдал себя.

Но этот принцип был приемлен при первоначальном формировании, либо людской состав для укомплектования требовался сравнительно небольшой.

А в связи с последующим развертыванием, количество призываемых стало возрастать и покрывать по принципу отбора становилось все труднее и труднее.

Становилось своевременным и вполне возможным ввести всеобщую воинскую повинность, лиц призывного возраста из числа коренного населения.

Сначала частично, а затем охватить повинностью всю молодежь республики. И не только со службой в своих частях, но и со службой во Всесоюзной Армии.

Все это имело колоссальное политическое и военное значение. Это не было по плечу только военных комиссаров, это задача была для всех организаций, как задача государственная и особой важности. Эта работа имела крупнейшее политическое значение для киргизского народа, а если хотите знать, это имело и международное значение для всех угнетенных и поработанных народов.

Но тяга в армию была не только парней, но и комсомолок-девченок.

Президиум исполнительного комитета Киргизской АССР, подводя итоги годовщины формирования своих киргизских частей и наплыв заявлений от киргизских девушек, о принятии их в Армию — в своем постановлении указал:

«Женщина-киргизка имеет полное право наравне с мужчиной добровольно исполнять закон обязательной военной службы, может записаться добровольцем в Красную Армию. У киргизки нет религиозного фанатизма и у них иные бытовые условия, чем скажем у узбечек». ¹ «Мы хотим попасть в Красную Армию», — говорила молодежь Киргизстана, когда осенью 1931 г. шел первый призыв киргизской молодежи 1909 года рождения.

На основе Закона об обязательной военной службе призыв проводился впервые. Претворялось в жизнь решение третьего всекиргизского съезда Советов.

Молодежь пришла с горячим желанием попасть в ряды Красной Армии.

Балыкчинский район помимо призывников прислал 148 человек добровольцев. Призывники, зачисляемые во вневоисковики, вследствие малых нарядов, выражали большое недовольствие.

В ответ на кулацкую и байско-манапскую агитацию призывники повсеместно организовывали красные обозы хлеба и хлопка. Хорошо была проведена политико-просветительная работа. Были попытки проникнуть в ряды РККА сыновей баев и манапов, но этим попыткам призывники дали должный отпор.

Первый призыв прошел организованно.

Если бы не было должного и отеческого отношения Киробкома и исполкома по набору добровольной молодежи в Киргизскую национальную часть, трудностей было бы больше, чем мы их имели. О том, какая забота была проявлена бюро Киробкома ВКП (б), можно судить из вынесенного им постановления от 3/XII — 26 г. по поводу набора в нацчасти.

«Теперь же приступить к развертыванию агитационной кампании по вербовке их в нацчасти киргизской молодежи. Во главу угла разъяснительной кампании поставить следующие моменты:

¹ ЦГАКА. Ф. 25895. Д. 32. стр. 1—11.

а) Задачи нацчасти и задачи комсомола в создании этих частей;

б) Срочно проследить за тем, что меры вербовки не были основаны на широких обещаниях, посулах, командных должностей, полного обеспечения семей. Описание службы в Красной Армии в розовых красках совершенно не должны иметь места;

в) Агитационную кампанию провести через партийную и комсомольскую организацию на местах. Кампанию закончить к 01. 01. 1927 г.

г) Утвердить проект письма к окружным комитетам партии и комсомола;

д) Утвердить и рекомендовать фракции Облисполкома комиссию по набору молодежи в нацчасти в составе шести человек. Возглавлять комиссию возложено на секретаря Киробкома ВКП(б) Д. Садаева.

6

«Мы никогда не забывали и не забываем,— писали Кызыл Аскеры уходя в запас,— что в решительный час на нашу Родину еще раз может обрушиться вражеская сила и мы готовы по первому зову нашего правительства встать в ряды защитников своей Родины. Наша Красная Армия состоит из десятков национальностей. Говоря о добровольном Союзе В. И. Ленин писал: «Мы хотим такого добровольного Союза, который бы не допускал никакого насилия одной нации над другой, такого Союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии». Мы это все видим на практике. Нас учат, что наша многонациональная Красная Армия строится и готовится на борьбу против национального гнета империализма и мы готовы выполнять интернациональную задачу. Мы сроднились с русским народом, это наш старший товарищ!»

Другая группа Кызыл Аскеров, только что прибывших в Киргизскую часть интересовалась: «Где будет в случае войны нацчасти, в Средней Азии, или где-либо в другом месте? Будут ли драться совместно в европейскими частями или отдельно? И, наконец возможно ли отсутствие в Средней Азии европейских частей при расширении строительства национальных частей?»

Нашелся ответ на этот серьезный вопрос.

Не может быть отдельной Узбекской или Киргизской Красной Армии, как не может быть самостоятельной внеш-

ней политики, внешней торговли и прочее. Это означало бы ликвидацию СССР, и всегда была бы величайшая опасность. Красная Армия будет драться там, где грозит опасность СССР.

Национальные части единой Красной Армии и они будут действовать в единых рядах с европейскими частями. Они защищают одинаково Узбекистан, Киргизстан, интересы рабочих и крестьян Украины, Белоруссии, Калмыкии и других национальностей.

7

После государственного национального размеживания к началу 1915—26 бюджетного года в Киргизской АССР был сформирован:

Отдельный кавалерийский полуэскадрон в составе двух взводов — сабельного и учебного.

Сначала 1926 бюджетного года учебный год был развернуть в Киргизскую школу подготовки младшего состава.

Сабельный взвод полуэскадрона был развернут в Отдельный киргизский кавалерийский эскадрон.

Конец 1927 года и начало 1928 года бюджетного, Отдельный киргизский кавэскадрон и Киргизская школа подготовки младшего комсостава переформировываются в Отдельный киргизский кавалерийский дивизион в составе 2-х сабельных эскадронов, взвода связи, пулеметного взвода и дивизионная школа подготовки младшего комсостава.

После 1931 года отдельный киргизский кавдивизион разворачивается в Киргизский 53-кавалерийский полк.

На X-й сессии Верховного Совета СССР было принято дополнение к Конституции, согласно которому, руководящая основа организации войскового формирования в республиках закрепляется за Союзным государством, а установление порядка в войсковом формировании относится к компетенции Верховного Совета каждой Союзной республики.

За четырнадцать лет существования Киргизнацчастей народ Киргизской Республики, как народы и других братских республик под руководством своей Коммунистической партии мужественно и самоотверженно боролся с врагами, боролся за ликвидацию неграмотности.

Бурно расцвела культура национальная по форме и социалистическая по содержанию. Киргизский народ прочно и навсегда вошел в семью равноправных народов. Тесно

сплотился с русским народом и другими национальностями. В силу общего роста, экономического, политического и культурного, острая нужда в партийных, советских, колхозных, профсоюзных кадрах резко пошла на убыль. А так как классовый враг внутри республики был истреблен, а следовательно и успешно завершено выполнение исторической миссии, возложенной на национальные части Киргизстана XII-м съездом ВКП(б) и Революционным Советом республики. Поэтому отпала необходимость в дальнейшем иметь свою национальную часть.

Советское правительство признало возможным и своевременным расформировать киргизское военное формирование. Эта мера касалась национальных формирований и других республик.

Призывной возраст киргизской национальности и его военная служба в Красной Армии стал проходить на общих основаниях закона об обязательной военной службе. Киргизы стали призываться в Красную Армию во все рода войск наравне с другими национальностями.

Из сказанного напрашивается следующий вывод:

— Пятилетний план по формированию национальных частей и по организации допризывной и призывной подготовки для партийных организаций Киргизстана и правительства его был труднейшим периодом: тут и борьба с байством и кулаком, борьба с басмачеством, борьба с неграмотностью, борьба за восстановление хозяйства, разрушенного гражданской войной. Укрепление по-настоящему Советской власти, да и много было других трудностей.

Киргизстан за это пятилетие «Военной реформы», участником ее являлся и сам автор — сделал великое свершение. Это была настоящая ломка умов Киргизстана. Таковы были основные этапы киргизского военного строительства.

Глава II. ИСПЫТАНИЕ ТРУДНОСТЕЙ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ИХ

1

Много громадных трудностей стояло на пути национального формирования. Укажем лишь на некоторых из них, чтобы можно было легко сравнить, как далеко в короткий отрезок времени ушел в своем прогрессе киргизский народ.

Опыт 1925—26 гг. о национальном военном строительстве показал трудность и даже невозможность формирования нацчастей без комполитсостава среднего и младшего звена, знающего местные языки.

В мае 1924 года была организована сначала Туркестанская объединенная национальная школа, впоследствии была переименована в объединенную Среднеазиатскую военную школу имени В. И. Ленина. И нужно было удивляться, как был проложен слух об этой военной школе, дошла эта весть до Памира. Мы, авторы, являемся очевидцами такого случая. — Из гор в овчинных штанах, в малахаях, с куржунами за плечами, загорелые, запыленные, но бодрые три парня пришли пешком из тянь-шаньской горной глуши от границы Китая, узун кулак принес им весть, что в Ташкенте военная школа аксакала Ленина, они и айда!

Два месяца шли.

Национальный нацсостав уступал европейцу по общеобразовательной подготовке и по общему развитию. В школу принимали малограмотных. По остальным же признакам комсостав нацчастей выделялся в положительную сторону.

Первый выпуск школы был произведен в 1926 году. Выпущено было 30 человек пехотинцев и 17 человек кавалеристов. Политсостав готовился на политкурсах при школе им. Ленина.

В каждой национальной части имелась школа по подготовке младшего комсостава и здесь были трудности. Снижались требования к поступающим в школу младшего комсостава, ибо отказ от этого на деле закрывал бы доступ в школу. Но старания овладеть всем, знать многое, тяга и жажда познать военное, быть младшим командиром, вот эти замечательные качества и приумножали успехи подготовки.

Киргизстан не имел своего младшего комсостава, служившего ранее, это и послужило созданию школы младшего комсостава войскового типа. Подготовка курсантов в основном протекала также, как и в полковых школах Красной Армии. И с каждым годом требования к отбору в школу повышались. Младшего комсостава готовилось то количество, которое покрывало потребность Киргизнацчасти.

Командование всегда было на стороже и вызывало у него серьезную тревогу, как бы избежать и недопустить национальную рознь шовинистического настроения, родо-

вую племенную вражду. Об этом свидетельствуют вот такие факты:

Красноармейцы из г. Ош или Джалал-Абада отказались быть в одном взводе с красноармейцами из Каракола лишь только потому, что они происходят из разных родов. Пережитки племен и родовой вражды вскрывались в начале прибытия в казарму, часто трения происходили между красноармейцами Караколского и Нарынского кантонов с одной стороны и Ошского округа с другой. Первые считали себя настоящими киргизами, вторых именовали чаласартами т. е. узбекской помесью. Эти трения были и в комсомоле. Так один комсомолец прибыл из Нарына, на общем комсомольском собрании упорно стоял против приема в комсомол тринадцати парней, подавших заявления, не объясняя причины своего возражения.

И, как выяснилось потом, все принимавшие в комсомол были ошского округа. Сила родовых связей была и у членов партии, они скрывали фамилии баев и рода своих аулов. Драки и ругань, особенно в выходные дни, особенно после принятия опиума, бузы были частым явлением между родами и племенами.

Другая тревога — это частые самовольные отлучки и отпускное настроение в период джайляу — в то время, когда начинается кочевье. Весна служила своего рода экзаменом по самовольным отлучкам.

Были затруднения по вопросам языка, испытывали недостаток в военно-политической литературе на местном языке, особенно воинских уставов и наставлений. Команды подавались на русском языке, изучение уставов, оружия, политические вопросы, огневая и физическая подготовка проходила на местном языке с несовершенным переводом. Главным методом обучения — это был метод-индивидуальный подход, наглядность, пример командира и показ того и другого приема.

В повседневной жизни киргизских частей занимало весьма заметное место национально-бытовые особенности. К числу таких особенностей относилось отличие пищи. Кызыл Аскеры неохотно употребляли капусту, свинину, хлеб требовали только белый. Со свининой произошел любопытный случай. В июле 1927 года эскадрон выезжал в агитпрогулку в Воронцовку. Мы собрались в ауле Косык на дневку. Командир взвода Калугин во время ужина за столом у хозяина выразился:

— Вот бы сейчас поест свинины.

Хозяин разгневался и сказал:

— У нас об этом упоминать грешно, — плюнул и пошел молиться.

Бытовые мелочи немало имели значения. Так, на мытье в общую баню тащили силком, пополнение, попавшее первый раз в баню долго и неуверенно топтались на месте и не раздевались. Прятали талисманы, приходилось на партию новичков выделять старослужащих, которые при новичках быстро раздевались, что же оставалось делать колеблющему? Следовать их примеру и помаленьку втягиваться в новый уклад жизни. А что делать с медицинским осмотром? Многие его старались избежать. Раздеваясь завязывали себе глаза, чтобы не смотреть на себя и на врача, а потом так привыкли к медпункту, что бегали за освобождением с какой-нибудь ничтожной царапиной.

2

Много доставляло хлопот, чтобы приучить Кызыл Аскеров к внутреннему распорядку, приучать спать на койках, некоторые ночью падали с кровати, а чтобы не падать ложились на пол спать, или на ночь себя привязывали. Долго приучали мыть руки с мылом, менять белье и постельные принадлежности. То ли жить в глиняной сакле, юрте, горах Тянь-Шаня в антисанитарном состоянии, не меняя рубахи месяцами, или в уютной чистой казарме с чистыми постелями и простынями, на каждого тумбочка, скатерка и цветы. Строгое соблюдение распорядка дня, а распорядок был уплотнен и трудноват, подъем в 6-00, до 8-ми часов уборка лошадей, физзарядка, завтрак. 8 часов в сутки боевой и политической подготовки и 4 часа внешней общеобразовательной подготовки и отбой в 22-30.

По началу порядок утомлял красноармейцев, Киргиз-кавалерист себя готовил к военному делу и своего коня, имел двойную нагрузку чем скажем пехотинец.

Прекрасно и наглядно были оборудованы ленинские комнаты, где красноармейцы проводили досуг личного времени, читали, писали письма и готовились со своими младшими командирами к очередным занятиям.

Многие из советских поколений не знают порядков в царских казармах и разницы с красными казармами. Однажды, как-то по неосторожности в ленуголке было разбито стекло. С улицы позвали стекольника, это был старый человек, лицо морщинистое с бородой. Он вошел в ленуголок, вытянулся и гаркнул:

— Здравия желаем!

Ему ответили:

— Здравствуйте!

Он внимательно осматривал ленинскую комнату и удивлялся, куда, мол, попал? Он таращил глаза на читающих газеты и книжки, обратил внимание на шум Кызыл Аскеров, обсуждавших стенгазету, на командира, играющего в шашки с красноармейцами. — А вот в наше время ничего этого не было.

— Расскажите, — слышались голоса, — какая была служба в царской армии.

И стекольщик рассказал, как у них было:

— Меня уволили по ранению и с тех пор в казарме не бывал, за чтение газет и высказывание своих мыслей на каторгу ссылали. После занятий сидишь на койке как истукан, веселиться запрещали. В праздники ходили на базар продавать хлеб и сахар, в субботу строем все в церковь.

— А били вас? — спросили стекольщика. Он вздохнул:

— Били здорово, срамили матерщиной, некоторые не выдерживали, кончали самоубийством.

Его подвели к стенной газете и стали читать заметки. Он засмеялся, вздохнул:

— Да кто же у вас это пишет?

Ему перевели все заметки на русский язык и сказали, что пишут Кызыл Аскеры, наши военкоры. Вот ведь какая штука-то?

Послышалась команда по всей казарме. Безбожники и малограмотные в клуб, остальным на беседу о сельхозналоге. Стекольщик вставил окно и попросил разрешения посидеть в ленуголке. Он просидел до отбоя и все про себя шептал:

— Партийцы, комсомольцы, военкоры, Мопр, Авиахим, стенгазета, безбожники, кружки по ликвидации неграмотности, политзанятия... А наши солдаты серьезные, забитые, изучали только титулы Романовых, затемняли наши умы муштрой. Клубом у нас служила уборная и каждый старался поменьше находиться в казарме. А теперь настоящий университет. Киргиза превратили в воина Красной Армии — это просто чудо! — заключил стекольщик.

По первости Кызыл Аскеров в ленинскую комнату тянули за рукава, может быть ленинские уголки были не наглядно и красочно оборудованы и оформлены, не поддерживался у них должный порядок. Партийная организация киргизской части, через ЦК партии Киргизстана добились помощи в оформлении ленинских уголков. В этом вопросе и других нужд всегда оказывал помощь и ни в чем

не отказывал почетный красноармеец секретарь Киргизского Обкома ВКП(б) т. Д. Садаев. Он был частным посетителем и беседчиком с Кызыл Аскерами киргизской конницы. Восхищался лихостью джигитов во время конно-спортивных состязаний. Кызыл Аскеры не понимали важности и назначения ленинской комнаты и после того, как было разъяснено, что само название ленинской комнаты определяет ее высокое значение, что это почетное место, которое оно занимает во всем укладе воинской жизни.

Было бы интересно напомнить, что решением Реввоенсовета республики в 1924 г. красные уголки переименованы были в ленинские уголки, и что они призваны напоминать бойцам о великих заслугах умершего вождя, и порождать в них готовность отдать свои жизни на защиту Советской республики. Этот очаг политического и экономического воспитания воинов, приобретает особую важность и сейчас.

3

И, наконец, тяжелейшим вопросом, был вопрос ликвидации неграмотности, повышения культурного уровня и борьба с пережитками прошлого.

Отсутствия на местах допризывной подготовки затрудняло всю войсковую подготовку киргизского формирования и эта работа ложилась на плечи самой киргизской части.

Процент неграмотности после прихода новобранцев в киргизскую воинскую часть доходил до 85—90%. Иначе на 100 Кызыл Аскеров в 1926—29 и 28 годах приходилось грамотных и малограмотных 10—15 человек, а 80—85 темных безграмотных.

Последующие годы процент неграмотности пошел на убыль. Так, в 1930 году процент неграмотности для Киргизского дивизиона составлял 43,3%. Членов и кандидатов в ВКП(б) из 200 человек прибывших — 36 человек и комсомольцев 139 человек. Тогда как из этого-же числа прибывшего пополнения в начале 1928 года, коммунистов и кандидатов 11 человек, комсомольцев 82 человек, неграмотных поступило более 65%.

Говоря о ликвидации неграмотности Ленин подчеркивал: «Ликвидация неграмотности — это не есть политическая задача, это есть условие, без которого говорить о политике нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может

быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика».

Мало ликвидировать неграмотность, стояла задача научить красноармейца, чтобы он разбирался в книжке, в газете, в листовке, в плакате — без этого и немислимо какое-то политической воспитание. Таким образом главной задачей наравне с подготовкой боеспособности части, была задача ликвидации азбучной неграмотности.

На первом учредительном съезде комсомола в середине 1925 года делегаты высказались и постановили о том, что нежелание комсомольцев ликвидировать свою неграмотность рассматривается, как нежелание быть в рядах Союза молодежи.

Многие комсомольцы устремились в национальные части, рассматривая их как общеобразовательную и политическую школу, потому, что крайне ограниченное количество школ не могли вместить желающих учиться и поэтому Киргизское военное формирование на протяжении пяти лет принимало в свои ряды большой процент неграмотных и малограмотных комсомольцев. Но упорство все превозмогло. Киргизские воинские части сумели вписать в историю Красной Армии немало победных страниц, показали себя в гражданскую войну, в войне с басмачеством, киргизские части показали себя на мирном, трудовом и культурном фронте. Солдаты Киргизстана имеют много подвигов в Великой Отечественной войне.

Глава III. НА ПЛОЩАДИ ВОЕННОГО ГОРОДКА

1

Площадь, манеж и казармы расположены на углу улиц Токтогула и Логвиненко. В 1852 году был заложен фундамент казармы генералом-губернатором Колпаковским и стоит она до сих пор. А в 1928 году сделан капитальный ремонт командиром Киркавдивизиона В. А. Калачевым (см. фото) За обнесенным забором видны новые постройки военного ведомства. Здесь в 1918 году для борьбы с белыми войсками и мятежниками формировался первый Киргизский полк под командованием Я. Н. Логвиненко. С этой площади возвещалось киргизскому народу об установлении Советской власти в Пишпекском уезде. Площадь была просторной, строгой, чистой, убраной до блеска. Она первая встречала Кызыл Аскеров — новобранцев, и

Она же последней провожала его, когда он кончал срок службы.

С этой площади уходили в бой с врагами народа Киргизские части. Сюда приходили каждый год молодые воины, они сменили своих старших товарищей у винтовок, пулеметов, у боевых коней.

На ее квадрате с подъема до отбоя не смолкала ритмичная жизнь воина кавалериста, здесь обучались Кызыл Аскеры лихому мастерству, владеть конем, саблей и винтовкой. Здесь каждый день слышны были команды: «Смирно!», «Раз два левый!», «Тверже ногу!», «Рысью марш!», «Вольт на лево, вольт на право!», «Слезай!», «Садись!», «Руби!».

К вечеру у Кызыл Аскеров ныли мышцы. От каждодневной и напряженной учебы темнели от пота брюки и гимнастерки. За два года службы от верховой езды и полевых учений ни одна гимнастерка и брюки были изношены. Но чем больше напрягался кавалерист, тем больше познавал. Республика получала плоды и богатство для своего народного хозяйства, которое так упорно готовилась на этой площади манежа.

Неподалеку, всего лишь в пяти километрах от г. Фрунзе, где теперь находится аэропорт, ежегодно разворачивался полотняный городок Киргизской нацчасти, это бывший казачий лагерь царского времени. В империалистическую войну сюда были согнаны в сырой низкий каземат военнопленные австрийцы. Несколько тысяч их умерло от голода, холода и туберкулеза. Здесь еще и по настоящее время не стерта память далекого прошлого произвола.

Здесь-то Кызыл Аскеры, командиры, и политработники укрепляли боевую мощь своей части, день и ночь здесь шла полевая выучка. Здесь же на свежем горном воздухе с чисто горной водой и купанием укреплялось и здоровье личного состава.

На организацию лагерей правительство Киргизской Республики оказывало щедрую помощь. А в праздничные дни после показательных физических упражнений и конных состязаний дарили два-три барана и в достаточном количестве кумыса.

Из своих лагерей Киргизская часть почти ежегодно уходила для стажировки и взаимодействия с другими родами войск и Троицкие лагеря, находящиеся под Ташкентом.

Забегу вперед и расскажу о событии, которое неожиданно, сразу ломает каждодневный привычный ритм жизни.

ни и быта воинской части. Таким событием для Фрунзенского гарнизона явилось прибытие в военный городок, командующего войсками К. А. Авксентьевского.

Проездом из Пржевальска он решил посмотреть боевую подготовку Киргизской части и ее расквартирование. Это было осенью 1927 года.

Командующий прямым ходом направился на кухню и в столовую, дежурного на кухне на месте не оказалось. Смуглый, круглолицый повар при докладе мгновенно растерялся и не знал с чего начинать, увидя перед собой рослого, широкоплечего, в белой гимнастерке, в белой фуражке, подтянутого начальника. В петлицах ромбы, на груди боевые ордена.

Судорожно поднес к белому колпаку растопыренные засаленные пальцы правой ладони, жарко захлебываясь, все же стал докладывать.

То ли белая и чистая кухня и чистые столы, накрытые клеенкой, то ли сам повар в белом накрахмаленном халате и колпаке, наверное, во всем взятом придало хорошее настроение командиру. Он улыбнулся и спросил:

— Как Вас зовут, товарищ Кызыл Аскер?

— Повар я, Ишманбеков, вот уже второй год служу.

— Что повар, это я вижу по белому халату и колпаку, видно и не плохой повар, а стрелять умеете? Верховой ездой занимаетесь? Грамоте учиться?

— На лошади ездить умею, а стрелять метко наверно не сумею, немножко научился читать и писать.

Видимо повар почувствовал расположение к себе командующего продолжал докладывать:

— На моя готовка пищи обиды аскеру нету, всегда веселый говорит и не ругается, эта мне польза...

— Если у Аскеров обиды нет на питание, значит Вы, товарищ Ишманбеков, готовите хорошо,— согласился командующий с доводами повара.— Но в Армию приходят для того, чтобы научиться стрелять из винтовки и пулемета, владеть конем и холодным оружием, быть отличным джигитом. А нельзя ли попробовать, что у Вас парится и варится, если конечно что останется на мою долю.

— Останется,— любезно проговорил повар.

— А может для пробы начальству готовите особо плов, мясные румяные котлеты, бефстроганы, белый хлеб?

— Нет,— ответил повар,— этого наш командир не допускает, он часто здесь бывает, каждый день проверяет меню раскладки. Очки марать грех!

— Да,— согласился командующий,— преувеличивать

достигнутое, замазывать недочеты, обманывать, это опасное зло, это большой вред для нашей Армии. Это называется очковтерательством. Так, тов. Ишманбеков?

— Так точно, тов. командующий! Только вот рис дают редко, мы привыкли есть много мяса.

— Красная Армия не откажется есть побольше риса, мяса, хлеба, а где это все взять? Наверное следует пока довольствоваться теми нормами, которыми располагает наша страна. Но, а теперь товарищ повар, почерпните своего супу с крупой.

Повар старательно своим черпаком помешал суп, зачерпнул со дна и налил в миску. Командующий немного подул на суп в деревянной ложке, с попавшим куском мяса, потом попробовал жареную картошку с мясом.

— Ну, что же, приготовлено хорошо! А разве у Вас не выращивают овощи? — поинтересовался командующий. Огурцы, капусту, салат, ведь сейчас же как раз пора.

— Покупать на рынке дорого, — заметил военком эскадрона Саралинов.

— А шефы есть? — спросил командующий.

— Есть, — ответил военком, — наркомзем республики Исакеев и зав. сельхозотделом Якубаев.

Командующий протянул руку повару и сказал:

— Молодец.

Последовал ответ:

— Служу Советскому Союзу.

2

Из кухни командующий пошел на плац, направляясь в конюшню он увидел красноармейцев, сидящих на земле окружив пулемет «Максим». Командир взвода, что-то заглядывал в тетрадку и неторопливо читал из каких частей состоит замок пулемета. Несколько красноармейцев дремали, уткнув свои носы в землю, разбирая пальцами, что попадало под руку. Увидев командующего взводный командир Мергенов быстро поднялся, выронив из своих рук конспект, намереваясь что-то доложить, но командующий остановил его. Командир взвода Мергенов поднял с земли тетрадь и долго искал потерянное место. Командующий поморщился и явно был недоволен монотонной методикой обучения. Командующий не сдержал свое терпение, вытащил свой носовой платок и попросил рядом сидевшего Кызыл Аскера завязать этим платком ему глаза. Все развеселились:

— Смотрите, какой я фокус Вас покажу, — и он стал

неспеша разбирать замок, называя его части и взаимодействия. Затем попросил другого Кызыл Аскера, чтобы смещал все части замка. Аскер старательно исполнил эту команду. Командующий быстро собрал замок, вложил в пулемет и снял повязку. Сидящие пулеметчики первого года обучения рассмеялись и прыскали в кулаки, но и призадумались над тем, как же ловко руки работают.

— А Вы случайно не пулеметчик?

— На войне все приходилось делать, оружие надо любить, самому задержки устранять. В бою никто не поможет сделать, сам должен делать.

Вечером собрались красноармейцы эскадрона и курсанты школы, весь комполитсостав военного городка, собралось столько, что негде было стоять, чтобы послушать командующего. Командующий, после однодневного пребывания в гарнизоне подвел итог, сначала выслушал жалобы и просьбы, заверил, что во всем разберется и окажет помощь. Свой разбор начал рубить с плеча. «Стреляете Вы неважно, да и недолюбливаете стрелковое дело, в этом вопросе у Вас упадок. Правда на коне сидите хорошо и глубоко ездите, смело, сноровисто. Рубка лозы, вольтижеровка надо желать лучшего. Отдельные всадники лихо рубят и владеют пикой, приучились сидеть на драгунских седлах — это похвально. Верховая езда младшего командного состава Коней Абдыбекова, Исы Осмонова, Кадыркула Качкеева, Турдубека Усупбекова не запущена и по тревоге собрались быстро при полной экиперовке, но из личного оружия стреляют плохо, не любите Вы оружия. Этот пробел надо исправить. Про внутренний порядок в казарме и конюшнях сказать, что либо унижительного для Вас у меня нет оснований. В школе младшего комсостава в обучении методики и строевой подготовки надо крепко подтянуться».

Командующий еще сделал ряд замечаний и указаний, и пути их устранения.

— За ростом Вашим, — сказал командующий, — пристально следит Военный Совет округа и штаб округа. Ваши части вероятно, будут участвовать в окружных маневрах, к ним надо хорошенько подготовиться, налечь на тактическую подготовку одиночного бойца отделения взвода. Я одобряю элементы методики в тактике, которые у вас здесь практикуются...

Говоря об одобрении, командующий имел в виду об одном случае моей проверки молодых Кызыл Аскеров первого года обучения. А дело было так:

Имея намерение проверить боевой дух молодых Кызыл Аскеров, призыва 1904—06 гг. были высланы в условленное место две засады, по отделению каждая, старослужащих, прошедших годовой курс обучения с задачей — занять пути движения эскадрона и при приближении их обстрелять холостыми патронами. В 23—00 эскадрон молодых красноармейцев двинулся в направлении, где засели засады и как только эскадрон приблизился к засадам, он был обстрелян массой холостых патронов. При первом же выстреле комвзвода Дармухамедов, ведущий эскадрон, согласно ранее полученному инструктажу закричал ранен, упал и начал имитировать стон и охи, красноармейцы растерялись, лошади насторожились, вся масса бросилась кто куда в панике и сколько бы не кричали: «Назад», ничего это не помогло. Восстановить порядок было трудно. И окончательно растерявшиеся лошади многих побросали своих всадников и рассыпались в ночной тьме. Это была неимоверная паника. Я не думал, что будет такая паника. Потом красноармейцы вспоминали этот эпизод и смеялись сами над собой, особенно над командиром Дармухамедовым, который упал с лошади и имитировал «свое ранение». Мы об этом сейчас вспоминаем с большим удовольствием.

Эта история была известна командующему.

Имя командующего было у всех на устах. Один командир мне сказал коротко, но выразительно: «Какой-же богатырь!» Действительно — даже внешность нашего командующего была внушительной и производило впечатление человека, самой природой созданного для суровой военной жизни, крепкого сложения, собранного высокого роста, плечи широченные. Не терпел лжи, подхалимов, и склочников. Был щедр душой. Его указания краткие и четкие всегда было приятно слушать.

Среди боевых саратников М. В. Фрунзе К. А. Авксентьевский занимает особое место.

Передо мною лежит военноисторический журнал 1967 г. и вот что написано на странице 37—39 этого журнала: «Константин Алексеевич Авксентьевский родился в 1890 году в Вологодской губернии. В первую мировую войну до двух лет служил на фронте в офицерском звании. В 1917 году вступил в партию большевиков, был Облвоенкомом, в Гражданскую войну командовал многими армиями, был заместителем М. В. Фрунзе. Три с лишним года пробыл в Туркестане, командуя фронтом и округом. Под его руководством были проведены впервые большие окружные маневры. За подвиг в Гражданскую войну награжден

тремя орденами Боевого Красного Знамени. За руководство борьбой с басмачеством и организацию воинских национальных формирований в Азии Авксентьевский имеет награды от ряда правительств средне-азиатских республик, в том числе серебрянную шашку с дарственной надписью от правительства Киргизии. Неоднократно избирался депутатом Союзных республик и Верховного Совета. Одно перечисление частей Красной Армии, в которых Авксентьевский избирался почетным красноармейцем, заняло бы много места.

После Средней Азии командовал Красно-Знаменной Кавказской Армией. В 1931 году после тяжелой болезни, в возрасте 40 лет уволился из Армии. На родине Авксентьевского в г. Вологде одна из улиц носит его имя.

И нам стоило о нем сказать, как удостоенному Киргизским правительством наградой, как о заслуженном высоком военном начальнике и хорошем друге Киргизстана.

3

А теперь расскажем, как сдавала экзамен по полевой выучке Киргизская конница на маневрах САВО 1928—29 учебный год.

Проходил последний день учения «синие» вгрызались в оборонительную полосу «красных». «Красные», уступающие численно, отходили шаг за шагом, применяя контракты на выгодных рубежах. Но этих рубежей было крайне мало. Станковые ручные пулеметы и небольшая артиллерийская группа задерживали натиск «синих». Задача заключалась для одной стороны «выход из боя» для другой «организация преследования». «красные» ждут ночи, чтобы оторваться от наседавшего противника, отходить организованно. Время идет, «красные» волнуются, хотя бы скорее наступила темнота, а солнце медленно клонилось к горизонту. «синие» решают добиться успеха пока светло. Прикрываясь дувалами и построиками кишлаков Киргизский кавалерийский дивизион готовился для внезапного флангового удара. Тяжесть боя по обстановке лежала на плечах одной пехоты, силу ей придавали пулеметы и артиллерия.

Сгущаются сумерки, вот вот может наступить момент, когда бой ослабнет и «красные» смогут от «синих» оторваться и уйти. Командир Киргизской конницы Цейер нацеливает свой эскадрон во фланг, отходящей пехоты «красных».

— Эскадроны, шашки к бою!!! В атаку марш! — Ма-а-

арш!..— раздалась команда. Снятые с вьюков пулеметы мгновенно открыли огонь. А вскоре над долиной послышалось красноармейское УРА! Навстречу конницы «синих» появился отряд «красных», который подошел на выручку своей пехоте.

Успех конной атаки «синих» был бы сомнительным, если бы не второй эшелон «синих», который уже втянулся в бой и нацелен на конный отряд «красных».

Киргизская конница вела бой комбинировано в пешем и конных строях. Наступившая темнота помешала разыграть дальнейший ход этого интересного этапа боя.

Подобный вид маневра широко применялся нашими войсками в Великой Отечественной войне при поддержке танков и авиации.

«Красные» отвлекли на себя главные силы «синих» и несколько ослабили их бросок.

Уставное положение, говорящее о том, что другие рода войск содействуют пехоте в выполнении ею боевой задачи, нашли себе блестящее выражение в работе конницы Киргизского дивизиона, принимавшие участие в заключительной боевой схватке.

За этот бой и хорошие полевые выучки Киргизский кавдивизион и другие части, взаимодействующие с ним, получили высокую оценку командующего войсками.

Проведенные маневры показали, возросшую боевую готовность личного состава дивизиона, его высокую политическую зрелость, выносливость и дисциплинированность.

Лишь напряженная боевая политическая учеба, физическая закалка блестяще сказались на окружных маневрах.

Прокатилась слава о киргизских конниках среди войск, участвующих в маневрах.

Какие же положительные моменты способствовали успеху боевой и политической подготовки Кызыл Аскеров? Это высокий интерес к военному делу, огромная тяга к учебе, привычка и любовь к лошади, которая начиналась с малых лет, неудержимое стремление как можно скорее ликвидировать неграмотность.

Уже давно просигналила по всей площади и казармам сигнальная труба (всем отбой). По этому сигналу все обязаны ложиться спать. Но многие не ложились, а украдкой учили азбуку, учились писать и уставшие засыпали держа в руках тетрадку, карандаш или политучебник.

Опыт нам говорит о том, что киргизы весьма податливы к усвоению знаний, к усвоению дисциплины, способны

слушать часами своих командиров, рассказы, чтение книг. По природе своей общительны, имеют хорошую зрительную память.

А под влиянием природы, экономики, обладают поэтическими задатками. Этими человеческими качествами всегда восхищался командующий войсками Авксентьевский.

4

Упорство, настойчивость были источниками в борьбе с неграмотностью. Вся их учеба была как крутые ступени.

Однажды в городок приехал начальник территориального военного Управления Киргизской Республики Русин.

После строевых занятий попросил меня собрать Кызыл-Аскеров Русин задавал вопросы — переводчик переводил и чем дальше шла беседа, тем больше росло удивление у тов. Русина.

Наконец он заявляет, что повидимому переводчик неправильно переводит. Не может быть, чтобы на сложные политические вопросы так правильно отвечали и грамотно писали на доске. Ведь они пришли в армию неграмотными, невежественными, из глухих суеверных аулов, из гор Тянь-Шаня, еще год не прослужили. Что-то не верится! Но тут же знающий язык подтвердил, что перевод был сделан правильно.

С киргиза-кавалериста был большой спрос. Как он научился владеть конем и саблей. Эти требования были наравне со всей конницей Красной Армии.

Экзаменом служили инспекторские проверки и конно-спортивные состязания. Конной выучки уделялось большое внимание.

Если слабее шла подготовка в огневом деле, стрельба с коня, то в конном деле у киргиз-кавалеристов были высокие достижения.

Представители Киргизских частей устаивались принимать участие в окружных и во всесоюзных конно-спортивных состязаниях.

На первый взгляд покажется не так уж и трудно преодолеть препятствие и несколько раз махнуть саблей по лозе, в самом же деле это не так просто. Возьмем средней сложности «конкур и пик» шесть барьеров: конверт, койка с убранной постелью и спящим красноармейцем на ней, большой объединенный стол со скамьями, рояль «жердевая», канава с водой и земляной вал. Чтобы заставить

коня пригнуть через стол со скамьями, находясь в полном снаряжении самого всадника и лошади дело трудное и опасное. Однако из ста человек восемьдесят пять человек эти препятствия одолели. Сложно проходили состязания по рубке. Требовалось на полном ходу лошади трижды клинком уколоть в соломенный шар, срубить пять лоз по заметкам, шестую лозу срубить в момент прыжка через барьер «Хердель» и наконец срубить глиняную горку, а иногда последней целью было кольцо диаметром не больше 7—10 сантиметров, его надо было на полном карьере надеть на пик и энергичным приемом всадник сбрасывает с пика кольцо и оно с визгом летит в сторону публики. Иногда рубили картошину с гусиное яйцо без всякой зазоринки. Отлично срубленный кусок лозы должен вертикально воткнуться в землю рядом со стаканом.

Был и такой прием, на полном ходу остановить лошадь, положить ее на землю и открыть стрельбу по мишеням.

Такие мудренные задания конники стремились выполнять, не всем это удавалось, но желание было у всех.

Обычно на больших конных состязаниях и верховой езды присутствовало правительство республики, гости из аулов и горожане г. Фрунзе.

Площадь, где проходило конно-спортивное соревнование загружалось народом и детворой.

Кызыл Аскеры лихо гарцуют на своих стройных лошадях, породы киргизской, венгерской и донской. Кони несутся стрелой, сверкают клинки и под общий шум и восторг падают отвесно, срубленные головки лоз. Закончилась рубка, все смеются над пожилыми киргизами, подражающим нашим Кызыл Аскерам, подъезжая к каждой лозе он ударяет ее камчой. Непривычная лошадь относит всадника в сторону.

Спортивные состязания кончались играми, в которых непосредственное участие принимали жители прибывших из аулов родственники, знакомые Кызыл Аскеров.

Площадь гудела, когда бородатый киргиз с завязанными глазами, с большой дубиной в руках пытался разбить горшок. Победители получали призы: портрет Ленина, кусок мыла, бритвенный прибор, носовой платок, записную книжку. А особо отличившимся доставались часы, портсигары, и отрезы на костюм.

Ничего не скажешь, лихие были джигиты, удалые конники, виртуозные рубаки. К ним можно отнести нач. полковой школы И. Мурова, командира взвода Дурмухамедова, младших командиров — А. Абдыбекова, А. Калачева,

О. Лайлиева, И. Османова, Т. Усупбекова. Если виртуозностью отличался Б. Даскенов, Б. Тулченев, У. Ильмурадов, то особой виртуозностью отличался К. Абдыбеков — лихой был всадник. Лихих всадников было много, но обогнать его никто не мог.

С каждым годом разрядники по скачкам, по преодолению препятствий и рубке численно росли, не говоря о безусловном выполнении всеми Кызыл Аскерами, положенных программных требований по этому виду боевой подготовки.

Каждое большое конно-спортивное выступление и показательные тактические учения со стрельбой в городском дубовом парке приурочивались к знаменательным праздничным датам страны. Обычно они заканчивались осмотром правительством, приглашенными гостями и родственниками, казарм, конюшен и торжественным обедом из красноармейского котла, обед проходил вместе с Кызыл Аскерами. Тут же состоялись обмены речами, чтобы молодежь Киргизии готовилась в ряды Красной Армии.

5

Смычка киргизской воинской части с местным, аульным и аильным населением была частым явлением. Например: организовались агитпоездки в кантоны и волости с «Красной повозкой». Эта повозка включала такие работы, как оказание помощи по устройству общественных организаций, по культурно-политической работе. Пропагандисты части, разъясняли о происходивших событиях в стране и республике, об очередных задачах советской власти, о задачах киргизской конницы. Тут же принимали жалобы и заявления, давали справки. Все эти мероприятия втягивали коренное население в советское социалистическое строительство, строительство всей национальной части. Повестка была разукрашена плакатами, снабжена книгами и брошюрами, газетами.

Агитпоездка целым подразделением, которая перед населением показывала конную выучку вызывала интерес и заслуживала большое одобрение.

«Красная повозка» настолько завоевала авторитет, что с разных кантонов и волостей поступало масса заявок на присылку такой повозки. Застрельщиками этих мероприятий были парторганизация и комсомол части.

Насколько было заинтересовано население своей воинской частью свидетельствует такой факт. Военный городок

был обнесен проволочным заграждением и почти каждый день можно было наблюдать толпы киргизов и киргизок, обвесивших проволоку, они с любопытством, простаивая часами, разглядывали как учатся их сыновья, братья, знакомые.

В первые три года, несмотря на крайне неблагоприятную обстановку в стране в строительстве молодой киргизской национальной части, за сравнительно короткий срок достигнуты большие успехи, этому способствовало широкое и активное участие партийных, советских и общественных организаций. Они продвинули свое военное формирование далеко вперед.

За все это наше ветеранское спасибо и в первую очередь комсомолу Киргизстана.

Уже к X годовщине РККА национальная Киргизская часть во многом сравнялась с европейскими частями, а ее нач. состав в своей боевой выучке в воспитательной работе не отстал, а упорно тянулся и равнялся с командно-политическим составом Красной Армии, хотя работать в национальной части было гораздо труднее, чем положим в русской воинской части.

Жили в недостатке, туговато было с квартирами, не было электрического освещения, освещением служили керосиновые лампы, тяготила дороговизна продуктов и овощей, но ни у кого, никогда не было упаднического настроения, никто не хныкал, не унывал. Были все молоды и это много значило.

О подготовке Киргизской части свидетельствуют окружные маневры ни одного года, а нескольких лет, где была продемонстрирована боевая и политическая выучка, выносливость, высоко моральное состояние. Значительная подтянутость в стрелково-пулеметном деле.

6

По округленным данным с 1925 года по 1928 год ликвидировали неграмотность в год 80—100 человек и в последующие годы по 200 человек, а за пятилетие военного строительства более 1000 человек. По тем временам это была большая победа.

Начиная с 1933 года в 53-м Киргизском кавполке малограмотных всего 25%.

В конце 1928 г. при Киркавдивизионе была создана общеобразовательная школа.

Всемерную помощь в ликвидации неграмотности в этой

школе оказывали партийные и советские организаций, в частности привлекались в порядке шефства учителя, школа была снабжена учебниками и всеми письменными принадлежностями.

Шефство же в то время было развито широко.

1928 учебный год был годом рекордным по формированию и укреплению молодой национальной части.

Приобретенный опыт доказал, что намеченный путь партии был совершенно правильным. Он содействовал изживанию национальных противоречий и не внушал никакой опасности, цельности, и мощи Красной Армии.

Василия Александровича, как командира национального Киргизского формирования эскадрона, дивизиона, да и других командиров радовало активное участие и помощь в строительстве Киргизской национальной части, секретарей ЦК партии Киргизстана, Президиума Верховного Совета республики и правительства.

7

В Киргизском отдельном эскадроне был избран почетный красноармеец Абдыкадыр Уразбеков, с 1927 года в течение 10-ти лет бесменно возглавлял Верховный орган государственной власти Киргизстана и с 1927 года состоял почетным красноармейцем эскадрона, дивизиона и Киргизского полка.

Василию Александровичу запомнился такой случай: Во время формирования Киргизского дивизиона в 1928 году военный городок посетил почетный красноармеец Уразбеков, его сопровождал почетный курсант-начальник территориального Управления Киргизстана Русин. Был выставлен караул с оркестром.

Уразбеков посмотрел расквартирование дивизиона и новый план строительства. Затем попросил собрать «стариков» и новобранцев. К этому времени дивизион уже включился в штатное расписание, работы и ответственности прибавилось вдвое. Оформилась партийная организация состоящая из членов ВКП(б) — 21 и кандидатов — 28. Созданы были три партийные ячейки. Комсомольцев насчитывалось 200 человек. Численность комсомольцев превышала от общего числа более чем 60—70%.

В 1929 году рост партийной организации значительно поднялся за счет комсомольцев и батраков. Членов партии составило 36 и кандидатов 46.

В дивизионе проходило службу двенадцать национальностей, из них 80% киргиз. Собравшиеся встретили Уразбекова восторженно, он попросил слова, говорил на местном языке страстно и увлекательно.

— Если Вы хотите думать, чтобы было наше государство национальным киргизским, культурным, в братстве с другими народами, будьте готовы к защите! — так начал свое выступление Уразбеков. — Надо быть всегда готовым любить свое отдыхающее оружие и лошадь и научиться в совершенстве управлять конем, саблей, винтовкой. Но это не все, Кызыл Аскер должен и обязан овладеть грамотой, в готовности быть аульным общественником, представителем Советской власти. Вернувшись домой, мог-бы посоветовать отцу способ обработки земли, размножения скота. Мы надеемся, что эти поручения полезнее будет своему отечеству.

— При царизме, — продолжал рассказ Уразбеков, — киргиз не имел права носить кинжал, не говоря уже об огнестрельном оружии. Советская власть не боится вооружать свой народ. Первый бой надо принять в ликвидации неграмотности, это очень серьезная позиция и ее надо преодолеть. Вас здесь воспитывают командиры и политработники, партийная организация и комсомол. Вам не проповедуют законы шариата заветы пророков. Здесь учат ленинским заветам.

И он рассказал случай, который ему был известен по Кызыл-Кийскому району:

— Я, — говорил Уразбеков, — встретился с Асанджаном Махмоталиевым, с бывшим мастером по изготовлению мат. Встреча моя, как председателя ВЦИКа состоялась в тюрьме. Ему было 16 лет, он работал у старого владельца мастерской, владельца я этого знаю и когда-то на него батрачил. Он получал за восемь сделанных мат один кусок мата, несколько лепешек и ночлег. Сестра его была делегаткой и депутатом, стала появляться без паранжи. Соседи стали ее называть позорным именем «джалап». Асанджан долго слушал эти разговоры и решил смыть пятно позора за честь своей семьи. Он отправился к сестре, она в это время готовила обед. Он обрушил на ее голову поток ругательств она пыталась бежать, он ее догнал и глубоко по самую рукоятку всадил нож в молодое тело депутата. Так верили в святость дикого закона. Подобным асанджановым нет места среди нас!

Аудитория сначала была в оцепенении, затем послышались крики:

— Нет, нет, не будет больше этого...

В заключение тов. Уразбеков призвал личный состав быть преданным своей Родине, коммунистической партии и верности воинской присяге.

— А что касается строительства конюшни, помещения для штаба, лазарета и других крайне необходимых строительных объектов, правительство республики поможет.

И, действительно, такая помощь была незамедлительно оказана.

8

Дивизион временно принял работник территориального управления Трулло. Я. Я. Мне же поручено заняться указанным строительством с предоставлением возможности готовиться в военную академию.

Торжественными днями были те дни, когда национальную часть посещало правительство и секретари ЦК партии Киргизстана, день Первого мая; когда воины принимали воинскую присягу на площади против бывшего здания правительства.

Заполненная площадь и улицы колоннами демонстрантов восторженно приветствовали своих воинов, своих сыновей и братьев. Они давали клятву правительству и народу верой и правдой служить своей Родине, защищать ее до последней капли крови.

В подтверждение верности воинской присяге, о которой призывал Уразбеков, сошлось на проверенные мною факты:

Кызыл Аскер Анарбаев Кудайберген встретил в бою брата и отца, служивших у басмачей с обнаженным клинком захватил их и доставил к командиру эксдарона;

Нияз Тойчубаев, в сфере действия оружейного огня, будучи в головном разъезде встретил родную сестру и мать, которые слезно просили его остановиться, но Тойчубаев продолжал выполнять свою задачу. Догнал трех басмачей и зарубил их.

Серьезной проверкой о верности присяге были весенние операции с басмачеством. Операции по подавлению кулацко-байского восстания, охватившее несколько аулов в Таласе. Многие Кызыл Аскеры, участвующие в Таласской операции, были из восставших врагов и родственников повстанцев. Ни одного не оказалось колеблющегося. Бойцов охватила ярость, озлобление и с трудом удавалось комполитсоставу удерживать бойцов от расправы, захваченных в плен басмачей своего рода родственниками.

А вот более поздние примеры:

Старшина Абдыкасым КАРЫМШАКОВ, награжденный орденами «Славы» трех степеней совершил 170 боевых вылетов, его самолет был сбит, немцы пытались захватить машину и экипаж, но Абдыкасым со своим экипажем взорвал машину, скрывавшись в лесу долгое время, экипаж с трудом пробрался через линию фронта к своим. Так дрался с врагами Родины скромный преподаватель автомотоклуба;

Чолпонбай ТУЛЕБЕРДИЕВ, будучи раненным пошел во весь рост к дзоту на пулемет, пулемет замолчал, полк переправился через Днепр, это было в 1943 году. Но герой не дошел до Рейхстага;

Д. ШОПОКОВ — панфиловец, Герой Советского Союза, стоявший на смерть у подмосковного разъезда Дубосеково. Да у него и жена подстать мужу — Герой Социалистического Труда, прославленная свекловод. Дочь Киргизии — Керимбюбю Шопокова;

Б. МУКАШЕВ — воспитанник национальной школы комсостава им. Ленина в жестокой схватке с немецко-фашистскими захватчиками, будучи начальником связи крупного воинского соединения героически погиб, неуступив своей полковой позиции под Ленинградом;

Батальонный комиссар Мамыркул ЧУКЕЕВ пал смертью храбрых;

Красноармеец РЫСМЕНДИЕВ работал зав. отделом ЦК партии Киргизстана — погиб в неравном бою, не сдавшись в плен.

А вот как выполнил пионер Кычан ДЖАКЫПОВ свою пионерскую клятву. Он смело и мужественно помогал коммунистам укреплять колхозный строй, разоблачал враждебные действия кулаков и баев. Все лето Кычан пас общественный скот, а осенью должен был учиться в четвертом классе.

Идти в школу не пришлось, его в 1933 году зверски убили бандиты.

Традиции своих отцов и старших братьев, участвующих в Гражданской войне, в борьбе с басмачеством, в Великой Отечественной войне, эти герои и многие другие герои Киргизстана не нарушили. Таких боевых биографий солдат киргиз и командиров было немало. Наши воспоминания об этих героях далеко не полные, но у нас, у советских людей существует закон приемственности поколений, в умении

брать на вооружение, преумножать традиции нашего народа.

Киргизское воинское формирование блестяще выполнило первую задачу, поставленную партией и правительством. Задачу охраны труда своего народа, своей республики.

Такие же достижения имели киргизские части в выполнении второй задачи — в подготовке новых советских работников в городах, волостях, кишлаках, аулах.

Сошлюсь еще раз на цифры:

Так, в 1926 году из 126-ти уволенных Кызыл Аскеров, в том числе 33 младших командиров, призыва 1903 года, из них членов ВКП(б) 29 человек, комсомольцев 60 человек, оказались избранными: председателями сельсоветов 11 человек, секретарями волостных исполкомов 9 человек, в городские Советы 13 человек, избрано судьями 12 человек, направлено на руководящие работы в милицию, советские учреждения, профсоюз и кошчи — 34 человека. Принято на учебу в ВУЗ — 25 человек, на курсы советских работников — 11 человек, инструкторами Обкомов комсомола — 4 человек. Осталось служит на сверхурочную службу — 7 человек. А по данным центральной избирательной комиссии в прошедшую избирательную перевыборную кампанию 1928—29 гг. по всему Киргизстану из демобилизованных Киргизской части оказались избранными председателями ВИКов — 26 человек, председателями кантонов и их заместителями — 24 чел., председателями горсовета и членами горсовета — 101 человек, председателями сельсовета — 89 человек и членов сельсовета 665 человек. Депутатами Верховного Совета Республики — 4 человека. Окончили курсы Советских работников — 50 человек. На партийную работу в города и районы кооптировано 83 человека коммунистов.

Воспитанники Киргизской части из числа рядового и младшего комсостава после увольнения в запас занимали высокие партийные и государственные посты республики.

Чукуев работал секретарем ЦК партии Киргизстана;

Курбаев — министром социального обеспечения;

А. Ордобаев — председателем Верховного суда Республики;

Камбаров — секретарем ЦК комсомола Киргизстана;

А. Алиев — бывший связист-красноармеец, комиссар милиции III-го ранга;

К. Качкеев — бывший старшина школы младшего комсостава, работал поспредом, руководил крупнейшим трестом республики;

Абдыкерим Рыспаев — бывший красноармеец-связист — председатель партконтроля ЦК КП Киргизстана;

Джаналиев Кадыралы — бывший красноармеец, был секретарем ЦК КП Киргизстана.

Нельзя не упомянуть имя активного участника Великой Отечественной войны, ныне председателя Совмина Республики А. С. Суюмбаева.

Большую общественную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи ведут бывшие военнослужащие Киргизской части, которые в ВОВ командовали частями и полками и находились в политорганах Красной Армии, сейчас ушли в отставку: О. Лайлиев, Ю. Осмонбеков, У. Ильмурадов, Д. Ногайбаев, П. Вахитов, П. В. Вахалов, О. Саралиев, М. Орозбаев, Б. Тулегенов и многие другие погибшие в Великой Отечественной войне: М. Чукеев, Б. Мукашев, С. Чаалов, Т. Усупбеков, Узен Лайлиев (брат О. Лайлиева).

Не представляется возможным назвать имена всех, кто еще до сего времени продолжает работать и приносить положительную пользу в народном хозяйстве, в общественной и военно-патриотической работе.

Мне запомнились такие замечательные командиры и политработники, хозяйственный и медицинский персонал, которые впервые столкнулись с комплектованием, формированием, обучением и воспитанием киргизской конницы, это они являются первыми строителями и организаторами Киргизского национального формирования. Вот их имена: В. А. Калачев, А. Х. Вахитов, П. В. Вахалов, военком школы Х. Мамашев, политрук О. Саролинов, командиры взводов В. Дормухамедов, Сагитов, Мукашев, Алиев, Кузенбаев, врач Еремеев, лепком М. Кейс, ветврач А. Цветков, зав.делопроизводством И. Лопатников, адъютант Н. Басов, командир музвзвода Ф. Левендо, сверхсрочники В. А. Букин, В. А. Шадрин, и И. Жунтов.

Мои воспоминания о лучших людях за первые три года существования национальной части названы не полностью. Судьбы многих товарищей нам не удалось уточнить, будем рады, если кто прочтет наши воспоминания, откликнется.

Это о них Л. И. Брежнев в отчетном докладе XXIV съезда коммунистической партии сказал добрые слова: «О тех фронтовиках, о тех солдатах и командирах, которые в годы ВОВ отстаивали свободу нашей Родины и после колоссального напряжения военных лет им и отдохнуть не пришлось — фронтовики снова оказались на фронте труда. Многих фронтовых товарищей уже нет с нами. Но миллио-

ны еще в строю отдают Родине свои знания во имя коммунизма».

У каждого возраста свои сильные стороны, доброе имя поколения складывается из добрых имен, конкретных людей и думается нам следует беречь и уважать эти добрые имена, как погибших так и живых.

С приближением великой даты образования Киргизской ССР, нарастает трудовой и политический подъем, усиливается общественный интерес к истории и традициям Великой Революции, социалистическому и коммунистическому строительству, к истории и традициям народа каждой республики, и ко всему тому, что составляет революционную и боевую славу партии и народа. Славу Киргизстана и других наших республик.

«И когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой». Вот она традиция традиций нашего великого времени!

Готовясь к достойной встрече полувекowego образования трудящихся Киргизстана, как и весь Советских народ стремится еще лучше трудиться, укреплять священные чувства революционного патриотизма и гордости за Социалистического Отечество — Родину Великого Октября.

Мы убедились через 50 лет воочию — рассвет киргизского народа.

Народ этот мы знали, когда грамота только, только пробивалась, лишь изредка нам попадались глинобитные домики, они то и напоминают, что-то прошлое.

Былая тишина в столице Киргизии Фрунзе сменилась шумным потоком машин, звуками летающих самолетов, потоками идущего на работу и с работы трудового народа, учащейся ребятни и студентов, идут по тротуарам, асфальту, едут на автобусах, троллейбусах. А раньше ехали и топали по грязи и пыли.

Красивый и прекрасный г. Фрунзе, весь в зелени, с большими домами. И достойно носит имя великого полководства М. В. Фрунзе.

Мы рады, что несколько лет прожили в Киргизстане и прожили их не зря.

РИСКУЯ ЖИЗНЬЮ

ГАВРИЛ МИХАЙЛОВИЧ ИВЛЕВ — уроженец Сибири. Среди суровой природы, на берегу широкой и величественной, там где в песне поется: «хороши вечера на Оби» в 1915 году он родился и вырос.

Крепкий, плечистый, немного угрюмый, он воплощает в себе черты сибиряка: отвагу, силу, выносливость, охотничью смекалку и ловкость.

Скромный и даже застенчивый. До Армии долгое время работал грузчиком и плотником в Красноярском заготзерно. Биография у него простая, но яркая как блеск дня.

В ноябрьские дни 1941 г., в самый разгар великой битвы под Москвой, сражались представители всех национальностей Советского Союза, люди из различных районов, из различных городов нашей Великой страны. Все они были полны решимости не допускать врага в столицу нашей Родины.

Для защиты Москвы прибыли и сибирские части, в их числе был сибиряк Ивлев, при распределении он попал в 60-ю стрелковую дивизию Народного Ополчения, которая вела жестокие бои на ближних подступах к Москве недалеко от Серпухово. Получив первое воинское звание «ефрейтор», Ивлев был зачислен, как умеющий работать топором, пилой и рубанком в саперный батальон и с этого времени Ивлев начал приобретать военную профессию сапера.

Тяжко на войне солдату любого рода войск, но пожалуй тяжелее всех войсковому саперу. Недаром говорят — саперы и пиротехники ошибаются один раз в жизни: ошибся — и нет тебя. Верно, тяжела саперная служба особенно на войне, он и минует, и разминирует, переправы наводит через водные преграды, строит мосты, плоты, блиндажи, устраивает проволочные заграждения и всякие другие сюрпризы, и даже за «языком» ходит вместе с разведчи-

ками... И почти все время под огнем врага. Неизменно сочетая бесстрашие с осторожностью и спасая человеческие жизни, он постоянно рискует своей жизнью.

Вот небольшая страничка большого боевого пути Гаврила Михайловича.

Зима 1942 года близилась к концу. Было около полуночи когда Ивлев отправился в разведку, необходимо было обследовать мост через реку, тщательно охраняемый противником. Вокруг моста местность часто освещалась ракетами, подступы хорошо простреливались врагом и трудно было скрытно приблизиться к мосту, река покрыта льдом, берега, поле все было запорошено снегом. Ярко было видно освещенные заревом подожженные немцами деревни. Ивлев направился к мосту прямо по льду реки. Закутанный в белый халат, он полз, часто останавливаясь, замораживая и тогда его нельзя было отличить от сугроба. Немецкий пулеметчик за мостом подбадривая себя стремился соблюдать «бдительность», выпускал по временам очередь за очередью, пули свистели над головой сапера, вливаясь рядом в лед. В тот момент, когда вражеский пулеметчик дает очередь огня. Ивлев зарывается в снег и выжидает прекращения огня и уловив затишье, продолжает ползти дальше. И эта своеобразная дуэль тянулась до двух часов. Наконец Ивлев достиг цели. Буквально под носом у гитлеровцев сапер обследовал мост. Он оказался заминированным. Сведения эти доставленные Ивлевым, были весьма ценные.

За этот подвиг Ивлев был награжден медалью За Отвагу. Наступило время летних горячих боев. Саперы под покровом ночи наводили мост, по горло в воде работал Ивлев, готовя переправу для полков дивизии. Чтобы навести штурмовой мостик для пехоты надо было на противоположный берег реки Десны доставить канат, сделать это взялся Ивлев, он доплыл до противоположного берега Десны, обезвредил противотанковые вражеские мины и под огнем врага укрепил канат. Вернулся обратно и в течение трех суток почти без сна и отдыха работал на переправе, перевозил свою пехоту, артиллерию и боеприпасы. Об этом с большой теплотой и гордостью за своего прекрасного товарища рассказывают его сослуживцы — саперы, Герои Советского Союза М. К. Тимошенко, В. А. Бердышев, Г. Я. Дмитриев, за эту операцию Ивлев получил орден Отечественной войны II-й степени.

Гаврил Михайлович обладал необыкновенной силой. Однажды саперы с передовой притащили двух немцев и

когда их брали они сильно сопротивлялись, при этом один наш сапер получил ранение. При допросе немцы держали себя вызывающе и с презрением смотрели на русских. Находясь при этом допросе Ивлев не выдержал этого нагло-го поведения, взял одного и другого в обе руки, приподнял, ударив друг о друга и со злобой бросил их на землю. На этом допрос был закончен.

Слухи о подвиге сапера и его силе стали просачиваться по всей дивизии. Сколько раз ефрейтор Ивлев прикладывал руку к пожелтевшей от огня войны, пропитанной потом пилотке: «Задание выполнил».

Сколько раз он повторил эти простые слова, за которыми крылось мужество, самообладание, находчивость.

Неутомимо и бесстрашно Ивлев шел по следам врага, по замаскированным и скрытым следам, совершая как бы незаметные подвиги, расчищал минные поля, дороги, обезвреживал дома от мин. А разве мины не притаившийся враг, жаждущий неосторожности жертв? Коварная память о фашистах таилась всюду где бы ни находились эти убитцы, везде ими готовилась смерть. Ивлев знал это.

Вот так фронтовые будни нашего боевого сапера проходили в борьбе со смертью, поминутно рискуя жизнью.

Вместе с будничными солдатскими окопными делами и подошел октябрь 1943 года. Саперный батальон дивизии рассредоточился в рощах разбросанных в одном-двух километрах от берега реки Днепра. Саперы организовали запоздалый ужин, не успели поесть как прибыл командир саперного батальона Алексеев и объявил:

— Приказано сходу форсировать Днепр, немедленно приступаем к сборке, ремонту переправочных средств.

Двигаясь вдоль берега Ивлев со своими товарищами увидел рыбацье суденышко. Местные жители его называют челноком. Густой туман скрывал правый берег, хотя он и освещался поминутно ракетами. Саперы взяли это суденышко, отплыли несколько десятков метров, лодка перевернулась, саперы еле-еле добрались до своего берега и здесь к ним подошел старик. Он сказал, что знает, где припрятано несколько лодок. С его помощью притащили три лодки к расположению своего взвода и тут же приступили к их ремонту. К вечеру все было готово, можно было бы и отдохнуть, но саперам было не до сна. Форсирование Днепра началось в ночь с 10 на 11 октября 1943 года у отметки 24—00.

Плывшие штурмовые группы имели задачу вместе с де-

сантом атаковать первую траншею врага и если подступы к ней будут заминированы — разминировать. Приближение штурмовых групп с десантом враг заметил, кончилась мертвая тишина, царившая на этом участке, вражеский берег ожил, застрочили пулеметы и автоматы. Из глубины ударили орудия и минометы, но десант дошел. «У-ра-а-а!» разнеслось по западному берегу. Фрицы поспешно покинули прибрежные окопы. Мин на берегу не оказалось, саперы во главе с Ивлевым возвратились к лодкам и погнали их обратно к левому берегу. Огонь противника усиливался. Начался жаркий бой. За ночь Ивлев совершил шесть рейсов. Утром поступил приказ подготовить паром для переправы орудий. Отважный сапер скрепил три лодки и соорудил на них канат. Первый поплыл с орудием, а в другой рейс перегруженный, перевернуло. Но к счастью это случилось недалеко от берега. Гаврил Ивлев выплыл, раздобыл трос, разделся и опустился в ледяную воду, чтобы спасти орудие, сапер привязал трос и вытащил пушку. А вот и настало время перебрасывать дивизионную артиллерию на захваченный плацдарм.

Паром управляемый Ивлевым не доплыв 10 метров до противоположного берега подвергся сильному пулеметному и минометному огню, канат парома был перебит, грозила явная гибель орудию. Ивлев в решающий момент не считаясь с жизнью бросился в воду, еле сдерживая паром вкопал столб, закрепил канат и обеспечил переброску дивизионной артиллерии и боеприпасов. Двое суток ефрейтор Ивлев без сна и отдыха провел на переправе. Нужны были огромные моральные и физические силы, чтобы выдерживать такое напряжение, были убитые и тяжело раненые. Ивлев сознавал это и до тех пор, пока имел силы, вел переправу.

Шли дни и недели фронтовой, беспокойной и постоянно опасной жизни, беспартийный ефрейтор Ивлев честно нес свою обычную службу сапера и на протяжении долгих и опасных минут войны ни ошибся ни разу, дошел со своей честью до реки Эльба.

За совершенный героический подвиг при форсировании реки Днепр, радио из Москвы сообщило всей стране Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года о присвоении звания Героя Советского Союза Ивлеву Гаврилу Михайловичу.

В 1945 году Гаврил Михайлович демобилизовался и уехал в свой родной Красноярский край. Сначала работал в заготзерно, а в 1954 году в связи со строительством ГЭС,

Ивлев переехал на строительство ГЭС, где работал плотником.

За добросовестный, безупречный и честный труд имеет награду за трудовую доблесть и шесть почетных грамот от областных организаций и Министерства электростанций.

После тяжелой болезни в июле 1960 года Ивлев умер и похоронен с почестями у себя на родине. Земляки и школьники долго будут чтить память о подвиге, труде и мужестве своего Героя.

Жизнь измеряется не прожитыми годами, а делами человека, а дела Гаврила Михайловича, как фронтовые так и мирного труда служат многим нашим людям отличным примером.

*Газета «Ленинский призыв» от 17 августа
1967 года Ордынского района, Новосибирской
области*

ОНИ ИЗ ПУЛЕМЕТНОЙ РОТЫ

- У подвигов не бывает старости.
- У подвигов не бывает смерти.

ГЕРОИ ДНЕПРА!

1

Со времени исторической битвы за Днепр, прошел более чем 21 год. Но много раз еще будут продолжать писать и повторять героев. Данная ими клятва на Днепре, в которой они заверяли Родину-мать, что будут героически сражаться за освобождение родной Украины, Белоруссии, как когда-то на седых берегах Днепра сражались запорожцы, народное войско Богдана Хмельницкого и храбрые полки легендарного Щорса.

Они не пожалели ни крови, ни жизни во имя Победы и свою сыновнюю священную клятву выполнили.

Герои Днепра меня давно пленили, я не упускаю случая, чтобы выслушать собеседника, когда заходит речь о военном Днепре, и вот не так давно на одной из встреч с однополчанами, меня заинтересовал рассказ одного из участников форсирования Днепра, им был доцент Московского Горного Института И. Ф. Григорьев в прошлом артиллерист, прошедший со своей частью Московского Народного Ополчения Ленинского района всю войну от Москвы до

Эльбы, и вот он поведал о том, что в 1943 г. читал в своей красноармейской газете (дивизионной) «За Родину» заметку, где описывался исключительный подвиг осетина пулеметчика, фамилию этого загадочного пулеметчика рассказчик припомнить не мог. Тогда мы занялись поисками всего того, что могло бы пролить свет и на сам этот подвиг, и на личность героя.

И, вот теперь пришли сообщения из Архива Министерства Обороны СССР указывающие в какой части этот пулеметчик служил, прислана небольшая статейка помещенная в журнале «Известия» Академии наук Грузинской ССР изд. 1946 г.

Откликнулись его боевые друзья, разыскали адрес этого человека и сейчас с ним налажена дружеская переписка.

Все это дает возможность открыть еще одну страницу в летописи подвигов в Великой битве на Днепре.

КАЗАНОВ САРДИОН ДАВЫДОВИЧ родился в 1911 г. в селе Суканан-Тубани, Каральского района Грузинской ССР.

Окончил Згудерскую неполную среднюю школу, здесь же вступил в ряды ВЛКСМ.

Перед войной Сардион работал в колхозе «Ударник» и считался одним из лучших бригадиров.

В 1940 г. он получил богатый урожай свеклы, за что Республика выдала ему вознаграждение.

Любили в селе этого заботливого человека.

В январе месяце 1942 г. решил Сардион Казанов добровольно вступить в ряды Красной Армии и вместе с ним в Армию уходили его два родных брата. Через неделю после своего решения, наступила минута прощанья. Пришли все колхозники проводить бригадира Сардиона. Кто-то из толпы провожающих крикнул:

— Бей их Сардион, этих проклятых фашистов.

— Да уж не беспокойтесь, постараюсь.

— Возвращайся, как Победитель!

Все простились, кто как мог, под конец к сыну подошел 80-тилетний отец, обнял сына на прощанье и горько заплакал...

— Ну успокойся, отец, посмотри как наша мать в эту минуту расставанья себя ведет.

— Все будет как надо, — крепился Сардион еле сдерживая и сам слезы. — Писем ждите, наказ колхозников и твой наказ я, отец, выполню.

Сардион оказался верным своему слову, письма поступали часто. Вот одно из них:

«Изучаю станковый пулемет, надеюсь быть хорошим пулеметчиком, а солдаты мне говорят, что из меня вышел и не плохой минометчик. Друзья мои, за меня не беспокойтесь. Как там моя бригада, что нового в колхозе? Я слышал, что над народами нашего Кавказа нависла большая опасность, фашистские полчища истекая кровью, рвутся с тем, чтобы овладеть Кавказом. Немецкая газета «ДОЙЧЕ УКРАИНЕ ЦАЙТУНГ» 8 сентября 1942 г. писала: «Теперь осуществляется победа Германии, отсроченная 25 лет тому назад», вспоминая о том, как они в 1918 году разбойничали в Батуми и на Военно-Грузинской дороге, доказывая таким образом «историческое право Германии владеть Кавказом». Ничего себе аппетит! Хуже чем волчий. Пусть священным огнем запыхает наша ненависть к лютому врагу — проклятым немецко-фашистским захватчикам. Я нахожусь, дорогие мои соотечественники, не в Ваших краях, а на другом очень важном и ответственном фронте, и буду еще с большей самоотверженностью и силой мстить врагу, а Вы сколько есть сил помогайте фронту, — своей жене Еличке наказал, — работай в колхозе пре-лежно, а о муже не беспокойся, он не подкачает».

Война шла, катилось народное горе по всей стране. Бессмысленная и страшная смерть стариков, женщин, детей, мучения людей принесли с собой лютые враги человечества.

Да разве, это можно было простить.

Сотни километров прошагали пыльные солдатские сапоги, огрубела у солдата душа от коротких солдатских снов. Сардион осунулся, похудел, он мстил врагам за все, косил их из пулемета под Ковелем, Севском, крошил минами до того, когда не был еще пулеметчиком, в одном из боев вышел из строя весь минометный расчет, он не растерялся, Сардион один переносил миномет с места на место и метким минометным огнем истреблял фашистов.

Храбрый воин все время рвался на врага, и не было ни одного боя, в котором бы не участвовал бесстрашный пулеметчик С. Казанов.

Никогда не забудут герои Днепра вторую половину октября 1943 г. и не только герои, а все те, кто форсировал эту могучую водную преграду в этот незабываемый год.

Дивизия, в которой служил Казанов подошла к Днепру с задачей переправится на западный берег Днепра. Эта радость быстро облетела и обрадовала весь личный состав дивизии.

Чудесный Днепр при тихой погоде! Но на нем во время войны не было тишины.

Сардион давно мечтал посмотреть на величавый Днепр, крут он и обрывист и высок его западный берег. На его кручах, гитлеровцы построили мощную систему оборонительных сооружений. Горбам ДОТов и ДЗОТов ошетинился правый берег. Враг внимательно следил и за левым берегом, ночью непрерывно освещал его ракетами и прожекторами. Сардион свой «Максим» долго катил к Днепру, и вот пришло время — ОНИ ДОСТИГЛИ БЕРЕГА ДНЕПРА. Сардион крадучи вглядывался в Днепр и в его берега: «ТАК ВОТ ТЫ КАКОЙ, ДНЕПР! Не похож ты на наш кавказский Терек, о чем бы ты рассказал мне, если бы ты мог говорить? Дошел я до тебя, но враг еще силен, ненавистный, злобный, еще опасный, и врага надо бить куда бы он ни ушел!» Много передумал за это время Сардион. «Форсировать такую реку под огнем противника, это слишком тяжелое испытание».

Фашисты старались во что бы то ни стало прижать пехотинцев к Днепру и уничтожить.

Сардион никогда не был пулеметчиком, но пулеметчик из него вышел стоящий, он был большим патриотом своего оружия и всем кого он знал всегда твердил, что лучше его специальности нет в Армии. «Если уж вступила рота в бой, — рассказывал Сардион, — враг не уйдет и не пройдет, пока у станкового пулемета есть хоть один человек. Хорошо отбивать атаки, бывали и такие случаи, — вспоминает Сардион, — в сутки отбивали атаки по нескольку раз». В одном из боев перед Днепром Сардион со своим помощником отбил пять контратак врага, уничтожив при этом больше 60 фашистов.

В ночь с 17-го на 18-е октября 1943 г. одна из стрелковых рот 1281 стрелкового полка вместе с пулеметным расчетом Казанова начала первой форсировать Днепр на своем участке, используя крохотные рыбацкие лодки и самодельные плоты. Как только рота отплыла от берега, противник открыл ураганный огонь, но переправа продолжалась, бойцы плыли на встречу врагу, часть лодок была перебита огнем не доплыв до середины, появились раненые, из пулеметного расчета Казанова осталось всего два человека, и все же рота за противоположный берег зацепилась.

Пулеметчики без промедления вступили в бой с немцами и своим метким огнем вместе со стрелковой ротой шаг за шагом штурмом овладевали вражескими укреплениями,

вышибали немецкое боевое охранение из передовых траншей, и с трудом прогрызали прибрежные высоты.

Гитлеровцы на этом участке не выдержали стремительного натиска и отошли от берега.

На крохотном плацдарме в районе Бывальки стрелковая рота и два пулеметчика стали готовиться к обороне. Они знали, что противник не пожалеет сил, чтобы отбросить советских воинов с плацдарма, бой затих, пулеметчики выбради себе удобную позицию и разглядывали, что делается впереди и на фланге роты, за обеспечение которого полную ответственность должен нести пулеметный расчет Казанова. Задача не из легких, подумал Сардион, фланг это место очень уязвимое и чревато всякими неожиданностями и опасностями, надо глядеть в оба и быть готовым ко всему.

Спустя некоторое время начался артиллерийский обстрел, снаряды ложились совсем рядом. По всему было видно, что враг пристрелялся и теперь ужимает круг обстрела. А потом обстрел прекратился и вскоре появилась немецкая цепь. Сардион ахнул и подумал, вот почему было так тихо. Он быстро крикнул своему помощнику:

— На место. Что не докурили, потом докурим, — пробормотал пулеметчик, припал к пулемету и стал его наводить по ориентиру № 1, обозначающий небольшой бугорок с небольшим снопом кустарника. До фашистов еще 200 метров осталось — рано, 100 метров — ну еще подходите ближе, вот теперь — ПОРА — открыл огонь и плавно стал водить затыльник, давая широкое рассеивание, фашисты валились как трава под косой хорошего косаря.

Ствол у «Максима» раскалился, помощник он же и второй номер, он же и наводчик знал хорошо свои обязанности, достал флягу, отпил глоток, дал и Сардиону отпить, а остальное вылил в кожух и пока он завинчивал пробку наливного отверстия у пулемета, Андрея пронзила вражеская пуля, он сначала не разобрался, потом почувствовал теплую влагу, прижал рукой рану, опустился на колени и упал. Сардион хотел что-то сказать, но дыхание его сперло, слова застряли в горле, а немцы не унимались, он изнемогая от горя и усталости оторвался от затыльника пулемета, припал к груди своего боевого товарища, поцеловал, и потряс ему голову, оттащил его немного подальше и продолжал нести огонь. Так конца боя Андрей и не дождался.

У пулемета остался один Сардион. В коробке еще остались снаряженные без малого две ленты, сложенные как полагается гармошкой и никогда не было при стрельбе пе-

рекося так мастерски и любовно набивал ленты его помощник.

А, немецкие атаки то утихали, то следовали одна за другой.

Но всякий раз встреченные ливнем пулеметных пуль оставляли на поле боя убитых и раненых немецких солдат и офицеров, фашисты откатывались назад, но от попыток дальнейшего упорства противник еще не отказался. Но тут помог меткий огонь нашей артиллерии с восточного берега и заставил противника отойти и прекратить атаки.

Плацдарм жил вбирая в себя пребывающие стрелковые подразделения и технику для нового удара по врагу.

Стрельба смолкла, в воде поминутно рвались снаряды, в воздухе висела мелкая водяная пыль, а вот и полк Острицова, в котором служил пулеметчик Казанов уже втянулся в бой в районе безымянной высоты 134,5 имея дальнейшую задачу наступать на д. Бывалки.

И в этом бою пулеметчик Казанов вновь отличился.

Батальон с которым вел наступление пулеметчик Казанов на д. Бывалки был накрыт артминналетом противника, боевые порядки его были расстроены, а вслед за этим налетом на поредевшие ряды батальона двинулись гитлеровские автоматчики. Сардион выкатил свой пулемет на открытую позицию и ожидал приближения этой густой цепи автоматчиков. Казанов растегнул ворот гимнастерки, сбросил каску.

— Подходите не пригнусь и кланяться каждой пуле не буду. Смерть не страшна, мы с ней встречались ни один раз.

Секунды тянулись томительно.

— Я вам, фашистские гады, сейчас дам прикурить!..

И он действительно дал. Вопли гитлеровцев потонули в чистой дробь пулеметного огня, снопами валились ненавидимые фигуры. Да и пулеметчику Казанову стало веселее, ведь в его «расчет» пришло пополнение два человека.

Только благодаря мужеству Казанова и безотказной работе его пулемета «Максима» правофланговое подразделение возобновило наступление и стало пробиваться к д. Бывалки.

2

Работая над очерком о храбрости пулеметчиков я долго искал командира пулеметной роты, с которым участвовал в боях Сардион Казанов, и вот пришел долгожданный ответ, до подвига его на Днепре.

19-ти летний командир пулеметной роты старший лейтенант ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ КАРПЕНКО из рабочей семьи, семья была большая — девять человек детей. Самым младшим из пяти братьев был Виктор. Трое братьев погибли в боях во время Великой Отечественной Войны. Мать умерла еще в 1934 г., а отец в 1964 г.

Окончил с отличием семилетнюю Кочеровскую школу, а после технического училища работал в Киеве на заводе «Большевик».

Считался лучшим мастером и неоднократно заносился на заводскую доску почета.

В 1942 г. Витя добровольно уходит в ряды советской армии, кончает военное училище и сразу же едет с назначением в действующую армию легендарного полководца генерала Армии П. И. Батова в 60-ю Севско-Варшавскую Краснознаменную стрелковую дивизию ордена Суворова. И в тот самый батальон, где служил С. Д. Казанов, который учился у Карпенко мастерству пулеметного дела и находился в его подчинении. Любил Казанов своего командира роты за храбрость и веру в свое оружие. Карпенко был патриотом своей специальности и он эту черту впитывал своим подчиненным, был веселым и задорным паренком, солдаты часто слушали как он напевал «смелого пуля боиться, смелого штык не берет».

Его девизом было: «Пулемет на поле боя «ЦАРЬ и БОГ».

И, как уже читатели знают, что если и кое-как удалось правофланговому подразделению батальона с пулеметом Казанова несколько сбить сопротивление врага, но еще же было трудно пробиваться к деревне Бывалки. То на левом фланге батальона, где было больше сил обстановка сложилась тяжелая, фашисты своим организованным сильным огнем прижали подразделение батальона к земле, что нельзя даже было поднять головы, вся местность ими простреливалась.

Уже два часа шел кровопролитный огневой бой, а батальон ни с места — началась ощущаться убыль людей, а затем огневой бой сменился контратакой врага и вот в этот момент Виктор сам взялся за рукоятку «Максима», который имел свою отменную позицию недалеко от стыка дорог, длинными очередями заставил залечь контратакующую цепь немцев идущую за тремя своими танками, но за нею шла вторая цепь. Карпенко остановил и ее, тогда немцы стали перебегать группами, меняя тактику атаки. Виктор мастерски стал переносить огонь и перешел на рассеи-

вание огня, пули как град сыпались на врага и этот огненный ливень не позволил не только приблизиться врагу, но даже оттащить раненных.

От этого крамешного ада стало жарко, волосы слиплись прижавшись ко лбу, во рту пересохло, страшно хотелось пить, а в голове одна мысль — только бы устоять, а танки то остановятся, как бы делая передышку для отыскания подходящих жертв, то продолжают свой курс на боевые порядки батальона. Оставалось только одно — короткими очередями бить по смотровым щелям, хлестнули очередью по танкам раз — другой, но броня есть броня, а бронебойных патронов под руками не было, и вот уже один из вражеских танков приближался к пулемету Карпенко ведя на ходу огонь из пушки и пулемета, но тут же сразу нашлись охотники за вражескими танками — три пулеметчика с готовыми связками гранат поползли к движущемуся танку и взрывом гранат повредили гусеницу, танк стал крутиться, а затем остановился как вкопанный, танкисты этого танка были уничтожены, а находившееся поблизости от пулемета батальонное орудие, артиллеристы которого своим метким огнем подбили два других танка, один снаряд попал в башню, в другом танке была повреждена гусеница, а танкисты этих двух танков с поднятыми руками вылезли из люка и без сопротивления сдались в плен.

Карпенко через своего связного приказал своим оставшимся 15-ти пулеметчикам с двумя пулеметами приготовиться к контратаке, а сам все еще продолжал вести пулеметный огонь. Патроны уже на исходе, кожух пулемета был пробит, ствол перегрелся до кипячения воды и почему-то чаще стал вздрагивать, а немецкие группы смешались. Заработал пулемет кинжального действия, он остался один и на случай был замаскирован и огонь его должен был вестись в критический момент, и он свое дело сделал.

Карпенко схватил лежавший рядом автомат принадлежащий к тяжело раненому наводчику и стал им размахивать и быстро зашагал туда, где еще немцы сопротивлялись. Это и послужило сигналом для броска в контратаку. Пулеметчики поднялись по примеру своего командира и дружно бросились на врага с криком «УРА!».

Стрелки же наблюдая как пулеметчики идут на врага тоже стали отрываться от земли и присоединялись к атакующим пулеметчикам роты Карпенко. Враг не выдержал дерзкого натиска советских воинов и от умелого, решительного действия атакующих стал откатываться к д. Бывалки.

Вскоре заговорила наша артиллерия, стали подходить

другие батальоны полка и начался штурм северной окраины деревни Бывалки.

Во время контратаки комсомолец Витя, бесстрашный пулеметчик, любимец, бойцов своей роты, своих комсомольцев — пал смертью храбрых — не дойдя 80 км. до своего родного села.

Когда все контратаки были отбиты, а немецкий гарнизон упорно защищавший свой опорный пункт, большей частью был истреблен и вынужден был оставить Бывалки, уличив небольшую паузу затишья боя, воины подразделения вырыли могилку на том самом рубеже, который Витя героически отстаивал, сам по себе организовался небольшой солдатский митинг и на этом митинге взял слово коммунист Острцов, он взволновано стал держать речь: «Комсомол тебя не забудет, ты для победы сделал все, что мог. Твое имя войдет в историю нашей дивизии. Белорусские дети, школьники, жители окрестных сел и деревень будут ходить к твоей могиле и класть на нее венки из живых цветов. Ты погиб юноша рано, не дойдя до Берлина, мы однополчане клянемся перед твоим прахом, биться с врагами на смерть, как бился и ты. Вечная тебе слава, наш дорогой Витя».

В последнюю минуту молчания загредел залп автоматного и винтовочного огня, тут же были захоронены и несколько других бойцов, участники митинга еще немного постояли как бы расставаясь навсегда с ушедшими от них товарищами. Чувство долга звало людей вперед — к новому победному шествию, к новым ратным подвигам, впереди еще много напряженных боев и жертв.

В комсомольском Витином билете вынутом из кармана его гимнастерки была вложена записка: «Если я погибну, то прошу меня считать в партии Ленина».

3

С. Казанов прошел со своей частью весь ее славный боевой путь. Много немцев полегло от его твердой руки. Верный сын Советской Родины находясь в действующей армии вступил в ряды партии Ленина.

Вскоре в полк пришла радостная весть: «За мужество и стойкость проявленные при форсировании Днепра и в боях на правом берегу плацдарме Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 г. старшему сержанту Казанову Сардиону Давыдовичу присвоено звание Героя Советского Союза».

Этим же Указом Президиума Верховного Совета СССР «за храбрость, мужество и проявленное личное бесстрашие старшему лейтенанту **Карпенко Виктору Александровичу** присвоено посмертно звание Героя Советского Союза».

Пусть художники напишут военный Днепр с его кручами, с плотными немецко-фашистскими инженерными сооружениями, с горбами ДОТов и ДЗОТов, а в центре этой картины старший лейтенант Витя Карпенко, Сардион Казанов, Баян Давлетов, Фрол Ермаков. И, кто будет смотреть на эту картину, наверное, скажет: «Вот они комсомольцы 40-х годов — НАШИ ГЕРОИ! Они в Днепровской великой битве, бессмертный подвиг совершили».

Прославленного героя Казанова поздравил с высокой наградой командир полка.

— Служу Советскому Союзу! — громко с волнением произнес Казанов.

Бойцы по оружию и его друзья обнимали и поздравляли Сардиона с высокой наградой.

— Да я ничего особенного и не сделал, воюю с фашистами, как и все. Моя награда — это и Ваша награда, — говорил Сардион, — я всю свою жизнь буду помнить и благодарить своего боевого учителя В. А. Карпенко.

Сардион провел ночь в немецких траншеях, долго не спал. Вспоминал все с самого начала форсирования Днепра и мысленно сам себе сказал: «Оказывается бригадир осетин, свекловод, тоже может отлично воевать». А под утро Герой Советского Союза С. Казанов снова пошел в бой.

А через некоторое время в родном селе С. Казанова Сукачан-Тубани состоялся митинг. На митинге выступили отец, мать и жена Сардиона и все ждали выступления председателя колхоза.

Председатель поднялся на трибуну молча, присутствующих обвел глазами, стал выжидать, как будто не знал с чего начать, найдя, он начал:

— Мой низкий поклон Вам, Давыд и Бабале, вырастившие такого славного сына, — председатель сделал земной поклон. — Большая нам честь выпала, наш человек стал Героем. В этой семье, — продолжал председатель, — все три брата борются на фронтах Великой Отечественной Войны, большая слава им и Вам родители!

Колхозники в ответ на присвоение их односельчанину, бывшему бригадиру звания Героя Советского Союза, на митинге единодушно заявили о своей готовности самоотвержено трудиться и всем чем можно помогать фронту в

делё окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Много в тот день говорили о Сардионе, вспоминали его детство, шалости и школьные годы, и работу в колхозе.

После разгрома гитлеровской Германии Казанов вернулся на свою родину и взялся опять за свою прежнюю работу, за тем он избирается единогласно председателем Згудерского сельсовета.

Долго его упрашивали перейти на республиканскую работу, но Сардион Давыдович не позарился на высокий пост, а остался в своем родном Згудерском совете, работал с энтузиазмом, любил работать с народом и много сделал хороших дел для односельчан и своих избирателей.

Он вырастил и воспитал трудолюбивое свое поколение состоящее из трех детей.

На допрос в одном из писем к нему — о чем его сейчас и в будущем мечта, наш Герой ответил лаконично: «Моя мечта о мире, о мирном труде, пусть больше не повторяться никогда ужасы войны, мы советские люди грозный урок истории никогда не забудем и будем всегда бдительны».

Многие из товарищей Казанова не дожили до окончательной победы над фашизмом, погибли на могучем Днепре. Но о них помнят, слогают легенды. Выросло новое поколение советских людей, достойная смена победителям.

И равняться же Вам, юноши и девушки сегодняшних дней, в своей жизни и труде на тех, кому обязаны Вы за все это.

НАПЕРЕКОР ВСЕМ СМЕРТЯМ!

Уже почти два года шла Великая Отечественная война, когда НИКОЛАЮ МОРДАКИНУ, в июле 1942 года, шел двадцатый год.

Он ждал повестку из военкомата и не дождавшись этой повестки, Николай решил пойти сам к военному комиссару Ордынского р-на Новосибирской области, сказал:

— Я Ваш вызов ждал, но его все нет, пришел просить Вас направить меня на фронт. Пора пришла, не могу стоять в стороне! Да, и отец пишет из под Ленинграда, что дела у них не так уж и хороши, озверелый враг рвется к колыбели революции. Отец мой,— продолжал говорить Николай, утирая слезы рукавом рубахи,— тяжело ранен и вряд ли выживет,— он разворачивает письмо и читает военкому

последние слова отца, — «быть может это мое последнее письмо, я не успел свести свои последние счета с озверевшим врагом, за тобой теперь слово, МОЙ СЫН!»

В жизни Мордакина начался новый этап. Завтра он распрощается с родным домом, со своим любимым Сибирским краем и по обычаю перед дорогой посидит с близкими, поест сибирских пельменей, сходит на знакомую ему пристань, простится с причалившими пароходами «Хохряков» и «Коллективист» Обского пароходства, на этих пароходах не так давно Николай плавал судовым кочегаром.

Настоящий моряк из него не вышел, да и грамотенка то его была всего навсего четыре класса начальной школы, да не легкими были, детство и юность Николая.

Он с раннего возраста вполную меру испытал тяжелый труд. Получив в учебно-танковом полку специальность радиста-стрелка, Мордакин был направлен под Сталинград, где уже развернулась гигантская битва, которая по своему размаху и последствиям не имеет себе равных в мире.

Солдат Мордакин, также как и все войны сталинградцы дал клятву Родине, врага остановить и разгромить: «За Волгой, — писали они, — для нас земли нет». Подписывая эту клятву в огне сражений, они думали о счастливой жизни детей и внуков.

Сталинград был на устах всего советского народа, на устах всего прогрессивного человечества.

В этой великой битве почти сто дней бился с врагом и Николай Мордакин.

Он и сейчас себя называет «Я сталинградец», и от души присоединяется ко всем людям, которые благодарят Партию и Правительство, за создание на месте ожесточенных боев на Мамаевом Кургане, величественного монумента в честь героев битвы на Волге.

«Карающий меч поднятый высоко матерью Родиной, который я видел по телевидению и в газетах, это грозное напоминание для любителей военных авантур». Мордакин далее мне пишет, когда он смотрел открытие монумента на Мамаевом Кургане, он живо себе представил ожесточенную битву и свое первое боевое крещение, ведь его траншея недалеко была от Мамаева Кургана.

После победы над немецко-фашистскими войсками под Сталинградом, сержант Мордакин немного оправился от полученной им контузии и с группой сибиряков в 1943 году был направлен на пополнение в 60-ю стрелковую диви-

зию Народного Ополчения, которая к тому времени вела бой за овладение городом Севск.

Мордакин прибыл в 3-й сб. 1285 сп, в тот момент, когда воины этого полка очищали город от врага. Он был пуст, в городе из населения ни души, над изуродованными улицами крутился дым, и все еще ощущался запах едкой пороховой гари, солдаты полков дивизии видели свои следы ожесточенного боя в условиях города. И у всех была одна мысль — МСТИТЬ!

А вскоре Мордакин услышал радостную весть о том, что его дивизия за овладение г. Севском получила почетное наименование Севская.

После Севска дивизия с боями продвигалась на запад, встречая на своем пути, такие водные преграды упорно защищавшиеся врагом, как Десна, Снов, Сош и Днепр.

Сержант за это время приобрел хороший боевой опыт, ему во многих переделках пришлось побывать, и довелось участвовать во многих ожесточенных схватках с врагом. Многие эпизоды из фронтовой жизни остались в памяти Николая Мордакина.

Кроме сталинградской битвы запомнились бои за овладение городом Седлец и предместьем Варшавы — Прага.

Вот как это было: 1285 сп на Седлец наступал на правом фланге дивизии, а батальон в котором служил Мордакин наступал в первом эшелоне боевых порядков полка. Местность попала болотистая, а недалеко за болотом проходило шоссе. Отделение Мордакина пробираясь болотом достигло шоссе и не теряя свою 7-ю стрелковую роту, отделение пробиралось по обочинам шоссе к г. Седлец. Враг зажатый частями дивизии и соседями в тиски метался в панике, фашисты бежали группами в болото, а затем возвращались и обратно бежали в город. Но зато танки противника действовали дерзко, они на ходу и с места вели уничтожающий огонь по боевым порядкам наступающего батальона. Мордакин лично попытался гранатой подбить танк, но был ранен, его санитары вынесли с поля боя. 15 дней сержант пролежал в медсанбате, а 12-го сентября 1944 г. он уже участвовал в штурме предместья Варшавы — Прага!

Бывалого воина Мордакина вызвал к себе командир и сказал:

— Хотим доверить Вам важное задание. Надо проникнуть к окраине предместья Варшавы — Прага, разузнать, где расположены огневые точки и войти в огневое соприкосновение с противником.

И вот ранним утром, когда землю заволакивал плотный туман, Мордакин прошел по сырой извилистой траншее, проверяя готовность отделения к бою. Он интересовался настроением каждого воина. Простыми теплыми словами вселял уверенность в победу над врагом, в силу нашего оружия. Вот он подошел к молодому бойцу своего отделения, молчаливо противившему автомат.

— Как будем воевать, Кушнир? — спросил сержант.

— Воевать.. как всегда, товарищ командир, — ответил боец и добавил, — так чтобы фашисты не ушли живыми.

— Правильно, Кушнир, говоришь.

Мордакин успел с каждым солдатом перебросится теплыми словами. А вот и сигнал, по которому отделение Мордакина ринулось к предместью Прага, враг близко подпустил группу Мордакина и открыл по ней огонь. Бойцы отделения залегли и по приказу своего командира ползком и перебежками стали приближаться к кирпичному зданию, откуда велся огонь. Мордакин первый ворвался в дом, а за ним и все отделение.

— Гранатами огонь! — прозвучала команда и еще небольшое усилие, предстояло захватить второй этаж здания, кто-то из бойцов крикнул:

— А вон и наши подходят!

Немцы упорно сопротивлялись, Николай Мордакин почувствовал, что-то ударило его в грудь. Очнулся он от прикосновения рук санитаров. Его грудь была уже перебинтована и бойцы поднимали его на руки.

— Погодите, — твердо сказал сержант, — я пойду сам. Но рана оказалась настолько тяжелой, что отняла время на ее излечение почти полтора месяца.

За рану своего командира, бойцы отделения полностью истребили немецкий гарнизон. Одних убитых фашистов оставили более двадцати человек, захвачено было два пулемета.

За подвиг проявленный отделением сержанта Мордакина и все его солдаты были награждены орденами и медалями Советского Союза, командир отделения был награжден орденом Красной Звезды.

В первых числах января 1945 г. дивизия начала готовиться к новому наступлению — прорыву обороны противников с форсированием реки Висла, на подготовку к этой операции было дано очень ограниченное время.

Перед наступлением день и ночь над Вислой разбушевался январьский ветер, повалил колючий снег. На дорогах сандомировского плацдарма днем не было никакого

движения, за исключением отдельных автомашин, которых можно было увидеть, разве как застрявших в глубоком снегу.

Была полная тишина, и такая, которую человек не привык ощущать. В обочинах дорог занесенных сугробами снега, в безлиственных лесах притаилась дивизия к броску. Ночь выдалась довольно темная. Дисциплина, маскировка и ветер были хорошими попутчиками в подготовке к наступлению и все этому радовались.

Группа автоматчиков во главе с сержантом Мордакиным на рассвете отправилась выполнять задание, предстояло переправиться на левый берег Вислы в районе местечка Новый-Двур на территории Польши, закрепиться на нем и держать оборону до тех пор, пока не переправится батальон.

Севернее железнодорожного моста, группа скрытно по льду перешла Вислу и заняла оставленные немецкие траншеи, которые находились всего в двух-пяти метрах от берега. Обстановка сложилась такова: впереди фашисты, сзади Висла.

Немцы предприняли атаку на эту группу состоящую всего из 14 бойцов. Началась не равная схватка. Враг почувствовал, что он напоролся на стойких и храбрых русских солдат. Все попытки врага выбить мордакинскую группу из траншеи и опрокинуть ее в Вислу успеха не имели. Уже отбито четыре атаки, а обстановка все осложнялась и осложнялась, появились раненые, боеприпасы были на исходе, не осталось ни одной гранаты, связь с батальоном была нарушена, посланный связной погиб, а враг все не унимался и не унимался.

Батальон еще не начал переправляться, а занятый то рубеж надо держать, такой приказ — что делать? Герон не пали духом не спасовали. Мордакин принимает отчаянное решение — самому пробраться на наблюдательный пункт батальона, доложить обстановку, взять подкрепление и боеприпасы. Поставленное самому себе задание выполнил.

Снова обратный путь к своим бойцам на левый берег Вислы, на занятый крошечный плацдарм, под огнем противника, по разбитому льду реки он шел с подкреплением и боеприпасами.

Успели вовремя! Враг снова предпринял атаки, потом еще и еще. Мордакин выскочил из траншеи и все пошли в контратаку расширяя плацдарм.

Дерзкая контратака горстки советских бойцов сильно обеспокоила фашистов. Враг бросил против отделения

Мордакина роты пехоты со станковыми пулеметами. Силы были далеко не равными, Николай Мордакин искусственным маневром сумел вывести свою группу из под удара и они укрылись в заброшенных немецких окопах. Немецкая атака пришлось по пустой траншеи, а тем временем Мордакин со своей группой незаметно подобрался к немцам в тыл. Затрещали автоматы, полетели гранаты и создавалась видимость такая, и такой шум, что враг был ошеломлен. Немцы стали разбегаться, но многим из них уйти так и не удалось. Контратака была сорвана, а батальон с успехом переправился на противоположный берег и стал развивать свое наступление.

Этот бой был последним в Великой Отечественной Войне сержанта Мордакина.

Он был в третий раз тяжело ранен и был эвакуирован на лечение в глубь своей страны.

На груди воина три золотые нашивки, и одна красная, четыре знака, без слов говорящих каждому, что человек этот немало пролил крови на войне.

Наш Герой живет и работает наперекор всем смертям. Родина высоко оценила боевые подвиги Мордакина.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27.02.1945 г. сержант **Мордакин Николай Иванович**, за мужество и героизм, проявленное при успешном форсировании Вислы, **был удостоен звания Героя Советского Союза.**

В настоящее время Николай Иванович живет и работает в г. Новосибирск, п/о. 64, Проспект Карла Маркса № 3, кв. 75.

*Газета «Ленинский призыв» от 8 апреля
Ордынского района, Новосибирской области*

ОН БЫЛ ТАМ, ГДЕ ТРУДНЕЕ ВСЕГО

(«Генерал из питерских рабочих»)

— Скрипят! Как они скрипят, ты только прислушайся, есть ли такой инструмент. Нет, не придумал еще человек источника такой музыки... Какая высота звука! — наклонившись из санок над мелькавшими у самой головы иссия-серебристыми сугробами, с задором и восхищением говорил человек в чуть сдвинутой на затылок генеральской папахе из под которой поблескивали широкий лоб и светлые глаза.

Рядом с генералом сидел, кутая шею в поднятый воротник полущубка, худощавый капитан. Он настороженно, ча-

сто приподнимаясь старался прощупать внимательным взором черных глаз каждую полянку мелькавшую среди пестрых стволов разнолесья, каждый овражек или гущу кустарника подступавшего то с одной, то с другой стороны лесной дороги.

Капитан ответил скупой, усталым голосом:

— Мороз, снег сух и упруг.

— Вот то-то и оно, что упруг, сопротивляется полозьям, а что из этого вытекает, товарищ капитан Ощепков?

— Трение...

— Трение? Я не о том хотел спросить...

— Разрешите доложить, не до скрипа мне сейчас. Хорош я буду начальник разведки, если завезу своего комдива в расположения врага.

— Да, уж к награде не представляю.

— Вот видите, Михаил Арсентьевич, а вы каким-то обыкновенным снежным скрипом интересуетесь.

— Во всем обычном, «обыкновенном», как ты говоришь, есть много не изученного, а значит и необыкновенного. Иногда в самом простом явлении скрыта великая тайна природы, а значит и кладовая практических полезных сюрпризов для человека.

Ощепков, опять приподнялся над санками и придерживаясь за широкую спину солдата-возницы несколько секунд выглядывался в гущу ельника, вставшего справа от дороги, а когда ельник остался позади и замелькали редкие березы, капитан облегченно вздохнув, заговорил:

— По лыжне вижу, что здесь прошел батальон Бастркова, но сейчас, когда мы вошли в прорыв сам леший не разберет где фронт, где тыл?

— На то ты и начальник дивизионной разведки, чтобы разбирать все по полочкам.

— Готов разобрать, да вы не даете, сами в пекло, извините за грубое слово, лезете.

— Старший лейтенант Бастраков — командир грамотный, умеет беречь солдата, а это главное качество военачальника, но опыта у него маловато. Так как же мне, человеку научившемуся нюхать порох в первую мировую, познавшему премудрости тактики в схватках с бандами басмачей и наконец пронизанному белофинскими пулями командиру сейчас отсиживаться в штабной землянке?

Неожиданно возница натянул вожжи. Санки остановились.

Ощепков сжал дуло автомата торчащего из сена на дне саней.

— Слышите стреляют,— проговорил солдат, поправляя рукой сбившуюся на лоб шапку.

Редкие винтовочные выстрелы доносились со стороны дороги пропадающей в зарослях густого березняка.

— Погоняй!

Замелькали бело-розовые стволы, серебристой пудрой закрутило и над зеленой дугой, и над лошадьё, и над пробитой через сугробы дорожкой.

Михаил Арсентьевич Зашибалов раскрыл планшетку притянул за рукав полущубка Ощепкова.

— Смотри начальник разведки. Вот домик лесника, большая поляна, перелески и дорога грунтовая улучшенная. Враг попытается использовать коммуникацию чтобы вывести свою технику при отступлении. Наша ближайшая главная задача перерезать дорогу.

— Батальон уже выполняет «главную» задачу.

— Скоро увидим, по выстрелам не похоже...

Сани ударило о пень с такой силой, что возница едва удержался.

— Поубавь ход, теперь и осторожность неизлишня, возможно Бастраков ведет бой в окружении, не нравится мне большая поляна возле дома лесника.

Опасения комдива на счет окружения оказались напрасными. Роты ударного батальона залегли полукольцом в снегу, в редколесье метрах в ста, ста пятидесяти от небольшого деревянного строения на опушке леса.

Старший лейтенант не выразив особого удивления появлению на передовой командира дивизии, скороговоркой доложил:

— На подступах к дороге встретил усиленный заслон противника. Чтобы не выдать свои силы приказал замаскироваться, вести огонь по видимым целям второму взводу, второй роты.

— Поморозишь ребят, Бастраков.

— Никак нет, лыжники народ закаленный, одеты тепло, к тому же надеюсь скоро согреются.

— И долго будет это скоро?

С лап огромной ели под которой находился временный КП командира батальона заструился лавиной снег, а вслед за лавиной скатился к ногам изумленного комдива и начальника разведки человек в белом масхалате.

— Разрешите доложить,— раздался звонкий голос из под сбившегося на лицо капюшона.

— Докладывай, только знай, что и у противника уши есть.

Наблюдатель на секунду растерялся, поправил капюшон, из под которого показалось молодое, круглое, порозовевшее от мороза лицо, но видя веселые огоньки в пронизательных глазах генерала полушепотом продолжил доклад:

— На поляне возле деревянной избы немцы залегли, за домом сарай и стог сена, возле того сарая орудия стоят.

— Орудия говоришь? Сколько? Какого калибра?

— Три, товарищ генерал, должно пушки, а калибра не разобрал.

— Дороги там за лесом видно? Передвижение по ней?

— Есть дорога, пока спокойно. Разрешите продолжать наблюдение.

— Продолжай и не спускай глаз с дороги.

Когда наблюдатель скрылся в густой еловой хвое, Зашибалов весь как-то сжался, брови сошлись над прямым большим носом, в его голове родилось дерзкое и требующее энергичного исполнения решение.

— Второй роте продолжать вести огонь, отвлекать на себя внимание противника, первый и третий ротам с исходного рубежа опушка лесной поляны атаковать, разгромить усиленный заслон противника и захватить его батарею.

Атака была стремительна и ошеломляюща. Вражеские солдаты и офицеры измотанные многодневными боями под Москвой, обмороженные декабрьскими холодами сдались почти без сопротивления.

Бойцы ликовали складывая в сани захваченные вместе с лошадьми трофейное оружие, а генерал Зашибалов думал о другом. Его беспокоила дорога и не сама дорога, а противник, который должен был отступать по ней. Надо было выбрать такую позицию для засады, которая помогла бы малыми силами остановить врага и не только остановить, пленить или уничтожить, а захватить его технику.

Зашибалов собрал командиров разъяснил еще раз задачу поставленную перед ударным батальоном, закончив короткое выступление словами:

— Помните товарищи каждая захваченная или уничтоженная нами пушка противника это ствол который уже не пошлет снаряд в наши боевые порядки, каждый захваченный автомобиль это мотор, который не будет работать на врага... По сугробам колесная техника не пройдет, значит, только дорога.

Словно для того, чтобы подтвердить слова комдива по-

казался бегущий наблюдатель, он кричал, указывая руками в сторону дороги:

— Показались грузовики, много техники. — Слившийся мощный гул моторов говорил о том, что движется много перегруженных машин. Даже без бинокля за редкими стволами деревьев вскоре можно было разглядеть плотную медленно ползущую темно-серую, лентообразную громаду.

Какое-то первое мгновение у Зашибалова возникло решение поднять людей в белых масхалатах и повести их на встречу громыхающей громаде, но внутренний голос другой рассудительный удержал, уговаривая: «Остановись. Думай, генерал, думай!»

А командиры ждали, молча пожирая глазами комдива, готовые на все.

И тут Зашибалов вспомнил о трофейной батарее вместе с наполненными зарядными ящиками и сейчас бойцы первой роты стояли возле пушек, кое-кто старался заглянуть в зияющие черной пустотой тяжелые стволы.

— Артиллеристы! Есть артиллеристы?

Бойцы молчали, виновато опустив головы.

— Кто-нибудь служил в артиллерийских расчетах?

На этот раз, раздвинув солдат вперед вышел командир взвода.

— Я был заряжающим, товарищ генерал.

Комдив оживился:

— Орудие к бою!

И сам вместе с бойцами в дружном порыве развернув, выкатил пушку к краю поляны, направив ее ствол через широкую просеку в сторону дороги.

Колонна приближалась. Отступающие не догадывались, что их ждет засада, что совсем рядом припал к панораме командир шестидесятой стрелковой дивизии Михаил Арсентьевич Зашибалов.

Первый фугасный снаряд превратил в горящую грудку обломков тяжелый головной грузовик, второй снаряд, попав под колеса, опрокинул спецмашину. Водители врага с перепугу съезжали с проторенного пути, где густой снег глубоких сугробов брали в полон бешенно вращающиеся колеса.

Теперь, помогая артиллеристам, по колонне были ротные минометы и все стрелковое оружие...

Только на исходе короткого декабрьского дня кончился бой — задание командования ударный батальон, руководимый командиром дивизии, выполнил.

Газета «Ленинский луч» от 6 сентября 1969 года

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

На реке Ока и впадающей в нее извилистой речушке. Зуше, где написал И. С. Тургенев «Бежин луг» долгое время стоял Брянский фронт. К ее берегам прибыл младший лейтенант артиллерист КОНСТАНТИН ТКАБЛАДЗЕ. На груди младшего офицера две золотых нашивки без слов говорящих каждому, что человек этот успел побывать в боях и пролить кровь защищая свою родину от фашистского нашествия.

Шел пешком и попутным транспортом и кое-как добрался до наблюдательного пункта 1285 стрелкового полка, явился к командиру полка подполковнику М. Д. Фадееву — это был бесстрашный и грамотный командир полка, имел уже шесть ранений, но строя не покинул.

Подполковник поздоровался за руку с младшим лейтенантом, просмотрел бумаги о его направлении в полк, спросил где воевал. Ткабладзе ответил очень скупо про свое участие в севостопольских боях и ни слова не сказал о ранениях.

Затишье боя позволило продолжить беседу, командир полка ввел вновь прибывшего офицера в курс боевого участка полка и батальона, куда должен направиться Ткабладзе, рассказал о предстоящих задачах, о повадках и проведении противника, в ходе рассказа привел примеры о мужестве и храбрости артиллеристов полка. Фадеев считал, что пример — это самый лучший учитель, и поэтому при всех случаях командир полка о них говорил и поучал, так он поступил и сейчас.

— Комсорг Баранов — ополченец, бесстрашный артиллерист, — продолжал говорить Фадеев, — его орудие находилось на переднем крае, на прямой наводке вышли снаряды, а подвоз их замешкался, стрелковые роты пошли в атаку, вон на ту высоту, — показывая рукой, — мы прозвали ее «Верблюжьей горой». Баранов заметил замаскированное немецкое орудие, подполз, бросил две гранаты, уничтожил немецкий расчет, подбежал к орудию, а к нему подоспели еще два товарища, повернул это орудие и открыл беглый огонь по врагу.

А вот другой пример, кочующее орудие лейтенанта Денисенко в одной из «охот» артиллеристы подкатали свое орудие и нейтральную зону, ловко его замаскировали и установили слежку за поведением противника, и вот в вечерние часы немцы скопились недалеко от сарая поджидая ужин, в это время был открыт интенсивный беглый огонь

из орудия. Много было побито фашистов, а сколько шуму и паники натворил Денисенко! Орудие и расчет вернулись целехонькими.

Закончив рассказ, подполковник внимательно рассматривал стройного офицера отыскивая в нем, столь необходимые черты характера. Ему понравилось, как жадно младший лейтенант его слушал, и реагировал на услышанное и с какой готовностью он может выполнить боевую задачу.

Артиллерист Ткабладзе почувствовал, что командир полка ждет какого-то ответа и тут же промолвил:

— Эти примеры мне будут хорошим уроком, я не подкачаю.

— Мне это нравится, — с улыбкой произнес подполковник. — А теперь, голубчик мой, идите, — снова пожал руку и пожелал успеха в бою. А сам подумал, эх, эта война!.. Сколько счастья она погубила, сколько семей разлучила, сколько хороших людей унесла, и сколько еще унесет?..

Ткабладзе приняли в взвод 45 мм пушек в стрелковом батальоне капитана Л. Л. Стромкина, которому позднее за реку Висла было присвоено звание Героя Советского Союза. И, так у 32 летнего младшего лейтенанта началась снова боевая служба и подвиги в новой части, в новых условиях. Он сам рвался и хотел идти по вызванным войной полям, чтобы как можно скорее прикончить фашистскую свору.

Константин Евстафьевич стал себя упрекать, почему он не рассказал командиру полка, как он в единоборстве с тремя немцами следовавшими на машине принял бой и в перестрелке с ними всех троих перешел, один из них, как потом выяснилось, оказался старшим офицером, немецким комендантом г. Щорс, и как его немецкая пуля прихватила в сентябре месяце под Ворошиловградом, подумал и сам себе сказал: «Если встречу с подполковником расскажу, больно уж он мне понравился, простой человек, с таким легко служить и воевать!»

1285 сп 60-й сд, в котором закалялся в боях Ткабладзе с июля 1942 г. по сентябрь месяц 1943 г. вел тяжелые, оборонительные и ожесточенные наступательные бои, в начале на реке Ока, а затем в направлении Севск, Мозырь освободив Севск.

Преследуя отходящие за Днепр гитлеровские войска 1285 сп в октябре 1943 г. вышел наравне с другими частями дивизии к берегам могучей реки Днепр.

Захватчики напрасно тешили себя надеждой, что могут

отсидется в укреплениях сооруженных на правом берегу.

Дивизии 65-й армии вышедшие к Днепру недожидаясь саперных частей и сильного артиллерийского огня и воздушного бомбометания, вступили на подручных средствах в бой за правобережные плацдармы.

Днепр явился новым испытанием воинского мастерства младшего лейтенанта Ткабладзе.

Времени для форсирования было дано мало, все зависело от организованности, быстроты и находчивости. Расчеты взвода младшего лейтенанта достали бревна, доски, набили плащпалатки соломой, соорудили плот, уложили впереди мешки с песком, погрузили свои две сорокопятки и на рассвете отчалили от берега, чтобы как можно скорее соединится с высадившейся десантной группой. Мешки с песком сослужили добрую услугу защитив артиллеристов от вражеских пуль и осколков. Время прошло немного и уже заговорили две сорокапятки ведя огонь прямой наводкой по ближним траншеям врага, и когда враг на этом участке был выбит, артиллеристы свои орудия прикатали в занятую траншею противника, вокруг них много валялось продырявленных касок фашистов и трупов.

Танки врага подходили чуть ли не вплотную к орудиям, стрелкам и автоматчикам, но пробиться к ним так и не смогли, оставив на поле боя пять дымящихся танков.

На утро следующего дня противник начал предпринимать яростные атаки одна за другой, на исходе четвертый час боя, у орудия осталось по два-три человека. Сам Ткабладзе не отрывался от прицела, его тревожила раненая нога. Нет снарядов! Услышал Ткабладзе доклад, да и у его орудия снаряды были на исходе. Да, их надо было иметь большой запас, чтобы после уничтожения восьми огневых точек врага было бы еще чем стрелять. Раскаленные орудия стали охлаждаться.

— Гранаты и личное оружие к бою! Танки подпускать ближе,— скомандовал командир взвода,— уничтожать гранатами.

Было подбито еще четыре танка, из них два подбил Ткабладзе, это последнее, что могли сделать артиллеристы. Началась рукопашная схватка артиллеристов и стрелкового десанта. Константин, участвуя в этой схватке кричал: **«Артиллеристы не сдаются, они только умирают у своих орудий!»** А вскоре подоспели стрелковые подразделения капитана Стромкина, положение намного улучшилось, немцы были отогнаны. Произведя не большую перегруппировку сил, началась снова атака пози-

ций противника всем батальоном, занято было еще две траншеи, плацдарм на много расширился, и только тогда, когда фашисты отошли, командир взвода оторвался от прицела второго орудия, у которого заменил убитого наводчика. Рядом валялись масса снарядных гильз, среди них были и три не использованные снаряда, видимо были оставлены убитым наводчиком на критический момент — для стрельбы в упор. Тут же у орудия был подобран в безсознательном состоянии командир взвода противотанковых орудий, и он очнулся только в медсанбате.

Он лежал с открытыми глазами и смотрел в брезентовый палаточный потолок, одна за другой перед глазами проносились картины детства, юности, института, средней школы, в которой он был директором, семья, командные курсы. Севастополь и продолжающиеся Днепровские бои.

Константин Евстафьевич проделал большой путь от Севастополя до границы Польши.

За Днепровские бои на его груди заблестела Золотая звезда Героя Советского Союза — Героя Днепра.

Оправившись от ран он прибыл в свою родную часть и торопился доложить о прибытии. У землянки стоял командир полка.

— Разрешите представиться!

Командир обнял его:

— Потом, потом доложите, а сейчас послушайте, как Вас встречают артиллеристы.

С передовой доносился гул артиллерийского огня и в воздухе были видны снопы разнообразных ракет. Герою показалось, что он узнал в этой артиллерийской канонаде и голоса своих двух сорокапятков.

Константин Евстафьевич после тяжелого ранения в 1944 г. из армии уволился и до 1964 г. работал в партийных и советских органах Грузинской Республики. За работу награжден медалью За доблестный труд.

Семья его состоит из трех человек, все они трудятся.

Наш Герой работал директором учебного комбината Главтбилисстрой.

Автор — Лайлиев О. Т.
Составитель — Лайлиев А. О.

Полковник Калачев В. А.
Составитель книги Лайлиев Алымбек Осмонович.

Участники Гражданской войны.

Группа пограничников, участвовавших в боевом походе
в Тянь-Шаньскую пограничную зону.

В первом ряду, третий слева — начальник погранзаставы —
Лайлиев Осман Ташматович. Застава Тургарт.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ИВЛЕВ ГАВРИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Ефрейтор, рядовой сапер батальона дивизии, 1915 года рождения, беспартийный, по национальности русский. Уроженец Новосибирской области, Верхильменского района, Красноярский сельсовет.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1945 года «За проявленный героизм при форсировании реки Днепр».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КАЗАНОВ САРДИОН ДАВЫДОВИЧ

Сержант, командир отделения пулеметной роты 1-го батальона 1281 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1911 года рождения, беспартийный, по национальности осетин.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета от 30 октября 1943 года «За проявленную исключительную инициативу, стойкость и безотказную работу пулеметных расчетов при форсировании реки Днепр».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

МОРДАКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Сержант, командир отделения 7-й стрелковой роты 1285 полка 60-й стрелковой дивизии 1922 года рождения, член ВЛКСМ, по национальности русский. Уроженец Новосибирской области, Ордынского района, село Кирза.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1945 года «За проявленные доблесть, мужество и героизм при форсировании реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЗАШИБАЛОВ МИХАИЛ АРСЕНТЬЕВИЧ

Полковник, командир 269 мото-стрелкового полка, 86 мото-стрелковой дивизии, командир 60-й стрелковой дивизии периода Великой Отечественной войны, 1898 года рождения, член КПСС, по национальности русский.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года «За непосредственное руководство переправой через финский залив, беспримерную атаку острова Тулпуран — Свари Сольда штыковым ударом, умелое руководство, личное мужество, хладнокровие под огнем противника при выполнении поставленной командованием боевой задачи».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ТКАБЛАДЗЕ КОНСТАНТИН ЕФСТАФЬЕВИЧ

Младший лейтенант, командир взвода батареи 45 мм. пушек 1285 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1910 года рождения, беспартийный, по национальности грузин. Уроженец г. Кутаиси, улица Маяковского, дом 29.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года «За проявленную доблесть и мужество при форсировании реки Днепр».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ТИМОШЕНКО МИХАИЛ КУЗЬМИЧ

Сержант, командир отделения саперного батальона, 60-й стрелковой дивизии, 1913 года рождения, беспартийный, по национальности украинец.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года «За проявленное мужество и бесстрашие при форсировании реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ГОЛОУЛИН ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Старший сержант, командир орудия 45 мм 71-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона, 60-й стрелковой дивизии, 1912 года рождения, член КПСС, по национальности русский.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 марта 1944 года «За проявленную исключительную храбрость и мужество при отражении танковой атаки».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЕРМАКОВ ФРОЛ АНДРЕЕВИЧ

Лейтенант, командир 1-й стрелковой роты, 1-го батальона, 1281 стрелкового полка, 60-й дивизии, 1915 года рождения, беспартийный, по национальности русский.

Присвоено звание Героя Советского Союза — посмертно, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года «За исключительную стойкость, проявленную при форсировании реки Днепр».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ДАВЛЕТОВ БОЯН БОРКЕЕВИЧ

Лейтенант, командир стрелкового взвода, 1-го батальона 1281 полка 60-й стрелковой дивизии, 1924 года рождения, беспартийный, по национальности татарин.

Уроженец Татарской АССР, Ахматинского района, Село Тат-Агби.

Присвоено звание Героя Советского Союза — посмертно, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1945 года «За проявленную храбрость и умелое руководство боем по форсированию реки Днепр, и овладение деревни Бывалки, Гомельской области».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

БЕРДЫШЕВ ВАСИЛИЙ АРХИПОВИЧ

Ефрейтор, рядовой, сапер саперного батальона, 60-й стрелковой дивизии, 1908 года рождения, беспартийный, по национальности русский. Уроженец Новосибирской области, Новосибирского района, село Нежно-Чемский.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года «За героизм, проявленный в решающий момент боевых операций по восстановлению пробитой огнем противника лодки, в условиях большой глубины реки Днепр».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

**МЕТЯШКИН
АКИМ ГАВРИЛОВИЧ**

Рядовой, стрелок автоматчик 1-го стрелкового батальона 1281 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1897 года рождения, беспартийный, по национальности русский. Уроженец Калмыкской АССР, Шалтинского района, село Эстохогинка.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года «За проявленную замечательную инициативу и отвагу в рукопашной схватке с противником».

А. СУЮМБАЕВ

Командир лыжного взвода, капитан.

**Герой Советского Союза
Калыйнур Усепбеков**

**Герой Советского Союза
Даир Асанов**

**Дважды Герой Советского Союза
Бегельдинов Талгат Якубекович**

**Герой Советского Союза
Роза Азимов**

Герой Советского Союза
Садыков Самат

Герой Советского Союза
Джаркымбаев Казак

Герой Советского Союза
Чолпонбай Тулебердиев

Герой Советского Союза
Асаналиев Джумаш

Герой Советского Союза
Анарбек Чортеков

Герой Советского Союза
Мамасалы Тешебаев

Герой Советского Союза
Осмон Якубов

Герой Советского Союза
Ташибаев

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ДЖУМАБАЕВ ТАШМАТ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КАРПЕНКО ВИКТОР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

Старший лейтенант, командир пулеметной роты 1-го батальона, 1281 стрелкового полка, 60-й стрелковой дивизии, 1923 года рождения, член ВЛКСМ, по национальности украинец.

Присвоено звание Герой Советского Союза — посмертно, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30-го октября 1943 года «За проявленную личным примером храбрость при форсировании реки Днепр».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ДОВЖЕНКО
ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ

Старший лейтенант, командир роты автоматчиков 1281 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1920 года рождения, беспартийный, по национальности украинец. Уроженец Чкаловской области Ташлинского района, село Ташла.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года «За проявленную отвагу при выполнении боевого задания командования».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СИНИЦИН НИКИТА СЕМЕНОВИЧ

Старший сержант, командир отделения 7-й роты 1281 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1917 года рождения, член КПСС, по национальности русский. Уроженец Рязанской области, Скопинского района, поселок Октябрь.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года «За проявленную смелость, отвагу, инициативу при форсировании крупного водного рубежа реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ШЕЛЕСТ ВАСИЛИЙ МИТРОФАНОВИЧ

Майор, командир 1 батальона, 1281 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1915 года рождения, член КПСС, по национальности украинец. Уроженец Николаевской области, Чаплинского района, дер. Кривовка.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года «За проявленную инициативу при форсировании реки Висла и пленение гарнизона противника, во главе полицейского офицера обер-лейтенанта».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СТРОМКИН ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ

Майор, командир стрелкового батальона 1285 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1921 года рождения, член КПСС, по национальности русский. Уроженец Ростовской области, город Новошахтинск, улица Дзержинская, дом 16.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года «За проявленную доблесть, мужество и решительность при форсировании реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
АГЕШИН
ГРИГОРИЙ САВОСТЬЯНОВИЧ

Красноармеец, стрелок 3-го батальона, 1281 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1915 года рождения, беспартийный, по национальности русский. Уроженец Саратовской области Аркадьевского района, село Подгорное.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года «За исключительно умелое выполнение боевого задания по разведке участка на реке Висла, форсирование ее и занятие населенного пункта в расположении противника».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЦЕЛКОВСКИЙ
НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Лейтенант гвардии, командир взвода 2-й стрелковой роты 1285 полка 60-й стрелковой дивизии, 1923 года рождения, член КПСС, по национальности русский.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года «За проявленную доблесть, мужество и решительность при форсировании реки Висла в районе местечка Новы-Двур на территории Польши».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ШКИРЕВ Ф. А.

Младший сержант, командир отделения 82 мм. минометов, 1-го батальона 1281 стрелкового полка, 60-й стрелковой дивизии, 1915 года рождения, член КПСС, по национальности русский.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года «За проявленную исключительную смелость, мужество и отвагу при форсировании реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КУЗЬМИН АНАТОЛИЙ НАУМОВИЧ

Младший сержант, наводчик батареи 45 мм. пушек 1281 стрелкового полка, 60-й стрелковой дивизии, 1924 года рождения, беспартийный, по национальности русский. Уроженец Алтайского Края, Быстро-Источного района, село Верхне-Анупское.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года «За проявленное геройство, мужество и отвагу при форсировании реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ШЛЯХТУРОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ

Младший сержант, наводчик батареи 120 мм. минометов, 1281 стрелкового полка, 1911 года рождения, беспартийный, по национальности русский. Уроженец Баку, Ленинского района.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года «За проявленное мужество, отвагу и геройство при форсировании реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КИЯШКО МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

Красноармеец батареи 45 мм. пушек, 1285 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1913 года рождения, беспартийный, по национальности украинец.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года «За проявленное мужество, стойкость и геройство при форсировании реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

**УСАНОВ
ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Майор, командир 2-го дивизиона, 969 арtpолка, 60-й стрелковой дивизии, 1923 года рождения, член КПСС, по национальности русский.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года «За проявленное образцовое выполнение задания, отвагу, мужество и стойкость при форсировании реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

**ШЛЯХТИЧ
АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ**

Лейтенант, командир взвода 4-й стрелковой роты, 85 Пражского стрелкового полка, 1924 года рождения, кандидат в члены КПСС, по национальности украинец. Уроженец Киевской области, Тальновского района, село Антоновка.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1945 года «За проявленную доблесть, мужество, решительность при форсировании реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

**ПЕТРОЧЕНКО
ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ**

Майор, командир батальона 1283 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1918 года рождения, член КПСС, по национальности русский. Уроженец Смоленской области, Рудянского района, деревня Избище.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР «За выполнение особого задания командования по подготовке и организационного проведения штурма при взятии города Вышеград».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

РЕВУЦКИЙ НИКОНОР СЕМЕНОВИЧ

Капитан, заместитель командира по политической части стрелкового батальона 1285 стрелкового полка, 60-й стрелковой дивизии, 1903 года рождения, член КПСС.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года «За проявленную настойчивость в проведении политико-воспитательной работы среди личного состава батальона, и организацию актива комсомола на успешное форсирование реки Висла, где были проявлены образцы доблести, мужество и отваги».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СВИРИДОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Сержант, командир отделения минометной роты 1285 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1925 года рождения, член ВЛКСМ, по национальности русский. Уроженец Воронежской области, Нижне-Ведужского района, колхоз Красный сигнал.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года «За проявленную храбрость, мужество и решительность при форсировании реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

МЫЛЬНИКОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ

Майор, командир артдивизиона, 1923 года рождения, член КПСС, по национальности русский. Уроженец Ростовской области, Нижне-Гниловская станица.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года «За овладение плацдармом и за его расширение на западном берегу реки Висла, за проявленное при этом мужество, отвагу и стойкость».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ФОМИЧЕВ ПАВЕЛ НИКИТОВИЧ

Старший лейтенант, командир 2-ой батареи 969 артполка, 60-й стрелковой дивизии, 1912 года рождения, член КПСС, по национальности русский.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1943 года «За проявленное мужество и решительность в единоборстве с пятью немецкими фердинандами и личным примером, увлекая своих бойцов обеспечил продвижение наших войск на реке Днепр».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПАРШИН ИВАН ИВАНОВИЧ

Майор, командир артполка, 1915 года рождения, член КПСС, по национальности русский. Уроженец, г. Миленный, Ивановской области.

Присвоено звание Героя Советского Союза — посмертно, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года «За мужество и отвагу, проявленные в боях и умелое командование полком».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЕРОХИН АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

Ефрейтор, командир отделения роты связи 1285 стрелкового полка, 1900 года рождения, беспартийный, по национальности русский. Уроженец Новосибирской области, г. Томск, Морнинский пер. дом 35.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года «За проявленную доблесть и мужество при форсировании реки Днепр, и обеспечение связи с подразделениями».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ТЕНИЩЕВ ИВАН ИВАНОВИЧ

Капитан, командир 1-го стрелкового батальона, 1281 полка, 60-й стрелковой дивизии, 1921 года рождения, член КПСС, по национальности русский. Уроженец Ставропольского края, Александровского района, село Круглолесное.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года «За проявленный героизм и отвагу, умелое управление батальоном, в результате чего батальон действовал дерзко и стремительно при выполнении боевых заданий».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ДМИТРИЕВ ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Младший сержант, командир отделения саперного батальона, 1921 года рождения, кандидат в члены КПСС, по национальности русский. Уроженец Новосибирской области, Пышкино-Троицкого района, поселок Богдановка.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года «За проявленную решительность и героизм при форсировании реки Днепр, что обеспечивало бесперебойную переброску подразделений через водную преграду».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ГОРДИЕНКО ПЕТР ПАВЛОВИЧ

Сержант, командир отделения связи штаба батальона артиллерийского полка, 1923 года рождения, член КПСС, по национальности украинец. Уроженец Полтавской области, Диканского района, село Лозивка.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года «За проявление личной инициативы в установлении связи командира полка и подразделениями в период форсирования реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
СУХОВ
ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

Капитан, командир СБ/5СП, 1910 года рождения, член КПСС, по национальности русский. Уроженец Алтайского края, Змеиногорского района, село Барановка.

Присвоено звание Героя Советского Союза — посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года «За проявленную доблесть, мужество и решительность при форсировании реки Висла».

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЧЕРНОВ
ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ

Генерал-майор, командир дивизии, 1899 года рождения, член КПСС, по национальности русский.

Присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года «За правильное взаимодействие подразделений, за успешный прорыв сильно укрепленной обороны противника, овладение опорными пунктами и форсирование реки Висла, что содействовало взятию города Варшавы и нанесению большого поражения противнику».

ПЛОВЕЦ ДНЕПРА!

Участие в боях за Перекоп, в битве на Курской дуге, при форсировании Десны, Сож, Днепра и в боях с японскими милитаристами — таков фронтовой путь бывалого воина — украинца МИХАИЛА ТИМОШЕНКО.

Он истребил десятки фашистов, уничтожил вражескую технику, многим своим воинам спас жизнь, а когда его попросили рассказать что-нибудь интересное, яркое из бра-вой жизни он прикинул, а потом сказал: «Воевал как и все, защищал Родину как положено».

Сказано скромно и веско. Сколько было пережито трудностей, горьких неудач, в скольких жарких смертельных схватках приходилось участвовать со своими товарищами.

За плечами много подвигов и славы. Все они говорят о высоком воинском мастерстве боевого фронтовика. Об этом стоит вспомнить.

Расскажем лишь о двух подвигах, которые совершил храбрый воин.

После занятия г. Щорс полки дивизии продолжали дальнейшее наступление и вышли к восточному берегу реки Сож, в районе Карповки, схода приступили к ее преодолению. В начале была произведена разведка реки. Но в это время противник себя не обнаруживал, ожидая подходящего момента, и как только первые эшелоны начали производить переправу, противник внезапно открыл шквальный огонь из всех видов оружия, особенно губительный огонь был кинжальный.

От этого огня боевые порядки эшелонов расстроились, понесся большие потери. Форсирование первого дня не принесли какого-либо успеха. Потом была произведена попытка преодолеть р. Сож на второй день, и эту попытку противник сорвал, и лишь к утру 2 октября 1943 г. главные силы дивизии переправились через основное русло реки и вышли на восточный берег небольшого ручья с крутым противоположным берегом. Этот берег ручья являлся второй линией обороны врага и не менее был укреплен чем берег р. Сож.

На этой второй линии обороны из-за организованного губительного огня наступление частей дивизии захлебнулось. Враг дивизию затянул в огненный мешок и прижал к земле, бойцы выбившись из сил топтались на месте и вперед нисколько не продвинулись. Несмотря на свои понесенные потери все же дивизия сумела перевалиться через

р. Сож, закрепить за собой захваченный рубеж. А вскоре по решению командования 65-й армии дивизия сдала свой захваченный рубеж прибывшим частям ей на смену. Вышла из этого боя и стала совершать ночной марш в направлении Днепра. Здесь уместно вспомнить аналогичный пример неудачных действий той же дивизии в феврале 1942 г. в междуречьи Зушь и р. Ока, на участке Миново-Шашкино. Не имея тщательной разведки полки дивизии попали в междуречье в огневую ловушку. Об этих неудачных боях помнит и сержант Тимошенко.

Он прибыл в дивизию как раз в тот момент, когда она вела эти безуспешные тяжелые бои. Остается лишь жалеть, что этот горький опыт дивизии не был использован на р. Сож.

В успехе родной своей дивизии по преодолению оборонительного рубежа противника на р. Сож немалую долю вложил и сапер Тимошенко.

Все трое шли к берегу р. Сож, их ждала надувная лодка А-3 с круглыми бортами. Стащив ее на воду Тимошенко начал тихо-тихо грести без шлепанья, дабы не обнаружил противник. Вторым номером для гребли сидел Г. Ивлев и на носу лодки устроился пожилой молчаливый солдат из другого подразделения, как вроде бы высланный разведчик будущего десанта. В их задачу входило то, чтобы конец троса, сделанного из телефонного кабеля, доставить на противоположный берег, натянуть его так, чтобы солдаты навьючив на себя оружие, боеприпасы, в намокшей одежде, сапогах держась за трос могли бы не боясь переправляться.

Бурная сила течения реки лодку тащила за собой, а пущенный в воду трос то и дело цеплялся. Они страшно боялись, если и впредь лодку так будет тащить вода, то троса может не хватить.

Они втроем взялись и изо всех сил старались веслами держать лодку, чтобы ее не сносило течением и это их спасло.

До берега оставалось каких-нибудь 20—30 метров. Немецкий пулеметчик дал несколько очередей и сделал две пробоины в лодке. Лодка стала погружаться в воду. Тимошенко скомандовал: «Вплавь», и все сбросив с себя лишнее бросились в воду, а за собой тащили лодку. Добравшись до берега на песчаном его обрыве облюбовали обломанный ствол ели, окрутили ствол тросом и стали его натягивать, убедившись что дальше тянуть свой драгоценный трос сил нет, а ведь надо было закрутить так, чтобы он не

смог развязаться, они с этой задачей справились. А пока они привязывали трос их заметили немецкие автоматчики и пытались их захватить. Началась горячая схватка, пустили в ход гранаты. Отступив враг решил трех смельчаков взять с другой стороны, как им казалось более выгодной. Но тут уже подоспел плот с нашим десантом, десантники открыли огонь, и отогнали немцев и лишили их возможности вести огонь по переправе. Заговорили наши пушки, на берегу стало весело. А пожилой солдат, что плыл с Тимошенко присоединился к своему подразделению.

Пока отгоняли немцев, этим временем держась за спасательный трос, солдаты переправлялись на плащпалатках набитых соломой, на бревнах, в пустых снарядных и патронных ящиках, связанных вместе.

На берегу своих сапер встретил раненый командир саперного батальона капитан Белов. Саперы дрожали от холода и стояли в чем их мать родила. Капитан Белов подзывал их к себе, подойдя к своему командиру они все еще придерживались устава строевой службы — держали руки по швам.

Капитан обоих расцеловал и сказал:

— Это от всего батальона.

Сапер быстро одели, у старшины нашлась положенная норма согревательного напитка, саперы повеселели и пошли снова в бой.

Немецкие вояки научились оглядываться назад и призадумались, если им не удержаться на рубеже Днепра, тогда придется без оглядки бежать до Советской границы! А поэтому спешно начали мощное строительство заднепровской оборонительной линии. Инженерные сооружения строились добротно с учетом, чтобы обеспечить себе удобную зимовку.

Части дивизии в первой половине октября 1943 г. подошли к Днепру с тем, чтобы скрестить свои оружия с врагом на последней русской реке Днепр. Многие воины дивизии Днепр не видели, он освещался ракетами. Длинные очереди трассирующих пуль простреливали реку вдоль и поперек и от этого Днепр светился и казался черносеребристым. Предутренний туман не давал возможности просматривать заднепровскую вражескую оборонительную линию. Днепр казался безбрежно широким. На той стороне притаился все еще сильный враг и от этого у всех было беспокойство и щемило сердце.

Неподалеку от днепровского берега взрослях мелкого ивняка длинной змейкой лежал штурмовой мостик, его со-

орудили сапёры. Как перетянуть мостик через реку и закрепить его на противоположном берегу? И это нужно было сделать так, чтобы враг не успел опомниться.

На такой подвиг, способен только бесстрашный, ловкий и сильный человек, имеющий опыт в этих делах, хороший пловец.

— Возьмите канат,— сказал офицер сержанту. — Поплывете туда! — он показал рукой на запад. — И подтяните мостик к отмели, закрепите его. Задача ясна?

— Будет сделано все точно и аккуратно,— ответил сержант. Но как эту задачу выполнить? Кому приходилось бывать в воде в ноябре месяце, тот хорошо может представить, что значит проплыть несколько сот метров, да как проплыть, с ношей под огнем врага. Но ничего не могло остановить отважного воина. Здесь нельзя было применить никакой хитрости. Выжидать не было смысла. Не обойдешь, не проползешь! Выход только один — поборов чувство робости, не обращая внимания на обстрел, плыть прямо к отмели. «Если по-русски скроен и один в поле воин», с этими словами М. Тимошенко поплыл, обвязав себя канатом. Осенняя вода была жгуче холодная. Пенистые волны били в глаза, уши, нос; при каждом взмахе сильных рук.

Тимошенко чувствовал, что цель была близка, взбужденная свинцом вода кипела. Она каждую минуту готова была поглотить пловца, но вдруг перед глазами показалась заросль — берег! Обрадовался воин, встал и почувствовал дно реки. Сержант рванулся на берег и в ту же минуту петля каната повисла на перебитой снарядам сосне. Тимошенко подумал, а ведь недавно такое же дело было и на реке Сож. Канат натянулся и стал упругим, по мостику один за другим без прерывной цепочкой бежали бойцы, а когда фашисты обнаружили эту переправу было уже поздно. Бой шел в траншеях на западном берегу. Начался безудержный натиск.

Тимошенко сняв с себя две белые рубахи положил их на берег, чтобы плывущие бойцы видели, где высадился десант, и где прикреплен конец моста, и тут же вместе с пехотинцами пошел в атаку. Ему удалось захватить вражеский ручной пулемет, который не давал возможности продвигаться нашему десанту вперед. У убитого немецкого пулеметчика патрон в запасе оказалось много, так что сержанту не пришлось придерживаться норме расхода боеприпасов. Он беспощадно расстреливал контратакующие цепи врага, патрон, на это знакомое ему дело, наш герой

не жалел, а по мостику все шли и шли солдаты на завоеванный берег.

Боями за Днепр, а позже с японцами, закончилась фронтовая дорога Тимошенко.

В декабре месяце 1943 г. командующий 65-й армией генерал лейтенант П. И. Батов вручил сержанту сразу два ордена Красной Звезды, Орден Ленина и поздравил Тимошенко Михаила Кузьмича с присвоением ему звания Героя Советского Союза. И с того времени воин-сапер носит на своей груди Золотую Звезду Героя.

После кратковременных курсов Герой Советского Союза Тимошенко получил звание младшего офицера и был уволен в запас.

Избирался депутатом Верховного Совета ССР.

Позже Михаил Кузьмич работал директором совхоза. Его адрес г. Джанкой Крымская область, Ново-Джанкойский сельсовет.

Данные взяты из Наградного листа, автобиографии, воспоминании автора.

МЕСТЬ

Наверное не найдется фронтовика, в сердце которого бы не хранилось особенно памятное, что-то свое, дорогое незабываемое.

Вот и бывший артиллерист **ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ГОЛОУЛИН**, не забыл минувшие годы войны.

В течении почти трех фронтовых лет ему как-то не приходило в голову задумываться над тем, много ли или мало он успел сделать для победы над врагом, не приходилось и думать о наградах.

Василий Николаевич не хвастался своими успехами, а думал о том, как бы это скорее без лишней затраты крови разгромить фашистскую нечисть.

И только сейчас, когда его спросили, что он сделал для Победы, Василий Николаевич в своих воспоминаниях подводит итоги прожитой им фронтовой жизни.

А чтобы она для читателя оказалась более убедительной, мы расскажем несколько боевых эпизодов из его пройденного боевого пути.

Бывает же в жизни — поначалу в большом деле не везет, неповезло и Голоулину.

В июле месяце 1941 г. Голоулин был призван в советскую армию, его направили для защиты подступов к Ленинграду. Ему запомнилась минута, когда он под вой ар-

тиллерийской кононады и взрывы авиационных бомб врага присягал Родине защищать ее до последнего дыхания.

В первом же бою его постигла неудача, были прострелены обе руки и это надолго приковало воина к госпитальной постели.

Пять месяцев он жил одними думами, как бы выбраться из госпиталя, не домой по чистой, а скорее бы в бой!

Госпиталь для Голоулина оказался испытанием на мужество. У него сжималось сердце, когда он узнавал из сводок Информбюро, что на его Родине, Калининской области бесчинствует враг. В госпитале много было времени, чтобы хорошенько подумать, как дальше ему поступать и совесть его настоятельно звала к мести. Он слушал неутешительные сводки по радио. Читая одну из газет, он прочел напечатанное в газете стихотворение К. Симонова и стал больше ненавидеть врага, он перечитывал его несколько раз и знал его наизусть, стихотворение еще больше зажигало в нем жгучую ненависть к врагу.

Он говорил своим товарищам по госпитальным койкам, что каждая строка стихотворения, которое он так крепко полюбил и понял смысл стреляло в фашиста. Он держал в руке газету с текстом стихотворения, уже не единожды раз продолжал читать его.

«Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь на век отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
ЗНАЙ — никто ее не спасет,
Все, что Родиной мы зовем,
Если ты ее не спасешь;
ЗНАЙ — никто его не убьет,
Если ты его не убьешь...
Так убей фашиста, чтоб он,
А, не ты на земле лежал».

Врачебная комиссия определила Голоулина не годным к строю, но он не мог примириться с тем, чтобы за свои искалеченные руки не отомстить врагу сколько душа пожелает. Руки знатного столяра еще пригодны к работе, если не в строю так в другом месте.

Василий Голоулин с трудом, но добился, чтобы его направили в запасный полк. «А оттуда, — рассуждал про себя воин, — выбирусь и на фронт».

— Тяжело тебе будет, Василий! Руки то слабые, — говорили ему товарищи, — да и грамоты маловато для артиллериста, вот ведь оно что!

— Ничего, — отшучивался он, — я еще с фрица стружку сниму, как пить дать. А что касается артиллерийского дела, тут сложного и чего-то особенного нет. Малость подучусь. А там на практике все пойму.

И действительно Голоулин в запасном артиллерийском полку немножко подучился, вскоре ему объявили приказ о направлении в войска действующей армии. «Раз здесь бой выиграл, — подумал Василий, — значит дела пойдут как надо». И опять началась беспокойная окопная жизнь.

Голоулин прибыл в 60-стрелковую дивизию, в тот момент, когда она вела тяжелые бои на р. Ока под Мценском и Болховым.

Вростать в боевую обстановку, как говорят не пришлось, он сразу же стал командовать орудийным расчетом 71-противотанкового артиллерийского дивизиона ордена Александра Невского.

В августе месяце 1943 г. дивизии предстояло прорвать сильную оборону противника и штурмом брать г. Севск. Почти полгода враг укреплял и совершенствовал оборону, им были возведены мощные инженерные фортификационные сооружения сплошными минными полями. На каждой улице бои шли упорные, фашисты бились за каждый дом. Орудийный расчет Голоулина не отставал от боевых порядков пехоты. Наступающая пехота с боем вот уже отвоевала у немцев один квартал улицы, по которой шло наступление, а когда пехотинцы подошли ко второму кварталу огонь противника стал валить с ног наших бойцов. Сколько бы попыток ни делали продвинуться вперед ничего из этого не получалось, стали выяснять и оказалось, что у двух огневых пулеметных точек расположенных в каменном здании Севского монастыря, а этот монастырь находился на высоком месте, немецкие пулеметчики ловко и так удачно вели прицельный огонь по всем подступам улицы, что нашим стрелкам пришлось припасть к земле и прятаться за здания, в подвалы. Стали искать обход — нашли, но он оказался далеко, надо было оставлять завоеванный квартал улицы и отходить назад прежде чем попасть на неизведанный обходный путь.

А каждый час задержки, это сотни домов разрушенных, сожженных, сотни угнанных наших людей. Вот тут то командир орудия Голоулин и проявил смекалку, он еще заранее облюбовал ничейный полуподвал, скрытно закатил в него орудие, бойцы расчета стали разламывать стену, с тем чтобы сектор обстрела был получше. Вражеские пулеметчики заметили, что-то происходит неладное в подвале

и открыли по нему огонь, но уже было поздно, орудие стояло на огневой позиции в готовности открыть огонь.

На пулеметную стрельбу врага Голоулин не отвечал, а пристально изучал вспышки этого огня, пули бешено бились об стены каменного подвала и отскакивали. Летели трассирующие пули, делали не большую вмятину на щите орудия и тут же падали на землю.

— Подождем! — сказал своему расчету Голоулин. — Пусть понервничают.

Уличив момент затишья стрельбы, орудийный расчет открыл огонь сначала по одной, затем огонь был перенесен на другую вражескую точку. И сразу стало тихо, огневые точки замолкли, и они больше не оживут вместе со своими расчетами, заключил Голоулин. Он от радости выскочил на середину улицы и во все услышанье прокричал:

— Пехота вперед. Путь открыт!

И пехотинцы пошли брать следующий квартал смелее и без особой опасности.

Об этом подвиге Голоулина и наводчика Микрюкова, напоминает награда Орден Красной Звезды.

Позади остались Десна, Днепр. Фашисты отступали все дальше и дальше на запад.

Во второй половине декабря шли жаркие сражения на плацдарме в междуречьи Днепр и Березина. Противник спасая свои коммуникации ожесточенно защищал Жлобинский узел железнодорожных и шоссейных дорог. Жлобинское оперативное направление для дивизии теперь стало главным полем боя.

Много раскаленного металла обрушило на головы фашистских вояк орудие, которым командовал старший сержант Голоулин. Его орудие с боя не выходило, были радости и успехи, горечи и неудачи. Да на войне без этого и не бывает, на то она и война — кто кого? Враг то еще силен, вон ведь еще какими танковыми силами задерживает дивизию, от этой силы поначалу пожалуй у кого нервы слабые может и дрожь прохватить. Но Голоулин не из таких!

Расскажем, что же произошло 20-го и 21-го декабря 1943 г. вблизи деревни Подберезье.

Только что начался рассвет, как фашистские танки в сопровождении пехоты внезапным ударом потеснили один фланговый полк дивизии и устремились в глубину.

Расчет противотанковой пушки Василия Голоулина первым ввязался в бой с противником, его расчет работал уверенно и вскоре меткими выстрелами было подбито два

головных танка. Орудие перешло на самооборону и с расстояния в 50 метров огонь стал вестись по вражеской пехоте картечью. Находящиеся поблизости батареи противотанковых пушек в основном преградили путь вражеским танкам, но противник набирал ярости и не унимался.

Огневая позиция Голоулина, которая стояла далеко на фланге своей батареи, прикрывала развилку дороги. И опять через каких-либо 30—40 минут на орудие Голоулина пошли еще два танка с пехотой, но и эти два танка были подбиты, а пехота рассеялась также как и в первом случае. Немцы пустили самолет с целью разыскать позицию орудия Голоулина, самолет облетел восемь раз над головами артиллеристов, ничего не заметил и улетел. Орудие стояло на опушке небольшого перелеска и было так искусственно замаскировано, что как будто бы виднелся бугорок занесенный снегом, да и сами артиллеристы были в белых халатах, соблюдая строжайшую маскировку. Но артиллеристов постигло несчастье, не успев еще оправиться от прошедшего боя с визгом прилетела навесная мина и взорвалась, от близкого разрыва мины весь расчет погиб, остался один командир орудия. А через час началась третья атака и опять впереди два танка с десантом. Еще с большим ожесточением и упорством прямой наводкой на расстоянии 100 метров Голоулин поджег один танк, затем перенес огонь на другую машину перебил ей гусеницу, танк встал. Десант противника уже совсем близко от орудия, Голоулин стал различать напряженные лица врага и он сменил бронебойные снаряды на картечь и в упор стал расстреливать пехоту врага.

На поле боя появился еще один танк, из него вылез немец наверх и стал молотком стучать по башне. «Ну, что же, раз вызываешь огонь», — подумал Голоулин и из двух выстрелов и этот танк поджег, но и сам получил ранение. Обстановка становилась еще тяжелее и нечеловеческой.

Уже приближались сумерки, были слышны по ту и другую сторону его позиции орудийные выстрелы. На его же участке стало тихо, связи ни огневой, ни живой ни с кем нет и послать было некого. Наступила ночь, Голоулин напряженно возился со своей раной, старался задержать кровь и боялся доживет ли до утра, «еще раз ткнет тебя фашистская пуля и нет тебя!»

Только рассвело, тяжелый танк «Тигр» шел на огневую позицию Василия Голоулина, одна-две минуты и пушка вместе с командиром орудия будет раздавлена. Раненый старший сержант нашел в себе силы зарядить орудие и

навести его в цель, он стремился бить наверняка, это стремление оправдалось — одним выстрелом поджег машину в его глазах мерещился клуб дыма. Раненый со вчерашнего вечернего боя работал за весь расчет, он выпустил еще последних три снаряда, выбился из сил. Рана не давала покоя, он еще раз с трудом посмотрел на поле боя, кое-как разглядел плоды своего труда. Кругом никого нет, кое-где еще клубился дым подбитых танков и пополз в глубину леса оставляя за собой розовые следы.

В это время подошла наша разведывательная группа, они осмотрели орудие, наклонились над убитыми артиллеристами, проявили любопытство посмотреть подбитые танки и массу немецких трупов.

У орудия разведчики нашли медальон принадлежащий старшему сержанту Голоулину Василию Николаевичу, 1912 года рождения, член ВКП(б), уроженец Калининской области из деревни Захарино, женат, а через некоторое время разведчики подобрали и самого хозяина медальона.

А ведь правду говорил Василий Николаевич, что он еще с немцев стружку снимет.

Только в этом бою подбито и сожжено восемь танков, один из них тяжелый. А подступы к огневой позиции Голоулина усеяны до 70 человек убитыми вражеских солдат и офицеров. Таков итог этого тяжелого боя.

Василий Николаевич говорил: «Мне бы хотелось посмотреть эту огневую позицию и показать ее людям, мое же орудие еще сохранилось и находится на хранении в одной из частей московского военного округа».

После выздоровления старший сержант Голоулин в 1944 г. был уволен из рядов Советской Армии.

За этот героический подвиг Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 марта 1944 г. Голоулину Василию Николаевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Позже, наш Герой жил и работал в г. Калинин, ул. Чапаева № 28.

Данные взяты из Наградного листа, автобиографии и воспоминании автора.

РАССВЕТ НАД ДНЕПРОМ!

Каждый раз неволью задумываешься, все ли сделали мы — люди старшего поколения, чтобы наша юная поросль знала о великом подвиге советского народа.

О войне рассказывать тяжело, но знать о ней надо!

Надо знать про все испытания выпавшие на долю нашего поколения в годы Великой Отечественной войны — поражения, отступления, гибель товарищей в бою, ранения, плен, побеги из лагерей смерти, о гибели миллионов советских людей, радость победы. Все это пришлось перенести и каких только мук стоило советскому народу победа над фашистской Германией.

Ничего не таить и говорить горькую, но правду, как мы попали в яму и были на грани катастрофы, и как героически вылезли из этой ямы и победили.

Мы все толкуем: «Молодежь должна...», «Долг молодежи...», а на это часто можно слышать: «Нам и семнадцати нет, когда мы успели кому-то задолжать?»

Передо мной копии Наградных листов 42-х Героев Советского Союза, которые были удостоены, этого звания находясь в частях 60-Московской, Севско-Варшавской краснознаменной гвардейской стрелковой дивизии. Ордена Суворова.

Знакомство с Наградными листами открывает все новые и новые, очень занимательные, интересные героические картины боя. Наградные листы — это волнующие страницы в летопись подвигов, в историю нашего Советского народа.

Наши герои и русские, украинцы, белорусы, киргизы, татары, грузины, осетины, коммунисты, комсомольцы, молодежь и пожилые, все шли плечом к плечу, это был героизм масс! Это было единство боевого духа бойцов дивизии.

Если обратить внимание на возрасты наших героев, то почти все они были молодыми — артиллерист Анатолий Кузьмин и командир пулеметной роты Виктор Карпенко стали Героями Советского Союза 19-ти лет; Петр Гордиенко и Петр Сосин — 18-ти лет; Александр Владимиров 20-ти лет; Флор Ермаков 28-ми лет, самым старшим из героев дивизии был стрелок 54-х лет А. Г. Митяшкин.

Разве молодежь и дети не должны знать о таких героях, не должны учиться, на их бессмертных подвигах!

По просьбе учащихся Калужской области я рассказал им маленький кусочек о героическом подвиге их соотечественника, как они любовно называют «нашего калужанина», при защите от коварного и злобного врага той земли, на которой Вы сейчас живете, учитесь, проводите свое радостное счастливое детство и юношество. О преодолении им и его товарищами невероятных трудностей в битве за Днепр, который вы любите всей своей душой.

Этим калужанином был ЕРМАКОВ ФРОЛ АНДРЕЕВИЧ из первой стрелковой роты 1281 стрелкового полка орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского, этот полк воспитал за один только Днепр 6 человек Героев Советского Союза.

Родом Ермаков из деревни Жуково, Козельского района, Калужской области. Фрол Ермаков свое босоное детство провел в своей деревеньке, тут он мало видел радости изведаль детских игр, больше всего был в нужде и печали, к труду стал приучаться с 8 лет, долго пас деревенский скот.

Заработок родителей был невелик, еле хватало на пропитание их большой семьи.

На воспитание Фрола родители никакого воздействия не оказывали, да и возможности к этому не было. Мать Фрола — Лукерья Егоровна — пенсионерка, как-то рассказала, что ее сын был пытливым пареньком, жадным до дела, как и все мальчишки не любил покоя. Бывало придет с пастбища, рассказывает мать, и начинает подробно говорить о природе, своей мечте, о прочитанной в книге, он очень любил читать детские книги, нашлись добрые люди на селе, полюбили пастушка Фрола и помогли ему окончить сельскую школу. А дальше, чтобы не быть в тягость семье, 15 летний Фрол уезжает из родительского дома, поступает на карьер по добыче торфа, затем переходит работать на кирпичный завод, а перед уходом в Армию работал по холсту на прядильной фабрике в г. Струнино Ивановской области. Зарабатывал не так уж много, но Фрол старался выделить небольшую долю из своего заработка и посылал родителям.

Осенью 1937 г. его возраст подлежал к призыву и он ушел служить в Красную Армию. Службу он нес прилежно, любил дисциплину. Грудь его была украшена значками отличника и разрядника по спорту и стрельбе.

Находясь в Армии подтянул свою грамоту. В жизни Фрола начался новый этап, его, как отличника боевой и политической подготовки, командование части определило на командные курсы. Фрол их успешно окончил, ему присвоили звание младшего лейтенанта.

Однажды в теплый осенний день в Струнино приехал в краткосрочный отпуск Фрол Ермаков в военной форме со знаком одного кубика на петлицах, что означало чин младшего офицера, он выглядел молодецкато, был подтянут, все металлические предметы на его офицерской форме были начищены до яркого блеска, Фрол заметно по-

взрослел и окреп. Его окружили товарищи по работе, знакомые, сыпались вопросы: «Как служба? Тяжела ли армейская жизнь?» Фрол с увлечением и знанием военной службы и воинских уставов рассказывал им о дружной красноармейской жизни и увлекательной службе. Ничего не утаил и о радостях, и о трудностях, и о неудачах — рассказывал как было на самом деле.

— Служить легче тому, кто готовит себя в Армию. Сами знаете, когда я был в отряде допризывной молодежи, не пропускал ни одних военных занятий и в оборонных кружках, участвовал в походах, в учениях. А теперь, как видите стал отличником боевой учебы своей части, получил краткосрочный отпуск и вот приехал и нахожусь среди вас.

Каждый день с утра до глубокой ночи Фрол находился среди друзей, ездил к себе в деревню и там своим школьным товарищам рассказывал об армейской жизни.

Он вел со всеми непринужденный душевный разговор, о своих солдатских буднях и о том, что после армии уедет учиться в ВУЗ, нескрывая своей мечты стать инженером нефтяником.

Когда окончился отпуск товарищи, друзья тепло проводили его до железнодорожной станции.

— Мы гордимся и восхищаемся тобой, наш друг Фрол, и как быстро отпускные деньки пролетели, — говорили ему его сверстники. — Верим, что благополучно отслужишь свою службу, надеемся, что к обороне своей Отчизны всегда будешь готов! Желаем тебе исполнения твоей мечты.

Младший лейтенант Ермаков советовал своим молодым друзьям настойчиво овладевать военным делом:

— Дело это очень нужное и оно пригодиться при защите от врагов, вас ведь скоро в армию заберут, а в мирет — не так уж и спокойно, а потому и надо быть готовым ко всяким неожиданностям, как нам в части об этом говорят так и я вам гутарю...

Наступил суровый 1941 год. Советская страна набирала новые силы к бурному развитию народного хозяйства, начались крупные новостройки, вступили в строй промышленные гиганты, электростанции, вдохновенно трудились труженики сельского хозяйства, советские люди взялись за осуществление выполнения плана 4-года третьей пятилетки и советская жизнь, как полноводная река не знала границ.

После отпуска в армии Фрол прослужил еще одно лето и зиму, а в начале 1941 года попросил, чтобы его отпус-

тили на учебу, просьбу Фрола уважили и вот он возвратился, пошел на гражданку, на место той же работы откуда поехал начинать армейскую службу. Усердно взялся за работу и за подготовку для поступления в ВУЗ, «Поздновато, правда, но мир не без добрых людей, помогут», — такой надеждой утешил он себя. Жизнь распахнула перед ним дверь, он шел в нее с открытой душой, с большой мечтой!

И вот началась война. Она смешала все планы, отодвинула его счастливые мечты на неопределенное время.

Едва лишь началась война Фрол Ермаков не остался в тени, а тут же взялся за привычное ему ремесло, ему доверили обучать в запасных частях во Владимире и Ярославле молодых бойцов, для направления их в действующую Армию. Пробыл он на этой ответственной работе полтора года. Фрол знал, что фронту нужны резервы — это было решающим, на подготовку их и сосредоточилось все внимание.

Он много вложил сил и энергии в боевую учебу тех людей, которые шли потом в бой. Надо было в очень сжатые программные сроки научить бойца владеть оружием, метко стрелять, хорошо владеть ближним и гранатным боем, втягивал бойцов к длительным маршам при полной солдатской выкладке. Ни одна гимнастерка съедена солью от этой работы.

Может быть из этих людей есть герои и совершившие героические подвиги. Может быть об этих бывших учениках Ермакова мы когда-нибудь и узнаем.

Фрол Андреевич все время рвался на фронт, писал несколько рапортов и на все получал отказ. Он хорошо был осведомлен о тех зверствах и разрушениях, о гибели невинных людей, он посмотрел своими глазами поруганную и истоптанную немецким сапогом свою Калужскую землю, свою родную деревню, где ему так близко было все знакомо, он вспомнил детство, потрогал руками, все то, что осталось от его дома, долго всматривался в пастбищные луга и места, где он просиживал часами, читая детские книжки.

Он потом писал матери, что будет мстить врагу за принесенные жертвы и постигшее тяжелое горе его родных мест, где он родился. Фрол обещал в эти края непременно вернуться с победой.

Наконец Ермаков добился разрешения отбыть в действующую армию. Весной 1943 года ему присваивается очередное воинское звание лейтенанта, он получил назна-

чение на должность командира стрелковой роты в 60-стрелковой дивизии, которая входила в состав войск 65 армии П. И. Батова.

Долго не пришлось Ермакову отсиживаться в обороне. В августе месяце дивизия начала вести тяжелые бои под стенами старинного города Севск, это был сильный оборонительный узел немцев. Город стоит на возвышенности, путь к нему преграждается рекой, но ничего не помешало героическим воинам 60-й и 69-й стрелковых дивизии. Они овладели Севском и с тех пор обе дивизии носят почетное наименование Севских. Командующий гордился ими как идущими впереди.

Осенью 1943 года под мощным напором советских войск фашистские захватчики откатывались к так называемому «Восточному валу».

Дивизия после форсирования Десны, вела бои на Гомельском направлении, преодолевая множество лесных массивов и болот и в необычайно тяжелых условиях форсировала реку Сож.

Днепр был близко, но противник все еще продолжал на отдельных участках упорствовать, поэтому к Днепру после сожских боев пришлось пробиваться силой, огнем с применением обходных маневров, без втягивания в бой.

В первой половине октября месяца дивизия подошла к Днепру и сразу же началась усиленная и ускоренная подготовка к форсированию. Предстоял великий поход за Днепр!

В частях заканчивались последние приготовления. Рота Ермакова выделялась в штурмовую группу. Трудно переплыть Днепр, а еще сложнее преодолеть минное поле на его берегу и под сильным огнем пулеметов и минометов добраться до кручи и ворваться в первые траншеи. Вот над этим-то и задумался командир роты Ермаков и стал размышлять, как же лучше преодолеть эти трудности, хотя Ермаков уже человек с боевым опытом, знает и требования устава по форсированию водных преград, но все это не то, тут придется действовать исходя из днепровской многоводной реки и встретится с упорным, лютым врагом. Тяжелого боя не миновать. Горя и днепровской водички хлебнешь, это как пить дать.

За неделю отведенную для подготовки к форсированию командир роты успел поговорить с каждым бойцом, сержантом, со своим комсомольским активом, день и ночь учил роту всем подробностям предстоящего боя, действиям на вражеском берегу и все боевые действия роты по убеж-

дению командира роты его подчиненными были усвоены хорошо. Были предусмотрены и неудачи и действия роты при них, одним словом все было предусмотрено.

Надежда была на храбрость и смелость своих подчиненных, и Ермаков был уверен, что его люди в столь тяжелый момент не подведут.

В ночь на 17 октября, рота Ермакова подошла вплотную к намеченному участку форсирования Днепра. Бойцы с волнением всматривались в чуть различаемые предметы правого берега, освещаемые частыми вспышками ракет.

Приказ для роты от командира полка был предельно лаконичен: переправиться на правый берег, овладеть первой траншеей противника, удерживать и расширять плацдарм до подхода следующих подразделений полка.

— Ясна ли задача? — спросил командир полка Ермакова.

— Очень ясна, товарищ подполковник!

— Люди ваши предполагаемые свои действия и сигналы знают?

— Ничего не упущено, все проверено.

— Задачи доведены до каждого солдата?

— Так точно. Можете спросить любого! Высокую честь, выпавшую на долю моей роты первой форсировать Днепр не осрамим!

— Смотрите, задание ответственное и опасное — не страшное?

— Приказ будет выполнен чего бы это ни стоило.

— Учтите, что левее вас будет действовать еще одна группа.

— Это мне известно товарищ подполковник.

Командир полка обнял Ермакова, как это делают настоящие мужчины, он не скрывал, что любит Ермакова и метил его в командиры батальона, пожелал ему от всей души успеха. Говоря это, он знал, что решать такую задачу только могут мужественные и храбрые люди, будут тяжелые утраты, но война есть война. Еще немного молча постоял, затем попрощался с бойцами, всем пожелал успеха и медленно зашагал на свой наблюдательный пункт.

До рассвета оставалось немного времени. Ермаков со своими связанными осторожно по торфеному зыбкому лугу подошел к кустарнику, растянувшегося по всему берегу у самой реки. Снял каску, почерпнул Днепровской воды, сказал: «Вот он родной Днепр, наконец-то удалось мне тебя увидеть. Днепр! Какое это дорогое слово! Это русская природа, это русское раздолье, это Родина моя!»

Ночь была осенняя, прозрачная. Над спокойным зеркалом реки надвигалась еле заметная дымка, а с той стороны поминутно продолжались вспыхивать ракеты и тут же погружались во тьму.

Все наготове, тянется время до бесконечности. Но вот и возвестил сигнал к действию.

Рота Ермакова отчалила от берега, рыбацкие лодки в шахматном порядке закачались на волнах. По всем расчетам уже добрались до середины реки, пока все спокойно, уже началась зорька, рыбаки подумали, сейчас только и рыбу ловить, на зорьке рыба играет, эту истину и фрицы знают, ежели кто из них рыбак. Туман поднялся густой, этого необходимого союзника с нетерпением ждал Ермаков, Воздух был чист, подувший ветерок помогал гребцам мерить своими веслами тяжелый водный путь, у всех одна мысль — ускорять темп и скорее к берегу. Ермаков был в беспокойствии за то, что вдруг немцы расстроят его шахматный курс и не посчитаются с тем, что Ермаков до армии был чемпионом по шахматам своего города.

До берега оставалось 15—20 метров. Наступил рассвет над Днепром и стал быстро вытеснять ночную тьму. Где-то недалеко затрещал пулемет, взвились в воздух несколько ракет, а вслед за ними появилось множество осветительных ракет. Стали рваться мины, столбы воды поднимались наверх и обрушивались на головы бойцов, волны стали заливать борта лодок, в некоторых лодках появилась течь, вой мин не прекращался.

Лучь света прожектора не спускался с лодок, гул огня артиллерии и минометов нарастал и стук черпаков о дно лодок раздавался все чаще и чаще.

— Фрицы нас обнаружили, — крикнул Ермаков и тут же последовала команда «Вплавь!» и сам бросился в воду. А вскоре солдаты почувствовали ногами дно реки, а вот и берег.

Ермаков связался по рации с поддерживающимся артиллерийским дивизионом Фомичева П. И. и артиллерия незамедлительно начала бить по огневым точкам врага, недалеко заработали и реактивные минометы. Несколько раз пронеслись над рекой наши штурмовики. Бойцы роты стали уже хозяевами правого берега, завязали бои с боевым охранением врага.

Трудно и сложно продвигаться вперед по пойме под шквальным огнем, впереди кручи, но бойцы роты с дерзостью шли вперед. Много боев они испытали, но этот бой не был похожим на все прежние, больно уж изнуритель-

ный и утомительный. А по полудню начались контратаки, они следовали одна за другой. Враг стремился лезть к реке, но рота как бы вросла в землю и не сдвинулась с места, бойцы с близкого расстояния расстреливали в упор фашистов.

Ермаков с волнением наблюдал за боевыми порядками, он заметил, что они редеют, люди рвутся на минах, от злости душу раздирало. В который раз связные повторяли приказ ротного, глубже вкапываться, беречь патроны. А куда глубже? Кругом болотная зыбь. А фашисты продолжали идти на ходу строча из автоматов, рота терпеливо выжидала, осталось уж совсем близко до солдат в серо-зеленых мундирах и вот обрушилась масса свинца по врагу.

Ничего живого не осталось и рота по примеру Ермакова поднялась во весь рост с криком «Ура!» ворвалась в первые траншеи врага.

К сумеркам бой затих, а к утру следующего дня на поле боя появились подразделения полка.

Итак, плацдарм для обеспечения ввода в бой всего полка был обеспечен, расширен, для всех хватало места, спала и озабоченность Ермакова в экономии боеприпасов.

Полк имел задачу овладеть деревней Бывалки, и в этот раз в авангард посылалась рота Ермакова.

Смелым броском, ломая упорное сопротивление противника во взаимодействии огня и минометов, рота пробилась к северной окраине Бывалки.

Фашисты цеплялись за каждый дом, за каждый угол. Каждую пядь земли рота брала с боем. Из одного крайнего дома Бывалки фашисты вели сильный пулеметный огонь, а у этого дома поблизости находился Ермаков, он пренебрегая опасностью подполз к дому, бросил в окна несколько гранат, раздались взрывы, все смолкло, бойцы рванулись вперед и в этом занятом доме перед бойцами предстала ужасная картина. Они увидели трупы расстрелянных детей и стариков, эта весть разнеслась по всему полку. «Мстить и мстить», — раздавались возгласы.

На северной окраине Бывалки разгорелись кровопролитные бои, враг не унимался и переходил в яростные контратаки, не хотел без жертв сдавать Бывалки. Рота Ермакова уже отразила три крупные контратаки, противник пошел на хитрость и попытался с фланга смять роту, но на этом фланге находилось отделение соседней роты под командованием младшего сержанта Владимирова, огнем и гранатами рассеяли атакующих фашистов, Влади-

Миров не только удержал рубеж, Александр высоко вскинул свой автомат и крикнул твердым юношеским голосом:

— Товарищи! Настала великая пора! Перед нами Белоруссия! Вызовим ее от врага. Вперед, за Белорусь!

И отделение дружно пошло в контратаку, а за ним поднялись и другие отделения, было занято три дома на окраине Бывалки и удерживали этот рубеж до подхода своих главных сил.

Владимиров уже известный был вояка не только в роте, но и в полку, он накануне этого боя у высоты 134,5 в рукопашной схватке лично уничтожил 7 гитлеровцев и занял немецкую траншею.

Отбивать атаки врага и самому переходить в контратаки дело это для Владимирова было уже привычным, он участвовал в десятках атак и уничтожал танки врага.

Бои на русской великой реке и до сих пор не затухают в солдатской памяти.

Все знали, что наличными силами приходится удерживать окраину Бывалки, главные силы полка пока еще не подошли. Вызвать огонь артиллерии было опасно, рисковали сами попасть под него, противник был в каждом доме и близко.

По численности силы почти были равные, рота на роту, батальон на батальон, но техники у них было больше, чья возьмет?

При последующем отражении контратак врага, Ермаков не выдержал дерзости фашистов, стал во весь рост и повел за собой роту к центру Бывалки, был смертельно ранен, его успели оттащить в укрытие и когда посмотрели на него, на теле не оказалось живого места, было все перебито осколками снарядов и пуль, последнее его слово было: «Держаться!» и бойцы выполнили последний приказ своего командира, удержали рубеж до подхода полка.

К вечеру 18 октября полк 60-й дивизии во взаимодействии с 120-стрелковым подразделением 69-й стрелковой дивизией Бахметьева овладели Бывалкой.

Фрол Ермаков и Александр Владимиров разные по возрасту, воинскому званию и занимаемой должности. Они из одного стрелкового батальона. Вместе шли плечом к плечу к Днепру и первыми форсировали его, вместе переносили все тяготы лишений, радости и горе, из одного котла получали кашу, характеры у них были разными — Ермаков был веселым, жизнерадостным, часто напевал песни, перед войной женился, а Александр не любил много разговаривать, часто задумывался, любитель проказ, на пе-

реднем крае без надобности пускал автоматную очередь, его можно было видеть всегда в зеленом пестром халате.

Оба они своими подвигами не мало вписали прекрасных страниц в боевую историю своей дивизии, внесли свой вклад в победу над лютым врагом и на Орловщине и в Белоруссии. Дружба их боевая была скреплена кровью.

Как только очистили от фашистов Бывалки и окрестность, на околице этой деревни на ступеньках крылечка 21 октября 1943 года было подписано на обоих представление к высшей правительственной награде. А 30 октября 1943 года личный состав дивизии слушал радостное известие по радио — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза тринадцати воинам дивизии, в том числе младшему сержанту Владимирову Александру Ивановичу и посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза бесстрашному лейтенанту Ермакову Фролу Андреевичу. Александр Владимиров остался в строю, снова пошел в бой — до победы!

Героя Фрола Ермакова похоронили на той земле, за которую он отдал свою молодую жизнь, в деревне Бывалки Лоевского района, Гомельской области.

Вот какими подвигами обессмертили Фрол Ермаков, Александр Владимиров и другие Герои Днепра свои имена.

Истоками их подвига! Во всей их трудовой и военной жизни — была честность и преданность Родине!

Жители Бывалки и учащиеся школы свято чтят память о георях Днепра. Центральная улица Бывалки носит теперь имя Героя Советского Союза Фрола Ермакова.

Вот и заканчивается небольшая история, рассказа, как отцы и деды, а вместе с тем и весь советский народ защищали Родину от немецко-фашистских захватчиков.

Каждый человек прежде всего обязан помнить и уважать историю всего народа, своей страны, области, района и своего родного города и села.

Нашим молодым людям очень хороший совет:

— Учиться на истории революции, на истории борьбы, участниками которой были Ваши отцы, матери и свято хранить память о тех, которых уже нет и с уважением относиться к тем, которые живут и брать от них на вооружение в свои руки все, и быть достойными продолжателями дел своих отцов.

Думается, что это и есть ответ на вопрос: «Когда и кому успела задолжать нынешняя молодежь?».

Данные взяты из Наградного листа автобиографии и воспоминаний автора.

ПРИЗВАНИЕ К ПОДВИГУ

БОЯН ЕРКЕЕВИЧ родился в деревне Тат-Асби Ахтамьшского района. Родители были бедные и он лишился их в детстве.

Окончил начальную школу с отличной успеваемостью и уехал работать в колхоз.

Учительница Г. М. Тальдаева написала мне так о своем ученике: «Боян у нас в школе был старательным, послушным и ласковым учеником, его все любили, помогали, заботились о нем, по существу все его детство прошло в коллективе школы. А в 1940 г. юноша поступает в Казанское фабрично-заводское училище».

Близился конец мая 1942 г., в училище начались экзамены. Боян любил свою Татарию и с большим вниманием вчитывался в каждое слово Совинформбюро, в каждый фронтовой очерк или рассказ, где говорилось о беззаветном мужестве бойцов на полях битвы. Он не выпускал из своих рук журналы со статьями посвященные героизму и подвигам советских людей. Читая вслух статьи, он говорил своим товарищам: «Я буду о них писать сочинения, а настоящий экзамен сдам в бою, как только возьмут меня в Армию». И вскоре Боян получил на свое поданное заявление о добровольном вступлении в ряды Советской Армии положительный ответ. Который раз он перечитывал долгожданный ответ и адрес на конверте, как будто сомневаясь, — ему ли это? Да, все верно — ФЗУ, что против Казанской фабрики баянов. «Это мне 18 летнему Бояну Давлетову оказан такой почет».

В жизни этого человека начинается новый этап, завтра он распрощается со своим училищем и по обычаю с друзьями присядет перед дорогой.

Сбор в далекий и неизведанный им путь трудов не составляло. Вот, уже и ребята его класса вышли на улицу, чтобы проводить Бояна, окна училища были облеплены ребятами других классов и, только сейчас Боян по настоящему понял куда его провожают товарищи и учителя.

Он отчетливо слышал данный ему друзьями наказ — быть храбрым и возвращаться домой с победой. Боян обещал своим друзьям выполнить их наказ и писать письма. Он отошел, поклонился своему училищу, в висках стучало, кто знает, может последний раз в этих местах, еще немного постоял со своей любимой девушкой, но водитель машины торопился, дал гудок возвещающий — пора расставаться! Оставляя следы густой пыли, полуторка унес-

ла Бояна на станцию, впереди запасной полк. И, вот уже отстукивают колеса привычные нам звуки, поезд мчится на запад и, словно оглядываясь назад он от всей души с надеждой много раз говорил про себя — до свидания, Татария!

Боян ехал в Смоленское пехотное училище, у него была страстная мечта стать офицером и он свою мечту осуществил.

Успешно окончил в начале 1943 г. военное училище с оценкой — марксистско-ленинская подготовка — отличная; Тактика — отлично;

Огневая подготовка и материальная часть — отлично;

Командный язык — развит достаточно;

Спокоен и очень трудолюбив;

Имеет хорошее развитое чувство ответственности.

Боян после окончания училища прибыл в первый батальон 1281 стрелкового полка 60-стрелковой дивизии Народного Ополчения Ленинского района г. Москвы, которая к этому времени вела тяжелые бои за г. Севск.

Так, от родного ФЗУ г. Казани начался боевой путь славного советского война Бояна Давлетова.

В мае месяце 1943 г. командир взвода Давлетов постепенно стал входить в боевую жизнь, присматривался к своим подчиненным. Батальон, в котором находился взвод Давлетова активных наступательных действий не вел, а оборонял важный участок на стыке с соседней дивизией. Он уже привык к налетам и методическому огню артиллерии и минометов противника, его взвод несколько раз выходил на вылазку за передний край и приводил пленных, но это еще не был настоящий бой, а вот 28-сентября было такое дело: группа вражеских разведчиков крадучись, камышами продвигалась к занятым позициям взводом Давлетова, ночь была темная, дул сильный ветер, острый слух бойцов уловил движения врага и по сигналу лейтенанта Давлетова взвод внезапно нагрянул на вражеских разведчиков оцепив их, взяв в полукольцо, сопротивление было бесполезное и взвод быстро без особого шума уничтожил вражеских разведчиков, а как только посветлело, вслед за разведчиками появилась цепь немцев с тремя танками. Давлетов не растерялся, он перебежал от одного отделения к другому, проверял боеприпасы, гранаты, подбадривал своих бойцов и всем скопом командовал: «Держаться на смерть!»

Смелые и энергичные действия молодого офицера воодушевляли бойцов. Все естественнее стал слышаться на-

растающий гул танков. Боян смотрел на затаившихся в тревожном ожидании бойцов, он их уже изучил и верил им, часто размахивая пистолетом в право и в лево от себя, этот сигнал означал «стоять на смерть».

Стрелять только по сигналу. Но вот уже танки в 100 метрах, а за ними пехота немцев, сколько их было Боян не считал, из стволов взвода грянул смертоносный огонь, застрочили пулеметы свои и соседей в воздухе от огня появился серый дымок. Послышались артиллерийские выстрелы, их стало много, это наша артиллерия открыла по танкам огонь, два из них застопорили ход и задымались, а третий стал поварачиваться назад. Давлетов подал команду «в атаку!», бойцы дружно вскочили и пошли за своим командиром и обратили в бегство наступающую немецкую цепь, взвод захватил детский дом, за взводом Давлетова в атаку пошла в наступление вся рота, при захвате населенного пункта Новая-Деревня командир взвода Давлетов был ранен.

Перед эвакуацией он своим бойцам наказал: «Детдом, который взят взводом при любых условиях противнику не сдавать. Дом этот близок моему сердцу, я в таком доме будучи малышом воспитывался лишившись родителей». И бойцы выполнили наказ своего любимого командира. Детдом в упорных все еще продолжающихся схватках бойцы удержали за собой.

Боян был ранен осколками от снаряда в руку и ногу, раны на молодом теле быстро стали заживать. лейтенант думал: «Я еще вчера был не обстреленным юнцом, может те, из которых я видел вчера, они смеялись, шутили, сегодня ушли из жизни». Он лежа в палате мучительно думал о смысле жизни, он стал отчетливо понимать про свою ответственную миссию, которая выпала на его долю и на долю каждого солдата. Рубцы и шрамы заживут, скорее надо торопиться туда, где идут бои, и он стал настаивать, чтобы его досрочно выписали.

Убеждение и уговоры врачей о том, что с ногой может быть хуже и поменьшей мере надо еще вылежать две недели, Боян и слушать не хотел. В доказательство своему лечащему врачу о том, что он почти не хромает и нога у него не болит, перенапрягая все свои силы, он пробежал по палате несколько шагов, остановился, не выдавая испытывавшую резкую боль во время бега. Он обратился к врачу 2-ранга К. П. Орловой:

— Ну как?

Ответ:

— Подождем денька два,— сказала врач. Боян подумал: «Битву с врачом выиграл, вместо двух недель, два дня!»

И, вот он снова в пути. На попутных машинах стал добираться до своей дивизии, которая уже освободила от вражеских полчищ г. Севск и продвигалась к Днепру.

Боян не терял связи с колхозами, с учащимися, он писал им со своими товарищами «Дорогие колхозники! Дорогие учащиеся пионеры, комсомольцы! От фронтовиков-татар и всех бойцов и командиров, пламенный привет! Мы клянемся, будем биться с немецкими фашистами до последней капли крови. Если потребуется отдадим и жизнь. Наступление немцев приостановлено. Мы сами наступаем. Верьте друзья, пока не уничтожим врага, с дороги не свернем! Желаем и Вам в вашей работе больших успехов. До свидания!»

Это письмо было опубликовано в газете «Кызыл Татарстан» и в журнале «Юность» 9-августа 1943 г.

Не легким был путь к берегам Днепра, он шел через разрушенные города и сожженные села, через сотни боев и десятки больших сражений.

«Восточный вал» — так хвастливо называли гитлеровцы свои укрепления на западном берегу реки Днепра. Фашисты предполагали, что эти сильные укрепления не позволят Красной Армии без длительной подготовки форсировать такой мощный водный рубеж.

Выступая перед руководящим составом фашистской партии Гитлер заявил: «Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его эту мощную водную преграду в 700—900 метров ширины, правый берег которой представляет цепь непрерывных ДОТов, природную неприступную крепость»¹

Однако вопреки всем расчетам врага, бойцы выходивших к Днепру наших дивизий прямо с марша стали переправляться через реку.

К 10-октября 1943 г. подразделение 1281-сп 60-сд с боем прорвались к Днепру. Началась ускоренная подготовка к форсированию. Создавались штурмовые группы в составе взвода и более, задача этих групп заключалась в том, чтобы захватить на правом берегу Днепра линию боевого охранения, одну-две траншеи, уничтожить одну-две уцелевшие точки противника и продвинуться на глубину 500—1000 метров.

---

¹ Архив МО СССР Ф. — 236 — Об 315—337, Д № 1, лист 149.

Штурмовые группы комплектовались очень тщательно, отбирались самые опытные, смелые и решительные войны. Из первого батальона этого полка готовилась первая штурмовая группа — взвод лейтенанта Давлетова.

Для группы Давлетова приказ был лаконичен — переправиться со своим взводом через реку, закрепиться на правом берегу, создать условия для переправы подразделения батальона и штурмом овладеть деревней Бывалки. Задача была не из легких, Давлетову не приходилось преодолевать такие крупные водные преграды. Было над чем задуматься 19 летнему командиру взвода. Но молодой офицер имел уже боевой опыт и хорошо представлял себе важность порученной ему задачи.

При подготовке к переправе в полк приехал командир дивизии полковник А. В. Богоявленский. Он посмотрел штурмовую группу Давлетова, еще раз напомнил какая задача стоит перед бойцами, какое значение предают Днепру враг и что требуется для подготовки к форсированию, а затем спросил командира взвода Давлетова:

— Может быть кого-либо следует заменить из Ваших людей?

Тогда Давлетов сдержанно, смело обратился к полковнику:

— Разрешите!

Получив разрешение он обратился к людям своего взвода и спросил:

— Кто боится первым переправляться через Днепр?

И, в ответ несколько человек на перебой ответили:

— Мы рвались к Днепру — не трусили, и будем драться до последнего патрона, до последнего вздоха пока не уничтожим врага, наши сердца стремятся туда, на правый берег.

Это мнение было выражено от всей штурмующей группы.

Октябрьские сумерки опустились на землю. Лейтенант Давлетов подает сигнал и бойцы его устремляются к Днепру. В ход пошли плоты из бревен, двери домов, доски. Фашисты обнаружили переправу и открыли сильный огонь из артиллерии и минометов, и благодаря темноте, взводу Давлетова удалось без потерь переправиться через реку и высадиться на правом берегу в районе д. Бывалки.

На кручах Днепра разгорелся ночной бой. На расвете противник очнулся от неожиданного удара, подтянул резерв и пошел в контратаку.

Давлетов находился на самом ответственном участке,

воодушевлял своих бойцов своими смелыми и энергичными действиями.

Фашисты встретив яростное огневое сопротивление со стороны бойцов штурмовой группы откатились назад. Целый день взвод Давлетова удерживал рубеж. В группе осталось 18 человек активных штыков, но герои не отступили ни на шаг. Каждый дрался за троих, сам командир взвода огнем из пулемета мастерски опустошал цепи противника, перед позициями взвода валялись около 40 вражеских трупов.

И не о своей жизни думал каждый из воинов в тот час, а выискивали где у врага пулемет, откуда бьет его миномет, откуда удобнее и ловчее нанести сокрушительный удар.

После высадки на противоположный берег реки все решает — доблесть и мастерство тех немногих людей, которые ведут бой на берегу противника.

Позиции занятые взводом Давлетова не совсем были удобные и командир взвода решает занять более выгодный рубеж, он стал во весь рост и подал команду: «Взвод за мной!»

Все 18 бойцов дружно вскочили и бросились за своим командиром. Навязали противнику в его траншеи гранатный бой, уничтожили две огневых точки, после этого противник не пытался испытывать стойкость и мужество солдат взвода Давлетова и прекратил атаки.

Это было дерзкое, рискованное решение, но оно себя блестяще оправдало. Осталось рукой подать до окраины деревни Бывалки, но подступы к деревне противник держал под ураганным огнем пулеметов и минометов, при ослепительном свете ракет и думать было нечего о лобовой атаке.

Давлетов пошел на хитрость, простым маневром вывел свой взвод в зону не поражаемости огнем.

Люди залегли, наспех окапались и притаившись ждали сумерек а как только стемнело штурмовая группа смелыми действиями ворвалась к окраине деревни и овладела несколькими крайними домами западной окраины д. Бывалки, а тем временем на маленький островок занятый взводом Давлетова на земле правобережья переправился батальон, а за ним и полк со своей техникой.

Начался штурм крупного укрепленного пункта д. Бывалки. Продолжая наступление в составе своей роты перед взводом Давлетова появились два танка, бронебойные пули не пробивали немецких танков, Давлетов взял

сумку с гранатами и пополз навстречу врага метнул гранату — оглушительный взрыв — один танк безпомощно завертелся на месте, Боян бросился ко второй машине, но сраженный пулеметной очередью упал на землю.

Бойцы взвода устремились вперед, грохот огня и взрывы снарядов далеко откатились на запад от того места, где смертельно был ранен Боян.

Подошли санитары, бережно положили Давлетова на носилки, накрыли шинелью и понесли на батальонный пункт медицинской помощи.

Лицо его было залито кровью, гимнастерка изрешечена пулями и от крови стало оранжевой и грубой. Кто-то сказал: «Надо написать к нему домой, они должны гордиться таким героем».

Бояна Еркеевича Давлетова с воинскими почестями похоронили на высоком берегу Днепра в д. Бывалки.

Свято хранят память о бывшем ученике Бояне Давлетове. Часто можно видеть как у портрета образуется круг детей, притихших с величайшей гордостью, в который уж раз всматриваются в юнное с добрыми и большими глазами лицо юноши отдавшего жизнь в самом ее начале, во имя их счастливого будущего.

Красная папка в золотом теснении с надписью «Грамота Президиума Верховного Совета Союза СССР о присвоении лейтенанту Давлетову Бояну Еркеевичу от 30-октября 1945 г. звание Героя Советского Союза».

Эта грамота вечно будет храниться в семилетней школе Ахтамыш Татарской автономной ССР, где учился Боян Давлетов.

Данные взяты из Наградного листа, автобиографии и воспоминаний автора.

СОЛДАТСКАЯ СЛАВА!

По улице Универсальной г. Новосибирск идет человек — чуть выше среднего роста с сединой в висках, скромный и даже застенчивый и на улице, на которой он живет все знают, что это офицер запаса, их земляк — Герой Советского Союза БЕРДЫШЕВ ВАСИЛИЙ АРХИПОВИЧ, спешит на службу.

И, как-то школьники Советского района пригласили его в школу и просили рассказать о себе. И вот что он им рассказал:

«Автобиография у меня простая, простого рабочего, учиться я не учился, в те годы было не до учебы, жили бедно в глухой деревне, ни школ, ничего не было, что и говорить. Мучила беднота, нищета и неграмотность. Зарабатывал мало, еле хватало на кусок хлеба. До войны работал рабочим в опытном хозяйстве. Жена ушла по старости на пенсию. Имею четырех детей, трое работают на разных заводах, все имеют специальность, обзавелись своими семьями, а четвертого недавно отправил на службу в Советскую Армию. Сам работаю лесником в Новосибирском лесхозе. Родителей моих давно нет в живых. Сослуживцев всех после войны растерял, не переписываюсь, да и память стала не та, что была прежде. Вы дети — цветы нашей жизни! Мы сделали все то, что могли, чтобы вы жили, учились, работали, были крепкими и здоровыми». Этим обращением и закончил свою автобиографию Василий Бердышев.

Люди по разному рассказывают о себе, а чтобы узнать какие совершил подвиги этот человек, нужно совершить путешествие во время.

Война застала Бердышева в то время, когда ему шел четвертый десяток. Солдату саперу довелось участвовать в великой битве под Москвой, в те тяжелые дни, когда над советской страной нависла понстине смертельная опасность. Враг рвался к столице нашей Родины Москве. Надо было освобождать от фашистких захватчиков советскую и польскую землю, а также громить немецко-фашистских захватчиков на их собственной территории.

Он приобрел высокое мастерство по преодолению крупных водных преград, таких как Десна, Днепр, Висла.

Одной думкой жил сапер — какой им будет внесен личный вклад в разгром ненавистного врага. Стремился также как тогда и сейчас быть полезным Родине. Искал пути к этому и он их находил.

Эта благородная цель воодушевляла сибиряка на ратные подвиги.

Саперный батальон дивизии, в котором проходил службу ефрейтор Бердышев после освобождения города Севск вышел к берегам реки Десна.

На участке фронта наступления дивизии противник усиленным боевым охранением держал предполье, а основные его силы были за рекой. Враг хорошо организовал маневр огнем артиллерии и минометов, от этого оборона врага была живуча и устойчива. И когда части дивизии подошли к восточному берегу реки Десна имея попытку

на широком фронте в пунктах Радичева, Подлески и Разлеты сходу овладеть водным рубежом.

Враг навалился всей мощью своего огня по боевым порядкам дивизии, бились несколько часов, успех не обозначился. Тогда стали прогрызать оборону на флангах и в предпольи и эти попытки противником были сорваны. После неудачного боя наступление было приостановлено. Началась планомерная подготовка к прорыву обороны противника. Надо было найти уязвимое место в обороне противника. Этим вопросом и занялась разведка.

Разведчики установили, что враг хитрит и что-то задумал неладное, похоже на то, что под видом маскировки производит перегруппировку своих сил и огневых средств. Разведчики задумались над этим: может быть противник для видимости устрашения кочует с места на место, а может быть и впрямь начал надежно укреплять свою оборону, и видно задумал подольше отсидеться за Десной.

Ведь на войне каких только случаев не бывает, и мы стараемся обмануть противника, и он в свою очередь тоже не спит. Но пусть фашисты помнят нашу народную поговорку, которая гласит: «Русский солдат не знает преград». Вот тогда-то ефрейтор Бердышев, как самый опытный боевой сапер получил задание вместе с группой разведчиков пробраться к позициям врага, выявить его систему огня, и сапера предупредили о том, что у немцев обнаружили мины с новым взрывным устройством.

Разведчики укрывшись в перелеске, целые сутки вели тщательные наблюдения за поведением противника, прикинули расстояние до объектов нападения и даже проверили его по времени. В эту ночь моросил дождь.

Бердышев первым вплотную подполз к проволочному заграждению, его ножницы скользнули по упругой проволоке и сделав проход он стал пробираться к вражескому минному полю.

Враг заметил и по саперу был открыт огонь, правда огонь велся неприцельный, но пули свистели возле него и бороздили землю, головы поднять было нельзя, враг заставил его плотно прижаться к земле, одежда его промокла до нитки и стесняла движения. Но ничто не мешало Бердышеву под носом противника разминировать и проделать коридор для действия разведки, он работал не поднимая головы и твердил себе: «Сапер ошибается только один раз, ошибся — и не тебя».

В грозное время войны родилась эта пословица и была в ней суровая и печальная правда. Что и говорить, задача

была не из легких, проход надо было сделать такой, чтобы ни один солдат не подорвался, и он этот проход сделал под огнем врага.

Над его головой вспыхивали осветительные ракеты, они долго висели в воздухе и словно не хотели приземляться и затухать. «Все готово! Можно двигаться», — прошептал Бердышев к подползшему к нему старшему разведывательной группы.

Сапер предусмотрел и такую деталь, чтобы отчитаться перед своим командиром о своей работе он набрал себе в карман более двух десятков взрывателей, вынутых им из вражеских мин.

До вражеской траншеи оставалось не более как 50 метров. Разведчики миновали проделанный Бердышевым проход в минном поле и стали быстро продвигаться к объектам нападения. По всему фронту слышны были редкие одиночные выстрелы, взвивались осветительные ракеты. Ночь сменилась рассветом, дождь не переставал идти. По условному сигналу разведывательная группа заскакивает в немецкую траншею, посыпались гранаты. Началась усиленная стрельба, заговорили вражеские пулеметы, минометы, артиллерия и наши в свою очередь давали ответный огонь, и пока длилась огневая дуэль, наблюдатели засекли новые огневые средства и их огневые позиции, была выявлена полностью огневая система того участка, где предполагалось нанести главный удар.

Разведчики свое дело сделали, вернулись, при этом прихватили с собой одного пленного и имели ранеными своих трех разведчиков.

Данные разведки подсказали командованию, что главный удар вопреки прежнего решения следует нанести на другом направлении. И 12-сентября 1943 г. этот удар был нанесен.

Выставленная артиллерия на прямую наводку обеспечила успешное форсирование частями дивизии реки Десна.

При форсировании сапер Бердышев несмотря на шквальный огонь противника, при свете немецких ракет энергично перевозил пехоту и артиллерию на противоположный берег Десны, мужественно и стойко держал в своих руках штурвал переправы.

Две боевые медали украсили его грудь, как память об отважных делах на реке Десна.

А вот еще и пожалуй наиболее замечательный эпизод из фронтовой жизни Бердышева. Было это в Белоруссии, стояли холодные осенние октябрьские дни. Дивизия со-

средоточилась в 8—10 км. от Днепра, получила небольшое пополнение и стала усиленно готовиться к форсированию.

Эта могучая величавая река легла между склонами высоких круч и обрывов, простиралась от края и до края суровая, непокаренная, грозная. Это был рубеж.

Ночная тьма окутала землю, реку, лес. Здесь на левом берегу был освобожденный воспрянувший край, а на противоположной стороне логово зверя израненного, не добитого, кровоточащего, но все еще терзавшего нашу Советскую землю.

Василий Архипович командир отделения саперов, стоял у песчаной отмели и задумчиво смотрел туда, где за рекой притаился враг, где полыхало зарево догоравших деревень.

Саперы закончили последние приготовления. Пройдет еще несколько минут и отважные смельчаки, не взирая ни на что, устремятся туда, где ждут не дождутся их истрадавшиеся, измученные русские люди.

О чем в эти минуты думал сапер? Не первый раз стоит он у реки запруженной врагом, в памяти жив г. Севск, где несколько ночей подряд часами, находясь в воде у самого стана врага наводил переправу, вспомнил и Десну и ряд боев проведенных им и его товарищами, прежде чем дошел он до великой русской реки Днепр. Что скрывать, самого слезы прошибают, как участника этих боев, сколько солдат, офицеров осталось лежать по всему пути, что прошла дивизия.

Мужественно и смело действовал он тогда. Фашистам не раз пришлось испытать выучку русского сапера.

Не сочтешь сколько противотанковых и противопехотных вражеских мин и разных сюрпризов было обезврежено им в самых различных условиях боя, он пропахивал целые поля. Прodelал сотни проходов во вражеских заграждениях. Сапер спас жизнь многим бойцам, предотвратил подрыв техники на вражеских минах. Ну как таким его делам не позавидуешь?!

Он оставлял свои автографы «проверено — мин нет!» Молодые солдаты во всем ему подражали, учились у него мастерству. Смелость, отвага всегда сопутствовали храброму саперу.

У сапера еще как следует не зажила рана, а впереди Днепр.

Резиновую лодку А-3, на которой плыл Бердышев с десантом, в темноте и тумане враг не разглядел, а по мере приближения к вражескому берегу, немцы учуяли, а всего навсего оставалось проплыть каких-нибудь 100—150

метров. Кончилась мертвая тишина, царившая на этом участке, вражеский берег ожил, из глубины ударили орудия и минометы, застрочили пулеметы, лодку стало бросать с волны на волну, здесь на воде, нельзя было залечь, укрыться от пуль, надо было грести стремясь вперед, скорее туда, на сближение с врагом и лодка плыла вперед, и когда пробитая в нескольких местах она осела, Василий Архипович и его отважные спутники бросились к пробоинам, и заделав их вновь брались за весла. И люди победили огонь, и преодолели днепровскую воду. Десант добрался до цели.

«Ура-а-а!» разнеслось широко по крутому западному берегу, а вскоре подоспели и другие подразделения и началось дружное выколачивание врага.

Кончилась ночь с 16-го на 17-октября 1943 года, прошел день, и еще ночь, и еще день и уже далеко за рекой гремели раскаты боя, а наш сапер перевозил и перевозил по реке все новые и новые отряды советских десантников.

Рождалась новая слава Советской Армии, а с нею и слава Бердышева.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 30-октября 1943 г. ефрейтору Бердышеву Василию Архиповичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Данные взяты из Наградного листа, автобиографии и воспоминании автора.

ОТЕЦ И ДЕТИ

В 1965 году ко мне пришло письмо:

Уважаемый, Василий Александрович! К Вам большая просьба.

Реческий объединенный военный комиссариат и Совет ветеранов Гомельской области готовит сборник о героях Днепра. Просим Вас прислать нам воспоминания, как участника днепровских сражений. Я занялся поисками. Долгое время, целых два года собирал материал о жизни и подвигах воинов Днепра. Были надежды и разочарования, встречи с людьми, письма, оперативные сводки, указы. Одним словом, сотни всевозможных документов. И они все еще продолжают поступать. Однако мои труды не пропали даром. Найдены все тринадцать героев Советского Союза, служивших в 60-Севско-Варшавской краснознаменной стрелковой дивизии народного ополчения ордена Суворова Ленинского района Москвы. Все они это высокое зва-

ние получили в 1943 году при форсировании реки Днепр. Среди них и ваш земляк из Калмыкии **МИТЯШКИН АКИМ ГАВРИЛОВИЧ**. Безжалостно быстро летит время, уходит в прошлое тяжелые годы войны, но память народная бережно хранит воспоминания о людях войны, об их бессмертных подвигах. Тяжелая судьба семьи Митяшких предстала передо мной, как в не раз прочитанной книге — открывается страница за страницей, все новое, негданное этой героической судьбы.

Итак, вот она эта история судьбы:

Аким Гаврилович полюбил степи Калмыкии и в 1935 году, вся семья переехала на постоянное место жительства в село Яшалта Городовиковского района. Сразу же обзавелись небольшим хозяйством, построили себе домик, посадили фруктовые молодые деревца. Аким Гаврилович окончил в Москве курсы и как отличник труда стал руководить всей технологией по выработке валенной обуви, три сына росли, работали и учились. Жена Акулина Ивановна все время была занята в хлопотах по хозяйству. И все они радовались счастью своей жизни, только бы жить...

Но не долгой была эта мирная трудовая жизнь. На советскую Родину вероломно напал лютый враг — немецкий фашизм. Дни и ночи страна начала жить в боях и походах, пошла по азимуту войны с верой в победу. Война не миновала и семью Митяшких. Акиму Гавриловичу как не тяжело было расставаться с родными местами, со своими товарищами по работе, с любимой своей семьей, но защита Родины для беспартийного Митяшкина была превыше всего. И вскоре он оказался участником Сталинградской битвы, быстро освоил солдатские обязанности в окопах и бою, не однажды хаживал со своими подразделениями в атаку, и в одном из рукопашных боев, солдат Митяшкин был ранен, его нашли и подобрали в тот момент, когда он полз между вражеских трупов пробираясь к своим. Стрелок — автоматчик после выздоровления от первого ранения, прибывает в свою часть, которая в это время, вела бои под Севском. При штурме этого города Митяшкин в уличном бою первый ворвался в кирпичный дом, откуда велся пулеметный огонь и не давал нашим подразделениям продвигаться вперед, бросил гранату и заглушил вражескую огневую точку. Он тут второй раз был ранен, рана оказалась тяжелой и вывела его надолго из строя. Шесть месяцев врачи «ремонтировали» солдата, он неподвижно лежал в шинах, потом костыли, но этот сильный солдат все превозмог. На гимнастерку пришел новую

золотую ленточку. И снова в путь-дорогу. И на этот раз солдатская судьба забросила его на белорусскую землю, в ту же 60-стрелковую дивизию, с которой он брал город Севск. После Курской битвы советские войска без отдыха вели боевые действия и к началу октября 1943 года подошли к Днепру. Советский воин считал своей обязанностью, своим долгом как можно быстрее преодолеть эту могучую реку. Особенности сражения на Днепре заключались в том, что войска начали форсировать Днепр в ходе наступательных боев, что называется схода, без длительной подготовки. В истории воин было мало подобных сражений за водные преграды. Гитлеровское командование свой правый днепровский берег сильно укрепило, тянулись цепи ДОТов, каждый метр был пристрелен, сплошь лежали мины и всевозможные сюрпризы. Огонь был так организован и до того плотен, что нельзя было поднять головы. Днепровский рубеж немцы называли «Восточным валом» — неприступной крепостью. Гитлеровцы предполагали недопустить форсирование Днепра и отсидеться за этим валом. 1281-стрелковый полк в котором служил Митяшкин готовился к форсированию Днепра. В ночь с 17-го на 18-октября 1943 года штурмующая группа на подручных средствах стала переправляться на правобережье реки, у всех одна дума — скорее бы на тот берег, тихонько зашлепали весла, на реке таинственная тишина. Туман и предрассветная темнота служили службу предстоящему штурму. Некоторые плоты оказались не совсем устойчивыми и задеживали переправу. Митяшкин быстро сообразил, если не исправить это дело, план операции может быть сорван. Он немедленно погрузился в холодную днепровскую воду по пояс и более часа помогал направлять плоты и грузить боеприпасы, от холода коченело тело, он вскочил на последний плот и скрылся во тьме Днепра и как только штурмовая группа переправилась на берег взвились немецкие ракеты. Их яркий свет на какое-то мгновенье озарил местность, людей. Фашисты обнаружили штурмующую группу, рывкнули орудия, крупнокалиберные пулеметы поминутно выбрасывали огненные строчки в ушах солдат звенели выстрелы. Карабкаясь на берег, штурмовая группа столкнулась с врагом лицом к лицу, начался огневой, гранатный бой, а вскоре переправился и первый батальон полка, на вражеском берегу стало веселее и тесно. Началось расширение плацдарма для размещения своего полка. А впереди большая задача — надо было взять сильный укрепленный пункт Бывалки. При штурме этого пункта в стрелковой роте выбыл из

строю командир взвода, взвод возглавил Митяшкин и по своей инициативе повел его в атаку, выбил фашистов из траншеи, лично сам убил шесть вражеских солдат, отбивая яростные контратаки, взвод удерживал занятую траншею целый день. К вечеру людей в взводе осталось мало. Батальоны полка начали штурмовать Бывалки. На плацдарме вся дивизия и дивизионная артиллерия. Взвод Митяшкина, наступая впереди всей роты, встретил сильное огневое сопротивление, он стал думать — что делать? Лежать — всех перешелкают как куропаток, а ползти до цели — это было очень далеко и чтобы не проиграть бой и держать свою инициативу над врагом Митяшкин поднялся и скомандовал: «За мной!» Рядом глухо рвались мины, пули визжали как пчелы, идти в атаку во весь рост под пулями, под огнем — дело слишком хлопотное и тяжелое. Гвардеец Митяшкин в своей порыжевшей шинели не раз пробитой пулями, шапке-ушанке с поднятым автоматом ППП казался богатырем. Порыв его солдатского сердца не угас, а если он угаснет — попробуй-ка тогда поднять людей в атаку! Он знал, что солдаты ему верят всем сердцем. И они все были моложе его. Наступление началось с артиллерийского огня, а затем за Митяшкиным поднялись и его солдаты. Взвод ворвался в крайний дом, немцы встретили их огнем, пули цокали о кирпичные стены, посыпались и загремели стекла. «Гранатами их, братва!» — крикнул он, раздались оглушительные взрывы. Обломки здания погребли фашистский гарнизон. В другой дом ворвалось отделение Героя Советского Союза С. Казанова. Это был близкий товарищ Акима Гавриловича. А спустя три часа боя, опорный пункт Бывалки был взят и части дивизии не задерживаясь продолжали истреблять врага и гнать его остатки дальше. Митяшкин в этом бою получил третье ранение, но поле боя не покинул. Пуля впи-лась в руку, военфельдшер батальона, перевязывая рану сказал:

— В госпиталь надо было вас направить.

— А если в атаку надо идти? Да ты быстрее останови кровь, — кричал раненый.

— Пулевое у вас ранение.

— Только не пугай, я уже привык. Пеленай скорее. Нам надо радоваться, что Днепр за нами, не зря наша кровь оросила белорусскую землю. Здесь есть кровь и жителя Калмыкии.

После изнурительных наступательных боев по белорусской земле, стрелковый батальон, с которым воевал

Митяшкин только что окопался на новом рубеже и пришло радостное правительственное сообщение, которое моментально разнеслось по всем частям дивизии. В нем сообщался Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30-октября 1943 года о присвоении высокого звания Героя Советского Союза 13 воинам дивизии наиболее отличившимся при форсировании Днепра, в том числе это высокое звание получил Митяшкин Аким Гаврилович. Товарищи его поздравили с этой высокой наградой. Он получил сердечное поздравительное письмо от Военного Совета 65-армии, который высоко оценил подвиги бесстрашного гвардейца Митяшкина. Военный Совет пожелал ему здоровья и призвал высоко носить славное знамя Героя Советского Союза и быть до конца преданным своей Родине. Но у Акима Гавриловича на сердце было неспокойно, его мучила скорбная весть. Старший сын Иван 1924 года рождения в конце 1942 года погиб под селом Яшкулем, защищая калмыцкую землю от фашистской чумы. Будучи в разведке в тылу врага разведчик Митяшкин напоролся на вражескую заставу, в неравном бою был тяжело ранен, и когда фашисты подошли к нему и нашли в его кармане комсомольский билет, он был зверски добит.

Тысячи километров пройдены по дорогам войны. Осень 1944 года. Стрелковый полк под командованием подполковника Острецова вел бой в Тернопольской области. И там недавно побывала жена Героя Митяшкина Акулина Ивановна. Вот что она пишет:

«Ездила на место захоронения моего мужа близь мельницы Подпольское, где находится братская могила». Один сторожила, в письме не указана его фамилия, поведал о том, что ему пришлось самому хоронить Акима Гавриловича. А погиб он так. Герой Митяшкин с четырьмя своими товарищами выбил большую группу фашистов из подвала одного из домов деревни Германовки, занял этот подвал, приспособил себе бойницы и его группа отражала натиск врага. Немецкие артиллерийские корректировщики засекли этот подвал и дали по нему беглый минометный огонь. Прямым попаданием нескольких мин подвал был разрушен и находящиеся там пять человек во главе с нашим героем погибли. Дальше строки письма говорят о том, что люди там приветливые, надавали подарков и дали на дорожку денег. «А когда я ехала туда наш райвоенком тоже мне помог и предлагал ехать в часть, где служил Аким Гаврилович, но ехать надо было далеко». Письмо заканчивается словами: Я премного благодарна всем людям,

которые меня пригласили на могилу моего мужа, помогли мне материально, я особенно благодарна пионерам и школьникам за их теплую связь со мной. Так злодейски на 48-м году своей жизни подкараулила смерть вашего земляка Калмыкин Митяшкина А. Г. Но бесжалостная горькая судьба снова ворвалась в дом Митяшкина. Акулина Ивановна ждала с фронта второго среднего сына, рождения 1926 года. И вместо встречи получила извещение о том, что её сын, комсомолец-орденоносец, Василий Акимович 27-января 1945 года при форсировании реки Одер пал смертью храбрых и похоронен на западном берегу реки Одер в Фольварке Опальна. А после празднования Победы над фашистской Германией последний сын Борис, 1930 года рождения, вожак школьной пионерии от волнений в связи с тяжелыми утратами, отца и братьев заболел и вскоре умер. Так жена, мать осталась одна и наперекор своей тяжелой судьбе нашла в себе силы и волю продолжать работать, вести посильную патриотическую воспитательную работу среди учащихся молодежи и в этом, замечательная мать своих детей, видит весь смысл оставшейся своей жизни. Героя чтят на его родине в Яшалте, одна из улиц носит имя Митяшкина. В столице Калмыкии Элисте я видел в парке среди портретов героев и портрет Акима Гавриловича. Факел легендарного подвига фронтовиков несет сегодня в мускулистых руках молодость нашей страны. Пламя мужества волнует и зовет вперед. Это пламя неугасимо, как жизнь! Дорогами отцов, дорогами их подвигов должны идти юноши и девушки. В дорогу, юность! В путь, искатели!

*Газета «Советская Калмыкия», «Хальмг унн»,
стр. 22.*

ПЛАМЕННЫЙ ПАТРИОТ ОТЧИЗНЫ

Паренька волновало каким будет первое боевое задание и как он его выполнит. Каков он бой? Что это за немецкие фашисты? И не подведут ли нервы?

Не закончив средней школы **ВАСИЛИЙ ЕФИМОВ** добился, чтобы его направили добровольцем на фронт.

А как со школой! И он убедительно ответил: «Закончу потом, после войны!»

Учеба в запасной части многому его научила. Как действовать солдату в бою. Но одно дело учёба в тылу, рассуждал доброволец, другая действующая армия — фронт.

Придется встретиться с противником с глазу на глаз, ведь приобретенные военные знания, пусть они еще неполны, их надо уметь применить на деле. Да в такой обстановке, которая учебой и уставами не была предусмотрена и угадана.

Получив специальность наводчика орудия, Ефимов был направлен в 1285-стрелковый полк 60-сд, и отсюда по существу началась его биография. С ним он прошел боевой путь от Севска до реки Висла.

Василий хотел стать артиллеристом. И желание его исполнилось, он теперь наводчик противотанкового орудия. Его товарищи бывалые в боях помогли ему овладеть специальностью и часто говорили: «Знай парень — чем ближе твое орудие будет к врагу, тем оно сильнее, да и сам ты будешь сильнее!»

В Польшу он пришел уже опытным и закаленным командиром орудия, не раз побывавшим в отчаянных схватках с фашистами. Командиру орудия старшему сержанту Ефимову в ту пору не было и 17 лет, когда он задумал идти на фронт. Широкая дорога в жизнь лежала перед ним. Он мечтал стать инженером, отлично и упорно учился. Но война прервала эти мечты.

Со школьной скамьи юноша ушел на фронт, чтобы защищать свою Родину от фашистов.

Уже будучи год в полку его мучило отсутствие известий от матери, тяжело было у него на душе, и особенно тогда, когда приходил почтальон и не приносил писем. Не было их и в дни наступления под Севском, и на реке Десна. Он не знал, где его родная мать, какова ее судьба, она у него была единственная и горячо любимая.

Наконец это письмо пришло, он развернул треугольник, на лице выступил холодный пот. Мелькнула мысль — а вдруг что случилось. Того не вернешь, подумал он и стал читать: «ОТ МАМЫ!» — торжественно воскликнул он. С болью в сердце читал он его. Он дал это письмо прочесть всему расчету своего орудия. Прасковья Федоровна писала сыну, о том как избивали ее и издевались над ней фашисты.

«Клянусь тебе Мама, что за все отомщу проклятым людоедам!» Таков был ответ сына своей матери.

А вскоре, во второй половине августа месяца 1943 года, части дивизии взломав оборону врага, во взаимодействии со своими соседями овладели г. Севск.

Противотанковое подразделение, в котором находился Ефимов устремилось в прорыв. Свыше 20 км. прошли ар-

тиллеристы. На промежуточном рубеже, враг намеревался смять и уничтожить стрелковую роту 1285-сп, который выполнял роль передового отряда. Расчету противотанковой пушки было приказано, расположить орудие на развилке дорог ведущих со стороны предместья Севск.

Ефимов обращаясь в форме приказа к наводчику, рядовому Красикову сказал:

— Выбери позицию чуть подальше от вилки, да так, чтобы фашисты свинную морду не могли сунуть там и не теряй времени быстрее, и в один миг, чтобы пушка была замаскирована, понял?

— Понял, товарищ старший сержант!

— А я сейчас сбегая вон к тому бугорку — видишь! Посмотрю что там. Может подходящая запасная и наблюдение оттуда лучше.

Расчет своего командира слушался, уважали его за храбрость и справедливость. Командир орудия это чувствовал и знал себе цену. Он взял автомат привычно перекинул за плечо дулом вниз и побежал осматривать запасную позицию.

Расчет хорошо окопался, наметил ориентиры, подготовился к круговому обстрелу.

Запасная позиция, которую выбирал Ефимов была почти готова, видимо немцы ее построили, когда брали Севск, объявил Ефимов своему расчету. Как не утомительны, как не тяжелы минуты ожидания боя, но и к ним люди привыкают. Ждать врага пришлось не долго.

В начале послышался гул моторов, а вскоре появились средний танк и два самоходных орудия, за ними двигался бронетранспортер и грузовики с вражеской пехотой. Орудийный расчет не растерялся, силы были явно неравны.

Командир орудия приказал наводчику и заряжающему приготовиться. Ефимов сам прильнул к прицелу.

— Подпустим поближе, — сказал он заряжающему и наводчику. — Не раз уже говорю, зоркий артиллерист слепого снаряда на ветер не выбросит.

Ефимов подпустил танк врага на 100 метров и первым же выстрелом угодил ему в башню. Еще дал два выстрела и танк загорелся. Фашистскую самоходную пушку подбил соседний расчет Михаила Княшко.

Но бронетранспортер двигался на орудие Ефимова. «Огонь!» — скомандовал он. Наводчик в упор одним снарядом подбил вражескую машину. Фашистские автоматчики начали соскакивать с бронетранспортера, но ни один из них не ушел, бойцы расчета Ефимова меткими выстре-

лами из автоматов расстреливали их. В этот момент ведя огонь, к орудию приближалась фашистская самоходная пушка.

— Уже две в могиле! — утирая с лица пот сказал наводчик и взял на верный прицел третью машину, из двух выстрелов, она была подбита.

Позиция орудия Ефимова была окутана дымом. Это мешало наблюдению за противником. Приказав расчету поставить орудие на запасную позицию, Ефимов выдвинулся вперед, чтобы не прозевать новой контратаки. И, это было кстати.

Из ложины стремительно выскочил средний вражеский танк, прошел немного вперед, остановился и спустя некоторую долю минуты, с небольшим перелетом разорвался снаряд. После выстрела танк стал маневрировать на больших скоростях, а затем скрылся также внезапно, как и появился.

— На артиллерию испытывают, — сказал Ефимов. — Есть она у нас или нет? Четыре машины стервецы потеряли и не унимаются, надо ли? Какая наглость! Но у нас свой закон — русские артиллеристы умирают у своих орудий, но не отступают!

Как известно, каждый по разному переживает минуты перед боем, вот и у Василия Ефимова в предведении опасности вот уже второй раз во рту появляется какая-то горечь, а как бой начнется и горечь исчезает.

И только Ефимов занял свое место возле орудия, расчет услышал его звонкий голос:

— Смотрите — фрицы!

И самоходка 105 мм, а за нею вражеская пехота.

— Приготовится! — скомандовал расчету Ефимов, и приказал Красикову не выдавать себя преждевременно, потому что тяжелые пушки немцев лучше защищены бронью. Металлический гул приближался и нарастал, самоходки были близко. Фашисты вели огонь по тому месту, где раньше находилось орудие Ефимова, не замечая новой хорошо замаскированной позиции. Но опасность была велика. Нужна была большая выдержка, хладнокровие, точный удар, высокий темп огня. И Ефимов сам стал за наводчика. Один за другим, он дал бегло пять выстрелов, все снаряды попали в цель. Одной самоходной пушке угодил под основание башни и сбил ее, второй порвал гусеницы, а третья повернула обратно.

После этого он перенес огонь и поджег еще несколько грузовиков с вражеской пехотой.

Фашисты повторили атаку. Командир орудия заметил, что идет густая вражеская цепь на позицию его расчета.

— Картечью огонь! — подал он команду, и когда кончились снаряды Ефимов приказал, раненому наводчику Красикову и заряжающему Лотвину пробраться в подбитую немецкую самоходку и из 105 мм орудия вести огонь по цепям вражеской пехоты. Лотвинов побежал первым, а за ним в промоченной кровью гимнастерке чуть пригнувшись под обстрелом пулеметного огня ускоренно шел Красиков.

— Пригнитесь! Того и гляди, пули прошьют головы, — кричал им вдогонку командир орудия, вот эту команду своего командира они не выполнили, но уцелели и до пушки добрались.

А тем временем передовая рота полка вышла из зоны губительного огня и частью своих сил способствовала уничтожению наступающей пехоты противника.

Так три отважных артиллериста смяли довольно большую вражескую бронированную силу и двинулись дальше.

Позже, тоже в одном из нелегких боев довелось участвовать Василию Ефимову. Было это так:

При форсировании реки Висла, в районе местечка Новы-Двур Ефимов командуя своим расчетом под сильным артиллерийско-минометным огнем противника, рискуя своей жизнью, вел меткий огонь по огневым точкам противника и благополучно переправился на противоположный берег, и когда фашисты предприняли контратаку на подразделение полка, Ефимов со своим расчетом, настолько интенсивно и метко повел огонь, что противнику было не до контратаки, а как бы живым выбраться, но живых осталось в секторе огня орудия мало, и когда вышли снаряды, Ефимов бросился с гранатой на немецкую группу, завязалась рукопашная схватка. Ефимов уничтожил двух немецких солдат, остальные рассеялись.

Доблесть и мужество отважного артиллериста способствовала выполнению поставленной задачи командования, это было 16 января 1945 г.

Всего, как это записано во фронтовом листке, «Наши герои» на боевом счету у отважного и умелого командира орудия старшего сержанта Ефимова уничтожено семь вражеских танков и самоходных орудий, один бронетранспортер, 6 грузовиков с пехотой, 30 огневых точек, подавлено и много живой силы врага.

Советское правительство высоко оценило подвиги славного патриота Советской Родины Ефимова. Ему присвоено звание Героя Советского Союза. Он награжден орденом

Красной Звезды, Орденом Славы III-й степени, и медалью За Отвагу.

Но не суждено пламенному воину носить на своей груди Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Вскоре в неравном бою с врагом Василий Трофимович пал смертью храбрых.

К нашему Герою полностью относятся слова А. Радищева «Сын отечества... ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу Отечеству, то не страшится пожертвовать жизнью».

А прожил пламенный патриот отечества всего навсего 23 года, а о себе и своих делах оставил память на века.

Газета «Наши Герои», «Пламенный патриот Отчизны» стр. 9, подшивка 92.

ПОСЛЕДНИЙ КОНТРУДАР

I

Сугробы зимой сорок второго в северо-западной полосе России лежали густые, закрученные ветрами, вздыбленные у плетней, нависшие над скатами оврагов, а под редкими светлокоричневыми стволами сосен и в тонкостволом березняке снег расстилался ровно, как накрахмаленная скатерть на праздничном столе.

Белая целина в лесу была мягче, податливей — это почувствовал командир лыжного взвода капитан Ахматбек Суюмбаев едва его лыжи пробились сквозь заросли бузины под своды разнолесья.

На кустах белые папахи, а из-под них драгоценными рубинами поблескивают плотные кисти ягод. И от этого веселей и праздничней становится в суровом зимнем лесу.

За кустарником Суюмбаев остановился. Пытливый взгляд пробежал по ближним и дальним стволам, впился в темную глубину. Ни единого движения, все застыло в морозном чистом воздухе. Тишина, только за спиной снег поскрипывает — это товарищи по проторенной лыжне приближались к командиру.

Ахматбек знал каждого не только в лицо. Не придумано весов чтобы взвешивать душевность человеческую, а в ином человеке есть такие весы и у Суюмбаева они были, потому что умел он проникать в эту самую душу, познавать способности и достоинства, а также скрываемые недостатки бойцов вверенного ему взвода.

Вот остановился метрах в двух, чертит по снегу бамбуковой палкой командир первого отделения сержант Михаил Сорокин — высокий и сильный, сутуловатый чуть-чуть. Масхалат, что на других свободен, висит, колышется, ему даже тесноват немного, стягивает плечи.

Из-под белого капюшона розовые щеки кажутся раскаленными и это впечатление усиливают снежинки, слетающие с ветвей. Коснувшись лица они быстро таяли, превращались в крохотные капельки-бисеринки.

Глаза у сержанта большие и черные, как у Ахматбека. Только у командира взвода они строгие и внимательные со звездочками внутри, а глаза Сорокина по-детски наивны, что не подходило к его богатырской фигуре.

За последним отдувается клубами пара, как кипящий чайник на железной печурке, ефрейтор Семен Дорошко.

Семен широкоплеч, могучая грудь выгнута дугой, это не скрывает даже масхалат. Ручной пулемет он держит на груди, как другие бойцы автоматы.

Семену жарко несмотря на пятнадцатиградусный мороз. Он без рукавиц. На курносом, в веснушках носу капельки пота. Глаза светлые с голубизной небесной дали, проглядывающей сквозь кроны сосен.

Командир взвода вытянул из-под масхалата планшетку, достал сложенную гармошкой топографическую карту, рукой расправил ее на планшете, позвал к себе Сорокина:

— Вот она — дорога Холм-Торопец, совсем рядом. Напрямик через лес и километра не будет.

— Если мы вот в этой точке, можно точно рассчитать...

— Мы не артиллеристы и точность сейчас не нужна. Задача номер один: установить связь со штабом 249-стрелковой дивизии. Задача номер два: в пути разведать эту дорожку, как она охраняется, где ее наиболее уязвимые места.

— Это как? — не понял Сорокин.

— А как понимает сам командир первого отделения, сержант Сорокин? Что можно подразумевать под словом «уязвимость дороги»?

Лицо Михаила стало серьезным, брови густые, как еловые веточки, сошлись на переносье.

— В смысле обстрела, что ли?

— Дорога — это артерия, только последняя питает, несет вместе с кровью жизнь организму, а дорога дает жизнь городам, населенным пунктам, а в данном случае войскам противника... Перерезать дорогу, значит...

— Ясно, товарищ командир!

— Я еще не закончил, у каждой дороги есть такие места, мосты, например, где легче всего вывести ее из строя. Дорогу противник охраняет. Наша задача установить как организована охрана, какими силами и, если возможно, нанести удар по этим силам.

— Ударим! — при этом Сорокин улыбнулся такой веселой улыбкой, словно предстояло выполнять не серьезную рискованную боевую операцию, а провести увеселительную прогулку в кругу друзей.

Взвод бесшумно скользил между стволов берез и осин, там и тут темными островками попадались заросли ельника.

Путь преградил двухобхватный ствол ели вывороченный из земли когда-то прошумевшей над лесом бурей.

Ствол уже лежал давно, местами кора сползла с сероватогладкого «тела», густые сучья, потерявшие хвою, торчали во все стороны, как иглы ежа-великана.

— На дороге такой завал устроить из бурелома, — мечтательно, указывая лыжной палкой на ель, высказал свою мысль Семен Дорошенко.

— Танки ветками не остановишь, — усмехнулся из-за спины Семена один из бойцов.

— Танкам и дорога не нужна, не о них речь. Колесный транспорт в такой снег и на обочине забуксует.

Спорящих успокоил командир взвода:

— Завалы нам некогда сооружать, да и инструмента для этого нет. Пусть лучше командир первого отделения подумает о разведке. Осторожность сейчас главное. Разговоры прекратить!

В разведку ушли двое крепыш и весельчак, башкир Коля Семендяев и худенький, юркий Яша Янсон — первый эрудит взвода родом из Симферополя.

Провожая разведчиков взглядом, Суюмбаев заметил Сорокину:

— Всего месяц назад наш Яша впервые лыжи надел. Двинет помню ногой и в сугроб с головой зароется, а теперь?!

— Самолюбивый парень и не без воли, сумел заставить себя.

— Нет, тут не только «заставил себя», полюбил лыжный спорт, а любовь, как горный поток, скалы свернет.

В это время с той стороны, куда двигался взвод донесся с нарастанием рокочущий звук мотора грузовой автомашины.

— Кажется подобрались к дорожке,— переходя на шопот сказал Сорокин.

Суюмбаев знаком руки остановил взвод, решив за густыми зарослями ельника дожидаться возвращения разведчиков.

Первым на поляне, сбивая плечом охапки снега с кудрявой елки, появился Янсон. Глаза его большие, темные, с длинными ресницами выражали что-то среднее между восторгом и удивлением.

— Нашли! — выдавил он из себя как-то неестественно улыбаясь, вытирая повлажневший острый с горбинкой нос.

Дрогнули лапы ельника, разошлись под широкими плечами Семендяева.

— Метров сто пятьдесят до дороги, две машины, «Шкоды» прошли с грузом. Ящики брезентом закрыты.

— Охрана? — спросил Суюмбаев.

— Вместе с шофером по три человека в каждой кабине. В кузове только груз.

— Долбануть бы их,— повел ручным пулеметом Семен Дорошенко.

— Долбануть? — задумавшись, сводя брови проговорил командир взвода.

— Нет, пройдемся сначала вдоль дороги, посмотрим что она из себя представляет.

Дорога, вытуженная колесами грузовиков, серой лентой лежала среди сугробов и разнолесья. Недалеко в кювете полузанесенная снегом лежала вверх колесами довоенного выпуска полуторка.

Собственно, ни задних колес, ни моста их удерживающего не было. Из-под снежной бахромы торчала искореженная часть карданного вала.

— Бедную как покалечило! — сочувственно прошептал кто-то из бойцов.

Другой добавил:

— На мину угодила, да еще почитай, свою.

Суюмбаев, погрозив кулаком, предупредил:

— Ни звука, не растягиваться, ветками не хлопать, смотреть кругом. И запоминать все, что увидишь.

Взвод бесшумно, сливаясь с сугробами и охапками снега, что недавняя пурга развесила по кустам и лапам елей, двигался метрах в двадцати от дороги.

Неожиданно посерело небо, белесо-пепельная пеленка быстро надвинулась с запада и сразу закрутились над полянами и дорогой мелкие, как белая мошкара, снежинки. «Это хорошо, погода на нас работает»,— хотел прогово-

рять двигавшийся за командиром взвода Сорокин, но вовремя спохватился, вспомнив приказ молчать.

Суюмбаев остановился возле большого густого кустарника, затем обошел его медленно с противоположной к дороге стороны, выглянул и тут же махнул рукой отделенному, а когда последний приблизился, прошептал:

— Смотри, Миша, вот наш первый объект.

До «объекта», которым оказался бревенчатый домик, метров сто. Боковое окно заделано кусками брезента и еще какой-то ветошью, рядом с окном дверь и небольшое, вровень с сугробами, крылечко.

За домом, но чуть левее его, досчатый сарай, двери распахнуты и возле них мотоцикл с коляской. Между крыльцом и сараем на крохотной расчищенной от снега площадке не то прыгал, не то танцевал человек в мышиного цвета шинели и пилотке нахлобученный на уши, поверх которой перехлестнут серый шарф.

Часовой, обняв винтовку, засунул руки в рукава.

— А что у него на ногах? Валенки — не валенки, боты — не боты? — удивился Сорокин.

— Эрзац-сапоги из соломы, — пояснил Суюмбаев.

— Как в цирке.

— Кто из твоих ребят возьмет этого «циркача» на себя?

Сорокин оглянулся, подумал, но потом с жаром громким шопотом заговорил:

— Разреши, командир, самому. Возьму за жабры, не успеет пикнуть, а в случае чего Дорошенко прикроет.

Семен, стоявший рядом, молча снял ручной пулемет, при этом его лицо осветила неподражаемая улыбка.

Ахматбек Суюмбаев кивком головы дал свое согласие.

Сержант с силой вонзил лыжные палки в сугроб, повесил на них рукавицы, затем осторожно, без звука отвел затвор автомата в заднее положение и, прячась за кустами, стал подбираться к сараю.

Вражеский часовой продолжал утрамбовывать у крыльца густо сыпавший снег, не подозревая о том, что советский лыжник белым призраком уже подобрался под самые стены сарая.

Суюмбаев и стоявший с ним рядом Дорошенко, скрывая огромное волнение, наблюдали за каждым движением товарища.

Вот Михаил, выискивая щель, заглянул вовнутрь сарая, убедился что за деревянной преградой нет опасности, освободил ноги от лыжных креплений и, почти слившись с сугробом, двинулся вдоль стенки на врага.

Когда до часового осталось не больше пяти метров и Сорокин приготовился к решительному броску, дверь домика отворилась и на крылечко вышли трое — офицер в длиннополой шинели и два солдата, один из солдат был вооружен автоматом, другой держал наперевес ручной пулемет.

Офицер сначала задрал голову вверх, словно стараясь разглядеть тучи, щедро посыпавшие окрестности хлопьями снега, затем бегло бросил взгляд на дорогу, задержался на часовом, прекратившем на время свой согревательный танец, и только после этого направился к мотоциклу.

Один из солдат стал прилаживать к люльке мотоцикла ручной пулемет, другой пытался ногой завести остывший на морозе мотор.

Что произошло дальше Суюмбаев и Дорошенко сразу не догадались. Очевидно Сорокин чем-то выдал себя. Офицер молча лихорадочно стал растегивать висевший на ремне кабур, но не успел.

Брызнул огненными вспышками автомат в руках Михаила Сорокина и невидимый свинцовый поток сначала опрокинул длинного офицера, затем пригвоздил к холодному металлу мотоцикла вражеских солдат.

Часовой всплеснул руками, уронил винтовку и схватившись за живот, согнувшись, заковылял к крыльцу, но не дойдя двух шагов ткнулся головой в сугроб.

В это же время дверь домика распахнулась и из черного квадрата стали выскакивать люди в мундирах и без, с оружием и пустыми руками.

Суюмбаев не успел подать команду «Огонь», как заговорил ручной пулемет в руках Семена Дорошенко. Длинная очередь, неумолимо хлестнув по толпе, сразив несколько человек, загнала остальных в чернеющую пустоту дома.

Один из солдат попытался было захлопнуть дверь, но так и повис на дверной ручке.

Суюмбаев с криком: «За мной!» рванулся на лыжах к дому. Нужно было добить врага, не дать ему опомниться.

Командир, а вместе с ним остальные лыжники были уже совсем рядом, когда законопаченная тряпьем рама с треском вылетела и на подоконник грозно легло тупое дуло пулемета, готовое ударить по цепочке наступающих.

— Ложись! — закричал Ахматбек, утопив свое тело в сугробе. И как раз вовремя, где-то над головой, срезая ветки, а вместе с ними опрокинув на старшину охапки снега, пронеслись пули длинной пулеметной очереди.

Сердце защемило, командиру показалось, что там за

спиной, не успев выполнить команду, попали под огонь вражеского пулемета, его дорогие товарищи.

В это время в стороне дома гроыхнул взрыв, пулемет словно подавившись замолк.

Суюмбаев, приподнявшись над сугробом, увидел выскочившего из-за сарая Сорокина. Сержант махнул рукой, секунда и новый взрыв потряс стены дома, а затем без команды, стараясь обогнать командира, к дому рванулись бойцы взвода.

Две метко брошенные гранаты заставили навсегда замолчать последних защитников вражеского пикета.

Убедившись в безопасности, Суюмбаев к большой радости узнал, что никто из бойцов взвода не пострадал.

Главным героем боевых минут оказался Михаил Сорокин. Трофеи — два ручных пулемета, несколько автоматов и винтовок сложили рядом с мотоциклом. Сложили и задумались:

— С собой заберем? — спросил Дорошенко, поглаживая вороненный кожух вражеского РП.

Ахматбек оглядел бойцов, лица у всех сияли, в глазах радость удачной победы и каждый с радостью перекинул бы за спину трофейный автомат или винтовку, но в то же время впереди неведомое, а оно могло быть самым суровым, многие неожиданности ждали советских воинов и лишние килограммы хотя и «стреляющего металла» брать с собой значило отдавать им энергию, а энергию нужно было беречь.

Не успел решить командир что делать с трофеями, как Яша Янсон дотронулся до его плеча, тихо доложил:

— Машины, товарищ командир, — и протянул ему трофейный бинокль. Сколько было автомашин подсчитать пока не представлялось возможности. Один за одним грузовики медленно словно выплывали из-за дальнего поворота.

«На холм движутся», — подумал командир лыжного взвода, на какую-то секунду мелькнула дерзкая мысль встретить огнем автоколонну, но цепочка грузовиков все растягивалась, казалось ей не будет конца и вспомнился приказ комбата — капитана Александра Афанасьевича Бабина: «С большими силами в бой не вступать!»

— Оружие разобрать, мотоцикл вывести из строя.

Считанные секунды и трофеи разобраны бойцами.

Яша Янсон лыжной палкой старался пробить бензобак мотоцикла, но Дорошенко отстранил его, держа в руках обнаруженный в сарае лом.

— Посторонись, Яша, осколками не дай бог зашибу.

Несколько богатырских ударов превратили трехколесную машину в груды металлолома.

Лыжники, перемахнув дорогу, скрылись в заснеженных зарослях леса.

В комнате с растрескавшимися бревенчатыми стенами и низким досчатым потолком было жарко. Невидимый поток тепла от широкой русской печи расслаблял, хотелось закрыть глаза, привалиться к давно небеленным кирпичам и окунуться в сон, такой желанный после многокилометрового утомительного перехода сквозь пургу и мороз, с еще неизгладившимися переживаниями схватки с врагом.

Но нужно было держаться. Командира 249-стрелковой дивизии генерал-майора Тарасова интересовали малейшие подробности смелого броска лыжников через вражескую действующую коммуникацию. Распрашивая Суюмбаева, он часто бросал взгляд на потрепанную карту, свисавшую со стола, и быстро наносил карандашом условные знаки.

Потом генерал прихлопнул ладонью карандаш, поднялся с табурета и неторопливо прошелся по диагонали через всю комнату, возвратился к столу, побарабанил пальцами по карте и, скосив глаза на командира лыжного взвода, лукаво спросил:

— Значит велико было желание ребят ударить по вражеской колонне?

Суюмбаев резко поднялся:

— Так точно, товарищ генерал, у всех руки чесались.

Тарасов улыбнулся:

— Боевой народ! Но вы правильно поступили, теперь для меня картина ясна. Генерал Шерер с остатками своей дивизии вот где у нас, — и он сжал в кулак свою сильную, мозолистую ладонь, потом опять наклонился над картой и поманил к себе Суюмбаева:

— Надо сделать одно доброе дело. Вот в этом квадрате разведка обнаружила крупную интендантскую базу фашистской группы армии «Север». Враг, зажатый в клещи, попытается ее уничтожить, наше дело опередить. Это можно поручить только быстрым и отважным...

— Разрешите выполнять! — выпрямился, вкладывая в планшетку свою топокарту, Суюмбаев.

— Иного решения я и не ожидал! Пусть люди немного отдохнут, хорошенько подкрепятся. Два наших разведчика проведут к базе.

Короткий зимний день был на исходе, а вместе с ним покрепчал мороз, но зато небо прояснилось и луна, как лепешка, только что вынутая из тандыра, с чуть примятым

боком, зависла над лесом. От стволов берез на сугробы легли дымчатые тени. Ели стояли черными великанами среди серебристого лунного света и матовой белизны полян.

Где-то далеко на юго-западе не особо дружно гроыхала артиллерия, да под лыжными палками поскрипывал схваченный морозом снег.

Еще перед выступлением Суюмбаев разбил взвод на три группы, поставив их командирам конкретные задачи, из которых главным выделил: «Скрыто и тихо выйти на исходный рубеж к интендантской базе противника и с наибольшим шумом атаковать вражеский гарнизон». На что Сорокин авторитетно заявил:

— Уж, шумнем, братва, чтобы самому лешему в лесу стало тошно, не только фашистской охране.

Семен Дорошенко поддакнул:

— Глоток, и патронов не пожалеем.

Яша Янсон захотел выдвинуть свою мысль:

— Тут я думаю, товарищ командир, гранатами надо начало сыграть,— и показал из-под халата длинную рукоятку трофейной гранаты.

Суюмбаев, несколько подумав, обратился ко всем.

— Гранаты без приказа не применять. На базе противника складировано вместе с продовольствием горючее и боеприпасы, а нам с вами на воздух рановато взлетать, до Берлина тысяча километров.

Разведчики, которых придал взводу комбив, знали местность отлично. Одним броском преодолели лыжники 15 километров, на исходный рубеж группы вышли как приказал командир скрытно и тихо, но уж зато с таким эффектным шумом навалились на вражеский гарнизон, что уцелевшие охранники бежали побросав оружие и натопленное жилье.

Операция была выполнена точно и без единой потери.

2

Гигантский город был окутан бурой пеленой, облаком, в котором смешались и дым сотен пожаров, и гарь тысяч выстрелов орудий, минометов и всего, что стреляло на каждой улице, почти из каждого дома уже превращенного или еще не превращенного в развалины. Над мостовыми и тротуарами висело микроскопическое крошево — пыль былой штукатурки и кирпича, того что построили руки веками назад, прадеды, и деды тех, кто теперь со слепым упорством фанатиков не хотел, а скорее всего боялся сло-

жить оружие, спасти себя и то, что еще уцелело в горниле не угасшей войны.

Война еще не угасла, но тот кто наступал, прошагав от берегов Волги по пепелищам своих городов, видел финиш трудного пути знал, что скоро наступит конец больших испытаний.

«Где же он, этот финиш?» думал устремив взор через крыши и просветы узкой улицы стройной перетянутый ремнями старший лейтенант Ахматбек Суюмбаев, находясь вместе с батальоном которым он командовал, в только что захваченным зданием с массивными стенами и узкими окнами с готическими сводами.

— Там, — словно угадав думы комбата, указал в затянутую сизой пеленой улицу заместитель по политчасти гвардии капитан Федор Ермаков. «Там» ступенчатым утесом, неприступной крепостью возвышалось словно высеченное из гранитной скалы здание название которого знал каждый из штурмующих от маршала до солдата. Это был Рейхстаг. Штурмовать его выпала честь подразделениям 150-стрелковой дивизии, которой командовал генерал Василий Митрофанович Шатилов.

Трудно было везде во всем городе от окраин до еще не захваченных кварталов центра Берлина. Падали обливаясь кровью люди прошагавшие тысячи километров не дойдя до победного часа каких-нибудь сотни тысячи шагов, если время, которое осталось до дня победы, измерять расстоянием.

— Рейхстаг надо полагать, обороняют большие силы и отборные части, — после минутной паузы проговорил Ермаков, стараясь натянуть защитного цвета не по размеру маленькую фуражку на свой большой лоб из под которого глядели на комбата внимательные темно-карие глаза.

— Трудно ребятам, а у нас, после того как выбили фашистов из этого домка, затишье. Устали боевые наши хлопцы, какой день без сна и отдыха, а самочувствие отличное, разведчики обнаружили в подвале два десятка фауст патронов.

— Что же они с ними думают делать?

Говорят произведут салют в честь победы.

— Победа еще впереди, по всему городу идут бои, еще миллион не сложили оружие и терять бдительность не следует ни на минуту. А фауст патроны могут пригодиться.

— Враг обречен, — при этом Ермаков решительно ударил ладонью по подоконнику возле которого стоял.

— Пока не захвачен Рейхстаг, фашисты не сложат ору-

жие, и надо думать о помощи тем, кто засел в главном доме Берлина будут посылать подкрепления.

— Не исключено,— согласился с комбатом политрук.

— Это улица выходит к Бронденбургским воротам, а следовательно и к Рейхстагу, значит и здесь нужно ждать врага. После этого Суюмбаев созвал командиров рот и приказал им пока не пришел приказ «свыше» усилить бдительность и быть готовым в любой момент к решительным боевым действиям. Через пять минут после совещания наблюдатель, находившийся на верхнем этаже здания доложил, что с севера по улице движется большая группа солдат и офицеров противника и несколько танков.

Суюмбаев стараясь скрыть хитрую улыбку посмотрел на Ермакова, который несмотря на то, что сам выступил только что перед командирами рот, скептически относился к предположению комбата.

— Один ноль не в мою пользу,— отводя затвор ППЖ в крайнее положение сказал Ермаков и добавил,— я пойду во вторую роту, там народ больно горяч, как бы не начали раньше времени.

— Сначала ударим по танкам, потом всеми огневыми средствами по пехоте и если понадобится контратакуем.

Серая плотная масса буквально затопив улицу быстро приближалась к дому, где расположился батальон Суюмбаева. Дом молчал.

Командир спустился на первый этаж чтобы в случае необходимости поднять бойцов для решительного контр-удара.

Ревели моторы, скрежетали гусеницы и казалось ни что не остановит вражескую колонну.

Вот уже танки вплотную двигавшиеся один за другим против дома. Те, кто рвался к Рейхстагу, был занят мыслью увидеть здания былой славы третьего рейха. Но в это время, как по команде, ожили окна с готическими сводами. Ударили по броне вражеских танков фауст патроны и почти в упор по густой, серой массе разрядились стволы пулеметов и автоматов. Теперь когда танки подожжены, а враг ошеломлен неожиданным ударом необходимо добить его, не дать опомниться. И командир батальона Ахматбек Суюмбаев поднимая над головой пистолет, голосом и личным примером поднял личный состав в контратаку.

Они рванулись из окон и дверей, стреляя на ходу из автоматического оружия с криком превратившимся в один победоносный рев, обрушились на тех кто двигался в едином порыве минуту назад к Рейхстагу.

И тот, кто уцелел побегал в неудержимой, панике, хотя группа противника численно превосходила батальон.

Так умелыми решительными действиями, смелой контратакой был сорван замысел фашистского командования.

И через несколько часов алое знамя Победы затрепетало в порывах весеннего ветра над куполом Рейхстага.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

XXIV съезд нашей партии подчеркнул огромное значение воспитанию трудящихся прежде всего молодежи на революционных, боевых, и трудовых традиций партии народа и Советских Вооруженных сил.

Это значит развивать в каждом советском человеке качество непоколебимой борьбы за коммунизм.

Это значит активно формировать у молодых людей, чувство гордости и глубокого уважения к революционной и ратной славе старшего поколения, к подвигам своих отцов, братьев, сестер и дедов, спасших мир от фашистской чумы в годы Великой Отечественной войны.

Воспитание на боевых традициях способствует идейной закалке допризывной молодежи, а солдат дисциплинирует в своих частях и подразделениях, поднимая их моральный дух, воодушевляет на достижение высоких показателей в боевой и политической подготовке.

Достойный вклад в боевые традиции Советской Армии, внесла 60 Севско-Варшавская дважды орденоносная дивизия и когда над Москвой нависла смертельная опасность полки Московского Народного Ополчения бывшего Ленинского района пошли добровольно биться с врагом.

О мужестве и стойкости воинов дивизии рассказывается в этой книге.

Особое место занимает битва под Москвой, участие в которой принимала 60-дивизия у южных ворот столицы в составе войск 49-армии.

В книге упоминаются имена, отличившихся в боях под Москвой и не встречавшихся в литературе.

Молодежь нашей страны вот уже который год участвует в походах по местам боевой славы. Юноши и девушки хотят лучше знать славные дела своих воинов, чтобы навсегда сохранить в памяти своих героев, такие походы проходят по рубежам московской битвы, значение которой трудно переоценить. Здесь был развеян миф о непобедимости

немецко-фашистской армии. Здесь лопнул пузырь «Тайфуна» и рука его повисла в воздухе.

Когда думаешь о том, что же помогло нашему народу в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой в тяжелый 1941 г. и мысль невольно останавливается над источниками Победы такими, как мужество, героизм, военное искусство и организующая роль нашей партии, неимоверный труд рабочего класса, интеллигенции и тружеников села.

Ведь стоял вопрос, выстоит ли Москва? Выдержит ли? Одержанная победа под Москвой — это гордость советского народа и его вооруженных сил, это одно из важнейших событий второй мировой войны, и это было первое победоносное сражение в Великой Отечественной войне. И о нем надо знать всем и в первую очередь молодому поколению.

Каждая пядь подмосковной земли хранить память о воинах, павших при защите города-героя Москвы.

Вот уже десятки лет прошли после Великой битвы с немецко-фашистскими захватчиками под Москвой, об этом много написано, а изучение этого бессмертного подвига все еще продолжается. И, если молодежь и школьники пройдут по дорогам подвигов 60-дивизии да и других соединений, сражавшихся под Серпуховым, как это сказано в книге, им попадутся на глаза полуобвалившиеся ДЗОТЫ, разрушенные землянки, траншеи, окопы, можно найти каски, гильзы, осколки снарядов, встретиться с участниками боев, с партизанами. Посмотреть памятники в Дракино, Екатериновке, Малеево, Бор, Вязовня, Высокиничи, где высечены имена, погибших воинов 60-дивизии. Побывать в Кременках у мемориала, где величаво горит вечный огонь, там же музей с редчайшими экспонатами, посвященный 49-армии. Где проводятся ритуалы, как вручение комсомольских билетов, принятие военнослужащими присяги, приезжают почтить память новобранцы. Посмотреть усадьбу одного из лучших колхозов им. Ленина Угодско-Заводского района, на земле которого сражалась дивизия. Встретиться и поговорить с героями труда. Побывать в живописном поселке Протвино, где на окопах и траншеях построен крупнейший в мире серпуховский ускоритель физики и высоких энергий. Можно отдохнуть несколько дней в грибном лесу на реке Протва.

В походах зарекомендовали себя такие формы патриотического воспитания, — как сбор экспонатов для музеев и комнат боевой славы, запись живого рассказа участников боев, не только на бумагу, но и на грампластинку, а ведь

годы то безжалостно идут, и все меньше остается тех, кто изведal и пережил сражаясь за победу.

Проводить уроки мужества, писать в школах сочинения, проводить тематические вечера. Завести переписку с участниками боев, как это делается в Троицкой, Тарусской, Протвинских школах и в институтах, где формировалась дивизия.

Формировать мальчишеские роты и батальоны. Приводить в порядок могилы и территории памятников. Форм этой работы можно найти много, лишь бы было желание, и найти можно многое еще не обнародованное, найти забытые имена, все это для истории района, города, села нашего Великого народа будет неоценимым вкладом.

Можно с уверенностью сказать, тот кто увидит своими глазами места и выслушает рассказы, где воины мужественно сражались в бою, у того на всю жизнь останется уважение и память к защитникам столицы нашей Родины.

И пусть Вашим девизом станут слова: «НИКТО НЕ ЗАБЫТ, И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО! В ПУТЬ ДОРОГУ, ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ, С ПЕСНЕЙ!»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	3
ЧАСТЬ I. В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ	5
ГЛАВА I. ПУТЬ К СЧАСТЬЮ	19
ГЛАВА II. В КРАСНОГВАРДЕЙСКОМ ОТРЯДЕ МАМОНТОВА. 1918 ГОД	41
ГЛАВА III. ТРАГЕДИЯ В ДЕРЗКОМ РЕПЕ	62
ГЛАВА IV. В НЕВЕДОМОЙ ДАЛИ	77
ГЛАВА V. ВСТРЕЧА С М. В. ФРУНЗЕ	98
ГЛАВА VI. В ВОЕННОМ СОВЕТЕ САВО	107
ЧАСТЬ II	143
ГЛАВА I. ПЫЛАЮЩАЯ КИРГИЗИЯ	165
ГЛАВА II. КИРГИЗЫ В НОВОЙ ОБСТАНОВКЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	170
ЧАСТЬ III	175
ГЛАВА I. 4-Я ТУРКЕСТАНСКИЙ ФРОНТ	185
ГЛАВА II. КОРНИ БАСМАЧЕСТВА	197
ГЛАВА III. ТАКТИКА БАСМАЧЕСТВА И ТРУДНОСТЬ БОРЬБЫ С НИМ	201
ГЛАВА IV. ЮЖНАЯ КИРГИЗИЯ В КОЛЬЦЕ БАСМАЧЕСТВА	213
ГЛАВА V. ПОСЛЕДНЯЯ ВРАЖЕСКАЯ ПОПЫТКА 1927—1929—1930 гг. БОЕВОЙ ПОХОД	222
ГЛАВА VI. БОРЦЫ ЗА СЧАСТЬЕ	236
ГЛАВА VII. КОМИССАР БЫЛ ШАХТЕРОМ	245
ГЛАВА VIII. СХВАТКА У ПЕРЕВАЛА	253
ГЛАВА IX. НАШ ДЖИГИТ	261
ОН БЫЛ ВСЕГДА СРЕДИ МАССЫ	269
ГЛАВА X. СТАРЫЙ ШАКАЛ	274
ГЛАВА XI. ЛЮДИ БЫЛИ ТЕМНЫЕ	284
ЧАСТЬ IV. СОЛДАТЫ КИРГИЗИИ	290
ГЛАВА I. ПУТИ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КИРГИЗИИ	309
ГЛАВА II. ИСПЫТАНИЕ ТРУДНОСТЕЙ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ИХ	313
ГЛАВА III. НА ПЛОЩАДИ ВОЕННОГО ГОРОДКА	323
ПОСВЯЩАЕТСЯ 56-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	328
РИСКУЯ ЖИЗНЬЮ	333
ОНИ ИЗ ПУЛЕМЕТНОЙ РОТЫ	337
ГЕРОИ ДНЕПРА!	341
НАПЕРЕКОР ВСЕМ СМЕРТЯМ!	346
ОН БЫЛ ТАМ, ГДЕ ТРУДНЕЕ ВСЕГО	357
ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ	363
ПЛОВЕЦ ДНЕПРА	368
МЕСТЬ	373
РАССВЕТ НАД ДНЕПРОМ!	378
ПРИЗВАНИЕ К ПОДВИГУ	389
СОЛДАТСКАЯ СЛАВА	
ОТЕЦ И ДЕТИ	
ПЛАМЕННЫЙ ПАТРИОТ ОТЧИЗНЫ	
ПОСЛЕДНИЙ КОНТРУДАР	
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	

В. А. КАЛАЧЕВ, О. Т. ЛАЙЛИЕВ

ОНИ КОВАЛИ ПОБЕДУ

Повесть

Редактор *Р. Мамбетакунова* Худ. редактор *З. Мидинова*
 Тех. редактор *В. Крутякова*

Сдано в печать 25. 01. 01. Подписано в печать 16. 04. 01. Формат 84×108¹/₃₂. Объем 24,5 п. л. + вкл. Тираж 1000. Заказ 21.

Издательство «Шам». АО «Кыргызполиграфкомбинат»
 720005, г. Бишкек, ул. Суванбердиева, 102